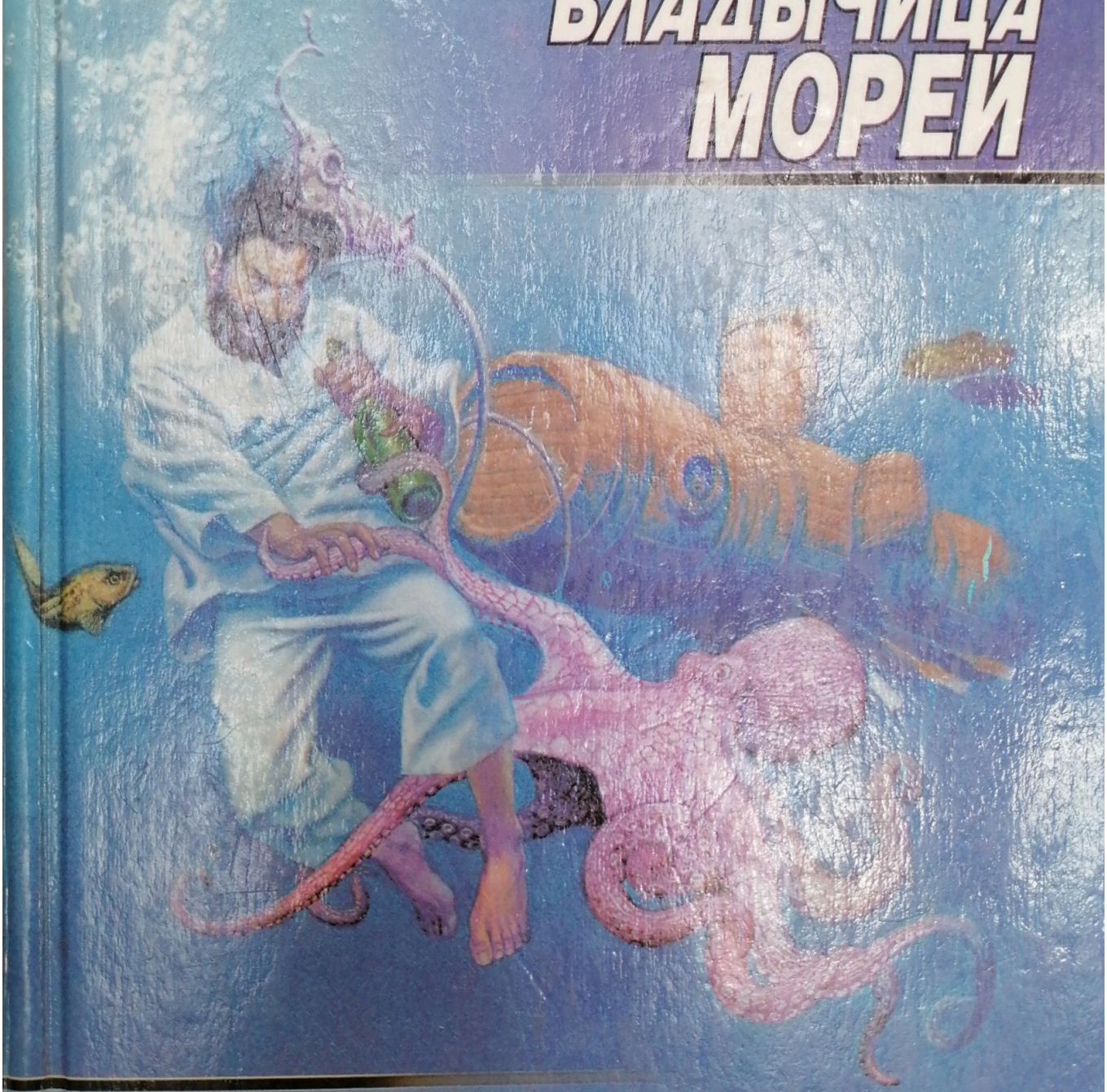
Р2
КР
С389

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ



ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

Кр.Р2
С389

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ

1275111
30
П12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА

2000

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
С38

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Волгоградская областная
универсальная научная
библиотека им. М. Горького

Синякин С.

С38 Владычица морей: Повести и рассказы. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 416 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-001113-X

Это — история невероятная, и что еще невероятней — правда в ней, как говорится, все — от первого слова до последнего… или почти.

Это — «Владычица морей». Это — немыслимые приключения в глубинах морских и озорной юмор, это — одновременно «Двадцать тысяч лье под водой» и «Петр Первый» от фантастики.

ТАКОЙ научной фантастики вы еще не читали!

© С. Синякин, 2000
© ООО «Издательство АСТ», 2000

АБ

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ВРЕМЕН ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Академику Фоменко с уважением и признательностью за идею.

Автор

У нашего прошлого большое будущее.

В. Шендерович

Глава первая

1. КОЕ-ЧТО О ГЕРОЯХ

В канун своего тридцатилетия граф Мягков, происходивший от родственника Тевризского царя Ольгучи, правнук которого Иван Данилович Мягонький находился в услужении Дмитрия Иоанновича Донского, сочетался-таки законным браком с Рахилью Давыдовной Раиловой, принятой им по пьяному делу да по сильной влюбленности в оном состоянии за персидскую княжну.

Через два года Рахиль Давыдовна родила графу сразу двух сыновей-близнецов, да скорее даже не близнецов, а двойняшек, потому что один из близнецов родился со светлым пушком на голове, другой же имел заметную темную опушку. Если светленький свои чувства — будь то смех или плач по поводу мокрых пеленок — проявлял непосредственно, то второй и в мокреньких пеленках лежал, щурясь и кривя ротик, но безголосо, словно понимал, что слезами и криком горю не поможешь. По настоянию матери светловолосого ребятенка назвали Иваном, и как старшенький унаследовал он фамилию отцовскую — Мягков. Второго ребятенка назвали Яковом, и фамилию он получил по матери — Раилов, чтобы не претендовал, значит, на первородство.

Герб Мягкова представлял собой щит голубого цвета, на котором изображен был негр в латах. В правой руке негра был золотой лук, в левой — три стрелы, остроконечиями обращенные вверх; и за плечами был колчан — со стрелами же. Таковой герб и унаследовал старшенький Иван. Младший же, Яков, по велению государя императора получил тот же щит голубого цвета, только негр на нем (без золотых лат) и обращен к зрителю мускулистым задом, а стрелы направлены остроконечиями вниз, и лук с колчаном — не золотые, а серебряные.

У отца двойной девиз был «Силой да Хитростью», сыновья же поделили девиз пополам, и, ясное дело, Ивану досталась сила, а Якову — хитрость. И метко поделено было наследие отцовское: уже в отроческих годах Иван проявлял простодушное нетерпение и вопросы полагал решать натиском да силою, благо Бог его статью да силушкой не обидел; Яков же, росший худым смуглым нескладехою, проблем в лоб не брал, решал все с умом да рассудительностью, и не раз выходило, что Иван с детворою дворовой резался в чику да бабки, а выигрыш оставлял себе на хранение младшенький Яшенька и хранил столь бережно, что через некоторое время по самым строгим подсчетам его выходило, что Ивану в хранимом принадлежала малая доля, да такая малая, что и говорить бы о ней стыдно было, а напоминать хранителю и подавно. Ясное дело, Иван гневался, обещал брату начистить рыло своею графской рукой, но погодя чуть мягчел отходчиво, а потом и хвастался, что младший брат его, хотя и в дворянах ходит, с любого купца свое заберет, да и купцовского тому не оставит.

И в учебе братья разные были. Иван арифметику не жаловал, ибо не дворянское дело складывать да умножать. Он мыслил достойным умножать только славу ратную, а складывать кости рыцарские в чистом поле, а потому резонно полагал, что богатырское дело — отнимать да делить. Младшенький Яша, наоборот, считал, что голову в

чистом поле сложить не трудно, только вот славу ратную можно преумножать и другими достойными способами. Складывать же Яшенька был великий умелец, он все только складывал да складывал на уроках старого дядьки Боримира, и до того удачно, что сливы у него отлично складывались с грушами, палочки с ноликами, и каждый раз нужный результат выходил. Признавал Яшенька и отнимание, поскольку полагал сие действие крайне занимательным и законным. А вот делить Яшенька не любил, а когда приходилось ему все же к делениям прибегать, то получалось у него это действие неправильным, со значительным остатком, который младший графский сынок неизменно откладывал в свою пользу.

Складывать азы и буки с ижицами Ивану тоже быстро наскучивало, и он объявлял, что не графское это дело — грамотам учиться, найдется-де кому при нужде грамотку прочитать. Яшка же и тут отличался разумностью и прилежанием. К девяти годкам бегло читал богатырские да волшебные сказки, собранные пономарем Глебо-Лопушинского монастыря Афанасием.

Мать, впрочем, любила обоих одинаково, замечая при том, что старшенький — весь в отца: и силой, и статью, и упрямством бараньим, младшего же она видела на себя похожим — и красотой, и умом, и кротостью. Учила она братьев жить дружно, объясняя, что Бог поделил между ними достоинства по справедливости, что один дополняет другого, а следовательно, и держаться им надо вместе. В доказательство же приводила пример с прутиками — один сломала легко, а веник не осилила. Оборотясь к детям, спросила, какой из этого следует сделать вывод.

Старший Иван простодушно ответил, что ежели кашу есть добросовестно да ежедневно гирями помахивать, то можно и веник осилить, а в доказательство веник маменькин без труда надвое переломил. Смышленый Яшенька радостно закричал, что он тоже все понял из маменькиного поучения, а именно — ежели одним разом веник не

осилить, то следует веничек расплести и с каждым прутиком в отдельности разобраться. Это он и продемонстрировал матушке с лукавой усмешкой.

Мать рассердилась и обоих мальцов за вихры оттаскала, леденцовых петушков лишила и лишь потом объяснила, что имела в виду иное, а именно — ежели каждого поодиночке сломать можно, то веником держаться надежнее.

Поскольку Яшенька к материнскому поучению поближе был, то своего петушка он таки получил. Простодушный Иван вывел из материнского поучения, что держаться надо вместе во всем и всегда. Леденцового петушка он у Яшки отобрал и разделил по справедливости — себе оставил хвост и голову, а братцу — палочку, на которой леденец держался. Яшенька, впрочем, не долго огорчался: палочку ножиком поделил на четыре зубочистки и сразу после обеда поменял в людской на пряник медовый, каковым и утешился. Правда, Иван и тут попытался справедливость навести, но Яшенька убедительно доказал братцу, что пряник им заработан личным трудом да хитростью, а не получен от матушки, а потому Иван на него никаких прав не имеет. Пока старший брат о словах младшенького размышлял, от пряника остались лишь крошки, на которые и петух не позарился бы, а следовательно, и весь предмет спора пропал.

Разнились братья и при ловле рыбы на уду. Иван насаживал червячка небрежно, торопился дернуть уду при каждом робком движении поплавка, а потому чаще, чем ершиков и бойких окуньков, вытягивал из воды голый уже крючок. Яша рыбалкой был осторожным и раздумчивым, червячка на крючок уды насаживал бережно и усердно, при поклевке не терял выдержки, ждал, когда поплавок пойдет в сторону или вообще под воду нырнет, и вытаскивал крутолобых сазанчиков да худосклых подлещиков. Иван на удачи брата злился, беспрерывно менял места, но к успеху это не приводило, и тогда Иван, хватив

удой о камыши, объявлял, что не дворянское это дело — холодной рыбьей кровью пробавляться, брался за лук и отправлялся в лес, где метко стрелял ворон, коих гордо обзывал фазанами. Правда, добыча обоих распределялась одинаково: рыбки Якова шли толстой и дородной, а оттого медлительной в движениях кошке Мурке, а Ивановы «фазаны» делились не без драки между многочисленными дворовыми собаками.

Иногда они по мальчишескому обычаю лазали в погреба, где пока еще воровали только варенье. Ели поровну, а доставалось, как правило, Ивану, потому что Яша и здесь разумность выказывал и всегда в отличие от своего братца успевал стереть предательские сладкие следы со щек, а глазками выказывал такую умилительную разумность, что поверить было невозможно в его причастность к бессовестному хищничеству старшего братца.

Детство обоих братьев протекало в пряниках и розгах, причем розги преимущественно доставались старшенькому Ване, а пряники — младшенькому Яшеньке.

Вышедший в отставку по увечью и неспособности к дальнейшему ратному труду стрелец Парфен Игнатов, учивший обоих братцев военному делу, отмечал успехи старшего брата, о младшем же, покачивая головой, говорил, что такую шельму, как Яков, он в жизни своей не видел. Этот, говорил Парфен, в латах и кольчуге извернется, а врагу своему спуска не даст. Однако в военном отношении на первое место Парфен, разумеется, ставил Ивана. Тот и шпажкой лихо махал, и старинным кистенем в учебной битве не брезговал, изрядно стрелял из фузеи с мушкетом, гренады изрядно метал, из драгунской мортирицы на тридцать шагов без промаха попадал, а уж в рукопашной среди сверстников да и более старших юнцов равных Ивану не было. Яша на это фыркал и говорил, мол, коли сила есть, то ума не надо. А в битве главное — ум, не грех врагу и афронт показать, чтобы хитрым маневром на верную погибель его завлечь.

В шестнадцать годков оба братца влюбились вдруг в одну и ту же девицу — Варвару Аксакову-Мимельбах, что жила с родителями в соседнем поместье Бершиково, расположенном в пяти верстах от тятиного поместья. Иван и тут действовал прямолинейно — оную девицу лапал жадно и норовил поцеловать, отчего щеки Варвары алели и в глазах появлялось странное выражение, словно она бы и хотела ответить Ивану тем же неистовством, да тятиного гнева боялась. Яков же в общении с Варварой проявлял себя истинным галантом — целовал оной девице ручку, приносил цветы из маменькиной теплицы, слова говорил пострастные, черпая их из голландских и французских любовных романов. Когда Яша начинал свои умные речи, Варвара словно цепенела и впадала в какую-то непонятную истому, которая делала девицу слабой, даже головка у нее клонилась набок и норовила лечь на худенькое плечико галанта.

Иван на это реагировал с бурностью и дважды в горячке гонялся за младшим братцем со шпагою обнаженной, но Яшенька от столкновений стойко увертывался и в фехтовании со старшим братцем никакого желания участвовать не изъявлял. С Варварой же разлюбезной продолжал действовать тихой сапой, и даже нельзя было сказать, кто из двоих братьев к цели ближе. Да оно и к лучшему, женихи из детства не вышли, Варвара бастионы свои незрелые охраняла с достойной ревностию и отвагой — тяти побаивалась и маменькины слова о чести, что смолоду берегут, помнила.

В неполных семнадцать годочков оба братца отданы были царским велением в Адмиралтейскую школу, дабы научиться корабельному делу с судовождением и в нужный момент готовыми быть служить его царскому величеству, не жалея живота своего и чести дворянской не роняючи. Шел одна тысяча семьсот пятый год, и велением государя Навигационную и Математическую школы уже три года как объединили и перевели в Сухареву башню.

Видно было, что государь Петр Алексеевич прежние свои забавы оставил и нешуточно готовится к войне — на месте бывшего Стрелецкого Сборного дома построили Большой Цейгауз, в коем поместили двойной запас всякого оружия, провианту и всего того прочего, что требовала война.

Ивану более по душе пришлись баталии морские, вроде абордажей да использования брандеров на пагубу неприятеля. Там был риск, там гремели пистолеты и звенели шпаги, там пахло порохом и смертью, и, следовательно, была это жизнь для настоящего мужчины. Яков же более тянулся к делу штурманскому, к исчислениям разным, и вскоре не было никого, кто лучше Раилова знал бы высоту отмелей в устье Темзы или мог по звездам рассчитать путь от Груманта на южные моря, где до времени еще властвовали турки. Некоторое время каждый из них тайно друг от друга писал любовные послания общей зазнобе Вареньке Аксаковой-Мимельбах. Иван посыпал свои письма жженым порохом и безбожно врал в них о морских безжалостных сражениях с турками да шведами. Яков же капал на письма нежным розовым маслом — новинкой столичных модниц, вкладывал в них засушенные цветочки и писал более о любови своей истомной да прекрасных Варенькиных глазах, что снятся ему ночами. Тут и дураку было ясно, кто в любовном состязании одержит в конце концов полный абшид, только вот дурак тот не знал, что после окончания школы и получения обоими сынами графа Мягкова званий мичманов флота российского направлены они будут с тайной экспедицией в северные моря по велению самого императора.

Император Петр лично принимал экзамены у выпускников училища, и знания обоих братьев произвели на самодержца столь великое впечатление, что он немедленно вскочил в великом восторге, схватил братьев за уши и расцеловал каждого троекратно: Ивана за доблестное умение водить брандера и не щадить себя в абордажных суровых боях, а Якова — за постижение великого штурман-

ского искусства, коими владели пока еще в достаточной мере он сам да сыновья поморского плотника братья Курпатовы, да еще Сенявины с Матвеевыми, которых царь-император держал против сердца своего и всем в великий пример ставил.

Через три дня после выпускной ассамблеи новоявленных мичманов, что направления своего на флот ожидали, вызвали в канцелярию Его Императорского Величества.

2. ПЕРВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Братья были весьма недовольны своим назначением.

В день Пасхи в Таврове спущен был на воду восьмидесятипушечный корабль «Старый дуб». Сие случилось настоящим праздником, а Петр Алексеевич уже дал повеление Апраксину изготовить к марту одна тысяча семьсот шестого года тридцать шесть военных кораблей, семь бомбардирских и три брандера; построить около работ корабельных крепость; вымерить глубину всего Дона и приискать место для новой верфи.

Между тем уже состоялись славные баталии со шведом. Шведский флот в составе двадцати восьми кораблей под командой адмирала Анкерштерна, вице-адмирала де Пруа да шаутбенахта Шпара нагло приходил под Котлин-остров демонстрировать свое могущество. Однако вице-адмирал Крейс, командовавший значительно меньшими силами, дерзкий рейд этот отбил, а высадку неприятеля на остров пресек полковник Толбухин, до того лежавший в закрытии.

Время пришло такое, что выслужиться можно было не токмо доблестью, но и умом. Но вместо назначения в дей-ствующий флот новоявленных мичманов отрядили в уны-лые архангельские края.

Холмогоры, что стояли на Северной Двине, поселком были захудалым, население их в то время сплошь из одних поморов состояло. Да и кому бы из родовитых вздумалось дворцы свои строить на побережье холодного моря среди гибельных унылых скал и тающего лишь на три месяца в году снега?

Из небогатых рыбацких хижин сразу выделялись своей добротностью и размерами два строения: солдатская казарма да дом удачливого рыбака Ломоносова, чьи уловы порой до самой Москвы с зимними возами доходили. Москвичи морскую рыбку брали с великим удовольствием, любили в посты полакомиться жареной беломясною трескою и сладкой навагою. Впрочем, и корюшка мороженая у них за милую душу шла, не зря же почти в каждой избе сразу после прихода из Холмогор да Архангельска торговых возов стоял зазывный запах свежих огурцов — корюшку размораживали. Правда, Петр Алексеевич указом своим вновь оброчил рыбные ловли, указав платить по десяти денег с рубля. Только кто ж ее, рыбу морскую, посчитает и правильно высчитает, кем, кому, когда и на сколько продано?

Поморы мореходами были знатными, в летние месяца многие из них отправлялись торговать дегтем да пенькою в Швецию и Норвегию, а самые отчаянные даже до датчан с голландцами добирались, а то и в устье аглицкой реки Темзы входили. Один из таких отчаянных мореходов — Иван Воронов, лично поименованный государем императором *вичем* — даже добрался на своей шкунке до жарких и богатых пустынными песками эфиопских берегов и, возвратившись, рассказывал про полосатых лошадей, пятнистых животин, столь длинношеих, что крест могли на колокольне достать без лестницы. Люди в эфиопской земле сплошь ходили голыми, лишь по праздникам великим не гнушались на чресла свои овчинку натянуть. Дикий народ!

У казарм на обнесенном высоким забором дворе желтели штабеля корабельного бруса и круглился ровными грудами мачтовый лес.

Отсюда лес вывозили на верфи, где пожеланиями государя-императора закладывался будущий флот государства Российского. Петр Алексеевич о флоте отечественном заботился истово, своего живота не жалел, а о чужих уж и говорить не приходилось. В одна тысяча семьсот втором году, узнав, что шведы приготовляются напасть на Архангельск, Петр сам выехал туда вместе с царевичем и пятью батальонами гвардии. Именно тогда укреплено было устье Двины и на взморье заложена крепость Новая Двинка.

В Архангельске Петр Алексеевич осмотрел два новых фрегата, спущенных в Троицын день английскими мастерами, не гнушаясь, посетил и простые холмогорские барки, где долго беседовал с поморскими корабелами, после чего парился с ними в баньке и Кириле Артамонову извлил собственноручно вырвать больной зуб.

После него заложено было еще два фрегата, и начал исполняться секретный указ, для чего участок верфи огородили высоким сплошным палисадом, к коему приставлены были часовые, получившие повеление стрелять в каждого, кто вздумает наблюдать за ведущимися там работами. Трудились там сплошь соломбальские и архангельские мастера, а иностранцев на верфь и не допускали. Досадствующие и полные любопытства англичане спиртного на работников не жалели, пытаясь вызнать, что за секретное судно строится на верфи. Поморские корабелы пили много и охотно, как привык пить на халяву русский человек, но рот держали на замке, а по отдельным бессвязным речам их вывода сделать было невозможно.

— Да разве может у русского дурака получиться что-нибудь путное, что на воде сможет держаться? — с великой досадой спросил однажды искусный (не зря же ему

Т27511

золотом платили!) аглицкий корабел Джон Биггз и под общий смех товарищей добавил: — Что русский ни сделает, то тотчас утонет и кругов после себя не оставит!

Местный корабел Маркел Плисецкий бережно вытер капли вина с непривычно и оттого уродливо лысого подбородка, необидчиво ухмыльнулся и подмигнул бражничающим:

— Утонуть-то он, может, и не утонет, а вот кругов после себя и в самом деле не оставит!

Тем его невнятная речь и закончилась.

Ничего о том Мягков и Раилов не знали. Добравшись до Холмогор, сразу же отправились докладывать о своем прибытии по команде, пакет с предписанием сдали в канцелярию, а сами были приняты подполковником Востроуховым. Востроухову пребывание в Холмогорах радости особой не доставляло. Вертопрах и отчаянный галант, в здешних местах он откровенно скучал, не находя объекта для воздухновения и страсти. Да, это была не Москва и даже не Оренбург, за неумеренные воздыхания просоленные и продубленные морскими ветрами поморы могли и побить крепенько, да и от жен их, привыкших к суровым ожиданиям, жеманства и нежненности дождаться было трудно. А говорить с привыкшей к прямым и грубым словам девицей о неземной страсти было так же глупо, как вести с унтер-офицером ученые беседы о философии и греках.

Подполковник неприязненно оглядел румяных мичманов. Перед ним стояли молодые стройные парни, одетые дорожно. Были они крепки, невысоки и коренасты. Даже лицами походили друг на друга. Только у одного волосы и маленькие усики пшеничного цвета, а другой — жгучий брюнет, словно из турок свое происхождение вел. Востроухов даже засомневался — не братья ль перед ним. Глянул в проходные документы — нет, у одного фамилия Мягков, у другого — Раилов. Подполковник вскрыл печати на казенном пакете, бегло пробежал глазами пред-

Волгоградская областная универсальная научная ... им. М. Горького

писание и, подняв красные от неумеренных возлияний Бахусу глаза, ухмыльнулся:

— С прибытием, господа. Уж больно одинаковы вы, похоже, что с одного ларца. Не братья ли?

Оказалось — братья.

Иван поинтересовался постоем. Подполковник Востроухов осклабился еще шире, встал из-за стола, подошел к окну и со злорадством показал рукою на дом, что стоял на отшибе от прочих:

— Вон, наведайтесь к Анастасии! Все одно муж в море пропал!

3. ЗНАКОМСТВО С КОРАБЛЕМ

Рядом с темным оббитым волнами баркасом покачивалось на волне близ причала странное сооружение, похожее на удлиненную дубовую бочку, в стенках которой поблескивало несколько круглых окошек. Чуть ниже окон с каждой стороны торчало из корпуса по три весла, и эти нехитрые приспособления указывали, что непонятное сооружение предназначалось для плавания в морских просторах. Ближе к заостренному носу, окованному медными пластинками, поверх бочки стоял малый дубовый бочонок, из которого высовывалась изогнутая буквой «г» подзорная труба. На корме странного судна издевательски был приделан руль, словно кто-то и в самом деле мог этой невероятной поделкой управлять.

— Не кривись, — посоветовал Востроухов, заметив гримасу неудовольствия на лице Ивана. — Большое дело тебе с братом доверено! Государственное дело!

— Да нешто на таком по морю плавать можно? — недоверчиво прищурился Иван. — Нешто эта несуразица на волне удержаться сможет?

Яков молчал. Щуря глаз, он внимательно приглядывался к диковинному судну.

— На волне, может, и не удержится, — вклинился в разговор Маркел Плисецкий. — А вот под водой держится, сам пробовал!

Под водой? Новоявленные мичмана переглянулись. Вот уж диво-то! Когда тебя топят в сражении славном, дело понятное, но самому до боя топиться?

— Вам-то можно сие лицезреть, — сказал Маркел. — Сие есть секретнейшее изобретение славного кораблестроителя Курилы Артамонова, и называется оно — подводка. Предназначена сия подводка для деликатной морской разведки и тайной высадки в места, захваченные неприятелем. А еще она предназначена для того, чтобы посредством подводных мин корабли неприятеля из боевого порядка выводить. Экипажу на сем судне девять человек: шесть матросов, предназначенных для весельной гребли, командир, твердой рукой ведущий корабль по верному курсу, штурман, следящий за тем, чтобы подводка не сбилась с пути, да еще минер, которому назначено следить за подводными минами и устанавливать их у днища вражеского суда, дабы в назначенное время посредством взрыва произвести изрядное смятение во вражьем экипаже, а при удаче и сам корабль отправить на морское дно.

— Это как же шлюпочным манером можно под водою грести? — не выдержал Иван.

— Можно, — уверенно сказал Курила Артамонов. Был он высок, плечист и бородат. Тридцать рублей по государеву указу за бороду не платил, а потому и не сбривал. А не платил пошлины за бороду по личному распоряжению Петра Алексеевича. Коли правила есть, так и исключения из них обязательно будут. Еще, глядишь, и *вичем* пожалуют. За поясом у Курилы Артамонова был небольшой плотницкий топорик, и до того острый, что воздух надвое резал. — При разумном командирстве не только грести, ими править можно. Скажем, левая сторона — табань, а пра-

вая свое загребает. И — наоборот, коли нужда в том возникнет.

Яков присел, пощупал мокрые доски тесно подогнанной обшивы, тронул пальцами холодные и уже тронутые ржавчиной обручи, опоясывающие подводку. Ни дать ни взять бочка близ причала плавает. Вода была прозрачной, и сквозь нее проглядывались уступчатые рыбьи плавники в нижней части бочки. Плавники не давали подводке крутиться. С обеих сторон дубового корпуса в воду уходило по три прочных, средней толщины пеньковых канатика, наматывающихся на вытянутые вдоль судна барабаны.

Яков вытер мокрые пальцы о панталоны, выпрямился.

— А как же подводка держится на глубине? Почему не всплывает пробкою или же, наоборот, — не тонет безвозвратно и гибельно для своего экипажу? — спросил он.

— Хитростью своей, — объяснил кораблестроитель. — Устроена подводка так, что с обеих сторон имеет привязанные на пеньковых канатах грузы. Грузы эти распределены так хитро, что при поднимании их к бортам подводки она погружается в глубину, но лишь до некоторых пор, что и позволяет ей на оной глубине двигаться. В верхней части располагается также бочонок, коий хитрым устройством, словно рыбий пузырь, надувается воздухом, а при нужде и водой заполняется. При всплытии же необходимо распустить канаты и дать грузам лечь на морское дно, после чего надуть лодочный пузырь, и тогда подлодка всплывает до потребного положения. Сие достигается командами: «Груз на дно!» или, напротив: «Груз на борт!», а также нажатием рычага, для наглядности окрашенного суриком.

Иван покрутил головой.

— Эх, братец, — сказал он с невеселой ухмылкою. — Люди тонуть боятся, а мы собственной волей в живые утопленники записываемся...

Тут Мягков, конечно, грешил против правды. По своей воле, несмотря на всю свою отчаянность, он бы в эту

самую подводку в жизни не полез, но что делать, коли тайный указ государя того требовал?

Маркел Плисецкий меж тем сноровисто раскрутил винт и открыл овальную дверь, ведущую в самые недра диковинного корабля.

— Прошу, господа мичмана! — пригласил он.

Полковник Востроухов в подводку лезть желания не изъявил, сказал, что ему и на берегу хорошо, а в командование этой утлой лодчонкой никто ему, по счастию, указания не давал.

В трюме подводки оказалось неожиданно просторно. С каждого борта стояло по три дубовых скамьи, напрочь приклепанных к днищу судна. Из вогнутых стенок против каждой скамьи торчали рукояти весел, закрепленных в дубовой толстой доске хитрым шарниром. В круглые окошки чуть заглядывала вода, и видно было, как глупо тычутся в прозрачные стекла шустрые мальки. Там, где над корпусом возвышался дубовый бочонок, можно было стоять в полный рост и даже заглянуть в диковинную подзорную трубу, в которую, как оказалось, прекрасно был виден палисад, отгораживающий причал от остальной части верфи.

Чуть в сторону закреплен небольшой круглый столик, навроде ломбардного. По столику небрежно разбросаны навигационные карты, врезан канделябр. Рядом — легкая и удобная резная скамья, которая ничем и никак не могла бы помешать гребцам. Выделялся резной штурвал. Чуть в стороне от стола на стене обнаруживались компас и барометр.

Вдоль бортов на нешироких и хитро устроенных полках стояли в ряд пузатенькие бочата с круглыми отверстиями в каждом клинышке.

— А это что за диво? — поинтересовался Яков.

— Сие есть великая тайна. В нем суть изобретения. Вещество, которое в банках содержится, освежает воздух и делает его пригодным для длительного дыхания. Оный же

состав, разлагаясь, дополнительно дает экипажу изрядное количество такового воздуха, что позволяет подводке скрываться в глубинах морских по семь и более часов. Достаточное время для того, чтобы свершить необходимое действо для поражения вражьего корабля или для тайной вылазки в самые тылы неприятеля.

Иван недоверчиво хмыкнул, наклонился к круглому стеклу и постучал по нему пальцем, стараясь привлечь внимание шустрых мальков.

Яков, примеряясь, сел за стол.

— А это что, тоже дверь? — указал он пальцем на плотно подогнанный овал на юте подводки.

— Сие есть минная камера, господин мичман, — сказал Курила. — Помимо размещенных там зарядов, имеется камора, которая служит для выпуска пловца под водой. Пловец, выходя в воду, буравчиком высверливает в днище вражьего судна отверстие, в коие крепит особый крюк, на котором подвешивается мина.

— А как же у сего заряда запал поджигать? — недоверчиво спросил Яков. — Нешто пороховой шнур под водой горит?

Курила с достоинством кивнул.

— Сие есть вторая великая тайна. Шнур кольцеобразно уложен внутри заряда и загорается, когда пловец дергает за выступающее из мины кресало. Тогда внутри заряда происходит вспышка и возгорается заложенный шнур, в чем пловец, заложивший мину, убеждается посредством заглядывания в специальное окошечко, прозрачной слюдою закрытое. Опасаться нечего, шнур горит вельми долго, и пловец, убедившись, что мина зажжена, все равно успевает отплыть на безопасное расстояние.

— Погоди, погоди, Яшка! — сказал мичман Мягков, что-то сообразив. — Ты, Курила, говоришь о пловце. Но разве может обычный человек достаточное время находиться под водою без дыхания? Да тут быстрее утонешь, нежели вражий корабль просверлишь и мину на его дни-

ще укрепишь! Ох, чаю я, в заблуждение вы ввели государя нашего и в напрасную трату казны его ввергли!

Курила Артамонов заносчиво вынес бороду вперед.

— А вот это, господа мичмана, — сказал он, — есть третья великая государственная тайна. Пловец под водою находится не бос, раздет и разут. Пловец находится в кожаной шапке с увеличительными окулярами перед глазами, наподобие тех, что в подзорной трубе имеются, и в шапку эту в достаточном количестве подается воздух с подводки посредством виденного уже вами бочонка с секретным составом. Известно, что сам Александр Македонский спускался на дно морское в специальном колпаке, подолгу сиживал на оном дне, наблюдая за диковинами подводными, и оставался после этого живым и в добром здравии.

Иван с Яковом снова переглянулись.

Корабельщик задумчиво сжал бороду в кулаке, оглядел мичманов и хитро прищурился:

— Дозволено ль спросить, когда господам мичманам вольно будет к обучению пользоваться подводкой приступить?

Иван посмотрел на Якова. Яков скучающим глазом обводил внутреннее убранство подводки. Не иначе решал, стервец, где ему портрет Вареньки Аксаковой-Мимельбах приспособить. По всему выходило, что отвечать на вопрос следовало Ивану.

— Сразу же и приступим, — рубанул граф Мягков. — Допереж только вот команду собрать надо. Весельщики из добровольцев будут или каторжников дадут?

Глава вторая

1. О ВДОВАХ И ПОСТОЯЛЬЦАХ

Вдова, что мичманов на постой пустила, оказалась премиленькая, хоть и из простолюдинок. Семнадцати годков ей еще не исполнилось. Звалась она Анастасией Карякиной и в замужестве пробыла всего две путины. В третью муж ее Савелий со товарищи вышел на промысел трески и сгинул в начавшемся вскоре шторме. И ведь предупреждали его, что шторм надвигается, но что делает человеческая жадность — треска пошла косяковая, только лови, вот и не выдержали рыбацкие души, ушли в море, на предупреждения грозные не глядючи. А с морем северным не шутят, щедро море, однако ж и люто, глотает шкуны рыбацкие и досточками выплевывает.

С месячишко Анастасия на берегу слезами волны посолила, но что делать-то? Жить надо. И стала Анастасия жить. Кому робу сошьет, кому невода залатает.

Подполковник Востроухов со своей галантностью к вдовушке не один день клинья бивал, только Анастасия гордая оказалась, не хотела, чтобы в Холмогорах говорили, мол, за чин, без любви отдалась. Так что напрасно подполковник к ее дому тропки торил, напрасно тульскими пряниками сердце вдовой рыбачки усладить пытался. Хотел он в договоренности с сыскными Анастасии кор-

чемную продажу табака доказать, так люди ж его на смех подняли, даже архангельский судья в суде отказал, говоря-де, известно всем, что неоткуда Карякиной денег для покупки табака на продажу взять. Он, вишь, с отчаяния да вредности мичманов к Анастасии и направил. С тайной мыслью, что скажут люди: вот, не хотела с солидным жалованным человеком жизнь свою связать, так живет сразу с двумя молокососами.

Только Анастасия офицерам не отказала, горницу отвела, сама же в комнатенке малой поселилась, где пьяный Карякин отлеживался при жизни, и предложила щеголям морским столоваться у нее, чтобы дешевле выходило. Мягков да Раилов на свою хозяюшку не нарадуются, но относятся к ней ровно к сестре — с любовью да уважением. Анастасия, оно конечно, плавна, кругла да румяна, только Яков сразу у своей постели на стеночке повесил портретик ненаглядной Вареньки Аксаковой-Мимельбах работы известного в то время художника Чирик-Петровского, любуется им все свободное время, разве что вечерами не молится. Может, и молился бы, да Бога гневить боялся.

У Ивана же первая влюбленность быстро прошла. Где мичман Мягков и где эта самая помещичья дочка Аксакова-Мимельбах? Разошлись их дороженьки. Девки-то быстро замуж выходят и, как правило, за тех, кто в солидном возрасте и вес в дворянских собраниях имеет. Может, и вышла замуж за какого-нибудь вдового обер-майора, которому с неприятелем воевать уже по возрасту неприлично, а на жинку в атаку ходить еще в самый раз.

А тут — девица молодая под боком. Да премилая к тому же! Иван на Анастасию поглядывать стал, зашучивает с ней, улыбается. Оренбургский платок, что в Москве по случаю купил в подарок Вареньке, взял однажды и подарил. «Спасибо вам, — говорит Анастасия, — что же вы так растратились, Иван Николаевич? Не по чину нам такие подарки принимать!» А глаза у нее синие-синие, дерзкие-предерзкие, и уголочками платка зазывно играет. Что ты хочешь,

молодость, она любого безрассудным делает! Сгреб ее Иван в охапку, аж сам задохнулся от жадного поцелуя. Ах ты, птичка-невеличка, замерла Анастасия на его груди, затихла, притаилась, словно воробышек в траве. Богу одному ведомо, чем бы у них все кончилось, только, на счастье или на беду, Яков пришел. «Ах, — говорит Анастасия. — Вы меня погубите, Иван Николаевич!» Вырвалась да порх в свою комнатенку темную. Яков Николаевич, если даже что и заметил, виду не подал. Только покашлял многозначительно, посмотрел на брата и вздохнул:

— Эх, Ванька, нам с тобой счастья в баталиях искать, а ей здесь, с Востроуховым жить оставаться!

Мягков помрачнел, злостью надулся.

— Пусть только попробует что! Я ему единым мигом зубы на зубы помножу!

— И в солдаты загремишь, — сказал Яков. — Не рабу, дворянину да чину высокому морду поправишь!

Мягков посидел в задумчивости, посмотрел вслед убежавшей Анастасии и упрямо покачал головой.

— Ищите и обрящете, — сказал он. — Такой роже, братец мой, да битой не быть? В жизни не поверю! — Покрутил головой, подумал немного и суждение свое вынес об Анастасии: — Цветок лазоревый, а не девка. Куда до нее знакомой нашей, Вареньке Аксаковой-Мимельбах.

Яков ничего на то не сказал, лишь вздохнул да головой покачал с укоризненной обидою. В другой раз, может быть, и сказал чего, а тут промолчал. Что возьмешь со здоровенного дурака да еще до крайней глупости влюбленного?

2. ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...

Между тем учеба их плаванию на подводке продолжалась и порою весьма даже успешно. Каторжников на весла им никто, конечно, не дал. Каторжники — народ опасный,

им государственных тайн доверять нельзя, не ровен час переметнутся на вражью сторону, поди тогда собери эти самые государственные секреты! Никаких приказов сыскных не хватит! По указанию Востроухова подобрали мичманам шесть гребцов из крепостных крестьян из поместья Муромцева-Оболенского. Князь попервам заартачился, мужиков из своей вотчины отпускать не желал.

— Мало ли что там государь император задумал! — кричал он, стоя посреди площади перед господским домом и размахивая руками. — Мои то холопы, и ни одному государю не повадно будет их у меня отбирать. У государя батюшки под пятою Россия вся, а я деревней своей распорядиться не могу! Как конных рекрутов, так с восьмидесяти дворов по человеку! Без челобитья сосны и дуба не спилить! На садки и те пошлины уже установлены! Не отдам! У меня на этих мужиках все хозяйство держится!

Иван без особых раздумий схватил Муромцева-Оболенского за грудки, но приложить печать к красной морде не успел. Яков его осадил, отвел князя в сторону и спросил:

— Ты что же, тать, супротив императорских указов злоумышления творишь? Указу царскому подчинения не имеешь? Тебе кто право дал государю Петру Алексеевичу под каблук заглядывать да угодья его считать? Не зришь ли, что у тебя над головой деется?

Муромцев-Оболенский оторопело глянул в небо. Небо было чистым, птахи не пролетало.

— Под ноги смотри, — предостерег Яков. — Бо под ногами у тебя плаха стоит, а над головою топор занесен! Себя по старческой глупости не жалеешь, детей своих пожалей. И-и-и, дурак ты, дурак, да нешто станет государь с тобой в попреки вступать?

Князь опомнился, горячим от возбуждения глазом смерил мичмана, помянул его неласково по матушке и утих. Оно ведь и в самом деле, не ровен час государеву делу поперек выступить. Не посмотрят, что на дальнем Севере

живешь, иное место для лютой высылки назначат. Ежели плахою не поправят.

Искомые люди найдены были. С правой стороны на веслах сидели три Гаврилы, по левую сторону хитромудрый Яшенька усадил двух Николаев и одного Григория. Все родом из малого северного местечка по прозванию Кукыны. Рост был невелик, но плечи жилисты и обширны. Маркел Плисецкий каждому мышцы промял и довольным остался: «Годны!»

А с чего бы им негодными быть, ежели любой из них не одну путину на рыболовецком баркасе да на шкунках утлых проплавал. Гребли слаженно, вскоре уже было достаточным команду подать: «Гавря! Грикша!» — и названный борт сразу же переставал загребать, давая подводке быстрее развернуться и выйти на новый курс. Погружалась подводка неглубоко — сажени на четыре, может, чуть больше. Бегала она под водою довольно ходко, а уж маневренна оказалась более чем достаточно.

Вскоре подводку, названную согласно с желаниями Курилы Артамонова «Садко», опробовали на море в Двинской губе, куда ночью тайно отбуксировали шкуной под командованием Маркела Плисецкого. Славно было своими глазами видеть при погружении, как темнеет в окнах, а потом наблюдать, как тычутся мальки да глупые рыбехи в прозрачное стекло, удивленные тем, что им дальнейшего пути нету. Хаживали и в надводном положении вдоль берегов, до обширной Онежской губы и далее — до самого Соловца. Анкерков с водой для дальних переходов не хватало, да и кладовая для сухарей и бочат с солониною казалась малою. Курила Артамонов лай мичманов принимал с благодушием и обещал при строительстве восьмивесельной подводки обязательно учесть. Маркел также советовал изменить крепление руля, который, случалось, на волне при надводном положении из уключин выбивало. Курила и его ревнивые подначки воспринимал со спокойным хладномыслием, только бороду потирал. Одно

слово — истинный тектон, строитель, значит. Родился Курила на кемском берегу да, пройдя поморское судостроительство, уехал в Норвегию и Данию, в Голландии побывал и многому у тамошних мастеров научился, изучал языки да математику с астрономией, но более свое корабельное дело. Был он одинок, овдовел рано, а сын его еще в отрочестве в зуйках утонул на Мурмане. Но ремесло свое Курила Артамонов знал славно, и видно то было по необычайному изделию его.

Удивительное дело — месяц уже на воде, а ни один шов не подвел, ни в одном лючке течи не случилось. Может, всему тому способствовали тюленьи шкуры, которыми отделаны были борта да двери на подводке. Правда, минный отсек до сих пор не трогали, да и незачем пока то было — все равно без мин, чего попусту суетиться да щели лишний раз уширять. Да и пловца на должность минерскую пока не подобрали. Говорят, что поручено сие действо было Тихону Никитичу Стрешневу, входившему в Воинский совет, но Стрешнев запаздывал, все искал отчаянного малого с Дону. А может, и нашел уже, да пловец с донских берегов до Архангельска пока не добрался. Что и говорить, путь-то неблизкий!

Пока они поморскому говору учились да к подводке приноравливались, государь Петр Алексеевич занимался воинскими приготовлениями. На реке Яузе по собственноручно начертанному плану приказал выстроить первую в России гошпиталь, выписал для нее иностранных лекарей и учредил при гошпитале анатомический театр. В лесах воронежских для будущих кораблей строевой лес валили. Заводчане пушки лить начали, только вот с медью пока бедновато выходило, чтобы бронзу сготовить и «единорогов» да «медведей» отлить в потребной достаточности.

Карл, нисколько не озаботившийся приготовлениями русского царя, еще в начале года осадил Гродно и разгромил Шуленберга. Бывшее совместно с ним русское войско стояло более четырех часов, после чего часть отошла

в Саксонию, а остальные погибли: Рейншильд, тварь поганая, командовавший шведами, приказал колоть; русских клали одного на одного и кололи, не глядя, штыками и ножами. Захлебнулись кровушкой, что ж Ты, Господи, удачи русским не дал?!

В апреле Петр Алексеевич прибыл в Петербург, где были уже поставлены многие строения, завершено адмиралтейство, заведены трактирные и питейные дома. До будущих красот Северной Авроры было пока еще далеко — все здания брусчатые или мазанковые. Да ведь лиха беда — начало, Рим великий и тот не разом строился. Осмотрев город, Петр провел смотр всем своим кораблям, которые вывел к Котлину.

Первого мая случилось солнечное затмение, но суеверий и страха было менее, чем обычно. Петр заранее позаботился о том и разослал всем начальникам войск и воеводам письма для расславления научного явления, наблюдавшегося в небе. Но находились и такие, что в затмении видели знамение недоброе и вновь лихо поминали государя, шуршали недовольно, словно потревоженные уборкой запечные тараканы. Царь на сии попреки внимания не обращал: подневольному люду и в раю худо!

То тут, то там в Малороссии, а то и в самой России появлялись зажигатели, подосланные шведами. Нескольких поймали даже в Азове и Воронеже, что крепко рассердило государя. Зажигателей, правда, повесили, а обида царева осталась.

Именно в те дни и пришло государево письмо на имя подполковника Востроухова. Государь интересовался — *как?* Востроухов показал письмо Кириле и мичманам и сообщил, что государю даден ответ о полном благополучии в делах, а господам мичманам проставлена самая высокая оценка во *всех* их начинаниях. При словах этих Иван Мягков густо покраснел, а Яков неопределенно хмыкнул, дав подполковнику понять, что прекрасно сознает, каков

отзыв в действительности оным подполковником дан государю.

Никто из них еще не знал, что шведский король Карл пошел к Волыни, что Петр, основав в Петербурге крепость, первый камень которой положил митрополит Стефан, а второй — сам государь, отправился на «Штандарте» до Нарвы и оттуда сухим путем прибыл в Смоленск.

5 июля Карл со своим войском появился уже в сорока милях от Киева, к которому отовсюду подтягивались русские войска под командованием Огильви, Алларта и Чамберса. Репнин уже был в Киеве с государем.

Однако тревога оказалась ложной. Карл обратился к саксонским границам, а малый отряд его приняли за войско вторжения, что и послужило основанием для случившегося заблуждения. Можно было бить отбой, но Петр сему не шибко радовался и войскам повелевал держаться в готовности. Дурак легкомысленный лишь станет спиной к опасному в холод медведю-шатуну, к которому Петр Алексеевич ровнял царственного братца.

3. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ, И ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Братья же все более осваивались с подводкой.

Теперь им уже нравились короткие, но постепенно становящиеся все более длительными погружения.

Как быстро охватывает темнота!

Подводка с шумом погружается в толщу зеленоватой мути. Через некоторое время вода начинает светлеть, в окна видны становятся подводные тропинки и луга. С обеих сторон колышатся настоящие леса морской капусты. Широкие и длинные, немного увеличенные водой,

ламинарии полощутся на невиданном подводном течении, и края их золотисты от солнечных лучей, пронзивших толщу воды. По длинным листьям оных водорослей двигаются какие-то розовые существа. В желтом песке торчат большие белые раковины. Чуть дальше на глубину — лес оранжевых толстопалых рук. Это безмолвно застыли сказочным неизведанным садом губки. Среди губок и ламинарий тоненькие стрелки рыбок полощутся — малек сельди кормится.

Иной раз Иван приказывал гребцам замереть, и все толпились у стекол, с интересом разглядывая подводный мир. Первоначальный страх давно уже уступил место жгучему любопытству.

— Ах, кабы на этой подводке не мины таскать да лазутчиков перевозить, а наукою заняться, — вздыхал Яков. — Сколько же невозможных открытий было бы сделано во славу государства Российского!

— Погоди, — успокаивал брата Иван. — Вот побьем шведа да турков, разберемся со всеми, кто государю палки в колеса ставит, вот тогда и займешься ты, Яшка, своею наукою. А по мне — нужное дело делаем, изобретению Курилы великое будущее уготовано!

— Тебе б все стрелять, Ванечка, — с сожалением глянул мичман Раилов. — Не грабежами да войною будет произрастать в грядущем государство Российское, а просторами вот этими подводными, что от глаз всех живущих на Земле пока еще сокрыты!

Гребцы помалкивали, но на Якова глядели с одобрением, нравились им весомые слова Раилова. Причин тому было много, гребцы люди мирные. Рыбу ловить, мир познавать — на это они согласны, а вот кровь безвинную человеческую проливать — не желали.

— А может, время такое придет, когда подводки Курилы по всем морям да океанам плавать будут, — с мечтательностью сказал Яков. — Столько тайн мирового океана людям откроется! Такие подводки будут! На сто весел!

— Это ты хватил, — засмеялся Иван. — Чтоб такую ораву гребцов прокормить, с этакой подводкой целые амбары с харчами придется нырять заставить!..

Постепенно выявлялись и прибавлялись к открытым достоинствам подводки различные и многочисленные недостатки.

В холодные дни внутри судна не могло быть искусственного жара, и одеваться приходилось тепло всем, за исключением гребцов, которых весла грели. Спертый влажный запах дерева и пота пронизывал все. Подводку постоянно качало, глубина ее погружения была менее той, при которой волнение на поверхности не оказывало бы на судно никакого влияния. Едва можно было читать карту, так как единственный канделябр, допускавшийся на столике штурмана, света давал не шибко много, но еще более мешало, что от качки глаза не могли держать в фокусе написанное.

Однако главным недостатком была сырость. Да, подводка не пропускала внутрь себя морской воды, и вследствие того от дыхания на потолке быстро сгущались капли, которые падали сверху неприятным холодным дождем.

— Да, братцы! — удрученно сказал Иван, ежась от капель, попадающих ему за шиворот. — Ежели бы Курила и от этакой пакости нас оберечь сумел, цены бы нашему тектону не было! Недодумал корабельщик, в малостях не сообразил!

Один из гребцов самовольно усмехнулся.

— Смейся, смейся! — ухмыльнулся и Иван. — Хорошо тебе, братец, — голым по пояс сидишь, пóтом своим умываешься! — Он сунулся глазом в подзорную трубу, и щеголеватые пшеничные усики его снова дрогнули в озорной улыбке. — Глянь! Маркел по берегу скачет! Чистый гардемарин!

Яков приподнялся, ласково, но настойчиво подсунул Мягкова в сторону.

— Дай-кось гляну, — мягко сказал он.

Коричневыми и белыми зубцами по берегу торчали скалы, выше которых стояли, украшая зеленою хвоей безжизненность камня, высокие и стройные сосны.

Море отошло, оставив прибрежную полоску дна. В мокром иле копошились, шевеля водоросли, горбатые бокоплавы. Под валунами в лужицах пыжились разноцветные асцидии. Местами распускали свои лучи яркие актинии, задыхаясь и виясь от воздуха. Голубые в темную крапинку яйца чаек фарфоровыми цветами пестрели по склонам утесов и скал. Среди бурых пучков водорослей медленно изгибали свои лучи морские звезды. Прибрежная полоса была усеяна разноцветными валунами — красными, белыми, черными, сизыми... Одни напоминали спящих на берегу медведей, другие — согнувшихся человечков, один вообще походил на диковинную двугорбую животину, задравшую вверх зубастую бугристую морду.

Меж валунов на лошади осторожно пробирался Маркел Плисецкий, не выпуская из виду рожок подзорной трубы, оставляющий за собой по ходу подводки узкие расходящиеся усы.

Заметив блестящее стеклышко и сообразив, что за ним наблюдают с подводки, Маркел что-то восторженно завопил, вскинул победно руку и едва не упал с лошади, шею которой немедленно охватил, но уже обеими руками. Видно было, как негодующе вскинулась и заржала лошадь.

— Чистый гардемарин! — ухмыльнулся Яков, неохотно уступая место у подзорной трубы своему капитану.

Мягков долго смотрел в подзорную трубу, потом сказал:

— Что-то Маркел нам сказать хочет... Табань! — скомандовал он. — Грузы на дно! Пустить в пузырь воздух!

После затхлого обездвиженного воздуха подводки свежий соленый морской ветер казался сладким. Иван Мягков выбрался на палубу, огороженную почти игрушечными леерами, встал, чтобы лучше слышать корабельщика.

— ...ааа... ееер! — донеслось с берега.

— Чего он? — высунулся по пояс Яков.

— Не пойму, — пожал плечами командир подводки.

— ...не-е-ер! — снова донесся с берега прерывистый крик.

— Не пойму, — досадливо двинул плечами Иван.

— Что тут не понимать, — сказал, выбираясь на палубу, догадливый Яков. — Минер наконец прибыл. Кончились наши игрушки, пора уж и делом заняться!

Глава третья

1. МИНЕР

Минер был из донских казаков и плавал как рыба. Может быть, даже лучше рыбы. Иная рыба жирна да ленива, омута за жизнь не покинет, казак же не таков. Был он невысок, кряжист, черноглаз, волосат и по-южному говорлив. Звали тридцатилетнего минера Григорием Суровикиным, и происхождением он был из тех хозяйственных и храбрых поселенцев, что обосновались в свое время на реке Чир. Казачьи кровя Суровикина угадывались и в прищуре жгучих глаз, и в легкой кавалерийской кривоногости, и в том, как лузгал он тыквенные семечки, держа руку на отлете и с ловкостью закидывая те семена в рот на довольно большом расстоянии.

Был Суровикин природным балагуром и обожал компании, где сыпал прибаутками и разными забавными историями, не забывая, однако, вовремя опрокинуть чарку и с охоткою закусить. Куда в него лезло, только Бахус мог сказать, да и то с натяжкою. В подводку Григорий Суровикин без штофа не грузился, объясняя это тем, что вода холодна и организм требует сугреву. Мягков по сему поводу ворчал, однако же до времени мирился. Пару раз в Холмогорах Григорий садился за стол со славными своим умением выпить английскими корабельными мастерами

и повергал их, доблестные победы над собутыльниками одерживая. Даже Джон Биггз — и тот после возлияний с Суровикиным три дня из дому не выходил, душу причесывал, джином да виски помаленьку отпаивался. А Суровикин уже на следующий день как ни в чем не бывало расхаживал по поселку, от чарочки не отказывался и зазывно помигивал вдовушкам, а увидев Анастасию, усы распушил, как кот, сапоги с особым скрипом надел, и только прямое вмешательство мичмана Мягкова казака малость вразумило. Как ни ловок был Григорий Суровикин, а не ему с Мягковым тягаться, да и не решился он поперек указаний прямого начальства идти. Тем более что начальство то ему прямо объяснило, что́ с ним, нахалом, случится и чем дело закончится. Видит Григорий — не в себе человек и в отчаянности от того необычайной, раз по стенке грозится размазать. Он и отступился, ибо приезжим был недавним, и как оно все сладилось у Анастасии с графенышем большелобеньким, не знал и не ведал.

Какое его дело? Нырять да мины учиться закладывать. Григорий и нырял. Правда, пока-то без мин подводных. Учился, стало быть. Тому везет, кто умеет.

Странно было видеть казака в обтягивающей тело одежде из нерпичьей шкуры с прослойкой из гагачьего пуха да в кожаной шапке со стеклянными глазами, от которой к подводке отходил длинный пустотелый трос из провощенных и смазанных изнутри гусиным жиром бараньих кишок. Канат этот пустотелый подводился к каморе с секретным артамоновским составом, выделяющим воздух. Время от времени Яков доливал в камору тайной жидкости, тому способствующей. Только поначалу никто не верил, что Суровикин под водою дышать сможет. Гребцы даже бились об заклад, через которое время казак задыхаться начнет. А он — дышал. И не сразу, но скоро довольно научился до двадцати минут за бортом находиться. Особенно интересно было из окон подводки наблюдать, как движется казак сквозь воды, лис-

тья морской капусты в стороны раздвигая да надоедливых каракатиц размахивая.

Выходил он из подводки следующим образом: сначала в каморке своей скрывался, а когда та таинственным образом водой забортной заполнялась, Григорий открывал люк и, шевеля руками и ногами, выбирался наружу. Далее ему надо было следить за тем, чтобы пустотелый канат его не спутался в движении за бортом, иначе Суровикин немедля задыхаться начинал и поначалу даже два раза шапку с себя кожаную сдирал и на поверхность спешил, чтобы воздуха свежего вдохнуть. Сия неловкость в баталии или при тайной высадке на берег, неприятелем занятый, весьма неразумной была.

И все же в плавании казак великим искусником был. Вскоре он в шлеме кожаном расхаживал по дну морскому аки посуху, иной раз даже дразнил обитателей подводки: подбирался к круглым оконцам и обломком раковины в оные стучал. Вид у него был странный, словно бы нечистая сила судна, раскорячив руки да ноги, кружила. Гавриилы, оба Николая да Григорий поперва даже весла бросали и принимались истово креститься. Николаи, похоже, были из старообрядцев: угрюмо посматривая вокруг, они упрямо крестились двуперстием. Мичмана молодые на то внимания не обращали, важно, чтобы Николаи гребли с умелостью да усердием, а крестятся уж пусть так, как мать в детстве учила. Главное, чтоб крест на груди был да Спасителя нашего чтили.

В свободное от подводных плаваний время Григорий Суровикин был рыбалкою заядлым. И ведь как, подлец, ловил? Не на уду обычную, не сеткой да неводом, что всем привычно. Нет, Григорий из длинной пеньки смастерил снасть, к которой на тоненьких канатиках десятка три-четыре больших крюков привязал. Странную свою уду завозил Суровикин на лодке и в море ставил, причем крючки его снасти безо всякой наживки были. Опытные поморские рыбалки над ним потешались, де, Гришка, на

твои снасти лишь ракушек да губок поймать можно, но когда Григорий в один день вытащил белужку пятипудовую да несколько лососей, длиною до подбородка ему доходивших, то почитай все мало-мальские рыбалки архангельские пришли на это диво смотреть. Некоторые, правда, обвиняли Суровикина, что он оных рыбин другими способами выловил да ночью вплавь на крюки посадил, но Григорий, покуривая трубку пеньковую, что выиграл в орлец у англичан, рассказал всем желающим, что у него на Дону да на Волге только так рыбу и ловят. Идет на уду белужка каспийская, осетр, сомы, а иной раз и носаря поймать можно, из коего любимую уху государя Петра Алексеевича варят. Тут уж и местные рыбалки по рецепту казацкому снасти ладить стали. Завознями их называли.

А Иван Мягков, поглядев, как Суровикин ловко в воде руками да ногами машет, сказал угрюмо:

— Хватит забавами промышлять! Товарищи наши уже в большие чины выходят, а мы все еще куклы ладим да играемся в них! Давай, Григорий, пора тебе уже мины маркеловские осваивать.

— Раз надо... — откликнулся казак, от которого пахло хлебной водкой да свежей корюшкой. — За государя нашего любому супротивнику пасть порву!

По наглому глазу его видно было — такой порвет!

Маркеловская подводная мина представляла собой ядро, у которого фитиль, что у обычной бомбы в полете тлел, был надежно упрятан в разъемном корпусе. В центре ядра находился пороховой заряд, который взрывался, чуть истлевал фитиль, и подрывал пистон. Зажигался фитиль, едва дергалась специальная терочка, выступающая из корпуса. Мина казалась безотказною. Не один десяток их был подорван Григорием — сначала на суше, а потом и под водой близ острова Кий, что в Онежской губе.

Когда-то на берег этого дикого острова выбросило безвестного тогда иеромонаха Никиту Минова, сына ниже-

городского крестьянина, постригшегося в Соловецкий монастырь под именем Никона. В знак своего спасения Никон водрузил на острове святой животворящий крест. Мало того, основал Никон здесь Крестный монастырь, в котором сейчас жили монахи. Давно уже не было в живых Никона, что когда-то стал ближайшим другом царя Алексея Михайловича и патриархом всея Руси. Но каменная трапезная монастыря, сооруженная после Никона близ Надкладезной церкви, под которой монахи брали пресную воду, выглядела настоящей неприступной крепостью. К трапезной примыкал с востока храм Рождества Богородицы с высокой цилиндрической апсидой. К оной же пристроены были настоятельские кельи и погреба с ледниками. Прямо на берегу зеленела обитая тесом кладбищенская церковь.

На окружающих монастырь голых скалах непонятно как гнездились цветы камнеломок — желтые и коричневые. В расселинах рос ягель, а выше стояли молоденькие ели. Изредка меж камней встречалось гнездо гаги: на гагачьем пуху несколько зеленоватых яиц, величиной с гусиное. У берега на камнях да валунах белели морские желуди. А над всем этим высились сосны, прямые, как корабельные мачты.

Взрывы и высоко вздымающиеся фонтаны воды тревожили монахов. Видно было, как бродят они в черных своих скуфьях, давя выброшенных приливом мидий и морских ежей. Монахи складывали руки козырьком и вглядывались в море, но подводку надежно скрывала рыболовецкая шкуна, покачивающаяся на якоре.

— Ишь тараканы, — весело говорил Григорий Суровикин, свесив ноги с борта шкуны и поглядывая на монахов. — Ишь засуетились, бездельники! Боятся бомб-то, боятся!

На поросшей черным курчавым волосом груди его беззащитно светлел серебряный крестик на шелковом черном шнурке.

— Бездельники! — убежденно повторил Суровикин. — Царю-батюшке служить не хотят, вот и отговорки приду-

мывают, де, не наше дело служить царю земному, мы царю небесному служим. Небось в ледниках у них от харча полки ломятся! Курей да свиней держат, рыбку ловят — вон, глядите, сетки сушатся! У-у, жлобы, Стеньки на них нет!

Он плюнул в воду, вобрал в грудь воздуху и хриплова-тым, не лишенным приятности голосом пропел:

Пики наточены, сабелька востра,
мы купчишку встренули около моста...

С шаткого горба подводки на шкуну взобрался Иван Мягков.

— Ну, как? — спросил он.

Григорий Суровикин подумал и снова плюнул в воду.

— Витка три фитилю добавить надо. Отплыть не успеваю. Шибает сильно!

2. ИВАН И АНАСТАСИЯ

Листва берез была прозрачна и лучиста.

Водяника усыпала землю. Черные ягодки глянцево блестели в солнечных лучах. Веточки походили на хвойные. Словно кто-то наломал их с елей и разбросал по всему лесу.

Где-то неподалеку чисто и долго куковала невидимая кукушка.

— Хорошо как, — сказала, не оборачиваясь, Анастасия. — У вас места такие же славные?

— У нас... — Иван подумал. — Леса у нас обширные, грибов много, ягоды разной. Речка тихая течет...

— Грибов да ягод и у нас достаточно, — сказала Анастасия. — Иной раз высыпет грибов, хоть косой коси.

Была она не особо высока — Ивану до плеча не доставала. И ведь что странно — со стороны Мягкову она каза-

лась рослой, а вот рядом очутилась, куда вся ее рослость делась? Шла об руку девчушка, платком наглухо повязанная, только нежное личико с большими серыми глазами и курносым носиком выглядывало. Сарафан на Анастасии голубой, сорочка льняная с вышивками — белая. Сердце Мягкова таяло от нежности и любви, потому и был он малость косноязычен.

Они подошли к прозрачному стремительному ручью, чьи струи с журчанием и легкой пеною неслись меж лобастых коричневых валунов. В прозрачной воде мелькали серебристые бока и темно-синие спинки форелей.

Через ручей перекинулся мостик из круглых ошкуренных жердин. На серединке мостка Анастасия ахнула испуганно, качнулась, но кто бы ей упасть дал — морскою уверенной рукой Иван подхватил женщину сзади, губами почувствовал ткань ее белого платка. Анастасия на секунду прижалась мягкой спиной к мускулистой груди аманта, улыбнулась лукаво, прикрыв глаза, и, отстранившись, с легкостию перебежала мостки. Обернулась, показала Ивану язык и бросилась бежать по тропинке, петляющей меж невысоких елей с нежной голубоватой хвоей. Ивана и уговаривать не пришлось — бросился догонять, придерживая рукой треуголку.

Догнал, обнял, уткнулся носом в русые волосы, выбившиеся из-под платка. Анастасия молчала. Мягков забрал ее личико в ладони, приподнял немного и наклонился, касаясь мягких податливых губ.

— Ах, Иван, — сказала Анастасия, не сопротивляясь.

— Что, Настенька? — Иван пытался поймать ее взгляд, и никак ему это не удавалось.

— Не будет добра. — Анастасия освободилась, опустила голову. — Ничего у нас с тобой хорошего не будет. Уйдешь на войну, а я здесь останусь. Кто я тебе? Не жена, не невеста...

— Что ж ты, Настенька, безглазая совсем? — Иван снова привлек девушку к себе. — Люблю я тебя! Очень сильно люблю!

— Не смейся. — Анастасия освободилась. — Ты кто? Графский сынок. А я? Баба простая. Тебе даже жениться на мне нельзя, никто не позволит.

— Настя! — Иван обнял женщину, ощутил, как дрожит под его пальцами ее сильное тело. — Ну, что ты, глупая?!

— Ничего у нас не получится, Ванечка, — вздохнула Анастасия. — Люди на воде тонут, а вас под воду при жизни несет...

Иван отстранился, строго глянул на женщину. Вот тебе и государственный секрет! Даже женщины знают. Откуда?

— С чего ты это взяла? — притворно небрежничая, спросил он.

— Ох, Ваня, да ваши секреты в Архангельске да Холмогорах токмо собаки с аглицкими мастеровыми и не знают, — вздохнула Анастасия.

Иван приподнял ее, посадил на округлый, прогретый солнцем валун и принялся целовать. Делал он это нежно и обстоятельно, как только может влюбленный впервые мальчишка. А кто он, если по совести? Мальчишкой был девятнадцатилетний Иван Мягков, влюбленным по уши мальчишкой.

Анастасия, прикрыв серые свои глаза, гладила мягкие волосы Ивана, и только Богу сейчас было известно, о чем могла думать поморская вдова, о любви молоденького мичмана, которому, вполне вероятно, суждено сложить живот свой во славу государя и Отчизны в первом же бою.

3. СМОТРИНЫ ГОСУДАРЕВЫ

Государь Петр Алексеевич стоял на берегу, нервно постукивая прутиком по кожаному голенищу ботфорта.

Корнелий Крейс сунулся к нему одутловатым лицом, торопливо зашептал что-то на ухо по-немецки. Курила

Артамонов присел в сторонке на лобастый камень в шапке оленьего моха. Сбоку камня темнели какие-то сморщенные грибки. С Беломорья веяло свежим ветром.

Петр внимательно слушал наперсника и друга, нетерпеливо кивая. Потом обернулся, глазами ища Курилу.

— Волнуешься? — спросил.

Курила встал, неторопливо и без подобострастности подошел к государю. Государь был высок, но и Курила ростом ему не уступал, а статью, пожалуй, и превосходил даже.

— Немного есть, Петр Алексеевич, — сказал он. — Не каждый день государю на внимание свои труды представляешь.

Петр поднял подзорную трубу, поднес к глазу, оглядел залив. На оловянно поблескивающих волнах покачивалась одинокая шкуна. Еще несколько часов назад Петр вместе с адмиралом Крейсом облазили все закоулочки шкуны и убедились в отсутствии минных зарядов в оной. На ней же и в залив испытательный прибыли, а до берега добрались на заранее приготовленном ялике.

— Что-то не видно твоей подводки. — Редкие усы Петра вздернулись в насмешливой улыбке.

— Кабы видна была, государь, — сумрачно молвил Курила, — толку было бы от моей работы.

Петр остро глянул на корабельного мастера.

— Посмотрим, посмотрим, — хмыкнул он и что-то сказал по-немецки, оборотясь к Крейсу.

Адмирал сидел на корточках, раздвинув в стороны острые колени, и с великим любопытством палочкой шевелил морскую звезду. Услышав царя, Корнелий Крейс поднял голову.

— Так есть, мин херц Питер, — подтвердил он. — Дорога к звездам всегда лежит через тернии.

Петр снова прильнул к трубе. Видно было, что царя одолевает нетерпение.

— Дуришь ты голову, плотник, — дернул он щекой. — Отвлекаешь от дела занятых людей. Ты мне вот что скажи —

почему подводкою судно названо? Диковинно название больно.

— Сие проистекает из сущности оного судна, — начал неторопливо объяснять Курила. — Во-первых, судно движется под водой, а во-вторых, призвано оно подводить заряды под вражеские корабли... А «Садко» мы ее назвали, потому как...

Внезапно на море раздался оглушительный взрыв, что заставил корабельного мастера замолчать. Над шкуною встал фонтан бурлящей воды. Петр жадно смотрел в подзорную трубу. Крейс поднялся и тоже торопливо прильнул к окуляру своей трубы. Шкуна, разломленная взрывом надвое, быстро тонула. Скрылись в поднявшемся водовороте корпуса, мелькнули зачехленные мачты, потом на месте затонувшего судна вздулся небольшой водяной бугорок и сразу же сгладился. Там, где совсем недавно стояло на якоре судно, катились медленные и ленивые волны.

Государь отнял трубу от слезящегося глаза.

— Ты что-нибудь видел, Корнелий? — спросил он.

— Нит-шего, кроме утонутия судна, — флегматично отозвался Крейс, продолжая наблюдение.

На волне медленно плеснулась, приходя в себя, оглушенная взрывом рыбина.

— Ну, — сказал Петр Алексеевич. — Где же твоя подводка, Курила?

Секретное судно он уже видел и все его излазил с прирожденным своим любопытством. Даже погрузиться в морские воды великое желание изъявил, но Курила тому с твердостью воспротивился: «Не дело, государь, тебе в пекло самому лезть, для того у тебя и подданные существуют».

Курилу Артамонова поддержал адмирал: «Государь у отечества один, — назидательно сказал он. — Не стоит рисковать будущностью российской ради удовлетворения мимолетного любопытства. Будь мудрым, Питер!»

Теперь государь желал увидеть судно, пустившее ко дну рыбацкую шкуну, но более — сделавших это людей.

Он вновь прильнул к подзорной трубе. Однако глядел он вдаль, а потому не заметил блеснувшего в двадцати саженях от берега стеклышка и не подозревал, что его самого сейчас разглядывают командующие ею мичмана. Оставляя за собою расходящиеся усы волн, труба двинулась к берегу, медленно приближаясь к месту, где стоял государь со своими спутниками.

С шумом разошлась вода. Петр с растерянностью оторвался от подзорной трубы и увидел, что в пяти саженях от него, медленно расталкивая воду, появился выпуклый верх подводки с горбом бочонка.

— O mein Gott! — потрясенно выдохнул Корнелий Крейс. — Donnerwetternocheinmal!

Поднялась откидная крышка на бочонке, и на скользкую мокрую поверхность подводки, огороженную низкими леерами, выбрался, салютуя государю, Иван Мягков. За ним показался Яков Раилов, следом — голый по пояс волосатый Григорий Суровикин.

— Виват! — вскричал он с радостным нахальством. — Виктория, государь! Полная виктория!

Петр Алексеевич захохотал.

Подводка меж тем приблизилась к берегу, и стало видно, что нос ее обит железами. Уткнувшись носом в песок, судно замерло. Коротко прогремели барабаны, опуская грузы на дно.

— Всех на берег! — с хищным нетерпением велел государь и ликующе глянул на спутников.

На берегу выстроилась команда «Садко». Первым в маленькой шеренге стоял мичман Иван Мягков, следом — мичман Яков Раилов, за ними выставил грудь с какой-то казачьей наградою уже успевший облачиться Григорий Суровикин, а за ним — все шестеро гребцов: три Гаврилы, два Николая и Григорий. Петр, не делая различий, каждого обнял, каждого прижал к груди и крепко расцеловал.

— Орлы! Орлы! — восклицал он, переходя от одного подводника к другому.

Обернувшись к своему спутнику, сказал:

— Мичманов жалую лейтенантами и пятьюстами целковыми каждого, казачка — тремястами рублями и медалью, остальных жалую каждого полусотней рублей.

Повернулся к невозмутимо высившемуся Кириле, сгреб его в объятия, царски поцеловал в губы и, насмешливо дернув за бороду, сказал:

— А ты, Курила Фадеевич, проси чего хочешь. Желаешь, дворянством тебя оделю?

Глава четвертая

1. ПРИБЫТИЕ В СЕВЕРНЫЙ ПАРАДИЗ

Санкт-Петербург встретил экипаж «Садко» хмурым ненастьем.

Строящийся город частию стоял на материке и частию на островах, образованных Невой при слиянии с Финским заливом Варяжского моря. Три главных устья реки делили город на четыре главные части, из коих две лежали на островах и две на материке. Малая Невка простирала течение прямо на север, чуть ниже река вновь делилась на два рукава, именованных Большой и Малой Невой. Земля, объятая Малой Невкой и Малой Невою, получила название Санкт-Петербургской стороны, земля между Малой и Большой Невою — Васильевский остров, за Малой Невкой земли получили название Выборгской стороны, а за Большой Невою — Московской части, или Адмиралтейской стороны. Из Большой Невы ниже Малой Невки истекала река, названная Фонтанкою, которая, описав полукруг, опять же в Неву вливалась. Подобным же образом с Санкт-Петербургской стороны окружала город небольшая речка Карповка, протекая из Малой Невки в Малую Неву.

На северном берегу Невы лежал небольшой остров, отделенный глубокими протоками. На сем острове государь Петр Алексеевич в мае 1703 года изволил заложить первое основание города Санкт-Петербурга, построив земляную шестиугольную крепость. Заложена она была в день Исаакия Далматского — день рождения государя. Его величество изволил своими руками положить первый камень в основание второго фланка бастиона, названного именем Меншикова. Хотя крепость покамест еще была земляной, однако ж бастионы и куртины, фланцы и орлионы, кавалиеры и дополнительные постройки в виде кронверка, равелинов и контрогардов исполнены были весьма искусно и с надлежащим старанием.

Земли в устье Невы были болотистые, необитаемые и бесплодные. Но хотя сии места и казались неудобными к обитанию, положение их ввиду обилия чистых вод и способности к коммерции и к заведению флота уже довольно сильны были, чтобы возбудить в государе великое желание к построению города. Ничто не могло отвратить бодрый дух Петра Алексеевича от столь полезного мероприятия, направленного к соделанию пользы для подданных. Надеялся государь, и не без оснований, что с развитием коммерции войдет мало-помалу в его государство дотоле едва видимый вкус в науках и художествах.

Имея твердое намерение воздвигнуть в устье реки Невы град, государь Петр Алексеевич принял все потребные меры, чтобы в оном месте укрепиться. Уже в 1705 году земляная крепость начала застраиваться каменным зданием. Внутри оной все были деревянные строения и построенная в 1703 году соборная церковь Петра и Павла, посвященная Новгородским митрополитом Иовом.

Еще не заложены были все задуманные бастионы, но из земляной крепости вело несколько ворот — к Васильевскому острову, на Большую Неву, Кронверкские. Крепость сию строил архитектор Трезин, он же строил и кронверк, который пока еще вел к завершению.

Комендантом крепости был полковник Рен.

Государь Петр Алексеевич жил в деревянном дворце, построенном два года назад. Оный дворец состоял из небольших брусчатых хоромцев, в длину не более десяти, а в ширину трех саженей. Снаружи дворец был раскрашен под кирпич, а внутри оббит холстом. По сторонам были светелки, а посередине между ними — сени.

Из дворца государя открывался вид на начатое строительство Адмиралтейства, огороженное земляным валом и палисадником. Неподалеку от государевой обители видны были мазанки торговых рядов. Совсем рядом стоял Посольский дом.

Поскольку главная часть города была на Петербургской стороне, то и обыватели первые дома свои начали уже строить тамо же. Впрочем, некоторое обывательское строительство начато уже было и на Адмиралтейской стороне, и на Васильевском острове, где выделялись роскошью хоромы светлейшего князя Меншикова, стоявшие на взморье.

Город только начинал строиться, поэтому преобладало население мужеска пола, однако ж порой и в солдатских казармах слышался задиристый и подбадривающий женский смех. Да и по улицам уже двигались экипажи с гербами, а из экипажей нет-нет и выглядывали прелестные дамы с мушками над кокетливыми — бантиком — губками.

В питейных заведениях подавали не только медовуху и горькие водки, но и гишпанские и италианские вина, голландский ром и немецкие шнапсы, привозимые предприимчивыми иностранными купцами.

В гавани стояло небольшое и быстроходное судно под государевым флагом со славным именем «Посланник». Команда на нем собрана была из преданных государю людей, и капитаном сего судна был капитан Бреннеманн, которого государю Петру Алексеевичу представил и за коего лично ручался царский наперсник и любимец Франц

Лефорт. Именно на «Посланника» под покровом ночи была тайно загружена секретная подводка, после чего выход на берег экипажу был категорически воспрещен. Привыкшая к тайным поручениям и связанными с ними лишениями команда не роптала, более того, моряки с «Посланника» преисполнились гордостию за свою миссию и превосходством над экипажами иных кораблей.

В Европе шла наследственная война. Австрия, Англия и Голландия выступали противу Франции. Полагали, что и Карл, вторгаясь со своим двадцатидвухтысячным войском в Шлезию и Саксонию, действовал в соответствии с тайным союзом, заключенным с Францией. Петр повелел, чтобы его министр в Вене предложил цесарю выгодную дружбу, о чем одновременно объявлено было польскому, английскому и датскому посланникам.

В Европе шли прииски подходящих кандидатур для найма в российскую армию. Министру своему Шафирову государь предписывал от своего имени спросить, не нужно ли России вступить в союз противу Франции. Государь лукавил, указ о том уже был подготовлен и мог быть объявлен в любой момент.

К тому времени вопросы тайной войны приняли особое значение. В лето 1706 года под стражу за измену был взят племянник князя Кропоткина, чуть позже и сам князь. Государь, имея виды на князя, повелел его не пытать. Тяжело сольским приказом, жить ему оставалось менее месяца, с его болезнью многие тайные связи в Европе были, к великому огорчению Петра, пресечены. Сам государь пребывал в Киеве, как того требовали интересы Отечества.

Григорий Суровикин сидел в крепости на гауптвахте за самовольное оставление судна и драку, учиненную в оное самовольное время в питейном заведении купца Боборыкина, что располагалось неподалеку от строящегося Адмиралтейства.

Казак пел грустные песни и баллады, лестью и выгодой подкупал своих стражей и несколько раз в камере, где содержался арестованный, смеялись девки и слышались хлопки стреляющей в потолки финь-шампани.

Вот и сейчас, идя темными коридорами, Иван Мягков слышал хрипловатый голос Григория:

Ах, плавала лебедушка по морюшку,
плавала белая по синему.
Ах да плававши, она, лебедушка, воскликнула
песню лебединую последнюю...

Послышался плеск женских ручек, хвалебные восклицания и поцелуи. Иван неодобрительно глянул на смущенного начальника караула, толкнул с силою дверь. Голый по пояс Суровикин сидел на топчане. Рядом с казаком сидело женское создание лет тридцати, полное жеманства и заметно опьяневшее. Девица все поправляла платье, стараясь прикрыть обнаженное плечо, которое под действием ее старательности оголялось еще больше.

Григорий посмотрел на вошедших.

— Забавляешься, соколик? — спросил Мягков.

Начальник караула зло оглядывал смущенных часовых, и губы его шевелились: «Ужо вам, подлецам! Дайте только наедине остаться».

Девица ахнула, одергивая подол скомканного платья.

Суровикин привстал, нацедил себе в кружку из штофа, глотнул, вытер губы и с ленивой небрежностью повернулся к отцу командиру.

— Вставай, Григорий, — хмуро сказал Иван. — Хватит гужеваться. Время пришло отечеству с верностию и усердием послужить.

2. ПЕРВОЕ БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Рыхлые мрачные тучи низко повисли над свинцовыми водами Северного моря. Позади остались неприветливые шведские земли и скалистое неуютное побережье Норвегии, пройден был уже пролив Скагеррак, «Посланник» шел под парусами мимо голландских плодородных земель, приближаясь к конечному пункту своего путешествия — Английскому каналу. Корабль покачивало на изрядной боковой волне, но капитан Бреннеманн не зря был отрекомендован Лефортом вниманию государя, умело и искусно вел капитан судно через штормящее море, даром что немец, а не искусный в кораблевождении голландец или англичанин.

Иван Мягков, лежа на незастланной постели в отведенной каюте, предавался мечтаниям.

Не о славе, не о доблестях мечтал молодой флотский офицер, обласканный вниманием государя. О любви мечталось ему. Вспоминал Иван Анастасию, оставленную в далеком поморском поселении. Беспокоился Иван об оставленной возлюбленной.

— Верь мне, Настенька, я вернусь, — сказал Иван.

— Ванечка. — Женщина заплакала. — Ничего хорошего не будет. Не позволят тебе быть со мной, сам ведь ты это знаешь. Сам все лучше моего понимаешь!

Иван обнял любимую, погладил гибкую спину, задумчиво и тоскливо глядя в потолок. Права была Настасья — никогда ему не позволят отец с матерью связаться с безродною девкою. Плевать Ивану было, что осудят его в обществе, он бы и без общества этого прекрасно прожил, только вот не позволят!

— Брошусь в ноги государю, — хрипло сказал он и сам себе не поверил. Нет, не в то не поверил, что бросится, в то не поверил, что государь его поймет. Хоть и говорят про него, что вот уже год сам Петр Алексеевич живет

с лифляндской девкою Катериной, урожденной Скавронской, находившейся в услужении у светлейшего князя Меншикова. Но ведь что позволено Юпитеру, никогда не дозволится быку.

— Ох, Ванечка! — Слезы ожгли грудь. — На беду мы с тобою встретились... Люб ты мне, ждать тебя буду, только не будет нам счастья!

Иван сел, склонился, натягивая ботфорты. Хотелось куда-то бежать, делать что-то. Но некуда бежать было, а что сделать можно, Иван не знал. С Востроуховым он, правда, поговорил. Подполковник дерзостию молодого офицера в душе своей возмутился, но внешне был невозмутим. Жизнь — штука длинная, сегодня с царским любимцем не поспоришь, а завтра, глядишь, нету любимца, вольно с ним согласно уставу поступать или просто по возрасту. Государева любовь — штука ненадежная. Сегодня в любимцах, а завтра — в шуты запишут, а то и в крепостной равелин заключат. Стар был подполковник Ануфрий Васильевич Востроухов, стар и мудр, а потому точно знал, что в конце своем всегда выигрывает тот, кто переживает соперника. Да и толку ему в этой девке? Не мальчик уже Ануфрий Васильевич, семья у него, дети, а уж девку для удовольствия чином обладающий да властию всегда себе приищет. А Мягкову с насмешливостью сказал:

— Ты, Иван Николаевич, более о службе государевой думай. А девка-то, куда она, граф мой разлюбезный, денется? Моря наши холодны, леса — голодны. Сохраню ее по просьбе твоей для племени младого да отчаянного!

Иван накинул полотняный поморский плащ и вышел на палубу. Негоже было на гражданском судне в офицерских одеждах щеголять. С этакой неосторожностью от всей секретности следа не останется. Капитан Бреннеманн за поведением экипажа следил со стойким вниманием, самых малых нарушений из виду не выпускал.

Волна была довольно высока, и, по всему судя, дело близилось к шторму. Иные волны после некоторых маневров корабля пенистой своей шапкой прокатывались по палубе, ставшей темной и глянцевой. Штурвальный стоял с крепостью и стойкостью, уверенно ведя корабль указанным капитаном курсом. «Посланник» уже миновал Дуврский пролив и сейчас жался к французским берегам, направляясь к Булони, где обозначено было место рандеву.

На мостике виднелась крупная темная фигура капитана Бреннеманна, внимательно наблюдавшего берег в подзорную трубу.

– Погодка, – поежился оказавшийся рядом Яков. – Даже не верится, что в такую погоду он решится выйти в море...

– Вот и француз в это никогда не поверит, – не согласился Иван.

– Слушай, брат, – сказал Яков. – Я вот все думаю, а не проще ли было уйти по суше? Ну, к швейцарцам, например.

– Слишком опасно. – Иван смотрел на капитана. Тот что-то втолковывал рулевому. – Ты понимаешь, война. Если он попадется с этими документами, сразу же на плаху отправят. А мысль, что он уйдет морем, да еще в такую погоду, никому и в голову не придет. Тем более что на море в такую погоду никаких судов не будет.

Капитан Бреннеманн отдал команду. На носу судна загрохотали якорные цепи.

– Все, – усмехнулся Яков. – Наше время, Ваня!

И действительно, рогожа, скрывающая подводку, была уже снята, и гребцы по одному опускались в люк.

– Пойдем, – сказал Иван. – Время, Яша!

Григорий Суровикин уже сидел на скамеечке рядом с минным отделением. Глаза его блестели, вокруг густо пахло хлебной водкой.

– А ты чего здесь? – хмуро спросил Иван. – Нам пьяные да разбитные нынче без надобности.

— Нешто я не с экипажу? — ухмыльнулся минер.

— Вылазь, Григорий, — приказал Мягков. — Ты своим духом нам всех гребцов потравишь. Сказано же было, в боевых условиях — ни-ни!

Суровикин продолжал сидеть.

— Вылазь, вылазь, — нетерпеливо подтолкнул его Мягков. — Не дай Бог, травить начнешь. Задохнемся, Григорий! Не уйдешь — с экипажа спишу.

Суровикин зло выругался и полез из подводки.

Гребцы глядели ему вслед. Видно было, что командная твердость Ивана Мягкова пришлась им по душе. Развязность казака гребцам не особо нравилась. Выросшие на севере, выжившие в подчинении своим капитанам, гребцы не могли не порицать нарушителя.

Яков меж тем проверил, плотно ли закрыт люк, задраена ли дверь в минное отделение, и показал своему капитану большой палец. Почти тут же в корпус подводки требовательно постучали условным знаком. Иван так же обусловленно ответил. Послышался визг талей. Подводка дернулась, закачалась и повисла над волнующимся морем. Спустя некоторое время в днище ее с гулом ударила волна, за ней другая, судно закачалось вслед морскому волнению. «Весла б не поломать!» — озабоченно подумал Мягков.

В окна стала видна полоска качающейся зеленоватой воды, некоторое время подводка отчаянно раскачивалась морем, потом канаты, на которых она висела, были отцеплены, и судно погрузилось на глубину.

— Разом! — приказал Мягков, и гребцы дружно налегли на весла, направляя подводку к берегу.

Иван выставил подзорную трубу и прильнул к ней, внимательно оглядывая пенящееся волнующееся море.

Темным силуэтом мелькнул покачивающийся на волнах «Посланник» и сразу же пропал. Вокруг была только пузырящаяся вода, взлетающая к небесам и время от времени захлестывающая верхнюю часть трубы. Гребцы споро двигали веслами, только мышцы буграми вздувались.

Сколько прошло в напряженной неистовой гребле? Вода была кругом, зеленоватая вода, пришедшая в Ангилийский канал из открытого моря вместе со штормом.

Ничего! Или...

— Гавря!

Несколько минут разглядывания вздымающейся воды.

Ничего...

— Грикша!

Только вода вздымается и пенится вокруг.

— Разом!

Вот уже и берег французский темной полоской прочертился, разделяя морскую тьму от туч.

— Гавря!

Глаза начали слезиться. Легко было говорить чинам из Адмиралтейства — сплаваете, мол, заберете и назад. Посадить бы этих чиновных дармоедов на весла, посмотрели бы тогда, как им с этим простым делом управиться бы удалось!

— Грикша!

Берег чужой рядом совсем, видно, как краснеют над серым обрывом красной черепицей дома.

— Гавря!

— Табань!

— Грикша!

Что-то сорной щепочкой мелькнуло среди вздымающихся пузырчато-зеленоватых волн.

— Табань!

Точно! Утлая лодчонка носилась между безднами. В лодочке съежился человечек в мокром плаще, придерживающий шляпу, из-под которой ветер рвал длинные кудри парика. Человечек делал судорожные попытки грести.

— Груз на дно!

Болтанка усилилась, теперь уже подводку вздымало вверх, бросало из стороны в сторону, а надо было под ревущими потоками воды открывать люк изнутри, выбираться на опасную и скользкую поверхность и пытаться

поймать, закогтить кошкой лодку, в которой съежился и молился своему Богу вышедший в море шпион.

Иван Мягков пожалел, что нет с ними ловкого и бесстрашного Григория Суровикина, которому лодку поймать, что коня стреножить. Всем хорош казак, только вот с дисциплиною не в ладах, привык к степной вольности, стервец. Долгая с ним еще предстояла морока, чтобы вырастить из кривоногого степняка доброго моряка. С этими мыслями Иван Мягков обвязывался петлею из пеньки и открывал верхний люк подводки.

Штормовое море встретило его оглушительным плеском волн, воем и визгом ветра. Малая лодчонка со шпионом болталась на волнах саженях в пяти от всплывшей подводки.

Первый бросок оказался неудачным — кошка всплеснула в сажени от лодки. Иван смотал веревку, размахнулся и метнул кошку еще раз, да снова неудачно.

Лодку сносило влево.

— Грикша! — заорал Мягков вниз и, когда подводка развернулась носом к объекту трудов их, вскричал: — Разом!

Могучее единовременное движение мышц внизу привело к тому, что расстояние между подводным кораблем и лодкой неизвестного значительно уменьшилось. Мягков снова прицельно взмахнул рукой и метнул кошку. В это время порыв ветра едва не оторвал его от подводки. Еще мгновение — и бросило бы Ивана в губительно вздымающуюся бездну вод. На его счастье, пеньковая петля, которой он обвязался при выходе наружу, удержала его. Кошка меж тем впилась двумя своими крючьями в деревянный борт лодки, канат натянулся струной на балалайке, некоторое время грозил лопнуть со звоном, но выдержал.

Мягков принялся выбирать канат, подтаскивая лодку поближе. Человек, сидящий в лодке, бросил весла и принялся помогать ему. Расстояние между судами быстро сокращалось, наконец нос лодки ударил о борт подводки.

— Прыгай! — заорал Мягков, протягивая незнакомцу руку.

Тот чуть помедлил, решаясь, потом все-таки прыгнул, целясь достать руку моряка своей рукой в длинной перчатке. Перчатка намокла и оттого едва не выскользнула из руки Мягкова. Чертыхаясь и кроя по-матерну французские моды и непредусмотрительность незнакомца, Иван все-таки удержал узкую ладонь шпиона в своей. Однако малой задержки оказалось достаточно, чтобы незнакомец грянулся коленями о борт подводки и окунулся по грудь в холод и пену морской волны. Мягков вытянул его на выпуклую палубу, помог незнакомцу спуститься по деревянным ступеням в ее глубину. При свете канделябра, стоявшего на штурманском столике, он наконец разглядел загадочного слугу плаща да кинжала. Шпиону на первый взгляд было лет тридцать пять. Острые искусные усики, крупные черты лица, орлино крючковатый, но тонко очерченный нос, выдающиеся скулы, чрезмерно развитые мышцы челюстей выдавали в нем гасконца. В темных и внимательных глазах светился живой и острый ум. Был незнакомец одет в светло-голубой, порядочно выцветший камзол, поверх которого красовалась роскошная перевязь, шитая золотом, а шляпу он потерял при падении в воду, и сейчас на нем был лишь черный роскошно завитой парик.

— Вы здесь старший? — поинтересовался шпион, обращаясь к Мягкову. — У меня мало времени, господа. Я к вам — и сразу обратно.

Обратно? Иван посмотрел на Якова. Брат покачал головой. Обратное путешествие было чистым безумием.

— Обстоятельства изменились, — сказал шпион, доставая из камзола пухлый пакет. — Этот пакет вы передадите тому, кто посылал вас за мной. Он во всем разберется. От меня же передайте ему, что Пьер де Монтескью все помнит и постарается выполнить данное ему поручение до конца. Буду ждать посланника каждую пятницу во второй половине дня в означенном загодя месте на Мосту Самари-

тянки. — Он помялся немного, потом достал из-за обшлага камзола меньший пакет и протянул его Мягкову. — Если это возможно, пусть оный пакет будет доставлен в Суздаль княжне Артаньяновой. Буду премного обязан гонцу, что доставит его адресату.

Он посидел немного, без нужды подтянул ботфорты и поднялся. Видно было, что выбираться из подводки в штормовое море ему не слишком хотелось, но долг обязывал. Вокруг гостя темнела лужица воды. Яков принял пакет, спрятал в ларец, укрепленный на стене, закрыл ларец на ключ.

Иван поднялся.

— Я помогу вам, Пьер, — с живостию сказал он.

Лодка все еще болталась на канате, волны швыряли ее из стороны в сторону. Шпион, держась за леера, прошелся по подлодке, примерился и прыгнул в лодку. На этот раз прыжок получился более удачным.

— Счастливо! — крикнул Иван, обеими руками держась за края люка.

— И вам того же! — крикнул шпион, пытаясь освободить свою лодку от крючьев кошки. Это у него не получилось, и, воскликнув что-то по-французски, шпион достал из-за обшлага ботфорта кинжал и обрезал веревку. Сев за весла, он короткими гребками погнал лодку в сторону берега.

Иван спустился в подводку, задраивая за собой люк. Яков вопросительно глянул на него.

— Отважный, черт! — сказал Мягков. — В такую погодку только тот плавать рискнет, кто с дьяволом договор подписал!

Он глянул в подзорную трубу. Утлая лодка болталась уже близ обрывистого берега. Видно было, что причалить гребцу не удастся. А он и не пытался. Капитан подводки видел, как шпион отчаянно бросился в воду и поплыл навстречу земле. Волна подняла его, покачала на гребне и швырнула на гальку. Шпион покатился по мелкому кам-

ню, вскочил и, прихрамывая, бросился под защиту скал. От россыпи камней ему навстречу бросились трое в алых плащах. Один из них был высок и дороден, но полнота эта выглядела полнотой могучего человека, водящего знакомство с силой и здоровьем, второй казался невысоким и стройным, в трубу угадывалось его молодое простодушное, но с некоторой слащавостью лицо с тоненькими усиками. Третий же из тех, кто оказывал помощь неожиданному пловцу, высокий и хорошо сложенный мужчина, с благородным и красивым, но излишне бледным лицом, показался Ивану знакомым.

— Живой, собачий сын! — удивленно и радостно воскликнул Мягков.

Поведя трубой в другую сторону, он нашел «Посланника». Маленькой игрушкою судно болталось на беснующейся груди моря. Вернуться на корабль было значительно труднее, чем покинуть его, но сделать это предстояло обязательно.

— Грузы поднять! — приказал командир подводки.

С погружением качка резко уменьшилась. Теперь держать курс к «Посланнику», где их с нетерпением ожидал капитан Бреннеманн, готовый немедленно увести судно в более безопасные воды, было значительно легче.

— Грик-ша! — подал команду Мягков, глянул в трубу, еще раз сориентировался и подал другую команду, которую давно уже ждал его экипаж: — Разом!

3. ГАУПТВАХТА ДЛЯ МИНЕРА

Григорий Суровикин вновь маялся на гауптвахте. Похоже, что он становился постоянным обитателем крепости. Караул ужесточили и девиц легкомысленных в узилище минера теперь уж не впускали, да и финь-шампанью бало-

вать пересыхающую глотку не приводилось. Настроение у казака оттого было мрачным — господам офицерам за образцовое выполнение задания награды выпали славные, а Григорию за непотребное употребление хлебной водки при исполнении оного досталось лишь наказание.

Мягков, объявляя о том минеру, не выдержал и сказал по-простому:

— Кончай дурью маяться, Гришка! Славное дело нам всем государем поручено, негоже одной пьяной голове полезное отечеству изобретение под беду подвести! Думай, голова садовая, нарушения твои и проступки всему экипажу нашему дорого обойтись могут!

Суровикин думал.

Беда ли, что казак чарку лишнюю примет? Питие да веселие в натуре казацкой. Он, Суровикин, не просился на подводку эту таинственную, его попросили. Тому как подкопов Суровикиным под вражии крепостя немерено сделано и все они были удачными. Не раз турков с татарами из оных крепостей выгоняли, ровно муравьев из разворошенных муравейников. Дышать им, вишь ли, нечем! Да нешто он, Григорий, репу пареную ел или кашу гороховую? Ишь, голубая кость, все повод ищут происхождением унизить, в казачество мордой ткнуть.

Но это Григорий так себе говорил, чтобы распалить чуточку. Господа офицеры, Мягков да Раилов, характерами были в общем-то славными и лишнего себе не позволяли, с денег, жалованных государем, по двадцать каждому гребцу выделили, да и Суровикина не забыли, и в компании простецкой не погнушались первую викторию одержанную отметить. К тому ж рукоприкладства со словами матерными с их стороны не замечалось.

На «Садко» Суровикину в общем-то нравилось. Подводка судно крайне интересное, Григорию ранее никогда не доводилось красться к супостату под водою. Да и пил Григорий, откровенно говоря, более по привычке да для куражу. С похмелья в воде порой туго выходило — то уши обо-

жмет, то воздух иной раз не в то горло пойдет. Прав был Мягков, во всем прав, только вот гонор Суровикина никак не давал ему согласиться с этой правотой. Хотелось Григорию показать, что он сам с усам, ведь самую ответственную работу выполняет, это вам не фунт изюму — мину под чужой корабль завести и взорвать в нужное время. Правда, тут признаться надо было с откровенностию, по-настоящему под вражеским судном Григорий ни одной подводной бомбы не взорвал, так ведь все впереди еще!

Уходить с подводки Григорию не хотелось. Уж больно народ на судне подобрался ответственный и душевный. С такими Суровикин готов был хоть в огонь, только приходилось вот в воду. Ну, в воду, так в воду... Суровикин печально вздохнул, но тут же поднял голову и настороженно прислушался.

Загремели замки на двери, послышалось звяканье шпор, и в каземат арестантский вошел Яков Раилов.

— Здорово, Гриша, — с порога махнул шляпой он. — Что, детинушка, не весел? Что головушку повесил? Песен твоих задорных не слышно...

— Радости на душе нет, вот и не поется, — сказал Суровикин. — Вызволять будете или просто поглядеть пришел?

— А что надумал, Гришенька? — уже неулыбчиво спросил Раилов. — Так и будешь казачью натуру свою выставлять или примиришься с трудностями и лишениями ратного труда в соответствии с артикулом и уставами?

Суровикин глянул на собеседника и тут же отвел глаза.

— Чего ж тут выставляться, — буркнул он. — Скажи командиру — его взяла!

— Сам от и скажешь, — успокоил Раилов, скучающе оглядывая сырые мрачности каземата. — За тобою послан. Шведы у берегов.

Глава пятая

1. НАЙТИ СЛОВА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

«Разлюбезная моя ласточка Варвара Леопольдовна!»

Яков Раилов задумался над бумагою и в задумчивости покусал перо. Слов в голове теснилось столько, что трудно было выбрать подходящие. Не пиит ведь, капитан флота Его царского величества писал это письмо. С ненавистью Яков глядел на чернильницу. Вот ведь, как садился, складно все в голове выходило, а вывел первые строчки, куда что и подевалось!

С залива доносилась редкая пушечная пальба. То не боевые действия были, бомбардиры флотские пушки на пришедших с реки Воронеж судах пристреливали.

После славного похода в Английский канал экипаж «Садко» в море выходил лишь однажды — принял тайное участие в смотре флота, который государь провел по возвращении из Киева 6 сентября 1706 года у Котлин-острова. Государь лично совершил погружение, из-под воды наблюдая за искусными маневрами флота, и остался доволен слаженностью экипажа «Садко» и умелыми действиями Григория Суровикина, с ловкостию установившего мину под шестивесельным яликом, отчего состоявшийся взрыв разнес ялик в щепы.

Чуть ранее в Петербурге случилось наводнение. Вода в покоях светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова стояла на двадцать один дюйм, по улицам ездили на лодках, и все это продолжалось около трех часов. Раилова, Мягкова и Суровикина наводнение застало в городе, брошенные на помощь горожанам все трое действовали с великим усердием, и Суровикин даже получил благодарность от коменданта Петербурга за спасение пятилетней девочки — дочери дворянина Корсакова. Отец спасенной девицы устроил в честь спасителя добрый прием.

Далее письмо не двигалось. Яков Раилов даже поставил перед собою миниатюру руки художника Чирик-Петровского, дабы вдохновение от созерцания милого лица получить. Лицо Вареньки созерцалось достаточно, а вдохновение не приступало. Да и слова из-под пера выходили такие, что совсем не соответствовали душевному настрою Раилова.

«Разлюбезная моя ласточка Варвара Леопольдовна!»

«Милая Варенька!» — начал Яков и, написав сие, принялся со вниманием разглядывать кончик пера. Хороший был еще кончик, новый совсем. А вот не писалось им почему-то.

И Варенька, коию Яков лицезрел в свой последний приезд в отцовское имение, изменилась. Теперь это была прелестная девушка, в достаточной степени усвоившая политесы и умело пользующаяся ими, чтобы подчеркнуть свою невинность и кокетство. Такой она Якову нравилась еще больше. Ванька же, чьи мысли были заняты поморскою девицей, только пригубился к маленькой нежной ручке Варвары Леопольдовны, а прежнего пылкого влечения, сразу то видно было, к своей детской любови уже не испытывал.

Отец Вареньки, граф Аксаков-Мимельбах, взаимоотношениям Раилова с дочерью не препятствовал, вид бравого морского офицера, бывшего к тому же любимчиком государя, графу определенно симпатизировал. Поэтому,

когда начались вечерние прогулки и воздыхания в беседке над речкою Осетр, граф ко всему отнесся с философским спокойствием и только пускал вослед влюбленной парочке двух-трех дворовых людей — на всякий случай. Уже перед отъездом Яков Раилов в который раз со всею нежностию душевных струн объяснился предмету своей страсти в великой любви, и в который раз изъяснения его были приняты с благосклонностью. Более того, Варенька определенно обещала Раилова ждать в следующий год, чтобы он поговорил с ее родителями и попросил у них ручку их дочери.

«Варенька, душа моя! — начертал на новом листе Яков Раилов. — Судьба определила нам с Иваном еще один дальний поход — опасный и полный трудностей. Если нам суждено сложить живот во славу государя и родимого отечества, я хотел, чтобы ты знала, милая Варенька, последним словом, что произнесут мои холодеющие уста, будет, несомненным образом, ваше славное и привлекательное для меня имя».

Он поставил жирный восклицательный знак и снова задумался. «С нежностию вспоминаю я наши вечерние прогулки под луной, тот пруд, в которым меццо и сопрано выводили свои божественные трели его обитатели, и поцелуй, которым вы одарили меня в прощальный вечер, еще горит на моих устах...»

В сенях что-то загремело, дверь с шумом отворилась, и вошел в горницу разгоряченный Иван Мягков.

Вошел, сел на скамью, посмотрел хмуро на брата.

— Ну что с ним делать? — сказал эдакое и вздохнул.

Яков ревниво прикрыл написанное.

— Ты о чем, Ваня? — спросил он.

— Да о Григории нашем! — досадливо двинул скулою Мягков, и усы его пшеничные презрительно скривились. — С купцами на пристани подрался!

Яков медлительно свернул письмецо трубочкой.

— Что ж подрался-то? — с прежним недоумением спросил он.

— А то ты не знаешь! С чего он всегда на рожон лезет? Девку не поделили гулящую. Купцы хотели честь по чести — в откуп пойти, но ты же Суровикина знаешь! Он сразу — в рыло!

— Крепкие рыла-то у купцов оказались? — со спокойствием поинтересовался Яков.

— Это ты у Суржакова спроси, он нашего Гришку на гауптвахту спровадил.

— Опять, значит, идти и просить за него, — вздохнул Яков. — Туго, брат, что не сдержался.

— Это ты у нас хладомыслием отличаешься, — отозвался Мягков. — У Суровикина, сам знаешь, кровь особая, вольная, вот он у нас из казематов и не вылазит. Кто к коменданту пойдет на сей раз — ты или я?

— Схожу уж, — сказал Раилов. — Тебя пускать — беды ждать, опять сдерзишь, как не раз уже было.

— Как наш государь говаривает, несчастия бояться — счастия не видать! — с насмешкою заметил Иван.

Раилов снова развернул письмо и вложил его в лежащий на столе фолиант с наставлениями по морскому делу.

— Кстати, — сказал он. — Раз уж о государе сказано было, слышал ли ты, что при нем арапчонок объявился? Черен как сажа. Государь его при себе держит. Говорят, русский посланник в Константинополе граф Толстой Петр Андреевич его выкупил из сераля и прислал вместе с иными в подарок Петру Алексеевичу. Абрашкой арапчонка зовут. Смышлен, шельма!

— Значит, к делу приставлен будет. Петр Алексеевич способных людей за версту чует, а неспособных — за две. Помнишь, как он Суркову в чело заглянул, лобик открыл да и высказал: «Ну, этот плох! Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится». И ведь как в воду государь глядел — седьмой годок пошел, а служака Сурков до мичманских званий так и не добрался.

— Разговорчивый ты что-то больно, — заметил брату Яков Раилов. — Что в экипаже-то говорят? Когда в море?

— Скоро, — с уверенностью сказал Иван. — Зря, што ль, маневры у Котлин-острова государь принимал? Шведы опять недоброе задумали.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЛА

Пехота пришла под Выборг двенадцатого числа.

За милю до Выборга неприятель в двух шанцах при двух пушках остановил русский авангард, но русские шанцы взяли, пушками овладели и неприятеля погнали прочь.

На флоте обсуждали героическое деяние флотских офицеров Скворцова и Сенявина. Вице-адмирал Крейс, согласно указанию государя, направил шесть бригантин к Беркен-Ейланту, чтобы перехватить семь шкут, вышедших от Выборга. Преображенского полку сержант Михаил Щепотнев, бомбардир Автоном Дубасов и флотские офицеры Скворцов и Сенявин на пяти лодках, возглавив сорок восемь солдат, пошли для выполнения приказу, но вместо указанных купеческих судов напали в туман на шведский адмиральский военный бот «Эсперн» и оным с отчаянной храбростью овладели, побив бывших там пять шведских офицеров и семьдесят три моряка. Оставшихся в живых они заперли под палубу. С русской стороны в живых остались Сенявин и четверо солдат.

Петр тела всех погибших препроводил в Петербург и приказал Зотову подгрести их с воинским торжеством.

Славная виктория! Мягков и Раилов досадовали, имто пока приходилось отсиживаться на берегу. Может, досада эта Богом увиделась, а быть может, и государь захотел увидеть мореходную новинку свою в действии, только «Посланник» вышел в море и играл роль подсадной утки.

Подводка на малом плаву держалась близ борту «Посланника» и в воду погрузилась, едва шведская бригантина пошла на захват кажущегося беззащитным судна, нагло плывущего под российским торговым флагом. Пока палили из пушек да абордажная команда шведов готовилась к высадке, Григорий Суровикин с ловкостию и наработанной сноровкою установил под шведским судном подводную мину, и грянувший через некоторое время взрыв положил отсчет удачным боевым операциям подводки «Садко», а шведский государь Карл недосчитался в своем флоте одного боевого корабля и множества управлявших им матросов и офицеров, коих «Посланник» по причине незначительности размеров своих на борт взять не мог.

До средины сентября экипаж подводки пополнил число викторий потоплением трех купецких судов неприятеля, доставлявших припасы шведскому гарнизону в Выборге. С одним торговым судном, однако, едва конфузия не вышла. Григорий Суровикин боевой заряд под днищем установил, а заряд тот отчего-то не взорвался. Прождав бесплодно, Суровикин захватил новую мину и отправился в новый путь ко вражьему кораблю. Едва он начал прилаживать крюк для новой мины, как грянул взрыв прежней. Григория изрядно контузило, и с трудом он вернулся на подводку, оглохший почти и пораненный щепою вражеского корабля. Слава Богу, что ранение было не шибко тяжким, а от контузии Суровикин оправился на удивление быстро, хоть и жаловался порою на жуткую гемикранию.

На суше меж тем осадная артиллерия стала на дороге в глубокой осенней грязи, и под Выборг были привезены одни мортиры.

22 октября 1706 года началось бомбардирование, продолжавшееся четверо суток. Результаты его были не слишком удачны. Шпионы, пытавшиеся выбраться из города, перехватывались бдительными шведскими постами. Государь объявил отход и повелел подполковнику Курхину

отпускать офицеров до 25 декабря и не позже, под опасением потери чести и живота. Отступление Петр Алексеевич планировал всесторонне — и мортиры повелел вывезти за день до прекращения военных действий, и отступать приказал в вечернее время, выслав для обмана неприятеля парламентеров для ложных переговоров. Петр досадовал, что ему не доставили верных сведений о местоположении войск у Выборга.

— Мне бы моих орлов ранее под Выборг отправить, — сетовал он, обращаясь к адмиралу Крейсу. — Но уж поздно жалеть ныне, добро им на море свои виктории одерживать!

Разумеется, что говорил он о доблестном экипаже подводки «Садко», за участием коего в случавшихся баталиях государь наблюдал с великим восторгом.

— Чистые щуки! — в великом восторге говаривал он. — Так глушат шведского малька, что тот сразу кверху белым брюхом всплывает!

По его указанию еще две подводки заложили Курила Артамонов и Маркел Плисецкий. Дело было за малым, но препятствие оказался весомым — дыхательная смесь, что использовалась на «Садко», готовилась долго, и производство ее сопрягалось с довольно значительными трудностями. Новый запас ее Курилой Артамоновым был лично доставлен для своего подводного первенца, однако «Посланник» с подводкой еще находился в боевом походе, и Курила, оказавшись не у дел, некоторое время ожидал в Петербурге государя.

Петербург обретал очертания.

Кое-где появились уже и каменные дома, а дворец светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова возводился со стремительной быстротою, словно не люди, а сказочные мастера его строили.

Находились, правда, и недовольные.

— Ума не приложишь, коли глянешь округ себя, — ворчали одни. — Затеяли ставить город, и где же? В болоте, где и лягушкам-то тошно, на краю земли, под самым боком у супостата! И имя городу нехристианское дали. Губят людей, тратят казну государственную, а будет ли с того толк?

— И в самом деле, много православных перевела государева затея, — возражали им. — Но коли сам царь-батюшка с топором в руке лес валит, здоровья своего царского не бережет, можем ли мы, подданные его, в стороне от государева дела оказаться? Государь живет великим умом, семена, что им брошены ныне в скудную почву, завтра произрастут злаками для потомков!

Ассамблеи еще не вошли в обычаи, но Петр уже увещеваниями и угрозами старался установить для женщин равное гражданство в обществах. Нередко во дворах Петровых сановников с наступлением осени до великих постов устраивались собрания, еще не называемые ассамблеями, но по сути своей таковыми уже являющиеся. Посещали их дворяне обоего полу, купцы и ремесленники, духовенство: эти, правда, появлялись из любопытства и в качестве зрителей, с правом не участвовать в общих забавах. Однако иной раз шуты ухитрялись и отцов церковных опоить до полной потери сознания. Государь на то лишь пальцем грозил, тайно посмеиваясь в усы. «Во славу Божию принимают, — говорил он, вздымая усы и морща выпуклый лоб. — До положения риз!»

Сам государь немало бражничал, понуждая пить и Курилу Артамонова. Однажды во время славного веселия, оставив общество, Петр Алексеевич повез Курилу на ялике в свой анатомический кабинет. Артамонову, к неудовольствию государя, в анатомическом кабинете не понравилось.

— Ты как мои бояре, — хмуро бросил Петр Алексеевич. — Зубами трупятину рвать тебя не заставлю, но неудовольствие свое держи при себе, плотник. Сей кабинет

крайне полезен для будущей хирургии армейской, трупы разрезая, многому можно научиться в лечении человеческих немощей, о ранах же, в боях полученных, и говорить не хочу. Дураку сие ни к чему, умный же сам про все догадается.

Потом оборотился к делам:

— Подводка твоя, Курила Фадеевич, зело полезное для отечества изобретение. Четыре судна неприятельских героичным ее экипажем на дно пущены. Да и в иных секретных делах государству Российскому от оного судна великая польза имеется. Что делается для того, чтобы новые подводки прибавлением флоту российскому уже в следующем году явились?

Курила Артамонов помялся.

— Сделаем, государь, — погладив бороду, решительно пообещал он.

— Жаль, в холода использовать человека для минной установки возможности нет, — заметил государь. — Ты бы, Курила Фадеевич, поразмыслил на досуге, желательно было б костюм надежный измыслить, чтобы позволял он славным подводным минерам нашим ставить мины под неприятелем и в холодной воде.

— Думал об этом, государь, — сказал Курила Артамонов. — Оно и летом вода не тепла и защиты телу требует. Говорить пока ничего не буду, чтобы ликованию напрасному ты, Петр Алексеевич, не предавался, но кое-какие мысли у меня, государь, в последнее время имеются, и, похоже, весьма знатные и полезные к случаю сему.

Государь засмеялся, весело вздернул усики, поворотился к арапчонку, мерзло ежащемуся на корме ялика.

— Видал? Вот такие великие таланты, Абраша, населяют отечество наше славное. Черта ль с таким народом не сломить! Но и я тебя, Курила Фадеевич, удивить желаю, — продолжил государь, поворотясь к корабельному мастеру. — Измыслил я на досуге баркентин необычный. Завтра предстоит нам спустить его на воду. Желаю, чтобы

и ты со мной на борту оного судна поплавал, мастерским своим глазом на достоинства и недостатки его взглянул!

— Отчего же не взглянуть, — согласился Артамонов. — Мыслю я, что коли учился ты, государь, у искусных голландских да бельгийских мастеров судостроительству, то и придумать должен доброе да полезное.

Петр снова мальчишески засмеялся, охватил рукою зябнущего арапчонка. Тот засопел, прижимаясь к грубому холщовому платью государя.

— Зубы больше не болят, Курила Фадеевич? — поинтересовался Петр. — А то ведь у меня запросто, инструмент всегда под рукою.

3. ДИПЛОМАТИЯ ПО ПЕТРУ

Потерпев неудачу под Выборгом, государь приказал Шафирову, поверенному в делах России при прусском короле, разменять Книпера и к освобождению Паткуля приложить всевозможное старание. Еще в августе 1706 года российский министр при польском дворе тайный советник фон Паткуль узнал о том, что король польский Август уполномочил для переговоров мирных с Карлом министров своих — Имгофа и Фингстейна, и тому резко воспротивился. Под предлогом тайного совещания фон Паткуль был приглашен саксонскими министрами, арестован беззаконно и заточен в Зонненштейнскую крепость. По поручению государя министр иностранных дел князь Дмитрий Голицын протестовал против случившегося произвола, но — тщетно. В Альтранштадте, где располагалась главная квартира шведского государя, шли переговоры между представителями Августа и неуступчивыми шведами. В ответ на то Петр Алексеевич также со шведами повелел свести переговоры о мире и довольствоваться от иностранных министров, что от них оп-

ределится, хотя и считал, что русские над шведами великую победу одержали.

С холодами участились случаи дезертирства из боевых порядков армии. Узнав о том, государь приказал Керхину беглых расстреливать, а ежели их будет более двух десятков, то поступать по жребию — кому достанется смерть, а кому каторга.

Светлейший князь Меншиков, еще ничего не зная о договоре, что заключил Август, продолжал битвы со шведом и даже одержал в оных значительные успехи.

18 сентября 1706 года войско светлейшего князя в союзе с саксонцами Августа перешло Пресну и напало на неприятеля. Корпус неприятеля состоял из шведов, которыми командовал генерал Мардофельд, по крылам его были польские войска под командою киевского воеводы Потоцкого и троицкого Сапеги. Русские и поляки, что действовали с ними, были храбры и стремительны. С саксонцами был гетман Синявский, с русскими гетман Ржевуцкий. Общей численностью русско-польское войско едва доходило до двадцати трех тысяч, к которым прибавился малый, но отчаянный в храбрости и стойкий в бою отряд казаков. Польский государь, боявшийся Карла, тайно снесся с генералом Мардофельдом и сообщил ему все военные планы Меншикова, советуя при этом в битву с русскими не вступать, одновременно сказав о готовящемся примирении с Карлом. Однако шведский полководец обманул сам себя — он не поверил польскому королю, считая его сообщения уловкой, призванной помочь Августу уйти от бесславного поражения в грядущем сражении.

И сражение под Калишем грянуло!

В ходе кровопролитного боя светлейший, возглавив несколько шквадронов драгун, остановил неприятеля и велел с правого крыла ударить коннице. Через три часа все было кончено. Неприятельского войска, общей численностью до тридцати тысяч, было побито до шести тысяч и в том числе шведский генерал Красов. В плен попал

сам Мардофельд, четыре полковника, а прочих офицеров числили десятками. Захвачен был и весь обоз. На следующий день при преследовании в Калише были взяты в плен остатки шведского войска и польские отряды с их предводителями. Европейский позор 1700 года был отмщен второй раз после Нарвы.

Петр три дня праздновал викторию своего любимца, повелел в честь него выбить медаль и лично сочинил для Алексашки именную трость, украшенную драгоценными каменьями. Александру Даниловичу он приказал не упустить случая и немедля отрезать генерала Левенгаупта от Риги.

Никто еще не знал, что, убоявшись блистательной виктории над шведом, Август, которого в трепет приводило имя шведского государя, уговорил Меншикова отдать ему пленных неприятельских офицеров для размена, обещая оный провести в трехмесячный срок, а в случае неудачи обязался вернуть пленных обратно. Своих шляхтичей он к тому времени уже освободил, запросив за каждого выкуп. Виктории разные стороны имеют, одни на них славу ратную получают, другие — обогащаются. Победа имела конфузливый оттенок, ведь Август письменно просил у Карла прощения в своей победе. Двойственная и трусливая натура — в Варшаве отпел он благодарственный молебен Господу за дарованную победу, а уже через несколько дней в Лейпциге обедал в компании Карла и Станислава Лещинского и подписал унизительный для себя трактат.

Петр получил известие о перемирии польского короля Августа с Карлом от разведки, и чуть позже донесения эти были подтверждены Меншиковым. Трактат заключен был с ужаснейшими условиями: Августу отказаться от польского престола в пользу Станислава Лещинского, отступить от союза с Петром и выдать изменника и беглеца фон Паткуля на суд Карла. Не обойдено было и помощное русское войско — его также надлежало отдать в руки шведского государя. Немедля Петр Алексеевич отписал Меншикову, чтобы тот осторожнее держался и всту-

пил в Литву, с тем чтобы Левенгаупта загнать в Лифляндию и по весне бомбардировать Ригу. Одновременно Петр приказал своим доблестным генералам Чамберсу и Вердену, чтобы те нападения Левенгаупта с подчиненным ему шведским войском на Полоцк не допустили.

Готовясь к войне, государь повелел Стрешневу собрать с городов пять тысяч рекрутов. Князю Ромодановскому приказал доставить в Киево-Печерскую крепость сто тридцать шесть пушек. Смоленскому губернатору Салтыкову Петр Алексеевич указал подготовить к весне суда, потребные для перевозки ста пятидесяти тысяч пудов.

Провиант — вот главное условие для победы! Провиант должен был доставляться в Петербург, а запасы его в крепости Азов.

Получив подтверждение о союзе Августа с Карлом, государь оставил все дела и, взяв с собой царевича Алексея, немедленно поскакал в Польшу, так и не завершив осмотра Нарвы в вопросах ее готовности к военным действиям.

Пробыв в Смоленске, государь посетил также Киев, Острог, Дубну и, наконец, прибыл в Желкву, где с войсками стояли светлейший князь и фельдмаршал Шереметев. Здесь, в Желкве, Петру предстояло быть до конца апреля следующего года.

Глава шестая

1. ЖЕНИТЬБА РАИЛОВА

Зима благоприятствовала Якову Раилову.

Будучи в отпуске, он сочетался браком с предметом своей неземной страсти Варварой Леопольдовной Аксаковой-Мимельбах. «Ах, Яшенька, — сказала мать, — что бы тебе подождать, пока брат твой не женится». Яков промолчал. Граф Иван Мягков был в некоторой душевой растрепанности, вызванной отсутствием известий о ненаглядной Анастасии.

Будь его воля, никуда бы не поехал граф из светски скучного в отсутствие государя Петербурга, а пуще того отправился бы на Десну повидать ту, о которой мечталось его сердцу. Тем более что с разрешения адмирала Корнелия Крейса выехали туда обласканные государем три Гаврилы, два Николая и Григорий. Второй Григорий, что из казачества был, держал путь в разлюбезную ему станицу, где Суровикина ждали жена и двое сыновей. Не с пустыми карманами поехали, было чем служивым флотским и Беломорье удивить, и жителей выжженной южным солнцем степи. За гребцов-бородачей Иван особо не волновался, мужики они были хозяйственные, степенные и деньге счет знали, не чета Суровикину, который сбережения мог свои спустить еще на половине дороги в семью.

И вот что удивительно — смелости да отчаянности Суровикин был необычайной, в товариществе верным и покладистым себя держал, а вот жило в казаке что-то павлинье — перед любой девицей даже самого неказистого происхождения мог хвост распушить и деньгами нещадно сорить до полного опустошения карманов. Да и горячность со вспыльчивостью ему неприятными последствиями выходили. Будь Суровикин поровнее да поспокойнее, давно бы, как Мягков с Раиловым, в капитан-лейтенантах ходил, а так выше мичмана не поднялся.

Тоска тоскою, а пришлось Ивану Мягкову и в церкви присутствовать, где ликующий брат надел несравненной своей Варваре Леопольдовне колечко на палец и первым в жизни поцелуем с ней обвенчался, и на свадебке, где мрачно глотал рябиновку, сливовицу и прочее, чем усадьба отца его всегда славилась, и потом даже приходилось иной раз сопровождать молодоженов в их совместных катаниях на санках с пригорочков близ Осетра. Отец задавал постоянные балы для местного дворянства, где танцевались менуэты и мазурки, в надежде, что и старший сын на кого-то благосклонное свое внимание обратит. Вон как прелестно движется в менуэте княжна Лопухова, как ловка в контрадансе графиня Головкина, а он все бычится да по сторонам скучающе поглядывает. Уж не увлекся ли в Петербурге этом диавольском какой-нибудь легкомысленной девицей, не испортит ли тем когда-то впечатления в обществе порядочном? Известное дело, государь, не во грех и во всеуслышание сказано будет, сам есть первый рукомашец и дрыгоножец, нахватался в заморских странах иноземных замашек, свое, исконно русское, во грош не ставит, старикам обиды чинит. Кто побрил бороды почтенным людям, кто шутам позволил над ними издеваться? Петр Алексеевич позволил. Но детишкам этого не скажи, они за своего государя глотку любому порвут, отца так не чтят, как этого антихриста.

В полдень следующего дня, когда закружилась над поместьем пушистая снежная карусель и молодые ушли в свою светелку, Мягков-старший решил поговорить с сыном.

Разговор шел за самоваром, суровость отцовского разговора отчасти смягчалась колотым сахаром, медом да сладкими кренделями.

— Вижу, в чинах вы ноне, — сказал граф.

— Што же это за чины, — возразил Иван, — чины, они, папаня, впереди ждут.

Курить ему хотелось неимоверно, но помнил Мягков-младший, с каким отрицанием отец его к табаку относится, потому и сидел, терпеливо сжимая заветную трубку в кармане кафтана, и все вспоминал, где же у него табак положен.

— А все же, Иван Николаевич, — возразил Мягков-старший, — в ваши годы капитан-лейтенант чин вполне достаточный. Иным до него долее идти приходится. За какие ж заслуги вам с Яшкою щедрость такая от государя получилась?

— У нас за одно дают, — не вдаваясь в подробности, ответствовал Иван, — за верную службу отечеству.

Не то что отца своего родного он за шпиона какого почитал, но секреты государственные предпочитал блюсти и дома. А ну как Николай Ефимович кому скажет, что сын его службу проходит на подводном корабле? Кому надо, так сразу заинтересуются, прочие же просто обсмеют старика.

— Выходит, вам с Яшкой совместная служба выпала? — не унимался граф. — Да на одном корабле?

— На одном, — подтвердил Иван. — Мне в капитанах ходить досталось, Якову же — штурманское дело вести.

— И какое же ваш корабль прозвание имеет? — снова приступил с вопросами отец.

Коли был бы шпионом, так лучшей дотошности и не надо.

— «Садко» называется, — нехотя сказал Иван.

— Странное имя, — сказал Николай Ефимович. — Что ж кораблю такое имя дано?

— Не мной именован, — вздохнул сын.

— Не больно ты, сынок, разговорчив, — осердясь, заметил отец.

— Так не мною, тятя, секреты государевы придуманы! — взмолился Иван. — Рад бы сказать, да присяга государю не дозволяет.

— Яшка-то женился, — сменил тему граф.

Иван вздохнул. Пальцы его теребили ткань камзола.

— Негоже старшему от младшего отставать, — настаивал отец. — Вон княжна Лизавета Лопухова какая справная. Неужто не глянется?

— Славная, — опуская голову и пряча глаза, согласился Иван.

— А не глянется, — сообразил Николай Ефимович. — А графиня Головкина что ж? Ведь умна да стройна, в контрдансе ловка и грациозна, Данте с Петраркою шпарит наизусть, театр в поместье своем устроен ею, и изрядные пьесы разыгрывают. Не приглашала глянуть?

— Приглашала, — уныло признался Иван, по-прежнему глядя в сторону.

— Дурак ты, Ванька, — сердито сказал граф. — Дурак, хоть и капитан-лейтенант. Да такой невесты боле окрест нигде не найдется, за ней Головкин три деревни дает да семьсот душ, не считая прочего.

Иван молчал.

Пасть бы сейчас перед отцом на колени, повинную бы принести да счастья себе вымолить. Не в деревнях счастье, в любви оное, но Иван молчал, понимая, что отец его, Мягков Николай Ефимович, не поймет и выбора не одобрит. Да что там напрасных надежд держаться, выпорет по старой памяти, не поглядит на усы да капитанские звания.

Николаю Ефимовичу ждать ответов надоело. Нет, это не Яшка, тот из-за голенища ответ достанет, языкат и

смышлен, потому и в мужьях уже ходил, не в пример старшему брату, коий отцу достойно ответить не умеет!

— Ладно, — почесывая седую уже грудь под шелковым халатом, сказал граф. — Жизнь сама все сладит. А не устроить ли нам, Иван Николаевич, заячью охоту с борзыми? Славная погода на дворе стоит, прямо сама в седло просит!

Иван даже просиял от великой радости, что отец опасные разговоры оставил. Врать не хотелось, а правды язык вымолвить не смел.

— Славная мысль! — с радостию согласился он. — И то ведь верно, пора бы уже косточки в чистом поле размять.

— Дурак ты, Ванька, — снова заключил с легкой грустью Иван Ефимович. — При званиях, орденом тебя государь оделил, а все малый ребенок!

2. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АНАСТАСИИ

От Тулы на Москву тракт был наезжен, да и до Вытегры, хоть с зябкостью, ехать было можно, а далее потянулись архангельские леса, и деревни встречались все реже, а снега кругом стояли такие и такое безмолвие было вокруг, что кони, и те боязливо косили по сторонам, фыркали, пуская из мохнатых заиндевевших ноздрей густые струи пара. А и было чего бояться: дважды — под Шалукшой и Емецом — пришлось отбиваться от голодных волков.

— Ты, барин, в рубашке родился, — уважительно говорил ямщик, боязливо поглядывая на мягковские пистолеты. — И стреляешь изрядно, словно бы родился с пистолями.

— Поезжай, поезжай, — благодушно отвечал Иван, пряча пистолеты в футляр. — Гляди, отстанешь, одни можем остаться. А в одиночку и они отбиться нам не помогут!

Сказались-таки маменькины уроки о заединщине!

Но чем ближе был конечный пункт его путешествия, тем волнительнее дышалось Ивану Мягкову. Нетерпение словно бы сжирало его изнутри, казалось, дай Господь воли, побежал бы Иван впереди саней, сил своих не жалеючи.

И вот уже стал виден распадок меж двумя холмами, а за распадком и холмами уже открывался вид на Холмогоры.

— Останови, — повелел Иван, и когда недоумевающий ямщик остановился, Мягков расстегнул тулуп, снял рукавицы, достал из камзола трубочку и принялся набивать ее непослушными дрожащими пальцами. Ямщик смотрел на молодого барина и ничего не понимал — не он ли всю дорогу торопился? Чего ж сейчас встал?

Иван сидел, глядя на открывающийся распадок, на сверкающие под лучами солнца снежные холмы, на синие пронзительные небеса, и курил. Ехать вперед было заманчиво и отчего-то страшно. Он пытался унять внезапное волнение, но слышал стремительный стук своего сердца, и где-то в сосняке, густо зеленевшем на склонах холма, вторя его сердцу, дробно застучал дятел.

— Трогай, — приказал Мягков ямщику и откинулся на сиденье кареты.

Фыркнули и заржали лошади, заскрипело по снежному насту дерево, покачиваясь, покатилась в окне кареты встречная неяркая красота северного края. А сердце колотилось все стремительнее, все яростнее, и Иван вдруг подумал совсем некстати и не о том, чего ждали его сердце и душа: «Не забыть бы сразу же Кириле с Маркелом гостинцы занести!»

Не засиделся Иван Мягков в привычных отцовских вотчинах. Якову терзания сердечные братца — что? Для одуревшего от жарких ночных баталий Раилова супруга его законная Варвара Леопольдовна Аксакова-Мимельбах светом в окне была, прочих он не замечал даже. А Ивана Мягкова даже волчья охота с флажками, гончими,

зазывно трубящими охотничьими рожками да обязательной янтарной рябиновкой, подаваемой прямо на крови, над добытым зверем, значит, не развлекла и душевных волнений не доставила.

Маменька Рахиль Давыдовна сердцем своим почуяла недоброе и по простоте своей душевной раздумывать особо не стала — вечером же после охоты послала в комнату старшего сына молодую да пригожую дворовую девку — посветить. Иван у нее хмуро свечу отнял и недоумевающую девку Наталью, которой этот мужественный государев капитан из хозяйских сынов очень даже нравился, за дверь выставил, а сам с полчаса ухал отчаянно да в белой исподней рубахе угрожающие стойки принимал, руками и ногами резво размахивал — следовал невиданной в Туле и ее окрестностях восточной борьбе под названием «самураке».

Маменька поутру пыталась с Иваном откровенные разговоры вести, но он накануне с батюшкой достаточно наговорился.

— Что вы, маменька, торопитесь? — спросил он. — Нешто вам Якова счастия мало? Придет время, и оженюсь, успеете внуками порадоваться!

— Вы же мне одинаково милы, разлюбезный сыночек, — запричитала Рахиль Давыдовна, которую в доме никто иначе как Раисой Давыдовной не называл. — Вот увижу ваше семейное счастье — тогда и помирать можно будет в душевном спокойствии. Никак тебе никто не глянется, сынок?

Откровенничать с маменькой было еще даже опаснее, чем с отцом. Кто ее знает, какой фортель Раиса Давыдовна выкинуть может, дабы счастия для сына, в том понимании, каковым она это счастие видела, добиться?

— Ах, матушка! — неохотно сказал Иван. — Не чувствую в себе той силы и терпения, чтобы готовым быть семейным очагом и детьми обзаводиться. Да и кондиций к женитьбе не вижу!

Не в пронос будет сказано, тут Иван Мягков и не лукавил даже. Объяви он о предмете своих воздыханий, мнится, родители тому не рады были бы и, даже напротив, зело опечалены сыновнею неразборчивостью.

После крещенских морозов Иван сговорился с Яковом, который ехал в Тулу купить у купцов лино-батиста, тарлатанов да драгоценный склаваж для своей молодой жены. Якову братцева задума совсем не понравилась, только ведь и отказать было нельзя. А посему после возвращения Якова родителям огорченным было сказано, что получено для Ивана секретное воинское предписание, указывающее капитан-лейтенанту Мягкову явиться в Петербург под строгие адмиральские глаза.

Таким указаниям противиться было нельзя, и с недолгими родительскими хлопотами да маменькиными жалостливыми приговорами Иван отправился в путь, обняв отца и нежно поцеловав вытирающую слезы мать.

Теперь же замирало и жарко ахало сердце влюбленного Ивана. Вот уже видны были чаканные крыши рыбацких домов и темная полуутонувшая в снеге казарма, около которой неторопливо расчищали тропинки армейские инвалиды, которым после выслуги некуда было податься.

А вот уже и дом разлюбезной Анастасии.

Иван нетерпеливо приказал ямщику встать и сам принялся разгружать узлы с гостинцами да подарками.

Прошел во двор, отворил хриплую от морозов дверь и замер на пороге, пораженный нежилым видом горницы. «Ах, гадюка! — ненавистно мелькнуло в голове. — Достал-таки!»

Придерживая одной рукою полы распахнутого тулупа, Мягков бросился к дому подполковника Востроухова. Тот был на месте и, казалось, совсем не удивился ни явлению капитан-лейтенанта, ни его кипящему гневом лицу.

— За спросом явился? — буднично спросил он. — Ты бы, Мягков, ноги обмел да шапку снял, коли в дом вхо-

дишь. Добрые люди, входя, Богу крестятся да хозяину здравия желают. А этот — на тебе! — бураном пылящим ворвался!

— Не до политесов! — буркнул Иван. — Где она, Ануфрий Васильевич? Не томи душу!

Востроухов вздохнул, завистливо глянул на Мягкова и развел руками:

— Не знаю, Иван Николаевич, ей-ей, не знаю!

— Как это? — Мягков обессиленно сел на скамью, глядя на старого служаку.

— Вот так. — Тот сел рядом, поджал губы, скорбно поглядел на образа в красном углу. — Еще осенью поздней — спать ложились, она избу топила, утром встали — дом пустой. И ума никто приложить не может. Вроде и места у нас не разбойные, неоткуда беды ждать. Правда, сказывают, видели в ночь карету в распадке. Только в карету ту я не шибко верю, не княжна, чай, чтобы в каретах по Руси разъезжать. Резонировать я тебя не буду, ибо нет фирияка от укусов той змеи, что любовью зовется. Иной раз думаешь — золотой, а нагнешься — алтын увидишь.

Он дружески коснулся плеча капитан-лейтенанта и участливо с определенным бономи предложил:

— Я чаю, ты не одну версту отмахал, Иван Николаевич. Раздевайся, отдыхай, поклажу твою мои дворовые в дом снесут. А я пока указания дам самовар поставить да штоф с рябиновкою из подвалов поднять.

Ах как пьют у нас на Руси обиженные да судьбой обездоленные! Последний грош — и тот в кружале иль питейной лавке оставят, а горе, что в душе их бушует, обязательно горькой зальют. Зальют и повторят, а там уже и остановиться трудно, и деньги неведомо откуда плывут, кураж идет, пропой длится, а когда человек наконец в себя приходит, зрелище видится безрадостное — и денег нет, и горе с тобой, и морда в драке с неведомым супротивником расквашена. Нечто подобное испытал и капи-

тан-лейтенант Мягков, когда после безуспешных расспросов степенных и неразговорчивых холмогоров в доме Ануфрия Васильевича Востроухова очнулся. Глянул на себя в зеркальце, небритую опухшую морду свою увидел и сплюнул с тоски и досады.

Около дома корабельного мастера Курилы Артамонова на длинном шесте полоскалась разноцветная ветреница, показывающая направление ветра.

Сам Курила Фадеевич Артамонов в своей избе занимался диковинным делом — поставил посреди горницы бадью с морской водой и пускал в оной воде досочку с вертушкою на конце, и оная вертушечка ходко двигала досочку к другому концу бадьи, даже некоторый бурун за нею вздымался.

— А-а, никак доблестного капитана Мягкова зрю, — спокойно и даже с некоторым равнодушием прогудел он в бороду. — Долгонько добирался, Иван Николаевич!

Мягков с надеждою взглянул на него, но корабельный мастер лишь дернул широкими плечами.

— Не знаю, Иван Николаевич. Нет у меня на твои волнения успокоительных ответов. Не баюнок я и красиво сказывать не умею. Даст Бог, объяснится все и даст тебе Господь наш спокойствия и счастия. Утешать тебя не буду, в таких делах утешить только Он и может. Идитко лучше сюда, Иван Николаевич, погляди, какую штуку замыслил я изладить...

Мягков безразлично подошел, ссутулился и потухшим глазом уставился в бадью с водой.

— Видишь, какая штука получается, — приступил к объяснениям корабельщик. — Заметил я, что ежели к одному концу щепки вяленые потрошка крепко закрученные закрепить, а к оным потрошкам вертушку присобачить, то кишки, начинаясь раскручиваться, раскручивают и вертушечку, а вертушечка, в свою очередь, толкает щепочку вперед, и оным образом щепочка та изрядное расстояние проплыть может.

— Игрушками пробавляешься, Курила Фадеевич, детство в тебе играет, — равнодушно заметил Мягков.

Курила со знакомым Ивану упрямством вскинул бороду.

— Из этой игрушечки отечеству зело великая польза может быть, — сказал он. — Зрю я, томит тебя несчастие, ты нонича и на прю неспособный!

— И какая же с щепки государству польза может выйти?

— А такая! — Корабельщик взял щепочку из бадьи в мозолистые корявые руки и принялся накручивать вертушку. — Представь себе, что оные кишки вяленые находятся внутри выжженного полена. На одном конце его вертушечка, а на другом бомба запалом кипит. И ты оную вертушечку освобождаешь для вращения, она гонит сей снаряд по воде, и снаряд тот в момент приближения к неприятельскому судну взрывается. Этак минеру твоему и из подводки без надобности выходить будет. Знай целься только да пускай самобеглые мины в неприятельские корабли!

— Это ж какие расчеты надо делать, чтобы точно у корабля под бортом мина взорвалась? — поинтересовался Мягков. Глаза его неожиданно заблестели, смысл и задор в них появился, а с задором объявилось и желание возражать Артамонову. — Это ж как получается? Неправильно фитиль рассчитаешь, и неприятелю никакого урону не будет, только мину безо всякой для того пользы переведешь! Плохо ты придумал, Курила Фадеевич, бесполезно твое техническое новшество для военного делу, только для государевой кунсткамеры оно лишь и пригодно!

— А ты не торопись, — посоветовал корабельный мастер. — Главное, что сия мысль мне пришла в голову. А уж как с оными недостатками совладать, тут уже время да Бог мне советчики.

— Эх, Курила Фадеевич, — горестно вздохнул Мягков. — Да не лезут в голову изобретения твои! И без того полна голова горьких думок!

Корабельный мастер посмотрел на капитан-лейтенанта, лицо его в боры собралось, потом улыбкой разгладилось, и Курила Артамонов сказал сочувственно:

— А ты гони ее прочь, печаль-тоску! На приклад тебе скажу, не то беда, что утонул, а то беда, что не ко времени.

3. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «САДКО»

Одна тысяча семьсот седьмой год был бы скучен и тосклив, словно игра в подкидного дурака в одни руки, да выпали и в нем некие тайные и с тем геройские операции на долю доблестного экипажу подводки.

С ледоходом, когда царь был еще в Желкве и занимался нужными и неотложными государству делами, доставлена была из Холмогор новая подводка взамен той, что худа уже стала и течи опасные открыла в укромных и нежданных местах. Новую подводку, которую Курила Фадеевич ладил усердно с устранением недостатков, присущих первому подводному кораблю, также назвали «Садко» и теперь всяким образом пытали ее близ острова Котлин. Экипаж был тот же, привычен стал уже к подводному каторжничеству, поэтому учения все шли своим чередом с обычной рассудительностью и неторопливостью. Самодвижущихся мин Артамонов с Плисецким еще не додумали, но желобка для них на подводке уже поставлены были, чтобы десять раз одно и то же напрасно не строить. Новое судно также было шестивесельным, но не в пример более просторным, да и бомбардирская камера, в которой управлялся Суровикин, не оставляла желать лучшего. Одновременно на северных верфях заложены были два восьмивесельных корабля, названные «Перволукшей» и «Благодарением». Лодки эти предназначались для южных морей, где хотя и наблюдалось относительное спо-

койствие, но можно было от турков ждать самых неприятных сюрпризов. Береженого Бог бережет, сильного — сила его охраняет!

— И вы, братцы, готовьтесь, — сказал Мягкову Курила. — В скором времени достанется вам выучеников выянчивать, опытнее вас в подводном деле пока никого нет.

Из Желквы бывшему архангельскому воеводе, а ныне хозяину и адмиралу всего флота российского, сенатору, шли депеши государя. Приказывал государь Петр Алексеевич без промедления призвать две-три тысячи калмыков к Днепру, строить поболее бригантинов да притом следить внимательно, чтоб строили обязательно из просушенного лесу, сырого чтобы не пользовали.

По указанию Петра Алексеевича от Пскова, через Смоленск, до самых черкасских городов хлеба на виду не держали, а зарывали и прятали в укромных глубоких ямах, чтоб, не дай Бог, неприятелю не достался.

В Польше государь давать решительных сражений не желал, надеялся обойтись партизанскими действами, а бои настоящие до своих границ оттягивал. Станислава Лещинского признали королем лишь те, кто шведу хвост лизал, во Львове же объявили междуцарствие. Сам Петр Алексеевич, узнав, что Лещинский Карлом назначен королем Польши, устроил помпезную церемонию и помазал на королевство Польское шута своего Балакирева и руками своими корону тому на голову надел — пусть-де знают, каковым королем он пана Станислава считает! Петр не погнушался дипломатией хитрой и отправил к Папе Римскому Клименту князя Куракина. Ход оказался верным. Папа Лещинского не признал, что и подтвердил письменно. Поляков, что отвергли Августа и стали на сторону Лещинского, с усердием разорял полковник Шульц. Венгры предлагали на короля царевича Алексея, но царь от чести такой уклонился. Австрийский цесарь, с которым Петр ссориться не желал, был благодарен за то царю и в знак расположения своего прислал Петрову любимцу

Меншикову диплом на достоинство князя Римской империи. Брагой бродила восточная Европа, и еще неясно было, что случится, когда брага сия вызреет. Однако, как говаривал государь Петр Алексеевич, ежели несчастий бояться, то и счастия не видать.

В апреле 1907 года, несколько устав от скудельного полумирия и тоскливого противостояния, Петр вернулся в Дубну, где встретился с Сенявиным, коему, кроме доставшихся ему в Дубне картин, дал секретное распоряжение. После оного свидания Петр направился в Люблин с войском своим. Великолепный враг его также не дремал, Карл пошел на Польшу с сильным войском и казною, что собрал в Саксонии.

Турки немедля вошли в сношение со шведским королем и разжигали новую смуту на юге.

Да и на севере было не славно. Литовский гетман Синицкий, бывший до того в генерал-поручиках, оставил русских и засел супротивником в Быхове. Петр послал против него генерал-поручика Боура, и после славной баталии Боур быховскую крепость взял, а генерала и собачьего сына Синицкого с его войском полонил и всеми быховскими пушками овладел.

В люблинском доме мещанина Сандлина Петр Алексеевич, с улыбкою топорща усы, читал письма из дому.

«Государь наш Петр Алексеевич, — коряво и неграмотно бились буквы на листе. — Бьем тебе челом. Дома у нас все спокойно да хорошо, заботу твою, слава Господу, чувствуем. Скучаем по тебе, Государь наш, что силы уже нету. В твоей рубахе сплю, чтобы дух твой всечасно чуять. Сюрприз твой морской, слава Богу, благополучен и ожидает решения с кротким нетерпением. А и то, Государь, не забывал бы ты нас, как помним мы тебя в молитвах своих, и приехал хотя бы к началу осени, а то уже между ляжек моих огонь Эроса неистовствует и покоя глупой голове не дает. Вон уже с умилением и кротостью любовные романы вслух читаем, слезы горючие о прочитанном

лье. К сему Катерина сама третья, да тетка несмышленая, да Анна Меншикова, Варвара, Дарья глупая, а засим и Петр с Павлом, благословения твоего прося, челом бьют. И здоровье их самое доброе, и тебя, Государя, они також с великим нетерпением домой ждут».

Сенявин, воротясь в Петербург, вызвал для совета Корнелия Крейса.

Выданный вероломными саксонцами фон Паткуль томился в шведской темнице. Англия грозилась российскому послу Матвееву выделить деньги шведским министрам, чтобы те помилование узнику выговорили. Подкупленные тюремщики обещали освобождение и бегство узника, и именно для того, чтобы содействовать сему, капитан Бреннеманн на своем «Посланнике», идущем под голландским флагом, был отправлен ко вражьим берегам. Новостроенный «Садко» до поры был укрыт под парусным холстом.

— Не нравится мне... э-э-э... сия затея, — ворчливо поделился Бреннеманн с Мягковым и Раиловым. — Затея оная безрассудна и опрометчива. А ну как обещания в содействии Паткулю служат тому, чтобы государя... э-э-э... в заблуждение ввести? Возьмут акциденцию, а дела не исполнят!

— Государю — думать, нам же — исполнять с усердием, — ответствовал Мягков.

— Государь приказал, — хмуро глянул на него Иоганн Бреннеманн. — Думать же о том, как лучше исполнить его приказание, — задача для каждого его верного слуги!

— Не спорь, Иоганн, — примирительно сказал штурман Раилов, — И ты, Ваня, зря с капитаном в прю не вступай. Дело он говорит, в огонь без особой нужды с шалью не лезут. Мы же все-таки моряки, а не петиметры какие!

«Посланник» неторопливо шел под кливером, и зеленоватые волны с плеском били в левый борт — еще не взводень, но младший брат его. Над морем тянулись низ-

кие рыхлые тучи, обещающие непогоду. На палубу и лица матросов, что в голландских морских робах исполняли свои неотложные палубные дела, ложилась морось. Мелкий холодный бус, он самый противный — мешать не мешает, а тоску нагоняет.

Справа по борту бесконечной темной полоской, едва не сливающейся с мешаниною облаков, опасно лежали шведские земли.

— Иоганн, — поинтересовался Раилов. — Все тебя хотел спросить, ждет ли тебя дома фрау? Сколько тебя знаю, никак не мог понять, женат ты или холост?

Суровое лицо Бреннеманна разгладилось.

— О, Яков, — сказал старый морской волк размягченно, — моряку без семьи, что остается... э-э-э... на суше, никак нельзя! Конечно, все есть — и фрау, и киндеры. Старшая... э-э-э... уже на выданье, младший — еще в оловянных солдатиков играет. Он меня любит, его царь зовется Питером и всегда блистательные виктории над неприятелем одерживает. Я слышал, что и ты недавно... э-э-э... стал семейным человеком, а?

Мягков поморщился. «Ну, началось! — подумал он. — Сейчас они друг другу миниатюры лаковые показывать начнут и сюсюкать от умиления».

Капитан-лейтенант встал.

— Пойду посмотрю, как там вахта, — сказал он. — Больно безоблачно все, неровен час — неприятель нагрянет!

— Мы же... э-э-э... голландским флагом укрываемся, — сказал Бреннеманн. — Какой у торгового голландца... э-э-э... неприятель?

— Бывало и у нас дома. — Мягков подтянул ботфорты, поправил ремень на широком купеческом поясе, который по замыслу долженствовал придать ему видимость иноземного торгового моряка, по-свейски да норвежски — куфмана. — По зайцу пойдешь, а на медведя наткнешься!

Выйдя на палубу, капитан-лейтенант глянул в рублено оконце. Так и есть, распахнув ворота, Бреннеманн и

Раилов с глупыми счастливыми улыбками демонстрировали друг другу медальоны с женкиными локонами и лаковыми миниатюрами. Вот так оно всегда и бывает, качаются над бездной морскою, а думают о земле! Верно подмечено древним пиитом: каждый мужчина различно несчастлив в отказе и одинаково скучен в любви.

Мрачно было море, мрачны небеса, и тоскливо темны горизонты. Все это не обещало ничего доброго, и Мягков, ежась от пронизывающей члены сырости, подумал, что недобрые приметы все ж таки верны, не зря же на выходе из залива чайки над кораблем их кружились да кричали. Не к добру все это, тут бы и дурак понял, чьи души чайки на небо зовут!

По поверьям ведь чайки есть не что иное, как души погибших моряков. Потому они завсегда и несчастия заранее чуют. Раз начали кружить с плачами над кораблем — быть беде. Слава Богу, крысы еще с корабля в порту не бежали и берега при отходе не запружены были, не то бы точно — к потоплению.

Мягков подошел к кутающемуся в плащ рулевому, проверил курс. Хорошо держал экзамен перед морскими боголами рулевой, ничуть не хуже любого умудренного голландца или знающего толк в Вест-Индиях английского морехода.

А ожидание опасности все не отпускало, все буровило душу, хоть на паруса не гляди, и Иван Мягков не сразу даже догадался, что имя одолевшему его чувству — тоска. А когда догадался, то скрипнул зубами, глянул в курящее туманом небо и негромко выругался по-матерному — не с досады, так, чтобы душу свою облегчить.

Глава седьмая

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Правильно сказано — человек предполагает, а Господь располагает. Так оно и выходит, что идешь по гусям, да сам ворочаешься ощипанным. Может, шведский государь Карл чего заподозрил, может, запродавшиеся караульщики узника что-то недодумали, а может быть, и шпион из окружения Петра Алексеевича дал знать неприятелю, только простоял «Посланник» на якоре напрасно и подводку посылать в дело не довелось. Сигнальные огни на шведском берегу, обозначенные в сообщениях разведки, так и не появились, сколь внимательно ни вглядывались в темную извилистую полоску корабельные сигнальщики да смотрящие.

Возвращаться пришлось ни с чем. Раздосадованный Суровикин предложил было приблизиться к шведским берегам, чтобы на побережье диверсию совершить и тем шведа в сомнения и опаску ввести, но капитан Бреннеманн по некотором размышлении казаку в диверсии отказал — коль посланы были тайно, то тайно и возвращаться должны. Да и замирение шаткое стояло, а коли так, то негоже ради удовольствия своего тайные государевы планы рушить. Тем не менее возвращались в общем недовольстве. То бы еще не беда, что с пустыми руками, да вот безделие

удручало. На траверзе Кронштадта хмурый капитан Бреннеманн приказал сменить флаги. При виде российского стяга, развевающегося на ветру, почувствовалось некоторое облегчение, и даже торжественность стала ощущаться в движении корабля к родным берегам.

Над Петербургом стояли редкие ясные да пригожие дни. Синее небо над изумрудными водами залива уже прогревалось все раньше встающим солнцем, желтые сосны колюче распрямляли над песчаными да каменистыми берегами свои зеленые кроны, а в песке время от времени проглядывали обкатанные морем янтари и «куриные боги», овальные и с отверстиями, словно бы высверленными неведомым подводным камнерезом. Время пришлось на Егорьев день, когда «Посланник» бросил свои якоря у родных берегов. Естественно, что все пребывали не в духе вследствие неудачного похода, но своей вины в той неудаче не видели.

— Ничего, — бормотал под нос капитан Бреннеманн, яростно раскуривая вонючую трубку. — Корнелий тоже изрядный моряк, а моряк моряка всегда поймет, тем более что успех сего предприятия зависел от людей гражданских, да к тому ж из неприятелей.

Подводку, поставленную на якоря близ бригантина, искусно замаскировали под рыбацкую шкунку, из тех, что порой на корабли припасы доставляли. Не довольствуясь оной предосторожностью, поставили и караульных из проштрафившихся, коим на свою незавидную судьбину роптать приходилось только втихомолку. Остальная команда сошла на берег. Подвигами своими никто не похвалялся, да и похваляться-то нечем было, не в абордажные бои с неприятелем сходились, да и плавали не под своим, установленным государем флагом, воровски плавали, именем чужого царства прикрываясь. Да и зачем плавали в действительности, никто не знал, сказано было, что поход посвящен шпионской работе с мудреным названием «рекогносцировка». Обожал государь иноземные названия,

которые русскому человеку и выговорить-то трудно! Некоторые через то почитали государя за Антихриста, пришедшего Русскую землю разорить и старые обычаи порушить. Вот ведь что удумал! Хочешь не хочешь, а посылай мальцов, потомков своих, в школу, иначе сам в опальные попадешь, да и молодца-то по его неграмотности не оженят и венчальной памяти не дадут! Дворянина, боярина с холопами в один ряд поставили! Православного заставляют иностранной нечисти с рылом немецким повиноваться! В губернский град иначе как в немецком платье и не являйся. Дошло до того, что девиц грамоте обучать начали! Сие ли не потрясение государственных устоев? Жили мы в своей Тмутаракани, и никаких Европ нам не надобно было. Не введи нас во искушение, Господи, но избави от лукавого!

Но ворчали исподтишка, тайные прелестные письма пописывали, вслух же молчали — кому охота в государеву немилость попасть, живота и имущества лишиться?

30 мая 1907 года Федор Матвеевич Апраксин, родственник государя по жене его брата Федора, отмечал день рождения Петра Алексеевича в деревянном дворце государя. Среди назначенных гостей были и Раилов с Мягковым.

Празднование началось вечером. Днем же состоялись награждения и роздана была милостыня нищим. К вечеру у дома государя зажгли смоляные бочки. Яркие огни в окнах дворца привлекали к себе завистливое внимание прохожих. Мягков и Раилов прибыли на торжество вместе с Корнелием Крейсом и Иоганном Бреннеманном. Все четверо были без шпаг, поскольку во избежание дурных последствий от прилежного осушения бутылок строго было запрещено являться на празднование при шпагах.

Пажи встречали у пристани, камер-юнкеры — у крыльца, камергеры стояли наверху у дверей в синих ливреях, расшитых серебром. В прихожей сидел полицейский чин, записывавший имена прибывших, и четверка моряков не замедлила ему объявиться.

Государь жил довольно просто, поэтому в день его тезоименитства дворец приукрасили. Прибыло довольно много иностранцев, щеголявших расшитыми кафтанами и павлиньими перьями на широкополых шляпах. В первой комнате велись разговоры, обсуждались события и стояли группами молодые люди, благоговейно внимавшие речам доблестных мужей, которые живые примеры видели в своей жизни, и то было обстоятельством, достойным восхищения и внимания со стороны малоопытной молодежи.

В другой большой комнате все было иначе — здесь преобладали шум, говор, звон кубков, пришедшие обнимались, радуясь встречам, за клубами табачного дыма порой ничего не было видно. Здесь царило равенство — без различия чинов, званий да лет. Шла по кругу чаша с горящим пуншем, к ней прикладывались все, независимо от возраста и чина. Заводилою всему был государев шут Балакирев. Откуда он взялся, никто толком не знал, только уважали Балакирева за талант острослова, а некоторые побаивались и порой даже ненавидели. А как прикажете любить шельму, которая самому государю на веселый вопрос: «А правду ли при двое говорят, что ты дурак?» — со смелостью ответствовал: «Чужим слухам не верь, Петр Алексеевич. Мало ли что говорят! Они и тебя умным называют!»

Сегодня шут был в ударе, и немало гостей уже стало жертвою его острот и привлекло внимание окружающих. Некоторые, осердясь, обещали добраться до шутовой спины и проверить ее на крепость розгами, иные делали вид, что особого ничего не случилось, меж тем как Балакирев уже осмеивал другого да третьего. Между гостями блуждала изустно история, как Балакирев светлейшего князя Меншикова проучил за угрозы. Шут разбил привезенный царем из Голландии стеклянный улей, которым Петр Алексеевич очень дорожил, взял соты и оным медом намазал Александру Даниловичу губы и в руки соты вложил. Мен-

шиков меж тем возлежал с храпами, по причине недавнего неумеренного веселия, на одной из скамей тенистого парка. Сделав гнусное дело свое, Балакирев кинулся к царю:

— Ваше величество! Поглядите только, что за кощунство Алексашка свершил!

— Что? — недовольно спросил сонный Петр, тоже принявший пуншей довольно изрядно.

— Да на ваш любимый улей посягнул! — с притворным ужасом вскричал Балакирев.

Царь, схватив свою тяжелую трость, что гуляла уже не по одной спине, поспешил к месту. Александр Данилович лежал пьян да в меду. Увидев столь очевидные следы причастности к разбитию улья, Петр Алексеевич принялся охаживать Меншикова тростью по всем местам. Меншиков завопил, ничего не понимая. Балакирев же, сидя неподалеку, крикнул:

— То-то, Алексашка! Будешь знать, как грозиться! Ферштеен?

Если заводилою был Балакирев, то разводил все Иван Иванович Бутурлин, получивший титул князя-папы за подвиги на пирах. Вот и сейчас он подносил кубок с заморским рейнвейном тучному адмиралу Сенявину. Сенявин осушил кубок, хлопнул пустой чашей о стол и, заметив бравую четверку, прибывшую в мундирах и при регалиях, направился к ним. Крепко пожав руки каждому, Сенявин сказал:

— Знаю о вашей неудаче, токмо ни я, ни государь в случившейся неудаче доблестного вашего экипажу вины не видит. Сие есть дело случая, которого, пожалуй, и предусмотреть невозможно!

Показал на стоящего рядом немца в зеленом суконном кафтане. Лицом иноземец был правильным и телосложения строгого.

— Знакомьтесь, — сказал Сенявин. — Андрей Иванович Остерманн, по иностранной переписке значится. На службе недолго, да умом выделиться уже изрядно сумел.

Немец почтительно и с достоинством поклонился. Каждый представился ему, отметился поклоном и рукопожатием.

— Баю я, — сказал Сенявин с усмешкою, — быть вам вскоре в далеком походе товарищами.

И по лукавому прищуру его видно было, что не только предполагает это Сенявин, но точно знает даже — когда, с кем и для которых целей путешествие совершено будет.

Он отошел, а новые товарищи поговорили промеж собой о политических делах да новостях светских и по предложению Иоганна Бреннеманна прошли в дальнюю комнату. Тут царила совсем иная обстановка, пили пиво и пунш, а курили куда как достаточно, похоже, что и чаши с кубками ото ртов отнимали лишь затем, чтоб табачный дым из трубки всосать. Пили в этой комнате сплошь иностранцы — офицеры, служившие в армии Петра, купцы, прибывшие в город с товарами, шкипера, что провели свои суда через неспокойное море к русским берегам.

Выпили и наши морячки. Пили достойно и без глупых ограничений. Остерманн и Бреннеманн завели нескончаемый разговор на своем языке, Корнелий Крейс для чего-то Головкину Гавриле Ивановичу понадобился, понятно, что не просто так, Гаврила Иванович после смерти боярина Федора Алексеевича Головина все его посольство принял и отвечал за внешнюю политику государства.

Мягков да Раилов мешать никому не стали, а прошли еще в одну комнату, где, по обыкновению, играли в шахматы да шашки, но и здесь было скучно, а потому скука и привела наших капитан-лейтенантов в зал, в коем вдоль стены длинным рядом сидели напудренные матушки в широких робронах, поглядывая на разнаряженных дочек своих, затянутых в немецкие корсеты из китового уса.

Мягков сошелся в контрадансе с княжной Черкесской. Девица танцевала изрядно и все кокетливо стреляла подведенными глазками в обветренное лицо моряка. Иван же политесы вести не умел, а ежели честно сказать, то и желания не испытывал. Потому княжна даже рада была

окончанию менуэта и тому, что рассталась наконец с неразговорчивым своим кавалером. Иван постоял, глядя, как брат его Яков Раилов гусаком торжественно вышагивает подле невеликой ростиком изнеженной девицы с премиленькой мушкой над верхней губой, потом прошел в общий зал, где залпом и изрядно выпил сразу несколько поднесенных ему кубков. Уходить даже и пытаться не стоило, стража на дверях получила, как обычно, указание ранее девяти никого не выпускать, а оставаться здесь значило стать искусителем князь-папы Ивана Ивановича Бутурлина: увидит одинокого да скучного, обязательно же, подлец, кубок Большого Орла поднесет, после коего разум и остатки стеснительности потеряешь. Капитан-лейтенант Мягков искушать своим присутствием князь-папу не стал, улизнул к иностранцам, где Остерманн с Бреннеманном, уже вольно расстегнутые, раскуривали по второй, а то и по третьей трубке.

— Ван-ня, — с улыбкою нетвердо сказал капитан Бреннеманн. — Что гуляешь напрасно? В твои годы надобно девиц взглядами завлекать. Всему свое время — время... э-э-э... голоштанным бегать и время гнездо семейное вить, время политесы... э-э-э... с девицами вести и время пуншем душу травить.

— Зо, зо, — с важной усмешкой соглашался Андрей Иванович Остерманн и поднимал указательный палец. — Так есть, капитан Бреннеманн!

2. ГОСУДАРЕВЫ ЗАБОТЫ

Государь меж тем пребывал в Варшаве, где крепко занемог лихорадкой. В письме Петр благодарил Федора Матвеевича Апраксина, что тезоименитство государево тот справлял в его домике. Опять обращался к флоту, трево-

жился, не сыроват ли лес, и приказывал деньги на содержание Петербургского флоту брать из соляных сборов.

В Варшаве Петр Алексеевич собрал военный совет. На том совете главнокомандующим объявлен был Шереметев. Недовольного Меншикова Петр оставил под Шереметевым. «Горяч ты, Алексашка, да дерзок не по уму, — сказал Петр. — Не войско на тебя оставить боюсь, авантюр твоих, князь ты наш римский, опасаюсь!» Однако же в день рождения своего государь пожаловал любимца князем Ижорским.

Сам государь положил себе для диверсии ехать в Петербург. Секретная депеша Головкину да Сенявину ушла еще ранее, нежели государь покинул Варшаву.

Карл между тем переправился с войском своим через Одер и двинулся в сторону Кракова, разделив свою армию на три части. Петр отрядил против шведского войска генерал-поручика Боура с конницею и генерал-майора фон Шведена с пехотою. Апраксину же было сказано, чтобы тот два полка отправил ко Пскову, ибо Левенгаупт проявлял активность и вполне был способен нежданную диверсию произвести.

Сим отметившись, Петр прибыл в Гродно, где принял Преображенский полк, немало порадовавший его выправкой и полной готовностью к бою. Из Гродно государь проследовал в Вильно. Здесь он инспектировал войска князя Репнина, оттуда двинулся на соединение к Александру Даниловичу Меншикову, что стоял со своими полками в местечке Меречь. На заседании совета решено было пехоте идти к границе своей, а коннице, куда входил отчаянный татарский полк и еще более отчаянный отряд казаков, зарабатывавших прощение государево после Астрахани, тревожить неприятеля и не давать ему покоя ни в чем.

Между тем шведский король оконфузился и едва не попал в плен. После отъезда Петра Алексеевича из Варшавы Карл с небольшим отрядом переправился через

Вислу, желая высмотреть русское войско, но попал под атаку и едва не был полонен. Отчаянные шведские гренадеры легли смертно, однако государю своему дали спастись. Уже у самого берега, когда Карл благодарил Бога о явленной милости, ядро из малой мортирки повредило его лодку. На счастье, пошло мелководье, и великий король отделался всего лишь малым насморком.

Узнав о том, государь Петр Алексеевич не сдержал сожаления.

Сам он меж тем через Великие Луки, Новгород, Ладогу и Шлиссельбург прибыл в Петербург и 23 октября 1907 года явился прямо с дороги в дом к Апраксину. Первым, что Петр спросил, было — *ГДЕ?* Апраксин указал на море. Два дня государь отсыпался и пьянствовал с Апраксиными и приближенными, утром 30-го числа, никому не сказавшись, ушел в море. Восемь ден государь пробыл на кронштадтских работах, работал с жадностию сам и окружающих к лени не призывал, затем прибыл к острову Котлин, где наблюдал действие самоходной мины Курослы Артамонова и от сего испытания был в великом восторге.

Воротясь в Петербург, в первых числах ноября Петр Алексеевич в соборной церкви святой Троицы венчался с Катериной, беззнатной мариенбургской девкой, бывшей когда-то замужем за недолго пожившим на белом свете шведским трубачом, потом побывавшей под русским солдатом в обозе, познавшей до государя любовь фельдмаршала Шереметева и светлейшего князя Меншикова.

Празднование было не слишком пышным и великим, ни один еще государь российский не мешал так своей крови. Кое-кто из окружения государя недовольно и дерзко роптал. Петр отмахивался. К тому времени от Екатерины у него уже было двое детей. Жизнь Петра складывалась в соответствии с его привычками и сообразностями, большую часть жизни государь проводил в походных разъездах, потому и супруга Петру Алексеевичу требовалась та-

кая, чтоб не тя
ронская, к то
хайлова, оказ
была Петру.
бескрайние п
уютном еще
шевная стой
самому госу
Екатерин
сударю шел
После то
шую велики
ниям и жив
Северна
тает о про
Карлу мир
с приобрет
с городами
гом. Карл
Шпара мо
ние сверг
разделить
Карл н
дот. Неко
им предст
Антиох,
реговоро
нии отка
ше, а не
заносчив
гнать мо
розные л
да я вой
— Б
заметил

кая, чтоб не тяготили ее привычки мужа. Екатерина Скавронская, к тому времени начавшая носить фамилию Михайлова, оказалась именно той подругой, что потребна была Петру. Она без тягот и жалоб преодолевала с ним бескрайние просторы империи, жила в болотистом и неуютном еще северном Парадизе, это была женщина, душевная стойкость которой придавала крепость и семье, и самому государю.

Екатерине исполнилось в тот год девятнадцать лет. Государю шел тридцать шестой год.

После того Петр выехал в Москву, недавно пережившую великий пожар, причинивший немалый урон строениям и жившим в столице жителям.

Северная война тяготила Петра. Каждый государь мечтает о процветании своего государства. Петр предложил Карлу мир при условии, что шведский король согласится с приобретениями российскими и оставит Петру Ингрию с городами Кроншлотом, Шлиссельбургом и Петербургом. Карл был заносчив. Он назначил генерала своего Шпара московским губернатором и объявил свое желание свергнуть Петра с престола, а империю русского царя разделить на малые княжества.

Карл напомнил своим министрам исторический анекдот. Некогда войска Луция Сципиона прибыли в Азию, где им предстояло сражаться против царя Антиоха Великого. Антиох, предчувствуя поражение, прислал послов для переговоров о мире, но Луций Сципион послам в соглашении отказал и заметил, что договариваться надо было раньше, а не тогда, когда седло и узда уже готовы. «Нам, — заносчиво и самодовольно заметил Карл, — предстоит загнать московского медведя обратно, в его холодные морозные леса. Условия перемирия мы будем обсуждать, когда я войду в Москву».

— Брат мой хочет быть Александром, — со вздохом заметил Петр. — Однако ж он не найдет во мне Дария.

Старым солдатам и урядникам Вейдова и Бутырского полков за поход в Троицу государь приказал прибавить по рублю к жалованью.

3. ГОСУДАРЕВА ДИПЛОМАТИЯ

Государи дерутся, а холопы их службу справляют. И чем отчаяннее дерутся государи, тем тяжелее доводится их подданным. Сия нехитрая истина многократно проверена историей и отражена в летописных скрижалях не единожды. В штормовую непогоду шел «Посланник» с подводкою на борту к берегам Альбионовым. Волнение было таким, что требуху свою с трудом удавалось держать за зубами, зелены были Мягков с Раиловым, а уж Суровикин вообще иной раз часами свешивал голову в окно каюты, богохульно отзываясь и о небесах, и об отцах командирах, и о непогоде, но особо поносил англичан за то, что они поселились столь далеко от России, а еще более за то, что живут на туманных островах, куда и в хорошую погоду нелегко добираться.

Еще при жизни адмирала Головина английскому посланнику в России Чарльзу Витворду задавался вопрос о посредничестве Англии между шведским королем и русским государем. Витворд ответствовал уклончиво, де, король Швеции не имеет никакой склонности к миру. Однако едва возникла опасность, что Карл нападет на Австрию, в Лондоне недовольно зашевелились. Петр, считая Англию наиболее влиятельной державою среди участников великого союза, направил своего посланника в Гаагу Андрея Артамоновича Матвеева с дипломатической миссией в Лондон.

Как дипломат Андрей Артамонович был без характеру, чем и показал себя еще во Франции по делу русских

кораблей братьев Брагениных и Елизара Избранта, захваченных дюнкеркскими каперами. Кораблей так и не вернули, но король французский через министра своего де Тоси объявил посланнику, что впредь все московские корабли, что войдут во французские гавани, будут встречаться приятельски. С тем Матвеев и уехал обратно в Гаагу, а следить за делами во Франции остался дворянин Постников, бывший там резидентом русского государя.

Инструкции Петра Алексеевича были незатейливы. Русский дипломат должен был напомнить королеве Анне о ее обещании, данном через Витворда, ведь Карл явно держал сторону Франции и поддерживал венгерский бунт. Велено было также сказать английским министрам, если спросят, какова будет польза их отечеству, что московский государь пошлет войска, куда им, английским министрам, надобно будет, и полки свои по надобности в Венгрию введет и потребные для флота Ее королевского величества материалы поставит. Условия мира между Россиею и Швецией царь Петр Алексеевич отдавал на откуп королеве, выговаривая лишь то, что возвращенное пушками отеческое достояние за Россиею же и останется.

Ежели Матвеев увидит невозможность исполнения государевых инструкций, должен он склонить на свою сторону Мальбрука и королевского казначея Гольдфина, а также северных посольств секретаря и обещать им по содействию немалые подарки. Вести себя Матвееву надлежало осторожно и прежде разведать, склонны ли оные лица к акциденциям, а також остерегаться, чтобы даром чего не раздать.

Сразу по прибытии Матвеев уведомил государя, что с первого же случая нашел к себе обхождение господ англичан самое приятственное, однако из внутреннего исполнения действ ожидает куда более, чем от внешностей.

Да, королевская власть в Англии была не самодержавной — без поддержки парламента королева **Анна** не могла ничего, даже сыпать обещаниями без исполнения оных.

Тори да виги держали разные стороны, сговориться с обеими сторонами было трудненько и даже невозможно. Матвеев имел аудиенцию у королевы и вскоре после оной встретился с государственным секретарем Гарлеем, коему подал письменное предложение о союзе.

Гарлей с Матвеевым держался приятельски, но от ответов уходил. Наконец он приватно объявил послу, что королева в случившихся политических обстоятельствах не желает ссоры ни с Петром, ни с Карлом, тем более что Мальбрук своего добился — король Карл заявил, что не тронет Австрию.

Политесы дипломатические требовали заклания золотого тельца. Петр опять объявил Матвееву, что для достижения целей во благо государства Российского тот может не скупиться. Однако ж подкупные суммы открыто было везти рискованно, и по указанию Петра «Посланник» с подводкою на борту дважды ходил к суровым и туманным Альбионам, чтобы доставить в верное место тяжелые сундуки. Поручения были исполнены с честью и совестливостью, о чем Андрей Артамонович доносил государю. Тайным указом Петра Бреннеманн и офицеры «Садко» жалованы были медалями и деревеньками с душами, тем самым произведены были в кавалиеры. Указом государь объявлял всех их славными соратниками своими и именовал щуками, что жирным карасям политическим дремы и спокойствия не дают.

Мошна да заведенные знакомства дали свое — в конце августа королева Анна сама объявила Андрею Артамоновичу, что готова вступить в великий союз с московским государем, а уже в самом начале сентября в дом к нему приехал Гарлей, чтобы потолковать о содержании ответной грамоты, которой объявлялся бы заключенный союз и условия, на которых сей союз заключен бы был. Наряду с оным королева желала также и торговый трактат подписать, к пользе и благоденствию обоих государств.

Герцог Мальбрук писал Матвееву, что употребит все свое старание у Штатов, чтобы побудить их к согласию на принятие России в великий союз, но лисе этой Андрей Артамонович верил слабо, потому и писал оставленному в Гааге агенту своему Фанденбергу, чтобы тот разузнал, коим образом герцог будет действовать по русскому делу, будет ли держать слово свое или окажется, что мед у него на языке, а в сердце желчь.

А Штаты все медлили и медлили. Миновал один месяц, затем другой — английские министры на наскоки Матвеева объявляли: дожидаются герцога. В первых числах ноября герцог наконец объявился. К чести его, на другой же вечер дипломат английский посетил русского посланника. Пили ром и глинтвейн.

— Нет возможности вас обнадежить, Андрэ, — развел руками герцог. — Я старался. Я встретился со всеми, от кого решение этого вопроса в зависимости стоит. Штаты склонны к согласию, но предстоят большие хлопоты, чтобы убедить к тому союзников.

— За чем же дело стало? — поднял чашу Матвеев.

— В том беда, что время военное. А военные действия порой непреодолимые трудности создают.

— Герцог. — Матвеев поставил чашу на стол. — Я прошу вас ответить без увороток, как честного человека. Сами знаете, от слова «халва» во рту сладко не станет. Может мой государь рассчитывать и надеяться или надежды эти будут праздными?

Мальбрук пожал плечами.

— Смею надеяться, что все будет хорошо, — сказал он.

— Могу ли я сообщить о том государю? — настаивал Андрей Артамонович.

— Отчего же нет? — удивился герцог, тонко улыбнувшись.

Вместо действия Матвеев слал в Москву обещания да обнадеживания.

Ах, дипломатия! Кусnуть с улыбкою, а за делом порой и своего не забыть урвать! Фанденберг доносил, что у гер-

цога есть свои интересы — за содействие видам царя герцог Мальбрук желал получить российское княжество. О том и объявил в Гааге Его величества агенту Гюйсену. Матвеев и Гюйсен немедля донесли о желаниях английской лисы своему шефу Головкину. Тот отнес донесения Петру Алексеевичу. Царь ознакомился с ними, некоторое время молчал, потом сказал:

— Черт с ним! Ежели герцог будет усилия свои к исполнению желаемого принимать и немалых успехов в том добьется, то пусть выбирает любое княжество из Киевского, Владимирского или Сибирского. В действиях своих вольно ему будет, пусть всяким образом ублажает королеву, пусть хоть ее е...т, а миру доброго со шведам нам добьется. Ежели он оное учинит, то обещай герцогу, что до конца жизни ему будет с княжества по пятьдесят тысяч ефимков ежегодно и орден Андрея Первозванного прислан будет с брильянтами да рубинами.

«Посланник» с подводкою был направлен к английским берегам в третий раз! На сей раз сундучок, доставляемый в Англию, заметно потяжелел.

Глава восьмая

1. ГИБЕЛЬ ФРАНЦУЗСКОГО КАПЕРА

Мимо шведских берегов, стороною, неторопливо покачиваясь на волне и раздувая паруса попутным ветром, «Посланник» двигался привычным уже курсом. Во все стороны от корабля расстилался легко волнующийся голубец — все же в голомени шли, не жались к берегам.

Бреннеманн хозяйственно прошелся по палубе, выхватывая глазом матросские упущения, дал команду боцману, постоял немного на мостике, оглядывая горизонт в подзорную трубу. Близких парусов не было, и капитан со спокойной душою прошел в кают-компанию. Капитан-лейтенант Раилов сидел за столом и читал «Ведомости». Читал он их с комментариями, поэтому выходило изрядно забавно.

Григорий Суровикин лежал на постели и, что называется, давил хоря — уж больно жалобные всхрапывания из его угла доносились. Рука минера свисала до полу, рот был полуоткрыт, мускул на скуле подергивался, словно бы славного минера донимала шальная муха. Надо было заметить, что последнее время Григорий Суровикин изменился к лучшему, серьезнее стал, на купцов с агрессия-

ми не ходил, да и пьянство его резко сократилось. Может быть, тому способствовал приезд в Петербург суровикинской жены с двумя черноглазыми казачатами, которые лицом были вылитые папаньки, только моложе и без усов. Жену Григория Суровикина звали Дарьей, была это разбитная и по-донскому плавная казачка лет тридцати. Муженька своего она знала предостаточно, поэтому стоило тому задержаться, как Дарья отправлялась к «Трем ершам» или в «Ерофеич» и действительно моментально находила мужа. Если Григорий был трезв, то напиться он уже не успевал, а ежели он все-таки Бахусу дань уже отдал, то Дарья его воспитывала, как истинная Пандора, с таких потчеваний либо разом протрезвеешь, либо в унынии вечор весь быть останется. Впрочем, по всему было видно, что женку свою Григорий крепко любил, в детях же вообще души не чаял. «Мои Минька да Коська, придет время, отца в чинах обгонят, — хвастал он иной раз собеседникам в «Ерофеиче». — Сейчас уже в цифирную школу бегают, а придет время, государь их в заграницы учить отдаст. Бравые выйдут из них моряки. Здесь-то к тому времени им делать нечего будет, покорим мы шведа, а вот в схватках жестоких с Портою пацаны мои себя еще окажут!»

Капитан Бреннеманн сел за стол и принялся неторопливо набивать добрую английскую трубку пахучим голландским табаком.

— Ивана не вижу, — сказал он.

— Подводку доглядает, — пояснил Раилов, не прерывая чтения. — Он же какой? Не привык без дела сидеть. А вдруг спуск ожидается быстрый? Надо, чтобы все у него было в готовности. Воду поменяет, сухари переменит, воздушные банки подновит, чтобы все по регламенту было.

— Жениться ему надо, — сказал сердито Бреннеманн.

— Для Ваньки жениться не напасть, он все боится, как бы не пропасть, — рассеянно отозвался Раилов. — Ты смотри, Иоганн! Опять отказано нам бесчестно в осво-

бождении пленников, что в семисотом под Нарвою в полон к неприятелю угодили. Как бы не пришлось нам и по их душу в плаванье пускаться... Как мыслишь, капитан?

— Чаю я, что акциденции малые шведским сенаторам да министрам предложены были, — покачал головой капитан «Посланника», раскуривая трубку. Над столом вились сизые дымные кольца. — Вот уж служба холопья; ругаются промеж собой государи, а сидельцами все военачальники случаются, и головы дипломатам рубят.

— Кстати, — поднял голову Раилов, — а где Андрей Иванович?

— На палубе сидит, — сказал Бреннеманн. — Выкатил бочонок с солониной, уселся и в глубины морские поплевывает.

— Грех это. — Раилов бросил «Ведомости» на стол, неторопливо и со вкусом потянулся.

— Это нам с тобой грех кормильца своего оплевывать, — возразил капитан. — А Андрей Иванович дипломат все ж таки, он вкуса морской соли не знает, мозолей от пеньки не нагреб. Ему-то все равно.

— Ладно мы. — Раилов встал, обеими руками приглаживая черные волосы. Парик его лежал подле газетки и треуголки на столе, и надевать его капитан-лейтенант не торопился. — А вот ему-то каково бестолково по морю шляться?

— У каждого своя служба, — сказал Бреннеманн. — Вишь, там, в Англии, Андрей Артамонович не справляется, вот мы ему тайную подмогу везем.

— Да што ж, неужто он там сам с кем надо встретиться не может? — усомнился Раилов. — Чай, ему ближе там, не близкий ведь путь с Петербурга в Лондон тащиться.

— Яков, Яков, — покачал головой Бреннеманн. — И ведь большенький уже, а разум по-прежнему... э-э-э... дитячий. Что ж мы подводку нашу под холстами прячем?

— Секретность блюдем, — усмехнулся Раилов.

— Вот и Андрею Ивановичу Остерманну мы должны секретность... э-э-э... в его действиях обеспечить. Посланник в Англии у всех на виду, с кем надо встретиться без опасений не может. А ежели и встретится, то есть такие секреты, коие э-э-э... лишь государю в прямые уши доверить можно. А посланник из Англии уехать не может, у него там забот вполне достаточно. Понятно тебе, капитан-лейтенант?

— Ясный перец, — снова засмеялся Раилов.

В каюту вошел озабоченный капитан-лейтенант Мягков. Светлые усики его были гневно вздернуты.

— Блажишь, Яшка, — хмуро сказал он. — Ты хоть бы свечи в своем канделябре поменял, все выгорели. Да и иная остуда у тебя наблюдается — карты разбросаны, воском залиты...

— Тихо! — остановил его капитан Бреннеманн, и все прислушались.

На палубе играли боевую тревогу.

И было от чего заливаться трубачу — с наветренной стороны надвигался на бригантин большой корабль с полной парусной оснасткой. Тут и гадать нечего было — французский капер.

— Вот сволочи, — выругался уже продравший глаза Суровикин. — Ты глянь, что делают гады!

— Ты о чем, Гриша? — не понял Мягков.

— Да ты только погляди, это ж купцов Браженинных корабль, «Святой Андрей Первозванный»! — бросил казак. — Я ж его в гаванях петербургских не единожды видел! Вишь, что они сделали, подлым образом корабль с апостольским именем захватили да для каких негожих дел пользуют!

Приблизился капитан Бреннеманн.

— Капер, — сказал он. — Сие известие нам крайне неприятно, от наглых... э-э-э... французских разбойников всякой пакости ожидать можно, посему, господа русалы, вам надлежит немедля уйти под воду. И господина Остер-

манна с собой прихватите, ни к чему будет, ежели во Франции узнают, что помимо явной мы еще и тайною дипломатией занимаемся.

— Зо, зо, — подтвердил Остерманн. — Наше нахождение на борту «Посланника» весьма нежелательно, господа. — С этими словами он достал из кармана кафтана изящную серебряную табакерку мастерской работы и угостился от полной души табачком, после приема которого в ноздри Андрей Иванович с большой сладостию чихнул.

Шестеро гребцов уже молчаливо занимали свое место в подводке. Нравились капитану Мягкову эти немногословные, степенные и мастеровитые мужики. Надежность в них была, спокойствие душевное чувствовалось. «Гвозди» бы делать из этих людей, — подумал Мягков с неожиданным очарованием. — Гвоздям таким сносу бы не было!»

Думая это, он уже спускался в подводку вслед за капитаном Раиловым, а Григорий Суровикин уже задраивал за собою дубовую темную крышку, которая от долгого пребывания в воде казалась чугунною.

Подводка закачалась на талях, с плеском коснулась морской воды и просела на глубину, но прежде чем она начала погружение, экипаж «Садко» услышал грохот пушки — капер сделал предупредительный выстрел, требуя, чтобы «Посланник» лег в дрейф.

— Сучье вымя! — сказал Григорий Суровикин. — Разреши, капитан, проучить французских моветонов! Они у меня раз и навсегда закаются нападать на русские корабли!

— Думается мне, что сие будет крайне неосторожным, — сказал Остерманн. — Нельзя оказывать себя без особой на то надобности!

— А ежели они захватят «Посланника»? — возразил Мягков. — В таком случае мы немедленно лишаемся базы, Андрей Иванович, и дальнейшее путешествие наше становится крайне проблематичным. Да и золотишко, что мы везем Матвееву, не должно пропасть. Грех великий — отечество в убытки вводить.

Остерманн развел руками.

— Не могу не согласиться, — сказал он. — Думается мне, что на судне должен быть лишь один капитан. Действуйте, господин капитан-лейтенант!

Мягков заглянул в подзорную трубу. Капер был перед ним как на ладони. Видно было, что на капере спускают шлюпку, явно намереваясь на оной достичь «Посланника», который уже лежал в дрефе, приспустив паруса.

— Разом! — скомандовал капитан-лейтенант Мягков, и дружные весла привели судно в движение. Капитан-лейтенант перевел взгляд свой на нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу казака. — Готовься, Григорий! Ныне твой черед пришел со славою общее гнездо вить!

Суровикин размашисто перекрестился и перешел в бевую минную камеру, слышно было, как он ставит расклинки и готовит камеру к затоплению, чтобы выйти в море с буравом и терочной миною.

— Разом! Разом! — командовал Мягков, и, к радости его, капер быстро увеличивался в размерах.

Неприятельская лодка меж тем уже отчалила от капера и направилась к лежащему в дрейфе «Посланнику». Мягков едва успел приспустить подзорную трубу, лодка прошла саженях в десяти от подводного корабля.

— Гриша, готов? — Мягков условно постучался в дверь минной камеры.

Слышно было, как зажурчала вода, заполнявшая камеру минера. В иллюминаторы стал виден медленно проплывающий мимо угорь, потом пронеслась серебряная стайка мальков, резко изменила направление, а потом и вовсе бросилась врассыпную. Показался минер. Суровикин был уже в кожаном шлеме с отводной дыхательною трубкой, в руках его змеился бурав, на поясе кругло торщились две подводные мины. Медленно загребая руками, Суровикин поплыл в сторону неприятельского корабля, чье темное днище уже виднелось было в слегка волнующемся зеркале морской поверхности. Минер тру-

долюбиво припал к днищу корабля. Каждый из присутствующих на подводке сейчас отлично представлял, чем именно занимается казак. Остерманн с большим любопытством наблюдал за стайкой рыбок, тычащихся глупыми мордочками в стекло подводки. «От-шень интер-ресно, — по-русски говорил он Раилову. — Шмеккен вид, Яков Николаевич! Большое впечатление!»

Суровикин вернулся к подводке, слышимо завозился в минной камере и снова поплыл к кораблю, держа в руках еще две подводные мины. Прикрепив к днищу корабля и их, он поочередно поджег запалы и, торопливо работая руками и ногами, поплыл к подводке. Едва только он коснулся ее борта, капитан-лейтенант Иван Мягков приказал гребцам:

— Разом!

И тут же, разворачивая подводку:

— Грикша!

Уйти от обреченного корабля они успели на изрядное расстояние. Слышался скрип шарниров, тяжелое дыхание гребцов да шевеление минера в своей каморке. Неожиданно подводку настиг глухой удар, и спустя мгновение ее заметно тряхнуло. Переждав волнение, капитан-лейтенант Мягков поднял подзорную трубу и зашарил ею по поверхности моря. Картина увиделась жуткая и замечательная. От взрыва капер надломило посредине, видно было, как низко стелется над водой черный дым и из разлома деревянного борта вырываются языки пламени. Огонь добрался до пороховой камеры капера. Раздался еще один, но уже куда более мощный взрыв, и стекло трубы залила набежавшая волна. Когда волнение улеглось, стало видно, что оставшиеся неповрежденными корма и ют стремительно тонут, руша в воду обломки мачт с остатками парусов. На поверхности моря барахтались оставшиеся в живых моряки.

— Полная виктория! — радостно сказал Мягков и дозволил взглянуть в трубу брату, а затем и любопытствующему

Остерманну. Тот долго смотрел в трубу, потом повернулся к Мягкову. Лицо его было бледным и восторженным.

— Колоссаль! — сказал немец.

В то же самое время на борту «Посланника» капитан Бреннеманн учтиво говорил французам, потрясенным внезапной гибелью своего корабля:

— Les malheurs viennent de Dieu, et que les hommes ne sont jamais coupables! Никогда не следует курить поблизости от порохового склада, господа!

2. ДАНИЕЛЬ ДЕФО. ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

— Ваше появление здесь для меня неожиданно, — сказал Остерманну его собеседник. — Все так загадочно — пустынный берег, вечер и вы, появляющийся из ниоткуда, подобно привидению.

Остерманн безмятежно достал свою табакерку, сделал щедрую понюшку в одну ноздрю, затем в другую и с неожиданным для самого себя облегчением чихнул.

— Тем не менее лучшего места для нашего рандеву найти было трудно, — сказал он. — Можете не представляться, я и так про вас знаю довольно.

— Неужели? — Брови его собеседника поднялись к локонам парика.

— Разумеется. — Остерманн радушно предложил собеседнику свою табакерку, тот жестом отказался.

— Любопытно, — пробормотал он.

— Ничего любопытного, — строго заметил Остерманн. — Разумеется, что я подготовлен, Даниель. В сорок семь лет пора уже стать несколько меркантильным. Вы ведь на службе у Ее величества, не так ли?

— На секретной службе, — с коротким смешком уточнил его собеседник. — Но ведь и вы стали Андреем Ивановичем из определенных соображений, верно?

— Разумеется. — Остерманн расслабился. — Я на службе у российского государя и выполняю, если можно так выразиться, его деликатные поручения.

— Вроде встречи со мной? — уточнил Дефо.

— Это гордыня, — заметил Остерманн. — Разумеется, речь шла о встрече с компетентными лицами, но нигде не подразумевалось, что это будете именно вы.

Даниель Дефо засмеялся. Полноватое лицо его стало более приветливым. У него были внимательные с живой цепкостью глаза. Чувствовалось, что он не привык прятать глаза от собеседника — важная черта для того, кто служит в разведке.

— А жаль, — сказал он. — С большою симпатией наблюдаю я за Петром Алексеевичем и не раз уже желал тайно донести его деяния и мысли до английского читателя.

— Кстати о читателях, — сказал Остерманн. — Вы уже закончили свой роман о бедствиях моряка Селькирка?

Дефо весело хмыкнул.

— Тут вы меня уели, — без особого удивления сказал он. — Знать, что я пишу такой роман... Но скорее у меня это собирательный образ, нежели сам Селькирк. Право, я в затруднении, как мне назвать моего героя.

— А назовите его Робинзоном, — безмятежно сказал Остерманн. — Славное имя — Робинзон Крузо... Попугай на острове кричит ему: «Бедный, бедный Робинзон Крузо!» Представляете?

Дефо помолчал.

— Откуда вы взяли это имя? — спросил он.

— Да так. — Остерманн потянулся за табакеркой, но остановился. — Глупое дело, моего мясника в Петербурге так зовут.

— Буду счастлив презентовать вам мой труд по выходу его из типографии, — сказал Дефо.

— Знать бы только, где вас найти...

— Знать бы только, где я к тому времени буду! — ответствовал собеседник.

Они негромко, но с чистосердечием посмеялись.

— Поговорим о деле, — предложил Дефо.

— Почему бы и нет? — ответно усмехнулся Остерманн.

— Не буду лукавить, союз с Россией Англии был бы очень выгоден, — становясь серьезным, заметил англичанин. — И в торговых отношениях с вами многие в достаточной степени заинтересованы. Нам нужен корабельный лес, нам нужна пенька, деготь, медная и железная руда. Впрочем, России мы тоже могли бы ответно поставить достаточно нужного и ценного для нее. Но! — Дефо поднял палец. — Среди политических партий, парламента и правительства у россиян и Петра Алексеевича немало союзников и еще больше врагов. Думается, что будущий союз еще долго будет оставаться в проектах. Тот же Мальбрук, черт бы его побрал, ведет двойную игру.

— Притворяется другом, будучи по натуре змеей, — понимающе кивнул Остерманн.

— У вас образный язык, — заметил Дефо.

— Писать не пробовали?

— Где уж, — уныло сказал Остерманн. — Русские моего немецкого не разумеют, соотечественники же русского моего не понимают.

— И все-таки я вижу в нашей встрече определенные резоны, — сказал Дефо. — Пока государи меж собой сговариваются, подданные их делают державы сильными и могучими. Я уполномочен сделать вам определенные предложения.

— Я тоже, — сказал Остерманн.

Они снова посмеялись. Англичанин достал из дорожной сумки пузатую фляжку, обтянутую прутковым каркасом, и предложил Андрею Ивановичу выпить.

— Старый добрый эль, — сказал он. — Греет тело и душу.

— Благодарствую, — сказал Остерманн и подношение принял без лишней щепетильности и стеснительности.

Эль действительно грел и тело, и душу. Он даже кости согревал. Выпив еще немного, тайные дипломаты почувствовали друг к другу особое расположение, которое, как правило, вызывается откровенностями беседы и общностью нечаянных пороков.

— Так вот, — сказал Даниель Дефо. — Может случиться так, что договор так и не будет подписан. Разумеется, что мы многое потеряем, если судьба разведет нас в разные углы европейской квартиры. Но мы можем противостоять этому.

— Что предлагаете вы? — поинтересовался немец, снова принимаясь нюхать табак.

— Информацию, — сказал Дефо. — Поставки оборудования через третьих лиц, включая и то, что годится для горного дела. Корабельное оснащение, карты... Металлургическое оборудование...

— Все?

Дефо засмеялся.

— Mein lieber Freind, — сказал он. — Откроем карты. Я всегда считал, что чрезмерная осторожность порождает ненужную подозрительность. Если уж мы заочно хорошо знакомы... Наше соглашение, разумеется, будет касаться и сотрудничества тайных служб. Скажем, внедрение российской агентуры через третьи страны, обмен разведывательной информацией, взаимная тайная дипломатия...

— Что вы потребуете взамен? — поинтересовался Остерманн.

— Пшеницы, пеньки, льна, корабельного леса, дегтя, — принялся деловито загибать пальцы англичанин. — Разумеется, что русским купцам будет обеспечен режим высшего благоприятствования.

— Любовь со взаимностью, — сказал Остерманн.

— У нас неплохие позиции в Порте, — сказал англичанин.

— Звучит неплохо, — признал посланец русского государя. — Пожалуй, мы можем договориться.

— Главное, не обращайте внимания на маневры политиков, — предупредил англичанин. — Политики часто губили многие благие начинания.

Остерманн согласно кивнул головой.

— Вы не призываете нас отозвать из Англии своих шпионов, — с легкой усмешкой сказал он. — Это радует.

— Ежели вы их отзовете, то кто же будет гарантом тому, что соглашение будет соблюдаться в достаточной степени? — удивился англичанин. — И потом, мы обещаем вам, что будем делиться некоторыми секретами, но это вовсе не значит, что мы будем делиться всеми секретами. Чтобы овладеть некоторыми, вашим шпионам придется достаточно попотеть.

— Разумеется, что за вами кто-то стоит, — задумчиво сказал русский посланник.

— Резонное замечание, — раздвинул в улыбке полные губы англичанин. — Разумеется, что за спиною у меня в достаточной степени влиятельные люди Англии, которым очень нужны дружеские связи с Россией, даже если эти связи будут тайными.

— И вы возьмете на себя обязательство помочь бедному Паткулю, крови которого так жаждет неразумный шведский король?

— Думается, что он может избежать казни, — уклончиво сказал Дефо.

— Но о выходе дружественной английской эскадры в Балтийское море не может быть речи? — догадался его собеседник.

— Это уже парламентские прерогативы, — сухо сказал англичанин. — Мы же обсуждаем возможное. Я привык говорить о реальном и не люблю строить замки из песка, сии замки, как правило, оказываются крайне непрочными.

Остерманн немного подумал.

— Разумеется, что ваши предложения оформлены письменно?

— Разумеется, — сказал Дефо и вытащил из-за обшлага дорожного камзола тугой пакет. — Сами понимаете, что оформлен он моей рукой, нельзя позволить, чтобы к возможному заговору, каким может быть расценен наш приватный разговор, оказались причастны люди с высоким положением. Это взорвет общественное мнение Англии, и тогда будет бесполезно кому-нибудь доказывать, что мы действовали исключительно во благо страны.

— Зо, зо, — согласился Остерманн. — В свою очередь, я передаю вам наши протоколы. Из них вы можете увидеть, что мысли влиятельных политиков России движутся сходным путем.

— Вы исключительно приятный собеседник, — галантно сказал англичанин. — Я почел бы за подарок судьбы, доведись нам побеседовать за хорошим бочонком эля, ведя беседы об отвлеченных предметах. Может быть, вы сумели бы несколько задержаться? Здесь неподалеку есть уютный постоялый двор, в нем неплохая кухня, а в погребах у хозяина найдутся напитки на самый взыскательный вкус.

— Увы, — ответствовал Остерманн. — Не могу забыть, уважаемый Даниель, что я всего лишь гость на благословенной английской земле, и кроме того — инкогнито. Уже вечер, и мне пора двигаться в обратный путь. Мне кажется, однако, что это не последняя наша встреча. Может быть, в следующий раз мы найдем время и для отвлеченных бесед.

Он приоткрыл дверь кареты и ловко выскользнул на землю.

— Счастливой дороги, — сказал англичанин. — Хотя я и в некотором недоумении. Вы пришли со стороны моря, а я не видел парусов. Уж не обращаетесь ли вы в чайку, господин Остерманн?

Русский посланник рассмеялся.

— Как мы найдем друг друга в следующий раз? — поинтересовался он.

— Назначьте время сами, — безмятежно сказал Дефо. — Опубликуйте в своих «Ведомостях» что-нибудь о светлейшем князе и его будущих поездках. А место останется прежним. Разумеется, вам придется делать некоторое упреждение, ведь «Ведомости» достигают Англии не сразу. Нас разделяет немалое расстояние!

— Прощайте! — Остерманн крепко пожал руку английскому коллеге и шагнул в окруживший карету густой альбионский туман.

Некоторое время Дефо сидел неподвижно, прислушиваясь к удаляющемуся шуршанию шагов, потом покинул карету и двинулся вслед за недавним собеседником. Когда он оказался на берегу, то Остерманна там уже не было. Над проливом стоял туман, и из тумана доносился скрип уключин и негромкое шлепанье весел о воду. Звуки удалялись, потом прекратились, и Даниель Дефо с огромным удивлением услышал плеск волн и громкое сопение, словно всплывший кит прочищал свой дыхательный тракт.

Покачивая головой, Даниель вернулся к карете, сел на место кучера и тронул лошадей.

«Как он мне предложил назвать моего героя? — неожиданно подумал он. — Да, Робинзон Крузо... Забавно, очень забавно...»

3. КРОТКАЯ ВОДА

Возвращение к родным берегам, да еще после успешного выполнения дела порученного и славной виктории, в которой ты за поругание флага российского отомстил, дело торжественное и ответственное.

Григорий Суровикин с горшочком краски и кистью сидел, откинув холсты, и неторопливо дорисовывал на борту подводки крест. Это уже был пятый крест, и каждый из крестов означал удачно потопленное вражеское судно.

Рядом с Суровикиным на корточках сидел юнга Степаша Кирик и даже язык высунул от усердия, словно не казак, а он сам этот крест на борту славного подводного корабля рисовал.

— Дядька Гриша, — с жалостливым выражением на лице попросил Кирик. — Дай кисточкою мазнуть!

Суровикин отодвинулся чуть и склонил голову, любуясь своей работой, потом с некоторою неохотою дал мазануть по кресту свежей краской и юнге. Степаша вожделенно обвел крест на дубовом корпусе и с сожалением вернул кисточку казаку. Соскучась по детям, Суровикин с большой симпатией относился к юнге, даже порой сладкие пастилки для него у капитана Бреннеманна воровал. Капитан о том ведал, но относился к тому со снисходительностью, он сам нередко юнгу теми же пастилками оделял.

— Небось страшное дело — мины под вражьи корабли закладывать, — с легкою задумчивостью сказал Степаша Кирик.

— А то, — почти с мальчишеской горделивостью сказал Суровикин. — Главное дело доверяется. Бывало, семь потов прольешь да восьмым умоешься, пока крюк во вражье брюхо ввернешь! Это тебе, брат, не с шелобайщиками в орлеца на пристани дуться!

— Дядька Гриша, — снова заладил свое мальчишка. — А когда вы меня под воду возьмете? Обещали же однажды, да все с обещалкиных не выйдете!

Григорий промыл кисть, прикрыл крутой гулкий бок подводки и сказал, тайно показывая на капитанский мостик, где толпились бравые капитаны с трубами подзорными в руках:

— А это тебе, брат, не со мной договариваться надо, а с капитаном Иваном Мягковым. Подойди да с ласкою попроси. А как спросит, умеешь ли грести, ответствуй, что можешь. Глядишь, кто-то из загребных прихворнет, а как замена понадобится, капитан про тебя и вспомнит!

— Суров он больно, — сказал мальчишка. — К такому и подходить боязно. Пойдешь с душою, а вернешься с отказом.

— Терпи, казак, — сказал Суровикин ободрительно. — Атаманом будешь! Степаша, ты вот мне скажи, как ты на корабль-то со своей боязливостью попасть угораздил?

Мальчик погрустнел.

— Родился-то я в Корельском посаде, — сказал он. — Отец корелянин был, мать русскую взял. Род наш на Мурмане промышлял, у Семи островов. Знаешь такое место? Знатно там, природа ласкова да и удача рыбацкая великая бывает. Как отец живой был, так мы ничего себе жили, папка мой по праздникам даже монпансье и медовые пряники покупал. Вкусные пряники были, вкуснее пастилок, коими ты меня с капитаном угощаешь. А как отец потонул, мать в поденщицы пошла да простыла на работах сильно и померла.

Меня мужики и взяли на карбас зуйком. Палубу драить, дела мелкие сполнять... А куда деваться было, инако прямо с голоду умирай... Шел мне тогда осьмой годок.

По осени хозяин карбаса Никита Желанный подрядился в Норвегу триста пудов жита доставить. Море беспокойным было, у нас примета такая, что моря пуще бояться по осени надо. Сам знаешь, чаще всего в море без воротиши по осени уходят. Нам всем боязно было в море выходить, да подряд сполнять надо. Желанный человеком хорошим был, да малость жадноватым, потому и гарчил на людей и в дело, и не в дело.

И поплыли. Только море подшутить лихорадно решило. За Тана-губой пала непогода лютая. Положило карбас

вдоль волны, трое рыбаков, что за киль ухватиться успе-
ли, да я сам и уцелели тогда. Только недолго нам жизни
радоваться было, сутки океан-батюшка нами ровно дет-
скими забавами игрался. Лежим на побочине, слабеть уже
начали. Еще одного в море снесло... А как погибель со-
всем близко стала, тут и избавитель наш объявился, капи-
тан Иоганн, он тогда в Мурман за пенькою шел... Ну,
рыбаки в Мурмане объявились... Кому радость, кому горе
великое. А мне, робятенку, и радоваться некому. Сел на
причале, плачу. Тут капитан Иоганн ко мне и подошел.
Выслушал, слезы мои осушил. Идем, говорит, киндер, я
из тебя моряка делать буду. Третий год с ним плаваю, с
ним и на флот государев пришел...

Он человек хороший, он меня по-немецки изъяснять-
ся учит, картографии да штурманским наукам обучает, к
корабельному делу пристроил.

– Горька твоя судьба, Степаша, — прочувствованно
сказал казак. — Только вишь, мир не без добрых людей.
Учись с охотою, как года подойдут, государь тебя в Гол-
ландию морскому делу обучаться пошлет. Капитаном ста-
нешь, кораблем великим будешь командовать. Да что ка-
питаны, ты еще, глядишь, и в капитан-командоры
выйдешь, а то и до шаутбенахта дойдешь, такие, как наш
Иван Николаевич, у тебя в подчинении будут!

Они посидели на холстах под боком у подводки, по-
том Суровикин с неохотою встал, поглазел на кричащих
за кормою «Посланника» чаек, потянулся и предложил:

– А айда, Степаша, ко мне, я тебя колотым сахарком
угощу.

– Не хочу я сахару, — взросло сказал мальчишка. — Я
лучше к загребным схожу. Гаврила Рябиков там с досугом
невод плетет, меня учить обещался.

– Нехитрое это дело — рыбу в невода ловить, — ска-
зал Суровикин. — Вот ты, Степаша, пробовал когда ло-
вить велику рыбу на уду с голым крючком?

— Да разве так можно? — усомнился юнга. — Рыба ж не дура, дядя Гриша, она наживу любит.

— А вот будем в отдыхе на берегу, — пообещал казак, — пойдем мы с тобой на залив, там я тебя и поучу. Мои-то умеют, отца иной раз облавливают!

Мальчишка ушел к загребным. Григорий Суровикин постоял немного, подставляя обветренное лицо свое солнцу да ветру, потом огляделся воровски по сторонам, убедился, что никто за ним не смотрит, откинул холст, с удовольствием окинул взглядом рисованные кресты, колупнул краску на одном из них безымянным пальцем и засмеялся от нахлынувших чувств радости да гордости за удачно выполненные дела.

Глава девятая

1. О РЫЦАРЯХ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

Для подыскания шпиона в чужом государстве немалое искусство надобно. Жадному — усыпь путь ефимками, мимо десяти пройдет, к одиннадцатому потянется. Падок до женщин — окружи красавицами, одной из них и достанется из любовника веревки вить да государственные секреты вытягивать. Третий рожден с авантюрною жилкой, такому жаждется с риском жить, так ты ему дай этот риск, он тебе и приплачивать станет за то, что столь выгодно устроился в жизни. Четвертый карьеры жаждет, так ему надо вовремя путь впереди расчистить и помочь преуспеть в государственной пользе, а как исполнишь сие, и этот твоим будет. Любви промеж вас особой не случится, а вот уважение и чувство взаимной необходимости рядом держать будут. А есть и такие, за кем грехи тайные тянутся. Один сладострастным мужелюбцем живет, другой — руки в казну запускает, еще у одного покойник в сундуке таится. Узнай их тайные грехи да пристрастия, станешь владеть ими и подталкивать к выполнению надобного. Но самые главные твои помощники — те, кого зависть гложет. Такие ко всем с презрением относятся,

всех подозревают и пристрастно приглядываются к окружающим, грехи и пороки у них выискивая. Все им кажется, что недооценивают их способности и усердие, вот и поглядывают они по сторонам, чтоб настоящего ценителя найти. Похвали его в нужное время, о способностях великих скажи, заметь несоблюдно, что-де не там живет человек, в иной стране и оценили бы по уму, и для способностей простор достаточный дали бы. А привыкнет человек этот мнительный к лести твоей да пожеланиям славным, бери его, как налима в коряге, голыми руками, он тебе не токмо государя своего отдаст, но и отечества, его не оценившего, не пожалеет.

Шпионы разделяются на три категории — одни из них имеют ум наблюдательный и размышлениями своими способны до истины добраться. Такие обычно занимают посты и доступ имеют изрядный к тем знаниям, что разведчик для пользы своего государства с великим риском добывает, — тайные задумки государя своего, планы военные, сведения о запасах, международные дела да влечения.

Другие к оному не способны и могут использоваться лишь как добытчики слухов, светских сплетен, сбора сведений о тайных пороках и пристрастиях более вероятных кандидатов для тайных приискных дел.

Третьи и к тому не пригодны, а потому могут использоваться лишь для самых грубых дел — посеять панику, диверсию совершить, неугодного человека убрать, а то и просто — нужные слухи своевременно распускать.

Счастлив тот, кто в своей горсти держит шпионов всех видов, такой готов ко всему, и уподобить его можно искусному живописцу, который полной палитрою красок и оттенков пользуется, а потому и картина у него выходит искусная и живая.

Петр, не желая войны сразу с двумя неприятелями, пытался заключить мир, и все равно ему было, с кем этот мир будет заключен — с Портою или шведским королем. Посланник государя в Константинополе граф Толстой об-

ладал циничным изощренным умом, но и ему приходилось туго — в соперниках у него был французский посол в Стамбуле барон Шарль де Ферриоль. Еще в марте одна тысяча семьсот шестого года французский политический интриган в меморандуме на имя султана Ахмеда III писал: «Все толкает московского царя на войну с Турцией: настроение у греков и валахов и его чрезвычайная амбициозность. Поэтому надо опередить царя и напасть на него, пока он не может справиться со Швецией». В начале 1707 года Толстой через своих шпионов сумел ознакомиться с многочисленными посланиями французского посла. Незамедлительно он принялся возражать, но чаще эти возражения имели вещественную форму — деньги и подарки, — вот был язык, который без особого переводу понимали приближенные турецкого султана. Петр Андреевич Толстой с удовольствием доносил Головкину, что труды французские и подарки Ферриоля пропали даром, а ему, Толстому, обошлись все хлопоты в несколько шкурок горностая и четыре пары соболей. Понятное дело, кому пошли эти подарки — в Турции запретили носить соболя всем, кроме султана и его визиря.

Тайное соглашение с англичанами оказалось выгодным — английский посол Саттон и голландский посол Кольер выполняли указания своих правительств и сдерживали Османскую империю от нападения на Россию. Нельзя сказать, что усилия их были односторонни — вездесущие шпионы сообщали также, что морские державы опасались вступления Карла в испанскую войну в союзе с Францией, а потому осторожно подталкивали его к войне с Петром.

Но еще более важным было все-таки предотвратить союз Турции и Швеции против государства Российского. Дружеские отношения султана со шведским королем и его ставленником в Польше Станиславом Лещинским служили усилению антирусских настроений в Стамбуле. Уже назначен был крымским ханом Девлет-Гирей, лозунгом которого была война против России. «Резать невер-

ных — значит совершать дело, угодное Аллаху», — говорил Девлет-Гирей. Он и ханство Крымское принял в надежде, что московиты навсегда будут отдалены от благодатных крымских берегов.

В этих условиях ставка делалась на иждивения. «Садко» и «Посланник» крутились близ турецких берегов. Ночами золото с подводки, маскируемой искусно под большую лодку, перегружалось на фелюги. Туркам о том донесли. Однако, сколь их корабли ни бороздили турецких прибрежных вод, следов контрабандной лодки не сыскивалось, однажды лишь ее, казалось бы, засекли, да тут же потеряли из виду.

Иной раз казалось, что еще немного — и счастье улыбнется туркам. Однако — кысмет! Не было удачи турецким галерам! Гаджи-бей усердствовал более иных и лунной ночью лично наблюдал в зрительную трубу малую плоскую лодку, движущуюся вдоль турецкого берега. Уверенный в удаче, Гаджи-бей приказал сыграть тревогу и двинулся на перехват лодки, уже готовя гранаты и мечтая о щедрой султанской награде. Увы! Редкое облачко нежданно заволокло жирную луну, а когда та освободилась из плена, на месте, где замечена была лодка, плавно катило к берегу свои волны спокойное море.

— Иблисы! — суеверно отмахнулся Гаджи-бей. — Это иблисы помогают неверным!

— Жаль, что луна зашла за облака, — заметил ему помощник. — Если бы не облака, вы, достойнейший ага, захватили бы и иблисов. Не вижу вам равного на морях.

Ни Гаджи-бей, ни его помощник даже не подозревали, что в ангелах-хранителях у них был сам русский царь, повелевший подводникам своим блюсти тайну, а спасительницей нежданной стало облако, затмившее луну, — ведь у Григория Суровикина давно чесались руки опробовать в деле самодвижущуюся подводную мину, коей с недавних пор оснащена была подводка.

Погрузившись на глубину, экипаж «Садко» некоторое время выжидал, пока турецкая галера не пройдет стороной. Гребцы лениво шевелили веслами, удерживая лодку на месте. Наконец капитан Мягков выдвинул подзорную трубу. Треугольные паруса галеры канули в густом черноморском мраке, курсом на Зонгулдак. Мягков выждал еще некоторое время, потом дал команду на всплытие. И вовремя — от турецкого берега уже скользила черным призраком просмоленная рыбацкая фелюга. Экипажем на этой фелюге были армяне, мечтающие о независимости, а потому служившие российскому посланнику не за страх, а за совесть.

Толстой средств на иждивения не жалел. Турецкий визирь Хасан следил за русским послом, поэтому с большой информированностью сообщал, что за несколько лет Толстой роздал в различных местах около трех тысяч кошелей, или полтора миллиона талеров. Вот цена была мира с султаном Ахмедом, несомненно, что не все досталось его приближенным, чему-то радовался и сам султан.

Бывший участник стрелецкого бунта действовал в Стамбуле нагло, государю своему служил верно и с умелостию. Тайная палитра у него была полна всех красок и всех оттенков, поэтому рисовал он в отличие от барона де Ферриоля живописные масляные портреты, в то время как у того чаще случались гравюры по типу немецких — сплошь черный да белый цвета, без малейшего оттенка.

Вовремя сказанное слово опасения значит ничуть не меньше врученного кошеля с талерами или ефимками. А если к тому присовокупить донесения о небывало большом количестве русских пушечных кораблей, якобы появившихся на Азове, то и султан проявлял некоторую осторожность, тем более что любимые наложницы его ночами с усердием отрабатывали появившиеся у них золотые редкостные украшения. Они нежно уговаривали Ахмеда не рисковать благополучием государства и выждать более благоприятных времен.

А дела государственные в самой России были не столь уж блестящими. В конце 1707 года на гвардейский отряд князя Юрия Долгорукого, что занимался поимкой беглых в казацких землях, напали казаки и всех беспощадно побили, включая и князя. Командовал казаками атаман Кондратий Булавин, которому не нравились новые порядки, насаждаемые Петром Алексеевичем. Булавин разослал везде прелестные письма. Пока царь воюет, он надеялся отстоять казацкие вольности и ввести на их землях самоуправление. Оставить сие без последствий было никак невозможно, и на борьбу с восставшей чернью пришлось бросить тридцать тысяч регулярного войску, ведь казаки предательски били в спину и без того ослабленного войной государства. Ах, Булавин! Предательски ударил атаман в спину Азову, что готовился к отражению вероятного турецкого нападения, сошелся в переговорах с калмыками да ногайцами, да и с турками принялся казацкие политесы крутить, обещая оным, что ежели государь не пожалует казаков против прежнего, то они от него отложатся и станут служить султану, и пусть султан государю не верит, что мир ему желанен; государь и за мирным состоянием многие земли разорил, также и против султана корабли и всякий воинский снаряд готовит.

Вот уж подлость казаческая! Граф Толстой сил и золота не жалеет, чтобы султана в миролюбии убедить, а тут и шпионов заводить не надо — правда и неправда сплетутся в узел единый и станут средь турков недоверие к словам дипломатическим сеять!

И башкиры бунтовали. Не нравилось кочевникам, что на землях их заводы ставить стали и налоги великие на ведение войны брать. Раньше как было? Уплатили положенный ясак и свободны, как кобылицы в зеленых лугах, а теперь и кобылиц не остается — берут коней да кобылиц для нужд царской конницы! Да и комиссары, что сбором скота и поимкой беглых занимались, жестоки не в меру были. Одного такого, Сергеева, в конце концов за

тяжелый характер и издевательства повесили в Казани, а потом и далее пошли — сожгли и разорили триста деревень и убили да в плен увели тринадцать тысяч русских. И ведь чего удумали — также на поклон к туркам пошли, выражая желание перейти под султанское покровительство или крымского хана благоволение заслужить — дай-де хана для управления Башкирией! А на плаху за измену не желаете?

Озноб да пожары сотрясали империю, и лекарства для того, чтоб жар сих болезней усмирить, требовались крепкие — иначе как плахами да виселицами и не вылечишь!

2. ЦАРСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

В начале января государь Петр Алексеевич, получив от любимца своего Меншикова депешу об очередной виктории, отправился в Польшу. Узнав, что шведская армия движется к Гродну, не медля ни дня, государь приказал занять Гродненский мост и стоять стойко, а буде неприятель настойчив в атаках — мост рубить, но Карла с его гренадерами в Гродну не допускать. Сам же отправился в Вильно.

Однако назначенный к Гродненскому мосту бригадир Мильфельс поражен был изменою и позволил шведам занять Гродно сразу же после отъезда государя. За сие приказано было его арестовать и поступить с ним сурово, но Мильфельс, иудино семя, бежал. Карл же занял город всего с шестьюстами гренадеров. Узнав о том, государь послал в Гродно трехтысячное войско, чтобы полонить короля. Но шведскому государю, этому долговязому недолетке, и здесь способствовала удача, хотя лихая конница порубала в капусту шведский корпус, стоявший у дома короля. Карл сумел отбиться и уйти, не попав в неволю.

Петр Алексеевич дал распоряжения генералам и в марте 1708 года прибыл в Петербург, оставив войско на надежных и верных воинских начальников своих.

Петербург строился, и кипучая жизнь города восхищала царя. Осмотрев все, он на буере поехал в Шлиссельбург встречать родственников. Царицу, невестку с дочерьми и своих сестер Петр Алексеевич встретил за восемь верст от крепости и въехал царственным кортежем в оную при великой пушечной стрельбе. После обеда и некоторого отдыха в крепости кортеж прибыл в Петербург. В честь прибывших женщин дан был бал, под коий Петр Алексеевич занял хоромы князя Меншикова, благо с винами да провиантом в доме князя было не в пример более вольно, нежели во дворце самого царя, да и просторы залов позволяли кружиться в бешеных контрадансах, меняя сорочки.

Капитан-лейтенанты Раилов и Мягков были призваны к государю, который удостоил любимцев наградами, представил сиятельному семейству и собственноручно налил каждому по чаше пуншу, который тут же был подожжен. Капитан-лейтенанты мужественно, хотя бы и несколько привычно, хлебнули подлинно огненного зелья, приведя тем в смятение и восторг царствующих дам.

Дамы довольно откровенно оглядывали господ капитан-лейтенантов, Иван Николаевич смущался и краснел.

— А что, капитан-лейтенант Раилов, — спросил государь в самый разгар веселья, — хорошо ли живется тебе с молодой женой? Слышал я, что в прошлый год взял ты за себя Аксакову-Мимельбах, так ли это?

Яков непринужденно признался и прибавил, что жилось бы им с молодой супругой славно, только вот не виделись они давно, ведь Варвара Леопольдовна живет в тятином поместье, а это куда как далеко от Петербурга.

— Вот и пора уж семьей перебираться к морю, — заметил государь, топорща усы и по-кошачьи кругля глаза. — Быть здесь новой столице российской, к тому все идет. А

что, Яков Николаевич, брат твой, капитан-лейтенант Мягков, женился тож или по-прежнему вольным кораблем по жизни плывет?

— Вольно плывет, государь, — сказал капитан-лейтенант Раилов. — И слышать о женитьбе не хочет.

— Ну и славно, — засмеялся Петр. — Я сам ему невесту приищу. Эй, капитан-лейтенант Мягков, согласен ли ты, чтобы государь твоим сватом выступил? Не разгневаешься ли на него за сию нахальную вольность?

Придворные засмеялись, сестры царя Наталья, Мария да Феодосия с лукавыми улыбками принялись переглядываться, чем вконец смутили бравого моряка.

— Государь, — сказал Мягков, — рано мне еще жениться, не чувствую в себе стремления к семейному уюту...

— Врешь, врешь! — весело перебил его Петр. — Каждый моряк нуждается в крепкой гавани за своей спиной. Даешь ли ты мне, капитан-лейтенант, право найти тебе супругу по своему усмотрению?

— Государь, — снова начал Мягков, и голос его задрожал. — Не смею скрывать от тебя, что сердечная рана меня мучит...

— Вот и славно! — с жаром воскликнул царь. — Тем более надлежит тебе в брак вступить, чтобы счастливой семейной жизнью душевные травмы превозмочь. Еще раз тебя спрашиваю, капитан-лейтенант, желаешь видеть меня своим сватом?

Иван Николаевич покраснел и смутился еще больше.

— Решено, — объявил государь. — Обещаю тебе, капитан-лейтенант, что найду тебе супругу по душе. Ну, может, крива будет или пышностями отлична, так это и к лучшему, в семье будет спокойно и благополучие семейное на том держаться будет!

— Государь! — жалобно выкрикнул Мягков.

Стоящий рядом Апраксин незаметно, но больно толкнул парня в бок мясистой ладонью, пальцы которой украшены были драгоценными перстнями:

— Молчи, дурак! Целуй государю руку да благодари!

— Решено! — сказал Петр Алексеевич. — Завтра едем свататься. Потом благодарить меня будешь. — Он подмигнул капитан-лейтенанту Мягкову, хитро прищурился и приказал: — А ну налейте ему, а то от радости на капитан-лейтенанта истинно столбняк напал! Не каждому такое выпадает, что государь сам ему сватом вызывается быть! Завтра же поутру жду тебя при дворе! Приказываю быть в мундире и при шпаге, чтобы бравым видом своим ты невесту с первого взгляду в полное восхищение привел!

Час спустя пьяный Иван Николаевич жарко дышал в лицо брату:

— Утоплюсь! Ей-ей, утоплюсь! Не надо мне государевой невесты, не люба она мне будет! Слышишь?!

Раилов растерянно и напуганно оглядывался по сторонам и лишь бормотал:

— Молчи! Молчи, дурак! Обоих погубишь! Люди кругом! Услышат да донесут!

Капитан Бреннеманн выслушал обоих братьев и философски сказал:

— Любовные недуги лечит э-э... любовь, господа! Прав государь, не тот счастлив, кто с ума от страсти сходит, а тот, у кого этой страсти э-э... выход есть. Перемелется, Иван Николаевич, еще и рад будешь, что достойную супругу тебе государь подыщет.

— А ну как и в самом деле крива будет? — с пьяной безнадежной обреченностью всхлипнул Мягков. — На што она мне, кривая да толстая?

— А пойдемте, господа, на корабль? — предложил старый моряк. — Есть у меня там ром, из э-э... далеких испанских колоний доставлен. Посидим, поговорим о жизни, о странностях, что порою судьба человеку э-э... представляет.

— Заодно и Ванька со своей холостой жизнью попрощается, — ввернул Раилов.

Лишь к утру Мягков забылся на «Посланнике» непрочным похмельным сном. И снилось ему, что идет он в

церкву с дородной и пышною дамой, а из толпы любопытных на него жалобно глядит Анастасия, вся оборванная да несчастная. Оставил Иван дородную невесту свою, шагнул было к милой Анастасии, но тут ему путь капитан Бреннеманн преградил:

— Битте, господин Мягков, следуйте нужным курсом, государь лучше знает, что вам в жизни нужно, он за все государство радеет. Что же вы к нему с таким недоверием, может быть, вам из капитан-лейтенантов назад в мичмана захотелось?

Толкнул его Мягков, только не сдвинуть ему Иоганна Бреннеманна, крепко тот его держит и хрипит в ухо:

— Пора, пора, господин лейтенант, невесту заставлять ждать э-э... крайне негоже!

Мягков тяжело сел на постели, а в каюту уже входили два Гаврилы, держа отглаженный мундир и белоснежную сорочку. В руках у Раилова, что вошел следом, была шпага. А из-за брата выглядывал взволнованно юнга Степаша Кирик с кувшином холодной воды в руках.

— Вставай, Иван Николаевич, — сказал Иоганн Бреннеманн. — Негоже будет, коли государь тебя ждать станет. Да и невесту заставлять ждать э-э... крайне негоже!

— Знать бы ее еще, — угрюмо сказал капитан-лейтенант Мягков и покорно склонился над деревянной банадейкой. — Лей, Степка, дай здравым мыслям в больную голову прийти.

3. СВАТОВСТВО МОРЯКА

К государеву дворцу подъезжали в экипаже с разными чувствами — капитан Мягков с тоскою и тупой покорностью судьбе, капитан Бреннеманн с вальяжным достоинством, капитан Раилов с некоторой восторженностью и

радостным недоумением, к которым примешивалась гордость за брата, а юнга Степаша Кирик, примостившийся на запятках, с жалостливым чувством к молодому капитану и нетерпеливым ожиданием праздника.

Петра Алексеевича ждать долго не пришлось. Вроде бы и выпил накануне немало, и курева не чурался, да и спать поздно лег, а вот выглядел государь на редкость свежо, ей-ей, свежо.

— А-а, братцы! — вскричал он с живостью. — Вовремя явились, я уж было решил за вами дежурного офицера посылать, да вижу, что уважаете вы своего государя — долго ждать его не заставили!

— Верный подданный не может заставлять своего государя ждать, — заметил капитан Бреннеманн, еле заметно морщась и покачиваясь от железной схватки царя. — Сие противоестественно самому государственному устройству, герр Питер!

— Старый служака! — с одобрением оглядел капитана Петр, слегка его отстранив от себя. — Прав был Франц, верно и с доблестью служишь ты государству Российскому. Пора бы тебе его за Отчизну признать, а России — напротив — тебя за сына своего!

— Давно почитаю матушку-Русь новым и дивным Отечеством своим, — сказал Бреннеманн.

— А коли так, то что ж у тебя жена с детьми вдали от семьи да матушки России? — сверкнул кошачьим круглым глазом государь. — Мало жалован?

— В достаточной степени, государь, — с достоинством поклонился старый моряк.

— А коли так, то выписывай семью, — с некоторой суровостью заметил Петр. — Всему твоему потомству на благо России работа найдется. Коли станут России верность блюсти, милостию нашей обижены не будут.

Он повернулся к унылому капитан-лейтенанту Мягкову.

— Что-то жених не особливо весел! — дернул щекой. — Зрю я, огорчить меня хочешь дерзостью нежданной?

Иван Николаевич промолчал, покорно склонив голову перед царем.

— Вот и славно! — одобрительно сказал тот. — Едем! Своего экипажу не беру, вашего довольно станет!

Усадив моряков в карету, Петр с гоготом согнал кучера и занял его место. Заметив Степашу, поманил его к себе. Юнга осторожно приблизился.

— Садись! — приказал Петр. — Как зовут тебя, матрос невеликий?

— Степашей, — испуганно сказал мальчуган, усаживаясь рядом с царем. — Из Кириков я, архангельский!

— Из Кириков? — с доброй лукавой насмешкой переспросил Петр и протянул руку. — А я, стало быть, из московских Романовых буду, Степаша!

— Со знакомством вас, — отважно сказал юнга.

Царь снова громко загоготал, вздернул усы, свободной рукой потрепал мальчугана, одобрительно подмигнул: со знакомством, значит.

Карета ходко катила по нарождающимся петербургским улицам. Бравые морячки боялись высунуться из окон кареты. На улицах уже серело, чадно догорали смоляные бочки, а случающиеся после вчерашних праздничных хлопот редкие прохожие вглядывались в экипаж, в ужасе отводили глаза и лишь следом уже ели карету любопытным взглядом — каждому хотелось знать, кто же едет в карете, коли кучером у него сам государь?

Было время смены караулов.

— Родители живы? — продолжал неспешные расспросы Петр Алексеевич.

Узнав, что Степаша Кирик круглая сирота, замолк надолго, размышляя о чем-то своем, потом снова спросил:

— А есть ли у тебя, Степа, тяга к учению? — и, узнав, что тяга такая есть, как о решенном уже, сказал: — Быть тебе, Степка, в Европах. На днях Абрама туда учиться посылаю, будешь с ним во товарищах.

— Если герр Иоганн отпустит, — осмелев, сказал Степаша.

Петр с ухмылкою глянул на него, недовольно дернул щекой, сопнул гневно, но гнев свой сдержал, захохотал громко, хлопая свободной ладонью по ляжке, и уверил мальчика:

— Отпустит! Ей-ей, отпустит, коли я его о том попрошу!

Резко натянув вожжи, государь окриком остановил лошадей, бросил вожжи ошалевшему от страха кучеру, и вышедшие из окон моряки со смятением осознали, что экипаж вновь стоит у царского дворца. Яков Николаевич покачал головой, капитан Бреннеманн крякнул и сжал руку белого от страха да утреннего сушняка Мягкова:

— Молчи, Ванька, все будет хорошо. До дна еще далеко...

Петр, слегка пригнувшись, шагнул в дом, жестом позвав за собою жениха с товарищами его, и Мягкова снова залила липкая волна страха. Неужто... Страшно было даже подумать о том, а сказать, так и вообще невмоготу. Шел Мягков за широко вышагивающим государем и чувствовал, как сзади его подталкивают товарищи. Жаль, Суровикина не было. Казак показываться государю на глаза опасался, с атаманом Булавиным еще не было покончено, а потому к казакам Петр Алексеевич не мог не чувствовать раздражительности и опаски. И все блазнилось Мягкову, что шуткой все было, знамо ведь, как склонен государь к игрищам да забавам различным.

В малом зале государя с гостями встречали сестры его да государыня, все в голландских платьях — юбки тонкой шерсти с золотыми полосами по подолу, узкие душегрейки, — шея да плечи — голые, руки белые по локоть — голые, глаза подведены, брови начернены, над алыми губками мушки чернеют. Государыня была темноволоса и кудрява, в уголках большого красивого рта — улыбка, в глазах — усмешка добрая, брови широкие дугою выгнулись. Сестра государева Наталья стояла в окружении сестер Александра Даниловича Меншикова, взятых из отцовского дома во дворец под присмотр Анисьи Толстой.

Кругловатое лич
сиком, смеющи
все в ней дышал
ностью от прои
лись в поклона
ловко, словно п
воздушности т
шиковым пор
осторожная м
— Готова
— Готова,
светелки выйд
Петр Алек
его, расстави
отворотами,
грызанул ее,
морякам.
— Думал
зорко огляд
нанта. — Кр
давать тебе
с разными
да опытная
душа с мор
небрежно
нул к капи
Ты уж не
боре стара
Иван
глаза свои
душное, в
жет, оно
Все во
то говори
но Иван

Кругловатое личико Натальи с курносым вздернутым носиком, смеющиеся глаза, маленький пухлогубый ротик — все в ней дышало юной чистотой и некоторой отстраненностью от происходящего. При виде государя все склонились в поклонах, у Меншиковых поклоны выходили неловко, словно пухлые задницы их перевешивали остальные воздушности тела. «Неужто государь решил меня с Меншиковым породнить?» — обожгла Ивана Мягкова неосторожная мысль.

— Готова ль невеста? — спросил государь.

— Готова, готова! — защебетали девы. — Сей же час из светелки выйдет!

Петр Алексеевич подошел к накрытому столу, оглядел его, расставив длинные голенастые ноги в ботфортах с отворотами, ухватил со стола жареную куриную лытку, грызанул ее, сверкнув белыми зубами, и поворотился к морякам.

— Думал я, какую тебе невесту надобно, — сказал он, зорко оглядывая понурого и невеселого капитан-лейтенанта. — Красивую, молодую да ветреную вроде бы в жены давать тебе ни к чему: пока ты в море, она на суше амуры с разными галантами крутить станет. Впрочем, и старая да опытная счастья семье тож-таки не даст, к старой бабе душа с моря стремиться не станет. — Подумал немного, небрежно швырнул куриную лытку на общее блюдо, шагнул к капитан-лейтенанту, положил руку ему на плечо. — Ты уж не взыщи, Иван Николаевич, государь твой в выборе старался, как умел.

Иван Николаевич Мягков поднял от полу несчастные глаза свои и увидел невесту. Вся в белом, все на ней воздушное, ветром дышащее, а лица и вовсе не видать. Может, оно и к лучшему.

Все вокруг было как в тумане. Государь продолжал что-то говорить, держа невесту за руку и подводя ее к жениху, но Иван Николаевич слов его не разбирал, а только стоял у

него в горле горький тесный комок несчастия и тоски, и губы сами шевелились, прощаясь с Анастасией.

Руки жениха и невесты соприкоснулись. Рука невесты была на удивление сильной и прохладной.

— Так вот, капитан, — строго сказал ему на ухо государь. — Названую дочь свою за тебя отдаю. Она у меня сиротинушка, так что не вздумай обижать, я ей буду заступником. Коли что не так в жизни пойдет, я тебя своей царской рукою на путь истинный наставлю. Понял меня?

Господи! Да все оно в жизни-то уже пошло не так! Иван Николаевич едва не застонал от тайного отчаяния и прикрыл глаза.

— Убогая она у меня, сиротинушка, — басовито сказал царь. — Глазик един косенький, да нос скривлен, да скулы оспой попорчены. И так уж девица в жизни настрадалась, будешь ей верным мужем и опорою в жизни. А я уж за приданым не постою, ты мне, капитан-лейтенант, верь, я своих царских слов на ветер не бросаю.

Ах ты, святой Андрей Первозванный! Да за что же такая немилость! Он ли, Мягков, государю животом своим не служил! Что же государь насмешку над ним такую строит, уродину за него замуж выдает! От слов царских Ивана Николаевича то в холод, то в жар бросало, он и глаз боялся открыть, чувствовал только, что рядом невеста стоит, нежным цветочным духом от нее веет.

— А то откажись, пока не поздно, — сказал Петр насмешливо. — Пока еще не поздно, пока не сладились, а?

Капитан Мягков и рот открыть не успел да решительности набраться, как в спину ему тяжело ударила рука капитана Бреннеманна.

— И думать не моги, — шепнул в спину ему старый капитан, и все остатки решительности Мягкова тем самым вымел.

— Молчишь? — сказал Петр. — Знать, по нраву тебе выбор мой. Хватит томить жениха, ну-ка, невеста, покажись мужу своему будущему.

Мягков нерешительно глянул.

Глянул — и глазам своим не поверил. На нежных щеках невесты светились длинные слезы. А глаза ее, огромные, серые, были счастливыми и сумасшедшими.

— Анастасия? — сказал — и остолбенел.

Вокруг же необидно смеялись.

— Так вы уже знакомы? — притворно поразился Петр. — Славно я угодил своему шкиперу! — Наклонился, жадно целуя невесту в полураскрытые губы. — Коли так все вышло, — сказал он, поворачиваясь к Мягкову, — нынче же и венчание будет. Торопись, капитан-лейтенант, детишек после себя на белом свете оставить. Изрядные баталии впереди грядут! Что же до родителей твоих, то я им сам отпишу! Будет тебе в семье мир да спокойствие!

Еще раз с жадностию поцеловал невесту, с сожалением оторвался и поворотился к остальным:

— А ну, хозяюшки, зовите всех за стол! Уж больно удачным наш сговор вышел!

И сразу зашумели вокруг неведомо откуда взявшиеся гости, бесшабашно заголосил шут, увиваясь вокруг жениха да невесты, только Иван Николаевич ничего вокруг не видел и не слышал, да и не хотел он ничего видеть, кроме милого лица своей любимой.

— Настенька! — взял он за руки плачущую девицу.

А капитан Раилов отошел в сторону, опрокинул у стола чарку да и с отвагою бросился в гавот с одной из сестер Александра Даниловича Меншикова. Та, хоть и была единоутробной сестрой светлейшего князя, особо не чинилась — кинулась в танец, только туфельки красные сафьянской кожи, шитые бисером, мелькнули.

12345678 Δ Э

Глава десятая

1. ИСТИНЫ НОЧИ

Да разве можно за такого государя живота своего жалеть!

Даже стоя в часовне рядом с Анастасией, капитан-лейтенант Мягков не верил счастью своему. В роли посаженого отца невесты выступал сам государь, в роли же матери — государыня. Да и свадьба была истинной свадьбой — шумная, бесшабашная, — пронеслась она по улицам Петербурга, пила да плясала весь день и закончилась по государеву повелению салютационной пальбой пушек «Посланника». Вечером Петр Алексеевич посетил новобрачных в доме, что снимали братья у купца Боборыкина, долго морщил нос, оглядывая нехитрое убранство комнат, потом, малость подумав, сказал, что для брачной ночи и этот дом сойдет, милым и в шалаше рай; сам с государыней порой в походном шатре жаркой любви предавался — и ничего, только крепче любить ее стал. Выпил чарку, закусил жалованными молодым с меншиковских оранжерей свежими огурцами, царственно полапал невесту, жарко, засосом поцеловал обоих и отбыл, оставив Ивана Николаевича и Анастасию наедине со счастьем их.

За окнами захохотали, послышалась беспорядочная пальба и многоголосье, потом заржали лошади, многозвонно грянули колокольчики, и царь со свитой своей

отбыл. Иван Николаевич и Анастасия стояли у окна, не смея взглянуть друг на друга. Сумрак улицы всполошно высвещался копотно горящей смолой в дубовой бочке.

— Настенька! — Капитан-лейтенант Мягков повернулся к невесте. Впрочем, к какой невесте? К супруге своей законной повернулся капитан-лейтенант Мягков. К супруге он поворотился, Господом Богом ему данной, утерянной и государем счастливо найденной!

Влюбленные поцелуев не считают.

Будем целомудренны, читатель. Опустим, чем занимались счастливые влюбленные, столь нежданно соединенные судьбою и небесами. Имеющий достаточное воображение все довообразит сам, тот же, у кого воображения и фантазии недостанет — несчастнейший в жизни человек и ни к чему его волновать картинами любовного пиршества, сопровождаемыми финь-шампанью и взволнованными бестолковыми разговорами ни о чем, ночными сладостными беседами, в которых говорят сразу двое и ни один из них другого не слушает, а только отдается ласкам рук, коие всегда говорят больше, нежели слова. Известное дело, речения подобны рыбьей чешуе, чаще они скрывают истинность чувств, нежели выставляют их напоказ. Ах, Иван Николаевич, счастливейший из капитан-лейтенантов, а быть может, и самый счастливый из жителей Петербурга, что не спали этой ночью! В самом деле, могут ли быть такими же счастливыми караульные или сторожа, что бродят по улицам с колотушками в руках, или гвардейцы, охраняющие покой своего государя, или даже людские пары, вникнувшие в семейную жизнь, привыкшие за долгие годы к ней и сросшиеся с бытом, как срастается за долгие годы тело черепахи с тяжелым ее панцирем?

И спокойно на душе было у графа Мягкова, не боялся он за будущие отлучения и семейные неприятности. Кто же посмеет дерзнуть с возражениями государю, названую его дочь с пренебрежением оттолкнуть? Плевать было капитан-лейтенанту Мягкову на приданое Анастасии как гра-

фу и даже как человеку плевать. Пусть маменька с папенькой в отписных бумагах смыслы ищут, главное сокровище Ивана Николаевича Мягкова сонно и сладко дышало рядышком на пуховой купеческой перине, и кудрявая головка этого сокровища покоилась на мужественном плече, как сотни других утомленных и закружившихся от ночных любовных баталий головок возлежали в свое время на плечах иных достойных мужей.

Пробуждение было, как окончание сказки дивной.

За окнами кто-то громко кричал по-матерному, гневался на городскую грязь да слякоть, а в окна стучался обычный для этого времени года дождь.

Некоторое время Иван и Анастасия лежали, глядя в глаза друг другу, и Мягков пошевелиться боялся: а вдруг все сон и дивное наваждение исчезнет, только моргни нечаянно. Анастасия улыбнулась устало. Мягков моргнул-таки, но все оставалось прежним: и разворошенная ночью постель, и пузатый сундук у стены, и стол, еще хранящий остатки вчерашнего пиршества, но главным для Мягкова было то, что Анастасия никуда не исчезла. Лежала себе, улыбаясь загадочно, и руки протянула навстречу. Руки были мягкими и теплыми, у видений таких не бывает. Иван поцеловал молодой супруге ладони, щекотнул их рыжим жестким усом и с недоверчивой нежностью спросил:

— Настенька, ты ли это, радость моя?

Тепло рук, сомкнувшихся у него на лопатках, показали — она...

Потом они снова лежали на пышных подушках, жадно глядели друг на друга, и казалось, вовек им не наглядеться и не привыкнуть к случившемуся чуду.

— Как же ты к государю попала, Настена моя? — шепнул Мягков, кончиками пальцев гладя щеку супруги своей новоявленной.

Из рассказа Анастасии выходило, что едва они с Раиловым и экипажем подводки покинули Соломбалу, как в вечернее время прибыл к ней инвалидный майор с требовани-

ем немедленно ко двору явиться. Даже собраться не дал, хотя что там и собираться было, не столь нажито пожитков, сколько сборов кипит вокруг них. Полковник Востроухов пытался было воспротивиться, тем более что после отъезда братьев вновь стал он Анастасии знаки внимания оказывать и любви, подлец, домогался. Но бравый инвалидный майор полковнику кратко высказал все, что он о его гнусных поползновениях думал, и родню востроуховскую характеризовал по материнской линии куда как невыгодно, дворовые собаки полковника, и те покраснели в великом конфузе, услышав неуемные слова инвалида.

— Ах он, подлец! — гневно раздул ноздри граф Мягков. — А мне-то клялся, божился! Ах, негода!

— И привезли меня в Москву, — шептала Анастасия, лежа на груди своего ненаглядного. — Везли с бережливостью, неторопко... А в Москве люди чужие, говóря чужая, тоска одолела... Веришь, ночами во сне архангельскую ветреницу видела, взводень морской снился... Изначально жила у Натальи Алексеевны, при дворе... Василиса Мясная за мной доглядала, ровно за барыней какой... — Она вдруг хихикнула и оттолкнула руку Мягкова, уж слишком дерзновенною та была. — А потом меня учить начали... и грамоте, и политесу разному... Я теперь, Ванечка, и мазурку могу, и гавот очень даже запросто... в лучшем виде, не веришь?.. Ну, перестань, миленький... погоди хоть чуток... У Натальи Алексеевны весело было... Даже купаться ездили на Москву-реку... Днем, бывалочь, спокойствие одно, веришь ли, в адмиральский час спать ложились, все выти порушены, когда за стол садиться, не знаешь, но вечерами... Она характерная, заводная, ну ни минуточки в покое не посидит... Так до жизни жадает, завидки берут... То валтасаровы пиры устраивает, всех греческими богинями одевает да царями... А иной раз лазори встречать удумает на реке... Музыканты из немцев играют, все вокруг пляшут... Весело! Баюны сказки рассказывают дивные, гиштории разные о мудрецах да царях древних... Такие кудесы! Пере-

стань, Ванюшка, не лезь, сам же интересы свои недавними словами выводил! А потом вдруг таку диковину завела на французский манер — тиатр называется. Это она, сказывала, в Версале подглядела у ихнего короля. Что за тиатр? Это, Ванечка, когда на сцене пиесы разные в лицах представляются... К примеру, ставили «Пещное действо» с пением виршей на разные голоса... А когда государь по осени приезжал, то представили ему «Нравоучительное действо о распутном сластолюбце Дон-Жуане, или Как его земля поглотила»... Там и мне довелось сыграть личину одну, служанку, правда, не барыню...

А потом говорить стали, что государь меня замуж отдать решил, он, говорят, и жениха мне уже приискал. — Анастасия судорожно вздохнула и прижалась к Ивану сердито. — Уж я плакала, плакала, все глаза выплакала, что ж за судьба такая, за одного нелюбимого отдали, а теперь вдругорядь за такого ж идти...

Мягков приподнялся на руке и принялся целовать жену в увлажнившиеся грустью глаза.

— Что ж не глядишь? — спросил он тихонько, опускаясь губами ниже.

— Ох, Ванечка! — Сильные руки обвили его шею. Славная и сильная поморская женщина была в женах у Ивана Мягкова, даром что государю названая дочь. — Боюсь... Оприкосить боюсь...

Сглазить она боялась!

Иван засмеялся и еще шибче и задорнее стал целовать любимую, исподволь подбираясь к грудным сокровенным местам, что похожи были на разлетающихся в стороны белых голубей, но в это время, к великой печали обоих, в прихожей загремело поганое ведро и послышался голос Раилова.

— Не было в нашей жизни печали, — с беззлобной усмешкой сказал Мягков, — так черт братца принес!

Многое им было нужно рассказать друг другу про свою пронесенную по свету тоску и любовь, но ведь и жизнь се-

мейная одним днем не кончается, будет у них еще время пожалобить друг друга да потомить муками сердешными.

А может, и зазря капитан-лейтенант Раилов семейный покой брата нарушил, может, и потерпеть бы ему самую малость — кто знает, какая она, жизнь, у военного человека: сегодня любви предаешься, а завтра за государя и отчизну живот свой в неравном бою сложишь.

2. МОРСКИЕ БУДНИ ПОД АНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ

Государь Петр Алексеевич миру от своего августейшего шведского братца не дождался, оттого и флоту русскому досталось трудом ратным викторий добывать. Еще в мае 1708 года государь отрядил шаутбенахта Боциса к городу Боргау. В составе русской эскадры был и «Посланник» с тайным орудием возмездия на борту своем. Военная кампания получилась славной — город спалили до основания, окрестные деревеньки также, в морских маневрах захватили и пожгли пятнадцать торговых судов, из коих три пришлось на долю экипажа «Садко», действовавшему уже довольно сноровисто и привычно, — сказывалась долгая выучка. Пока Боцис злодействовал на водах, полковники Толбухин с Островским разоряли неприятельские деревни на побережье. Воротясь, Боцис с великолепной наглостью прошел мимо шведского флота, стоявшего у Березовых островов, дразня шведов доступностью парусов, но нет — не рискнул неприятель идти вдогон за кораблями русской эскадры. По предложению капитана Бреннеманна экипажем «Садко» устроена была напоследок славная диверсия против шведского баркентина, но и сию потерю шведы приписали взрывам поротовых погребов, нимало не озаботясь возможным нахож-

дением тайного неприятеля в бухте, где покачивались на ленивых волнах шведские корабли. Самодвижущаяся мина изобретения тектона Курилы Артамонова удачно пущена была мичманом Суровикиным и, пронзив водную гладь, вонзилась в борт шведского корабля похожим на острие пики носом аккурат под пороховым погребом.

— Ага! — радостно вскричал голый по пояс Григорий, потрясая кулаками. — В самую забрюшину угораздил! Ваня, родной, дай гляну в трубку, как эта гадина тонет!

— Ты, Гришка, руками меньше маши, — досадливо поднял голову от стола капитан-лейтенант Раилов. — Не дай Бог, свечи загасишь!

Гребцы ничего не сказали, переглянулись, плюнули в мозолистые ладони и взялись за весла. Время было возвращаться к «Посланнику», который покачивался на волнах у самого горизонта.

Как бы то ни было, а суровикинских крестов на корпусе славной подводки прибавилось после этого похода вдвое против прежнего, и тайна подводного судна разглашена не была.

По возвращении на борт Суровикин с отменным показным равнодушием принимал поздравления.

— Кабы не боязнь командиров наших, — хвастливо сказал он в кают-компании, — я б в одиночку флот Карлы перетопил и досточек на воде не оставил бы!

Гребцы в кормовой каюте посланника пили горячий грог — отогревались после переходов длительных в холодном море. Мужики неторопливо судачили промеж собой, плата за морские подводные плавания выходила достойная, несравнимая с тем, что выходило на промысловых шкунах Кемского побережья, а потому о семейном будущем беспокоиться было нечего; даже если и выходило мужикам не вернуться, то семьям их и потомкам даже выходило жить в достатке, а коли деньги в рост давать или продажей лаковых миниатюр либо пеньки в столицах заняться, то и более хватило бы.

В каютке капитанов Мягкова да Раилова произошли существенные изменения. Ежели ранее лаковая миниатюра с прелестным женским отображением лишь у Раилова стояла, то ныне таковою и брат его Иван Николаевич обзавелся. И не чурался более разговоров о семейной жизни, более того, об оной жизни говорил с явным удовольствием и перед Яковом брюхатостью своей Анастасии похвалялся; по срокам получалось, что снова он брата своего обошел — ему доставалось первым потомством обзавестись.

В Петербурге Анастасия прожила более месяца, а когда выпало флоту в море отправиться, Иван Николаевич дражайшую половину свою от греха и соблазнов отправил в отцовскую усадьбу. Из дома отцом с матерью отписано было, что невестка пришлась всем по нраву, а уж с Варенькой Аксаковой-Мимельбах стали они закадычными подружками, даже диковинный тиятр из крепостных принялись организовывать, чтобы поставить пиесу «Барусовы гости», написанную столичным пиитом Петровым. Анастасия же корявым, неустоявшимся еще почерком уведомляла мужа своего Ивана Николаевича, как хорошо ей в доме его родителей. Она им полное уважение оказывает и все списки по приданому, дарованному государем, передала, а в конце письма неловко сказывала о возможном прибавлении мягковского семейства, коего по подсчетам ее следовало ожидать было к концу февраля 1709 года. Зимнему месяцу капитан-лейтенант Мягков сильно обрадовался, холода сулили ему пребывание в отчем доме.

Возвращение в родную гавань добавило радостей. Дома у Мягкова да Раилова, хоть и в сравнение не шли с имением светлейшего князя да прочих видных бояр да дворян, достроены были и радость новым своим владельцам доставили неописуемую. Раилов утрами похаживал по дому в халате да шапочке войлочной с кисточками и все прикидывал, в коей комнате ему спальню устроить, а где детскую поместить. Впрочем, и Иван Николаевич Мягков от него с домашними прожектами не отставал. А

вот в доме Суровикина Григория случилось событие, коие и радостию не назовешь, и горем считать стыдно — было у него очередное прибавление в семействе. Дети, они, конечно, цветы жизни, как пишут в вечных скрижалях своих пииты, да вот только когда их шибко много, от этих цветов, бывает, и голова болит. А голова у мичмана Григория Суровикина и в самом деле побаливала. И не только от семейных хлопот да похмелья какого — сказывалась полученная контузия, порою боли бывали столь жестоки, что на стенку хотелось лезть, и многочисленные доктора и лекари из заполонивших Северную Аврору немцев не помогали.

А капитан Бреннеманн радовался свиданию с женой своей Амалией и с детьми, по-немецки аккуратно одетыми и вежливыми. Уж как они книксены делали — пожалуй, никто из дворянских детей состязаться с ними не мог. Ловко у них все выходило и естественно, словно в своем Брауншвейге они не к мещанскому сословию приписаны были, а при дворах с рождения обретались.

Радовали и политические события. Башкирский бунт усмирили простительной грамотой, баталии сухопутные со шведами оказались в достаточной степени победными, а булавинские мятежники отогнаны от Азова. До окончательной победы над мятежником было еще далеко, но жестокость князя Долгорукова, чьи суды шныряли на донских землях, творили расправу, давали немалые надежды на скорую викторию и над врагом внутренним.

В Петербурге внимательно следили за событиями на западных границах. Карл опять перешел через Днепр, взятый в плен швед подтвердил, что государь его намерен идти на Москву. К тому времени он уже немало потрепал Аникиту Репнина с полком его. Петр прибыл к войску. По прибытии получил он сообщение о смерти атамана Булавина в Курске, сию радостную весть он отпраздновал, наказав письмом Долгорукому обласкать Черкасск петлями. Сам же продолжил маневры.

Наконец под Лесным шведы и русские сошлись в яростном бою. Русские были злы, они ударили в штыки да палаши, и лишь ночь да случившаяся непогода спасли остатки шведского войска. Славный шведский полководец Левенгаупт почти один явился к королю с известием, что русские его разбили.

Узнав о сей славной виктории, Григорий Суровикин досадливо сплюнул: товарищи его по Дону в бою добывали звания и богатство, а он отсиживался на берегу, суровая непогода держала корабли в портах.

– А што, господа капитан-лейтенанты, — спросил он, — лестно ли вам без дела слоняться, когда другие живот за отечество кладут?

– Ты, Гришка, не особливо буянь, — остерег его Мягков. – Ну как все в Малороссию шведа добивать кинемся, кому тогда город защищать, ежели незадача какая настанет?

– Государь в Смоленске торжества над неприятелем празднует, — упрямо сказал Суровикин, — а мы здесь, словно солонина в бочке, тухнем. Стыдно, капитан-лейтенанты!

– Стыдиться нам нечего, — рассудительно сказал Яков Раилов и отбросил в сторону «Ведомости». — У каждого своя служба, мы тоже в лето без дела не сидели. Сколько ты, Гришка, на борту новых крестов изобразил?

– Люди отличия получают, — пробурчал казак, — а мы здесь ровно монахи скуфейкой блох по кельям бьем.

В память победы под Лесным выбито было две медали, сидельцам петербургским, увы, недоступные. Григорий Суровикин был честолюбив и жаждал отличий. Да и с деньгами, по правде сказать, у казака негусто было, а просить в долги у товарищей он считал делом недостойным и противным чести. Тем более что довольно великая часть денежных сумм оставлена была в картежных играх в заведении немецкого купца Августа Тетельбойма.

Капитан-лейтенант Мягков с казаком в глубине души своей был согласен. Ему тоже наскучило стояние в гавани и бесцельное времяпровождение на берегу. Осень была уже, а отпуском и не пахло. Лед на заливе не стал, а от подлого шведа всего можно было ожидать: возьмут да и нагрянут одночасно — из пушек по строениям попалить да корабли, на рейде стоящие, при великой удаче пожечь.

Но — хрен ему, шведу! В крепости на Котлин-острове ставились и пристреливались медные пушки «единороги» да «медведи». С такими пушками неприятеля страшиться недостойно. Да, господа, сам Бог на защиту Петербурга выступил — пушки были отлиты из колоколов валаамовских монастырей. Такие промазать никак не способны, уж коли звонить не могли, так иными громами до Божьих высот доставали!

3. МЕДАЛЬ ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Нет, не зря Петр Алексеевич имел подозрение на старого гетмана Мазепу. Предал, предал государя, старая грязная собака! Ушел к шведу, бросив войско свое на бегство и издевательство неприятеля! Двадцать один год верность хранил, а при гробе, блядьин сын, измену затеял! И это за любовь и уважение государево, ведь никаким доносам на него Петр не верил. Помилуй Боже сего старого человека, быть ему в скором времени в кандалах и на плахе!

В гарнизоне Петербурга о дошедшей измене гетмана говорили глухо и с осуждением. Более обсуждали связанную с тем затею государя. Вроде бы повелел Петр Алексеевич иуде чугунную медаль отковать. Толком никто о сей медали ничего не знал, но споров было предостаточно. Кто говорил, что медаль сия будет весить три пуда, чтобы голова изменника в покорности перед государем клони-

лась, а кто уже говаривал, что медаль весом будет и побо-ле — пудиков шесть, ей-ей!

— Да ты что, — упорствовали спорщики. — Загнул ты, брат! Шесть пудов! Да это ж столько купчиха дородная весит! Представь себе, стоишь кавалером, а на груди у тебя купчиха висит!

Некоторым сия достойная картина нравилась. А неплохо бы, ха-ха, с купчихой на шее... Лишь бы купчиха в достатке была, деньге счету не знала. Вон, Митрофан Простаков в согласии с такой купчихой... Согласен, Митрофан? С голой? А на кой она сдалась, одетая-то?! Поручик Митрофан Простаков смущенно помалкивал, но по глазам его блестящим видно было, что шестипудовая медаль ему без надобности, а вот с купчихой достойной... Эх, где наша не пропадала!

— Баю я, — со смешливой раздумчивостью сказал мичман Суровикин, — с такою наградою топиться сподручно. Встал на планшир, перекрестился для отважности, булькнул, и кругов опосля тебя не останется!

Собравшиеся в трактире засмеялись.

— Так ему, иудиному семени, — сказал гардемарин Лютиков. Был он юн, осьмнадцати не исполнилось, и оттого выглядел без париков весьма молодо: две красные щеки, два оттопыренных уха и любопытствующие голубенькие глазоньки, по причине выпитого собранные в кучу. — Нам бы только государь приказал, мы б его и без медалек срамных за борт булькнули со всем удовольствием.

Суровикин с небрежностью оглядел гардемарина.

— Таким самим со строжкостью по палубам ходить следует, — сказал он. — Неровен час случайной волною смоет!

Сам гардемарин не обиделся, обиделось выпитое им. Лицо молодое постыдно покраснело, нос заострился, и гардемарин выпалил:

— Должно быть, мичману не единожды доводилось в сражениях с неприятелем биться, столь он ловок. Токмо

не приходилось его на пушечных палубах видеть на море, не иначе мичман наш в иных баталиях отличился, искусным языком рассказчика созданных...

До дуэли, слава Богу, не дошло, а зуботычинами спорщики изрядными обменялись. Только гардемарин против мичмана все равно что пищаль или мортирица супротив осадного орудия! И гадать не след, кто в победителях оказался. Что же, на гауптвахте Григорию Суровикину пребывать привычным было, не то, как его супротивнику гардемарину Лютикову, коий не знал даже, с какого конца к нарам подступаться, а посему с завистью прислушивался к женскому воркованию да сладостному любовному гомону в камере обидчика. Привычен был лик мичмана гауптвахтной команде, потому ему и послабления малые делались.

— Ишь, гуляет, — небрежно кивнул Лютиков в сторону смеха. — Знать, государевы законы не мичману писаны!

— Господину гардемарину язык бы малость прикусить, — сурово сказал караульный, дремавший у стола, не снимая треуголки и не расстегивая ворота кафтана. — Вестимо, по незнанию да молодости господин гардемарин вольность себе в изъяснениях позволил, иначе бы лик свой юный в сохранности содержал бы да вместо гауптвахты сей час перед девицами бы павлинил. Наукам господин гардемарин обучен достаточно, а уважению к заслуженным людям ни в каких Голландиях не научишь, им в службе пропитаться надо...

Гардемарин вспыхнул.

— Это сей смуглявый в заслуженных ходит? — язвительно поинтересовался он. — Да ему с цыганским табором кочевать, а не государю на море славу добывать. Никогда не поверю, что сей мичманок славными делами флоту известен! Наветы навьи!

Караульный покачал головою в треуголке.

— Да ведомо ли тебе, что мичман Суровикин на оной гауптвахте в старожилах обретается? — сказал он укориз-

ненно. — Вы еще в куклы с сестрами единоутробными играли, когда сам государь его званием бомбардира жаловал и в щеки вот в этой камере целовать изволил!

— Прямо в камере? — не поверил гардемарин, однако ж лицо его при сем ехидном вопросе изрядной пунцовостью налилось. — Клевету наводишь на государевы дела, только ему по равелинам расхаживать да узников бомбардирами жаловать! За какие ж великие заслуги почет такой мичману выпал?

Караульный снял треуголку вместе с париком и обнажил уже тронутую плешиной голову. Видно было, что караульный в годах, может быть, даже еще в стрельцах службу начинал, до московского топорения, в коие немало бунтовщиков из стрелецких полков на плахе голову сложили.

— О том неведомо, — сказал старый воин, — вот токмо слышали мы, что радовался государь, говоря, де, крепеньким табачком мичман Суровикин шведа угощает, от того табачку голова у неприятеля изрядно кружится... Да что же мне, соловьем перед господином гардемарином заливаться, тот сам все увидит, солнце еще на закат не зайдет, как за мичманом товарищи придут, а господину гардемарину наказание быть от первого дня до последнего.

Гардемарин Лютиков недоверчиво усмехнулся.

— Брешешь ты, старый пес, — сказал он. — Уставы для всех одинаково писаны.

Может, уставы писаны для всех, но вот читают их поразному.

Едва грация легкомысленная выпорхнула из вынужденной обители мичмана Суровикина, как за мичманом и в самом деле прибыли. И не кто-нибудь, два капитан-лейтенанта с помощником начальника караула пожаловать изволили. При шпагах и табакерках, табачком из коих они брезгливо занюхивали затхлые тюремные запахи.

— Эх, Гришка, — услышал гардемарин Лютиков с великой досадою и тайной завистью. — Не малый же ребе-

нок, не Степаша Кирик, тот и то посолиднее будет. Никак тебе неймется, господин мичман! Что на сей раз выкинул, какую комедь отчудил?

— А-а, — лениво ответствовал казак, — ваша правда, с молокососом вздумались разговоры о политике вести, вот и не сдержался, глупости да дерзости мальчишеские выслушивая.

Ах! Гардемарин Лютиков единым махом крепко сжал кулаки да скулы, обидчивые желваки по юному его лицу загуляли, но услышанное следом было столь непонятным, что юноша оторопел малость и в недоумение великое пришел.

— Будет тебе за то наказание, Григорий, — сказал темноволосый капитан-лейтенант, который и на простой погляд казался разумнее и рассудительнее своих спутников. — Ты вроде бы о степных просторах тосковал, о ратных подвигах размышления выказывал? Так быть по сему, государь приказывает явиться нам с тобою в ставку свою. Видать, на суше нам дело найдется. Сегодня ж и отбываем!

И мичман Григорий Суровикин привычно до срока покинул гауптвахту, оставив гардемарина Лютикова в смятении: да что ж это в отчизне родимой затеивается, коли морских офицеров государь в степные просторы истребует?

Глава одиннадцатая

1. СЕМЕЙНЫЕ ХЛОПОТЫ

Сладки снежные сугробы в тульских лугах, загадочны леса, осыпанные шапками снега. Раздолье! И речка Осетр прозрачно замерзла, так что виделись подо льдом лениво шевелящие хвостом и жабрами голавли. А борзые у графа Мягкова были истинным ветром, спусти их с поводков, молонью в лугах догонят и лапами к земле прижмут, где уж с такими-то красавицами зайцам тягаться! На что сам граф в летах был, полгодика до полусотни не дотягивал, а и того азарт взял: скакал на жеребце Орлике как молодой; по холодам с устатку хлебного винца, настоянного на рябине, стаканчик-другой на охоте принять не гнушался, пировал с псарями как молодой прямо на крови, заедая рябиновку горячим ржаным калачом и зажаренным на костре зайцем.

— А что, Ванюшка, — лихо подбоченивался он, сидя в седле. — Не взять ли нам кабана? Егеря мои знают, где они желуди роют!

— Возьмем, папаня! — щурил глаза капитан-лейтенант Мягков и иней с ресниц рукавицей смахивал. — Обязательно возьмем! Не кабана, так подсвинка!

Законная гордость обуревала его. Давно ли по здешним местам без порток бегал, а ныне, смотри, с отцом на

равных рябиновку пьет, в целкости ему не уступает, егеря да псари к капитан-лейтенанту со всем уважением обращаются, Иваном Николаевичем именуют, да и сам Николай Ефимович за ровню его берет, уже поговаривал, что неплохо было бы медведя из берлоги поднять.

А дома его ждала законная жена. Анастасия родительскому дому ко двору пришлась, а с Варварой Леопольдовной Аксаковой... виноват, Раиловой ныне она звалась, так вот, с Варварой Леопольдовной она совсем дружески сошлась, на короткой ноге обе были и вечерами поверяли друг другу свои прежние девические тайны. Вареньку ужасала жизнь Анастасии в Холмогорах и зачаровывали рассказы о жизни при дворе. Придирчиво расспрашивала она, что носят дамы, каковы галанты при дворе, как правильно делать политесы и множество иных недоступных мужскому воображению вещей, которые ей были жизненно необходимы, ведь на будущий год ей тоже предстояло блеснуть красотой и умом при государевом дворе.

Дни проходили в забавах и заботах, ночи же были полны нежного сумасшествия. Ребенок уже упорно стучался во чреве матери — просился наружу. Иван Николаевич и сомнений не имел, что явится младенец мужеска пола, он даже имя ему достойное придумал — Даниил.

— А ну, как по святцам иное выйдет? — тихо смеялась Анастасия, бережно прижимая руку мужа в своему животу.

— И что же? — ответно шептал он. — Ему же не со святцами жить, с родителями!

Счастлив он был, как только может быть счастлив человек, впавший в пучину отчаяния по причине утраты счастия своего и нежданно обретший оное счастье навеки.

Иногда в позднее время он выходил в залу, курил задумчиво трубку и обходился при том без мечтательности ненужной. Отец курения сына не одобрял и попервам пенял Ивану Николаевичу, де, мол, такую гадость лошади подсунь, она с трех затяжек околеет. Негоже и Ивану жизнь

свою курением укорачивать, ведь не турок какой он, в конце концов, чтобы кальянами баловаться, а простой русский дворянин с богатою родословной, происходящей едва ли не от Владимира Ясного Солнышка. Потом, однако, смирился, видать, ныне нравы такие в столицах были — дымом дышать и пальцы табачной сажей мазать.

— Эх, Ванятка, — сказал Николай Ефимович в один из праздных деревенских вечеров, когда пить поздно, а спать ложиться еще рано. Мороз рисовал на окнах круги и стрелы, потрескивало, и сверчок за печью молчал, к большему холоду, видно. — Ты дома, в тепле, а Яшке сейчас небось мучение. По таким холодам только у печи и сидеть да чай с сушкою прихлебывать. Не сказывал Яков, когда он домой будет?

Иван задумчиво пощипал рыжие усики.

— А вот исполнит государево повеление и явится. Ну, что вы меня, папаня, вопросами мучаете? Меня уж этими расспросами Варвара с маменькой изъели — вынь да положь им милого Яшеньку!

Николай Ефимович был по-домашнему — в халате и войлочном белом колпачке. Глядя в малое зеркальце, он специальной щеточкой расчесывал свои роскошные, тронутые уже сединою усы. Тот еще был кавалер, многих дворовых девок особым вниманием баловал.

— Дурак ты, Ванька, — с легкой грустью сказал он. — Маменьке вашей единого хочется, чтоб оба сына ее в родимом гнезде пребывали. Выросли птенцы, соколятами стали, а разуму особого не нажили. Не поймешь ты того, что матери вы оба едины, чай, с одной сиськи молоко с Яшкой сосали...

Он бы и еще поворчал, приставая к сыну с нравоучительными беседами на манер «Домостроя», только Иван вдруг поднял голову и прислушался.

— Вы бы потише, папаня, — попросил он, подошел к окну. — Вроде б колокольцы звенят.

Всякому ведомо, что почтовые лошади резвы и у каждой упряжи свой звон. Николай Ефимович приблизился к окну и вслушался.

— Не Яков, — вздохнул он.

— С чего вы это, папаня, взяли? — удивился сын.

Николай Ефимович горделиво тронул усы.

— Так-то, сынок, есть еще чему у отца родимого поучиться! Шестерка это люберецкая. А шестерка Якову не по чину, вам, капитан-лейтенантам, по чинам только тройка положена, — вздохнув с печальностию, объяснил отец.

А только колокольчики гремели все ближе и ближе, и вот уже перед железными воротами усадьбы заржали лошади. Иван Николаевич продышал в изрисованном морозом оконце круглую, словно пулевое отверстие, дырку, приник к ней. Верно распознал звон Николай Ефимович, шестерка осажена была кучером у поместья. Видно было, как дворня торопливо расчищает ворота, распахивает их, и шестерка с каретой вкатила во двор, лихо развернулась перед колоннами у входа.

— Никак Дмитрий Сергеевич пожаловал, — сказал Николай Ефимович, прильнувший к окошку со своей стороны. — Обещался, старый служака, по пути в Воронеж заглянуть.

Рослый дворовый человек Филимон в овчинном полушубке и с непокрытой головой распахнул дверцу кареты, и в это время из распахнутых дверей белым голубем выпорхнула Варенька и повисла на шее у человека в офицерском мундире Семеновского полку.

— Вот негодница, — только и сказал Николай Ефимович, но тут треуголка с головы приезжего упала и стало видно, что это Яков Раилов. Да и второй приезжий, освобождающийся от дорожной шубы, сомнений в визитерах не оставлял, трудно было спутать мичмана Суровикина с отставным генералом Самойловым.

— Яков приехал! — с волнением, опасным для пожилого человека, вскричал Николай Ефимович. — Рая! Раи-

са! Иди сюда, наш Яков приехал! И с почетом каким! На шестерке!

А в сенцах уже топотали ботфорты, слышалась возня, радостные взвизгивания и смачные поцелуи, без коих трудно обойтись при расставаниях и совсем уж невозможно при встречах.

2. МОРСКИЕ ДЕЛА НА СУШЕ

Истинный праздник выпал ныне Мягковым!

Гостей в доме хватало, не успевали окорока копченые да бочата с рябиновкою из подвалов доставать да сладких наливок для дам. Соленые помидоры с огурцами, рыжики с груздями, моченные с брусникою яблоки и капуста шли ведрами. Николай Ефимович не скупился. Не Меншиков, конечно, чтобы к Крещению на стол ананасы со свежей клубникою подавать, но на столичные конфеты и тульские медовые пряники запретов не было. Когда еще оба сына вместе дома будут!

Для забав играли дворовые люди, обученные гармонии и нотам, плясали в зале до упаду, а на третий день Николай Ефимович объявил охоту на волка, егеря его обложили стаю, флажками загнали ее в лесную чащу, готовя господам потеху.

Два дня некормленые борзые выли и скреблись нетерпеливо в собачнике, знали, к чему их готовят.

Николай Ефимович приказал егерям и доезжачим надеть малиновые кафтаны, обиходить лошадей, только водой их шибко не поить, чтобы не сорвать живот перед охотою.

Гикнула охота! Рванули вперед лошади. Подняли истеричный лай борзые, устремляясь по звериным тропам. Ивану Николаевичу Мягкову было не до травли. Отъехали с братом в сторону, пустили лошадей легкой рысью.

— Рассказывай, Яшка, — нетерпеливо сказал капитан-лейтенант Мягков. — Где был? Чего делал? Пошто в чужом мундире домой приехал? Али флоту изменил?

— Мундир надет был для секретности пущей, — отмахнулся Раилов. — А были мы с Гришкой на Украйне, совсем под носом у шведа. А вот что делали... Думай, не догадаешься.

Хорошо было в лесу. Между разлапистыми елями и черными корявыми дубами нежно светились березки. Пронзительные синие небеса лежали над этим великолепием.

— Не томи душу, — попросил Мягков. — Рассказывай.

— Приехав в ставку, — с расстановкою начал сказывать Раилов, — получил я от Петра Алексеевича под начало свое роту Преображенского полку. Командовал ею поручик Алексей Бровкин, славный малый, я тебя с ним еще познакомлю. В дружбе честен, в пиру весел, в бою отчаян. И направил нас государь под Полтаву, на речку Ворсклу. В жизни тебе, Ваня, не догадаться, чем мы там занимались! Веришь ли, всю реку до самого Днепра по льду прошли, проруби делали да глубины замеряли. Преображенцы, на что уж народ дисциплинированный, и те даже роптать малость начали. Пешнями руки отмахали, но фарватер мне теперь полно известен, с закрытыми глазами корабль проведу и все отмели да изворотыминую, — похвастался Яков. — Река довольно мелководная, на большом корабле идти там можно только по половодью, когда снега сходят... Карту составили, государю доложили, тем дело и кончилось. Я, баю, большое дело государь затеивает, не иначе как со шведом хочет разобраться, пока он после Лесного не оклемался да пушки с припасами не подвез. Под Лесным мы изрядно у неприятеля пушек отняли, Карла небось все волосы на своей умной башке повыдрал, простить государю своей конфузии не может. Большие дела, Иван Николаевич, близятся, большие дела!

Некоторое время ехали молча. Кони храпели, пуская пар из раздутых ноздрей, в больших карих глазах живот-

ных стыл ужас, не иначе зверя чуяли. Метались серые разбойники, каты овечьи, среди наставленных егерями флажков. Морозец изрядно пощипывал нос и щеки, а при неловком движении норовил и под кафтан забраться, трогая ознобно тело.

— К чему ж вы такой труд приняли, коли корабли там не пройдут? — задумчиво спросил Мягков.

Размышления в голову никак не лезли, было только вот это самое недоумение. Всегда государь разумные мысли выказывал, неужто на сей раз впросак попал? А может, тем и утешился, что корабли в Ворсклу не пройдут? В дни половодья баталии затеивать дело рисковое, ну как вода резко спадет, можно таким манером и флота лишиться!

— А я тебе так скажу. — Яков Раилов натянул поводья и подождал, пока брат не поравняется с ним. — Мы тут с Григорием совет устроили и одно приняли: быть нашему «Садко» на Ворскле по воле государевой. Иного, брат, не вижу.

— Так коли флота вражеского там нет, что нам там делать? — хмыкнул Иван.

— Для тайной разведки, — как о решенном сказал Раилов. — Подводка не токмо способна корабли неприятеля на дно пускать, она еще и подвсплыть в нужном месте сможет и многое в расположении шведа выведать. Готовься, Ваня, точно тебе говорю, быть нам на разведанной мною реке!

Он и еще что-то хотел сказать, но тут прямо на них выкатился рычащий серый комок, а за ним визжащая и улюлюкающая охота. Впереди, краснея жаркими алыми языками, летели борзые, в топоте и снежной пыли неслись лошади с разгоряченными погоней и рябиновкою всадниками. Волк метнулся от братьев, зарычал затравленно и скрылся в кустарнике. Охота проследовала за хищником. Рядом с братьями осадил взмыленную лошадь Григорий Суровикин, закричал, скаля хищные зубы:

— Что ж не стреляли-то! Прямо на вас ведь вышел! Рукавицей убить ведь могли!

Видно было, что казак был в привычном ему движении и оттого счастлив. Шарф на нем вился на манер рыцарского, непокрытая голова была в инее, ворот кафтана распахнут до белеющей под ним рубахи.

Братья переглянулись, улыбнулись друг другу и недавним мыслям.

— Настреляешься еще! — лениво сказал Яков. — Чаю я, пальбы у нас этим летом будет в достатке!

Суровикин весело выругался, бешено округлил глаза, поднял коня на дыбки и с развороту послал его вслед улюлюкающей в лесу охоте.

— Чисто дите, — сказал Яков, глядя вслед удаляющемуся всаднику. — На кулачки кого взять, девку на сеновале потискать, попалить в белый свет, как в копеечку, да попьянствовать всласть — в этом весь Гришка.

Иван Николаевич лишь головой покрутил. Гляди, какой разумник, Суровикин ведь постарше их возрастом был. Двадцать два им с Яковом исполнилось, сам двадцать третий шел. А рассуждал Яков, словно к отцу их возрастом близился. Да что о том говорить, не зря же в учебе великие отличия имел, знать, рассудительность ему вместе со знаниями и выдали.

3. ГОСУДАРЕВЫ ХЛОПОТЫ

Прав и не прав был капитан-лейтенант Яков Раилов. Петр Алексеевич как рассуждал?

Генерального сражения с Карлом и его прихвостнями Мазепою и Лещинским было никак не избежать. Пора показать, кто в доме истинный хозяин. Но фортуна изменчива. Кто знает, кому она улыбнется на поле брани?

Поначалу он и впрямь подумывал, не ввести ему в Ворклу корабли, но, узнав о результатах изысканий Раилова, от мысли оной отказался. Отказался, да не совсем. Государю в плен попадать было никак нельзя. И так немало просвещенную Европу своими изрядными конфузиями потешили. А коли так, то следовало всегда иметь под рукою хитроумный запасной выход, эдакий греческий «бог из машины». Будет победа, и говорить не о чем. Поражение же следовало обернуть в пользу свою. В случае поражения надеялся государь уйти от неприятеля под водою, чтобы внезапным своим спасением смятение в неприятеле вызвать. Того Бог хранит, кого крепко любит. Да и на сподвижников такое чудесное спасение немалое впечатление произведет.

От рассуждений таких лицо Алексашки еще более удлинилось.

— Чудишь ты, мин херц, — сказал он. — И без подлодки твоей обойдемся. Вот ей-ей, надерем мы в новом году задницу шведу. А то и самого Карлу пленим.

— Аника-воин, — сердито сопя, сказал Петр. — Тебе волю дай, ты и турков шапками закидаешь. Имя мое не мне принадлежит — Отечеству. Как государь, должен я думать и о неблагоприятном исходе сражения. Или забыл, как мы с тобою из-под Нарвы однажды ноги уносили?

— А все ж, чаю я, — упрямо сказал Меншиков, чуть побледнев под хмурым взглядом Петра, — быть шведу в новый год битому. Били и нас, но с той поры и мы многому научились. Шведский-то королек без пушек сидит, а мы сколько новых налили?

Петр, подобрев, хлопнул светлейшего по плечу.

— Эх, Алексашка, — уже с любовию молвил он. — Твои слова да Богу бы в уши!

Забот ему с неугомонным венценосным братцем в досталке было. Карл с Мазепою всю Малороссию засеяли черными своими возмутительными манифестами, к тому же шведский король овладел силою Гадячем, Прилуками,

Лохвицами да Лубнами и в них расположился с воинством своим на зиму. Зимние маневры под Гадячем и Ромнами привели к тому, что шведы, и без того испытывающие великую нужду в провианте, были побиты и Ромну отбили. Стужа стояла великая, в русском войске многие знатно озябли, но и Карл, двое суток бесцельно простояв в степи под Гадячем, потерял от морозов около четырех тысяч человек. В декабре Карл с великой досады осадил Веприк и взял оный троекратным кровавым приступом, потеряв много убитыми и ранеными, и среди них фельдмаршала Рейншильда, немало попортившего крови русским доперед того.

Петр праздновал Новый год в Сумах. По-солдатски праздновал, без разносолов. Холода стояли изрядные, порой птицы на лету замерзали, что же говорить о человеке? Люди, однако же, держались. Мало того, обратили в бегство пехоту Лещинского у Подкамня, взяв штандарты и знамена и побив до четырехсот человек. Слаб духом поляк, не держал он ни русских ударов, ни морозов крепких, ни прихотей военной судьбы.

Карл, устав сидеть на месте и не имея известий из Польши, направился со своим войском к Красному Кусту. Ходили слухи, что шведы намеревались выйти к Воронежу и далее продвигаться к Москве. Намереваясь разбить неприятеля, король напал на полки генерала Рена, стоявшего у Красных Кустов, но в сей конфузной баталии был с войсками своими изрядно потрепан и едва сам не попал в плен. Озлившись, Карл пожег несколько городов и пошел к Опошне, отбивая атаки русских.

Шли хитрые маневры. Петр Алексеевич, как мог, избегал главного сражения, Карл также к оному не стремился, надеясь на помощь из Польши и Крыма. Помощи не было. Крымских татар остановил султанский фирман, граница с Польшею была наглухо заперта русскими.

Воспользовавшись передышкой, государь направился в Воронеж, где занялся кораблестроением. Уже седьмого

апреля 1709 года он спустил на воду восьмидесятипушечный «Орел», следом за ним под крики «виват» сошли на воду еще два семидесятипушечных корабля и один пятидесятипушечный. К слову сказано будет, часть пушек на кораблях были шведскими, отбитыми у неприятеля в прошлом году под Лесным. Эх, этим бы кораблям да воду достаточную в Малороссии! Не избежать бы тогда шведу великих потерь, может быть, и мечта неугомонного Меньшикова исполнилась бы — взять в полон самого шведского государя!

Теплело.

В мае Петр вернулся из большого морского разъезда и в Азове получил известие от Меншикова. События радовали. При Будищах генерал-квартирмейстер Голц изрядно потрепал шведа. Отличились и донские казаки, которые малым отрядом разбили запорожцев, овладели табором их, а затем в горячке и шведов из Решетиловки выбили, вдосталь покунав их в воде на реке Псол. Русские удачи только раззадорили шведского короля. Карл очертя голову полез вперед и осадил Полтаву. Сей признак был тревожным, и в день своего рождения Петр почтой поехал в армию, оставив все государственные дела.

Между тем и в шведском войске было великое беспокойство. Карл решительно намеревался взять Полтаву. Вопреки мнению начальников своих надеялся он в крепости дождаться помощи Лещинского, на которую продолжал весьма надеяться. Генерал-квартирмейстер Гилленкрок пытался отговорить своего короля от безумного предприятия. Пушек — нет, надежды на разбойных запорожцев — сомнительны, да и пехоту губить на штурме крепостных стен генерал-квартирмейстеру было крайне жаль. Не убедив короля, Гилленкрок явился к первому министру короля графу Пиперу, тяжело сел на скамью, вытягивая длинные ноги в кожаных ботфортах, уныло звякнул шпагой.

— Король погубит армию, — сказал он, тяжело глядя в стену украинского деревенского дома. — Отговорите его от пагубных замыслов, Пипер!

— Вы так же хорошо знаете короля, как и я, — глухо сказал Пипер, отводя взгляд. — Если он принял решение, то уже нет никакой возможности заставить его принять иное.

— Значит, будем умирать здесь, — вздохнул Гилленкрок.

Пипер стиснул зубы и пошел к королю.

— Если бы Бог послал ангела небесного с приказанием отступить от Полтавы, — сказал король, — то я бы и тогда не отступил.

До Петербурга дошло известие, что еще до прибытия государя светлейший князь взял инициативу на себя и крепко побил шведов на берегу Ворсклы, отступив разумно, когда сам король поспешил на помощь своим избиваемым полкам из Будищ. Полки стояли против полков по обе стороны реки. Карл все-таки не отказался от намерений взять Полтаву.

— Дело, — сказал капитан Бреннеманн. — Научились россияне достойно воевать. Русское воинство, придет время, э-э-э... Европу пройдет, в Париже праздновать викторию станет.

— Нам ваши Парижи без надобности, — ответствовал Раилов, дымя трубкой и просматривая очередной выпуск «Ведомостей». — Чужого не надо, но своего никогда не сдадим!

— То-то государь в Европу окошко рубит, — покачал головою многоопытный Бреннеманн. — Чтобы в доме... э-э-э... у окошка сидеть светлее было.

У трапа сыграли тревогу. Раилов вскочил, поправляя одежды. Бреннеманну в том нужды не было, педантичный немец, как всегда, был застегнут на все пуговицы.

Поспешили к трапу, и не напрасно — по трапу медленно поднимался Сенявин. Адмирал был озабочен. Едва ответив на приветствия капитанов, Сенявин требовательно повернулся к Раилову:

— Готовы ли, Яков Николаевич?

— Все готовы, — скупо отозвался тот.

— И славно. — Сенявин обвел взглядом палубные постройки, достал из-за обшлага кафтана кружевной платочек и промокнул им вспотевший лоб. — А коли готовы, я и держать вас не стану. Пора!

Двадцать второго мая секретный обоз под охраной роты солдат Преображенского полка, которым командовал бравый и круглолицый поручик Алексей Иванович Бровкин, покинул Петербург и двинулся в сторону Смоленска.

Глава двенадцатая

1. НА ПУТИ К СМОЛЕНСКУ

Упряжка была запряжена цугом, и двенадцать лошадей бодро тащили длинную телегу с громоздким сооружением, напоминающим гигантскую бочку. Точнее ничего нельзя было сказать, повозка закутана в холста и для вящей крепости затянута крепкими пеньковыми канатами да ремнями. Преображенцы, выслав вперед авангард, ехали вольно, смеясь и переговариваясь меж собою.

Мягков с поручиком Бровкиным ехали впереди, Суровикин и Раилов держались вслед за упряжкой. За ними пылили две кареты, в одной из них дремал целыми днями тектон Курила Артамонов с тремя Гаврилами, во второй ехали навстречу судьбе два Николая и Григорий. Ничего удивительного в том не было. Один сызмальства на лошадях умеет ездить, другой с малолетства сети вязать учится да на шкунах грести. «Edem das seine», — сказал бы оставшийся в Петербурге капитан Бреннеманн. И тут он, пожалуй, весьма прав был бы.

Первое время капитан-лейтенант Мягков удивлялся все нелюбопытности охраны. В какую даль что-то везут, а никто и попытки не сделал под холсты заглянуть. Иван Николаевич поначалу приписывал все дисциплинированности преображенцев, не зря же в оном полку сам госу-

дарь в полковниках ходит. Однако поручик Бровкин его в том неожиданно разубедил.

— Ленивы и нелюбопытны твои ребятушки, — подначил капитан-лейтенант поручика. — Как всякие скифы. Чудо инженерной мысли везем, а никто и желания не изъявил хоть глазком единым на нее взглянуть.

— Это на подводку-то? — с небрежительной ленивостью поинтересовался Бровкин. — А на что она им?

Вот те на! Берегли секрет подводки, как высший государственный, а про сие чудо морское простому солдату ведомо. Капитан-лейтенант Мягков почувствовал себя уязвленным, но кричать о государевом деле, а тем более дознание учинять не стал. Знают, и ладушки! Кому какое дело до того. Пусть знают, лишь бы язык за зубами держали. А эти, по всему было видно, не из разговорчивых. Поскрипывала огромная повозка, сопели лошади, плыли навстречу города и селения, холмы перемежались равнинами, а равнины лесами, вот уже говор людской меняться стал, белоросом акающим запахло, тут и преображенцы подтянулись, ленивость их словно волной смыло, а караулы стали не в пример бдительнее. Однажды даже подвыпившего Григория Суровикина вдосталь в пыли изваляли, когда поздней ночью вернулся тот хмельной и счастливо усталый от ветреной вдовушки, кормившей и поившей их на постоялом дворе.

Слава Богу, неприятеля поблизости не было, а разбойный люд в здешних местах не настолько оголодал, чтобы на роту солдат с кистенями да кремневыми ружьями кидаться. Правда, хаживали сюда иной раз и отчаянные запорожцы, но ныне было тихо — некого за чуприну потаскать.

Курила Фадеевич, рассупонясь, поглаживал бороду и делился с Мягковым да Раиловым замыслом своим.

Пребывая в Северной Пальмире, присутствовал он както на произведенном в честь прибытия государя фейерверке. Специальные люди пускали в небо шутихи разно-

цветные да ракеты, а Кириле Артамонову, что за слаженными действиями сих мастеров наблюдал, пришла в голову мысль неожиданная: а нельзя ли оные ракеты для нужд подводного судна приспособить?

— Ну, ты махнул, Курила Фадеевич! — засмеялся Мягков. — Да на кой нам эти самые фейерверки надобны? Подводную мглу рассветлять? В шутиху сыну моему только играть!

В феврале, как и мыслилось, стал капитан-лейтенант Мягков счастливым отцом. Правда, брат Яков не слишком от него отстал, аккурат через недельку и у скрытного Раилова с разлюбезной его сердцу Варварой Леопольдовной дочь родилась, вся красотою в маменьку — княжна персица, не девка!

— Ты, Иван Николаевич, и над моею миной самодвижущейся посмеивался! — сердито затряс бородою старый тектон. — А теперь вот в оной мине пользу великую видишь, понимаешь, что с нею легче шведские баркентины да корветы на дно морское пускать!

— Так то мина, а это шутихи огненные, — не уступал Мягков.

— А вот гляди! — Курила Артамонов расстелил на столе лист бумаги, очинил перышко и ткнул им в бронзовую чернильницу.

На листе бумажном появился ловко вычерченный твердою и искусной рукой образ подводки.

— Здесь вот, здесь и здесь сверлим дыры подходящие и спускаем в них бронзовые мортирочки тонкостенные. В них закладываем ракету, да не бумажную, как при фейерверке, а на манер мины самодвижущейся, только вместо закрутки в оной ставим заряд пороховой. Сгорая, заряд сей уносит ракету на немыслимую высоту, и оттуда она падает на головы неприятеля и взрывается, причиняя тому немалый урон.

— Курила Фадеич! — не утерпел и Яков Раилов. — С какого года в Москве ракетная лаборатория сделана, какие умы там работают, а до сего не додумались!

Московская ракетная лаборатория, где ракеты производились и велись изыскания для улучшения конструкций этих ракет, существовала с 1680 года. В наблюдении за фейерверками государь отметил, что от оных изрядно светлеет в позднее время, и распорядился использовать ракеты для сигнализации и освещения местности во время боя. Далее, правда, дело не пошло, но пытливый текстон и в сем светлом занятии углядел государственную пользу.

— А ты гляди, Яков Николаевич, — настаивал он. — Здесь заряд пороховой, разгонный, здесь камеру оставляем, а в ней фитиль для воспламенения подрывного заряду... Полетит как миленькая, полетит!

А путешествие наших героев меж тем продолжалось.

В Смоленск заходить не стали. С эдаким грузом только по городу и разъезжать! Бровкин послал в город продовольственную команду. Губернатор был уведомлен о преображенцах и скупости не выказывал. Себе дороже на защитниках отечества экономить, да еще на любимцах государевых с полка Преображенского!

Близилось Дубровино, Днепр понемногу ширился, и вскоре уже можно было спускать судно на воду. Занятие не из легких, но для русского солдата невозможного нет. По указанию Курилы Артамонова из заготовленных загодя лесов поставлены были стапели, и прямо с повозки под бодрые крики подводку спустили в реку. Усталые лошади с неодобрением наблюдали за действиями людей — мало что их измучили, еще и сами из сил выбиваются!

Поручик Алексей Бровкин обнялся с Раиловым и Мягковым, расцеловался с приглянувшимся ему мичманом Суровикиным, уважительно пожал мозолистые лапы гребцам.

— С Богом, робяты, — сказал он. — Дай вам Бог чистой воды!

— Может, свидимся когда, — неопределенно сказал Мягков, прислушиваясь к стуку топоров на реке. Имеющие мастеровые навыки преображенцы, следуя указани-

ям Артамонова, машкерували полупогруженную подводку, делая из нее торговый шлюп, более привычный в здешних местах.

— Обязательно, — успокоил его Бровкин. — Кто ж, по-твоему, будет вас на Ворскле встречать?

Слава Богу, до воды добрались! Не море, конечно, дак и не суша же! Иван Николаевич расцеловался со старым тектоном и по шаткому досочному мостку перебрался на подводку. Для видимости распустили над нею загодя заготовленный парус, хотя то и без нужды было, все же по течению плыть предстояло. Экипаж уже переодевался. Холщовые штаны да рубахи, мухорчатые полотняные же шляпы, все должно было наводить любопытствующих местных жителей на мысль о мирном назначении шлюпа. Что с невинного купца возьмешь, окромя товару? Правда, в подобной маскировке крылась и своя опасность. Не секрет ведь был, что пошаливали на Днепре запорожские казачки, да и прихвостни предателя Мазепы иной раз рвение проявляли, российских лазутчиков улавливали. До встреч с ними было еще далеко, но береженого Бог бережет. Суровикин мастеровито устраивал по фальшивым бортам несколько пищалей на дубовых лафетах, рядом с каждой расставлял корзины с зарядами и ядрами, проверял наличие ручных гренад, пригодных для ближнего боя.

Курила Фадеевич еще раз крепко обнял капитан-лейтенанта Мягкова, увлажнившимся взором окинул свое любимое детище, что мирно покачивалось на днепровской воде.

— Слышь, Ванюшка, — заговорщицки шепнул он. — Пока лодку на воду спускали, я поглядел — очень даже запросто пищалки вертикальные можно будет поставить. А ежели отверстия бычьими пузырями затянуть, то и прямо из-под воды ракеты пустить возможно, тайно для неприятеля.

Прожекты Курилы Артамонова были куда как интересны, да далеки от времени своего. Забежал тектон впе-

ред на многие годы, да не шибко, первый ракетный крейсер «Перволукша» был поставлен еще при его жизни и более чем достойно показал себя у берегов Крыма.

2. ВО СЛАВУ РОССИИ

Мичман Суровикин сидел на корме и занимался вполне мирным делом — удил рыбу. Снасть нехитрая — леса из конского волоса, поплавок из куги, вместо груза дробина пищальная, а крючки у него с Дона были. Червей Григорий накопал по-над берегом. Клевало изрядно, в бочонке из-под пресной воды уже били хвостами несколько крупных плотвиц и красноперок, метались, выворачиваясь полосатыми боками, шустрые окуньки и нахальный щуренок, а на дне тяжело двигал жабрами приличный лещ.

— Будет вам настоящая уха, — обещал казак товарищам. — Я уж и пшенки припас, с самого Петербурга ее вез.

Еще с вечера мичман отлучился в соседнее село и принес оттуда свежий укроп, лучок и прочее, что потребно для хорошей ушицы. Не забыл принести и бутыль со знаменитым полтавским самогоном: выпьешь такого и словно Господь Бог по душе твоей нежными ножками протопает. А по масленой доброй улыбке мичмана видно было, что он там не только припасы добывал, подластился к какой-нибудь хохлушке и с обоюдными пользой да удовольствием время у малороски провел.

Мягков сунул руку в бочонок, выловил окунька и покачал головой.

— Мелкий больно, — сказал он. — У нас на Осетре такой мелочи и не водится! Отпустил бы ты мальцов, Гриша!

— Ничего ты, Иван Николаевич, в рыбацком деле не смыслишь, — ответствовал казак. — С этой мелкоты самый навар и вкус у ухи появляется!

Три Гаврилы да Николай, подбадривая друг друга возгласами, возились под обрывистым берегом. Другой Николай сидел на берегу и складывал в холщовую суму раков, выбрасываемых ему из воды неистовыми охотниками.

Оставшийся без бытовых забот гребец Григорий занимался самым важным делом — был за караульного. Он-то и подал с пригорка сигнал тревоги.

— Что там? — крикнул из лодки Мягков.

— Всадники скачут! — отозвался сверху Григорий.

— Много их?

— В достаточности, — солидно сказал Григорий.

И правильно сказал. Кто их, всадников-то, в пыли посчитает? Да и с арифметикой у Григория не шибко ладилось. Одно дело деньгу без спешности посчитать, совсем другое лошадей, что по дороге разнузданно скачут. По мундирам видно было, что преображенцев к ним Бог несет.

— Преображенцев? — ахнул Раилов, вылезая из подводки. — Да это ж, никак, сам государь пожаловал!

Слава Богу, успели. Когда отряд осадил на берегу коней своих, все уже было чинно, без греческих идиллий. Но в мундиры облечься все ж таки поостереглись — вдруг то неприятель, для диверсии тайной переодетый?

Обошлось. Не иначе святой Варфоломей подводникам ворожил.

Царь спешился, прыжком одолел водное пространство и оказался на подводке. Гулко стукнули каблуки ботфорт о дубовые доски, отзываясь в пустоте лодки. Петр Алексеевич расцеловал Мягкова, Раилова и Суровикина, махнул приветно рукой гребцам и с любопытством огляделся.

— Славная машкеровка! — заметил он.

Подошел к бочонку, любознательно сунулся в воду рукой, вытянул зубасто ощерившегося на него щуренка и засмеялся от удовольствия:

— Чисто Карл!

На берегу смех его подхватили.

От конной ватаги отделился еще один отчаянный, прыгнул с разбегу, да неудачно — ботфортом в воду посунулся. Гаврилы сноровисто подхватили отчаянного пыгуна, поставили на подводу. Оказалось, что это сам светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

— Мы этому Карлуше, мин херц, зубки-то малость пообломаем! — хвастливо сказал он.

Государь поморщился косо, ровно от боли зубной.

— Тебя, светлейший князь, хорошо заместо петуха на плетень посадить, — сказал он с непонятной усмешкой. — Уж ты рассвет не пропустишь, прокукарекаешь, когда еще солнце не встанет! — Поворотился к славному экипажу. — Благодарю за службу! — сказал он. — Не посрамили вы андреевского стяга, славно тяжкий путь прошли и вписаны навеки будете в скрижали гиштории. Вот только «ура» кричать не надо, — осадил он моряков, видя, как те надувают груди для молодецкого выкрика. — Не дай Бог, спугнете неприятеля, отымите тем викторию у своего государя.

Приказано было ждать.

Однако же легко сказать — ждать!

Три дня вокруг Ворсклы шли маневры. Еще шестнадцатого июня начались первые столкновения. Письменные сношения с Полтавою русскими велись посредством пустых бомб, в которые вкладывались письма. Светлейший предлагал государю использовать для оных целей подводку, раз уж так удачно в распоряжении ныне оказалась. Петр Алексеевич странно оглядел Меншикова, сказал непонятно:

— С таким полководцем, Алексашка, никакого неприятеля не надобно!

Более о подводке не вспоминали.

Петр своего августейшего братца все ж таки побаивался, сказывались прежние уроки, полученные в Лифляндии и под Нарвой. И то сказать, шведское воинство считалось первым в Европе, а полководческий гений Карла ставили так высоко, что Ганнибалы рядом с ним сму-

щенными учениками чувствовали. Пушек у Карла было маловато, а ну, как гений себя окажет, что тогда? Нет, подводку следовало держать в тайности: ведь, кроме спасения августейшей императорской особы, дано экипажу «Садко» хитрое задание — рвать мосты под шведом в случае отступления русской армии. Двадцатого июня русская армия, отойдя несколько по течению реки, переправилась через Ворсклу, двадцать пятого повернула к Полтаве и стала в четверти мили от неприятеля. Ретрашимент поспел в одну ночь; кавалерию поставили на правой руке и перед нею сделали несколько редутов, осажденных людьми и пушками.

Между тем король Карл в вечернее время направился осмотреть русский лагерь. Двигался он осторожно и вдоль берега Ворсклы. На беду, наткнулся он на костер, у которого размягчевший от выпитой горилки Суровикин рассказывал гребцам о донской вольнице. Король, завидев неприятеля, не утерпел. Он спешился и удачным выстрелом тяжело ранил одного из Гаврил. Гребцы ссыпались в воду. Не растерялся лишь мичман Суровикин. Схватив фузею, он выстрелил и тоже удачно — пуля попала Карлу в ногу. Гренадеры подхватили короля и увезли в лагерь. Искать высокородного беглеца в ночной мгле никто не решился.

Утро на борту подводки было хмурым и безрадостным. Гаврила скончался ближе к рассвету, а с восходом солнца хмурые гребцы из остатков дубовых досок вытесали и поставили над могилой товарища поморский крест. Долго стояли у свежего земляного холмика, потом один из оставшихся в живых Гаврил негромко сказал, словно не прощался с земляком навсегда, а провожал его в далекий путь:

— Плыви, друг Гаврила, в светлый путь, в Гусиную белую Землю... Праведно жил и правильно в землю лег. А мы уж детей твоих да жену Хионью в беде не оставим. Будешь средь нас, пока живы мы, вечным заполовинщиком...

Капитан-лейтенанты да мичман приблизились к кресту, достали из драгунских ольстр мортирицы и выпалили в светлеющие небеса. Пусть и не по чину, зато по совести.

И словно вторя мортирицам, со стороны, где были Малые Будищи, громом ударили пушки.

3. ТОЛЬКО ПУЛЯ МОРЯКА...

В белой рубахе сидел Суровикин на пригорке. Летний июньский ветер трепал его смоляные, завивающиеся колечками волосы. Отсюда, от излучины, где белели мазаные домики Ивовцов, был виден русский укрепленный лагерь и редуты, в которых засел с отчаянными войсками светлейший князь. Видны были и ряды наступающих шведов.

– Гришка! — кричал сердито от воды Мягков. — Спускайся назад, не дай Бог, государь нагрянет, а ты в исподнем!

– Да не волнуйся ты, Иван Николаевич, — кричал ответно казак. — Не до нас сейчас государю. Пока он явится, я не только одеться, искупаться успею да высохнуть!

Прижав подзорную трубу к правому глазу, казак со вниманием наблюдал за сражением.

Шведы шли на редуты конницей. Что им еще оставалось делать, если у них могли стрелять только четыре пушки, а на остальные не было припасов? В прошлогоднем бою у деревни Лесной вся артиллерия шведов и их обоз с боеприпасами попал в руки русских. Отчаяние и неистовый король толкали шведов на вражеские укрепления, откуда по ним стреляли их же собственные пушки, поддерживаемые русскими «медведями» и «единорогами». Злобными тещами визжали пищали.

— Хитро, господа! — восторженно кричал мичман. — Храбрый Боур в отступ пошел, не иначе заманивает шведа под пушки! Ломят наши, ломят, господа!

Петр меж тем отрядил Меншикова, а с ним Гейншина и Ренцеля с конницей и пятью батальонами пехоты супротив шведской кавалерии. С гиканьем кинулись к лесу казаки, тоненько, как всегда в трудную минуту, завизжали бесстрашные волжские татары, грянули «ура» пехотинцы, и неприятель был порубан и истоптан. Генерал-майор Шлиппенбах, доставивший армии столько неприятностей в Лифляндии, выкинул белый флаг, генерал-майор Розен отступил к полтавским апрошам, выкопанным накануне сражения.

Основные силы русских участия в битве пока не приняли, по решению государя они находились в укреплениях. Наконец пошло движение и здесь.

— Баю я, баталия идет к завершению! — возбужденно сказал Суровикин поднявшемуся на холм Мягкову. — Глянь сам, государь войска объезжает. Эва, вытянулись! Быть шведу битым!

Мягков посмотрел в подзорную трубу, но, кроме пыли, пушечного дыма да мечущихся по полю всадников и людей, ничего не увидел.

— Выше! Выше бери! — нетерпеливо советовал Григорий.

Капитан-лейтенант Мягков поднял трубу выше и увидел стройные шеренги солдат. Справа и слева от шеренг плясала конница, на левом фланге среди всадников нетрудно было узнать светлейшего князя. Александр Данилович взмахивал шпагою, словно грозился ею неприятелю, и по своему обыкновению что-то кричал, не иначе как по матушке к неприятелю обращался. Но тут рявкнули пушки и все заволокло дымом, зато среди разноцветных мундиров готовой к бою пехоты стало видно Петра, крутящегося впереди войска своего на коне.

— Ах ты, мать честная! — взахлеб причитал Суровикин. — Славная баталия у них сейчас выйдет! А мы здесь отсиживаемся! Справедливо ли?

И тут ответом на его причитания совсем неподалеку грянула разорвавшаяся пушечная граната. Суровикин смолк.

– Гришка! – Капитан-лейтенант Мягков кинулся к товарищу. – Ты что замолчал? Случилось что?

Суровикин откинулся на землю, виновато улыбаясь.

– Достала-таки, жаба! – негромко сказал он.

Тут уж и Ивану Николаевичу видно стало, как быстро набухает кровью белая рубаха казака.

– Эк тебя угораздило, – склонился он над бледнеющим от боли Григорием. – Да ничего, ничего, сейчас я тебя осторожно вниз спущу...

Суровикин бессильно отстранился.

– Не трогай, Ваня, – ясным голосом сказал он. – Под самое ребро угораздило.

– Ты... это... ты, Гриша, только не паникуй, – пытался подбодрить его Мягков. – Тебе еще за Карлу медаль из государевых рук получать... Слышишь?

Он встал на колени, придерживая голову мичмана обеими руками. Глаза у Григория были по-детски чистыми, и если бы капитан-лейтенант Мягков участвовал в сухопутных боях, он понял бы, что это глаза умирающего. Но он этого не понял и продолжал суетиться:

– Сейчас! Сейчас!

– Жаль, промахнулся... – Суровикин вздрогнул всем телом, булькнул горлом и, пересиливая себя, сказал: – Иван Николаевич, дай слово, что семью мою не забудешь... Не успел... совсем еще малы...

Мягков освободил правую руку и истово перекрестился, не в силах сказать слова.

Суровикин прикрыл умиротворенно глаза.

– Медаль, коли выйдет такая, детишкам отдашь, – силился он улыбнуться, и Мягков вдруг ощутил противную влажность в глазах.

Рука его все еще лежала на груди товарища, и он вдруг услышал, как лихорадочно стучавшее сердце Григория застыло, потом еще несколько раз ударило с перебоями, чтобы наконец остановиться навсегда.

— Ах, Гриша, Гриша! — Капитан-лейтенант Мягков опустил тело наземь и за отсутствием головного убора горстью стянул с головы парик.

— Что там у вас? — послышался снизу от воды голос Раилова.

— Гришку убило, — сказал, как ему показалось, очень громко Мягков, но внизу его не услышали.

Григория Суровикина похоронили на берегу Ворсклы рядом с погибшим гребцом. Дня еще не прошло, как рядом с еще не заветревшим земляным холмиком вырос другой. Ударили в воздух выстрелы, которые за дальним пушечным ревом были почти не слышны. Мягков пристроил у креста, установленного поморами, кусок доски, краской вывел на ней искусную надпись: «Григорий Анисимович Суровикин, казак». Потом подумал и добавил слова: «Императорского флота славный мичман и лихой бомбардир». И все же как бы чего не хватало. Давя горчащий комок в горле, он повернулся к стоящим у могилы товарищам.

— Гаврила погибший чей по фамилии был?

— Каськов ему фамилие было, — сказал один из гребцов.

— А батюшку его как звали?

— Ануфрием отца его звали, — сказал все тот же гребец. — Славный был мореход.

Мягков снова склонился к могильной доске и добавил: «Гаврила Ануфриевич Каськов, матрос Его императорского флота». Теперь было все правильно. Он постоял немного в задумчивости и добавил дату — 27 июня 1709 года. Вот теперь все.

— Вот и красочка Гришкина в дело пошла, — вздохнул капитан-лейтенант Раилов. — В горькое дело!

— Слушай! — Капитан-лейтенант Его императорского флота Иван Николаевич Мягков поднял голову. — У нас горе, а у них как? Кто там кого одолел? Поддался нам швед?

Раилов поднял подзорную трубу.

— Наша берет, — сообщил он после некоторых наблюдений. — Гнут шведа! Вон неприятель уже белые флаги выбрасывает!

Да, сражение между тем победно завершалось. Пушки замолчали, но тем громче слышны стали крики и стоны умирающих и раненых с полей. Откуда-то из степи донеслись слабые крики «ура», затрещали далекие выстрелы — и все стихло.

Мрачные и нахмуренные спустились они к реке, перебрались на подлодку.

— Не рисовать больше Григорию наших побед, — вздохнул капитан-лейтенант Мягков.

Ближе к вечеру в той же траурной мрачности допита была горилка в память о погибших. Капитан-лейтенант Мягков прошелся по выпуклому верху подводки, сел на башенку над своим капитанским местом, посидел немного, задумчиво куря трубку, а потом вдруг услышали с удивлением товарищи его, как капитан-лейтенант не поет — воет песню, когда-то слышанную им от мичмана Суровикина:

Ах, плакала лебедушка по морюшку,
плакала белая по синему.
Ах, да плакавши, она, лебедушка, воскликнула
песню лебединую последнюю...

В камышах вдруг затрещало, ровно медведь в них ворочался. Мягков оборвал песню и вскинул голову. Капитан-лейтенант Раилов присел у заряженной пищальки с кресалом в руках, настороженно вглядываясь в светлый еще берег. Хорошо, коли то поручик Бровкин с преображенцами своими, а ежели шведы беглые? Более всего измученному вынужденным безделием и опечаленному потерями Якову Раилову хотелось, чтобы это были шведы. Рука зудела по ним из пищали ударить!

Камыши раздвинулись, и из зеленой листвы показалось удлиненное холеное лицо светлейшего князя. Меншиков был без треуголки, в одном лишь парике, кафтан

нараспашку. С видимой брезгливостью светлейший князь стоял в камышах. Никогда не боявшийся крови Александр Данилович Меншиков опасался измазаться в грязи. Стянув с головы парик, светлейший с веселием закрутил им над головой.

— Эй, моряки! — звонко крикнул он. — Кончай лягушек глушить! Государь на пир приглашает!

Волгоград, декабрь 1999 — январь 2000 года.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В детстве каждый подросток читал прекрасный роман замечательного французского фантаста Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой» и восхищался смелостью фантазии ее автора. Вместе с чудесным капитаном Немо мы бороздили глубины океанов, любовались его красотами, были свидетелями трагедий и обучались названиям рыб и животных, живущих в океанских глубинах. И никто из читателей не подозревал, что прообразом, послужившим написанию романа, была российская подводка «Наутилус», которой командовал легендарный подводник Макар Немов, выведенный знаменитым французским писателем как индийский принц Даккар, или капитан Немо.

Тому причиною была политическая напряженность в отношениях между родиной великого писателя и родиной его героя. Разумеется, что писатель Ж. Верн великолепно знал, какова была национальность капитана «Наутилуса», куда волею случая попал профессор Аронакс со своими спутниками, но имя это писатель не мог назвать именно по политическим соображениям.

Тем более отрадно отметить, что впервые в нашей литературе появилось произведение, в котором рассказывается о становлении российского подводного флота, который на протяжении веков позволял России быть тайной, но в отличие от англичан истинной владычицей морей.

Подводка «Садко» была спущена со стапелей архангельской верфи в 1706 году, и создателем ее был гениальный изобретатель и искусный корабел Курила Фадеевич Артамонов (1669–17?), ученик не менее известных корабелов Маркела Ушакова, Ивана Рядника и Якова Койденского. С юных лет К.Ф. Артамонов прошел все ступени кормщицкого мастерства — от зуйка до талантливого мастера корабельных дел, признанного и обласканного Петром Первым. Именно Куриле Артамонову принадлежат такие изобретения, как воздухородные баллоны, изогнутая подзорная труба (позже поименованная перископом), подводные мины с негаснущим запалом, самодвижущиеся мины (ныне называемые торпедами) и собственно сама подводка как аппарат, предназначенный для плавания в водных глубинах и для уничтожения вражеских судов. Им же придуман первый легководолазный костюм, позволявший выполнять под водой определенные работы.

Первая подводка, названная в честь новгородского былинного купца Садко, не раз бывавшего в гостях у подводного царя, была весельным аппаратом, погружавшемся не глубже четырех саженей. Тем не менее даже этот несовершенный аппарат с тремя парами весел сумел только в течение двух первых лет отправить на дно морское девять неприятельских кораблей, совершить тайные походы к берегам Англии, Франции, Швеции и Турции. Имена славных капитанов Мягкова И.Н. и Раилова Я.Н., мичмана Григория Суровикина, оставшихся бесфамильными трех Гаврил, одного Григория и двух Николаев, что сидели за веслами подводки, навсегда вписаны в историю Российского подводного флота наряду с героями турецких походов С.Н. Кириком, А.Ф. Немировичем, Г.С. Гагнутом, подводником Первой мировой войны Ризничем, легендарными капитанами Второй мировой войны Луниным и Маринеску.

Мало кому известно, что поражение русских войск в турецкой кампании 1711 года было бы гораздо более тя-

желым, если бы не вошедший к тому времени в строй подводный корвет «Перволукша», грозивший ударить ракетами по турецким войскам, если те затеются пленить российского государя, окруженного с войсками у реки Прут. Несомненно, что сыграл свою роль подкуп Мехмет-паши и его наместника Калги, но все же демонстрация мощи подводного тридцативесельного корвета «Перволукша» у берегов Крыма кажется мне более убедительной причиной странного поведения турецкого войска и его командиров, выпустивших русское войско из казавшейся смертельной западни.

Последующие победы подводных крейсеров «Перволукша» и «Благодарение» в турецких походах восемнадцатого века, победоносное участие российских подводок в Синопском и Чесменском сражениях, борьба российских рейдеров с корсарами карибского бассейна, бои с французскими кораблями в период Отечественной войны 1812 года — все это послужило созданию тайной легенды, которая лишь в последнее время становится известной широкому читателю вследствие открытия секретнейших архивов Военно-морского флота России.

Мало кому известно, что бегству Наполеона из ссылки и новому появлению низложенного императора во Франции способствовали русские подводные моряки с десятивесельного разведбота «Башибузук», влюбленные в императора и тайно действовавшие вопреки воле своего государя. Цветы свободы, которым предстояло кроваво расцвести морозным декабрьским утром!

А чего стоят первое кругосветное путешествие стовесельной подводки «Полтава» вокруг земного шара, экспедиция пятидесятивесельной подводки «Маркел Плисецкий» к Северному полюсу, оказание помощи САСШ в борьбе с англичанам за обретение независимости!

Большой вклад в развитие российского подводного флота внесли М.В. Ломоносов, А.Ф. Можайский, русский механик-самородок Кулибин, химики Менделеев и Бут-

леров, физики Яблочкин и Свешников, кораблестроители России от Курилы Артамонова и Маркела Плисецкого до академика Крылова.

Недооценка роли подводного флота царским правительством привела к позорному поражению русского флота в войне с Японией, когда разгром эскадры адмирала Рождественского под Цусимой был в первую очередь вызван отсутствием в строю эскадры подводок, финансирование строительства которых царским правительством было прекращено в 1881 году, когда с действующего флота было списано сразу девять боевых аппаратов из десяти бывших в то время в строю. Однако и здесь надо заметить, что одно только пусть даже запоздалое появление у японских берегов подводного ракетного крейсера «Андрей Первозванный» в некоторой степени умерило аппетиты самураев и позволило российскому министру иностранных дел Витте добиться на переговорах в Портсмуте почетных результатов, но не капитуляции.

В последующие годы развитие российского подводного флота шло своим чередом. В годы Первой мировой войны российские моряки достойно действовали на подводном фронте против Германии, в годы интервенции подводники молодой советской республики успешно громили врага в Белом, Баренцевом, Балтийском и Черном морях, во Вторую мировую войну советские подводники удачно противостояли германскому флоту, а уже после войны в океанах появились первые атомоходы, способные огневой мощью своей уничтожить любое островное государство и нанести немалый ущерб любой континентальной стране. И здесь необходимо отметить неоправданное вмешательство в конструкторскую мысль политики. Известно, что в конце 30-х годов И.В. Сталин приказал демонтировать с подлодок установленные там комплексы НУРС «Пересвет» и заменить их большим количеством торпедных аппаратов. Вероятно, он слепо копировал опыт германских подводников, но в результате подводный флот

потерял немалую огневую мощь, что, безусловно, сказалось на ходе морской войны в Великой Отечественной 1941–1945 гг., а для конструкторов явилось еще одним ярким примером того, что не стоит слепо следовать зарубежному опыту. Политики хотели как лучше, а получилось как всегда.

От весельных подводок к электрифицированным атомоходам — вот путь, что проделан был российским подводным флотом за последние два столетия.

Думается, что историческая повесть «Владычица морей», раскрывающая тайные страницы нашей истории и рассказывающая о героизме и самоотверженном ратном труде первых российских подводников, будет с интересом прочитана читателями.

Разумеется, что повесть не лишена определенных недостатков и в первую очередь, возможно, излишне перенасыщена историческими событиями, что служат фоном для повествования о героических деяниях российских подводников времен императора Петра Великого.

Тем не менее хочу еще раз напомнить читателю, что данная повесть является первой ласточкой в нашей литературе, ведь ранее сведения о российских подводниках и становлении подводного флота России составляли государственную тайну и хранились за семью замками и семью печатями в архивах ВМФ России.

Надо откровенно сказать, что многие страницы славной истории российских подводников навсегда останутся тайной для массового читателя. Пожар 1865 года унес из архива немало документов, проливавших свет на события прошлых лет. Преступное недомыслие палачей 30-х годов Н.И. Ежова и Л.П. Берии, в результате чего в одночасье сгинули в лагерях все архивариусы Военно-исторического института МО России, также не способствовало сохранности ценнейших документов. Разгул демократии 90-х годов двадцатого столетия привел к тому, что интереснейшие документы, касающиеся деятельности российских

подводников у берегов борющихся за свою независимость САСШ, оказались на Западе у скрывающих их толстосумов, мечтающих лишить россиян их приоритета в становлении подводного флота.

Хочется надеяться, что чтение данного произведения было для тебя увлекательным, Читатель! Ты ознакомился с тайными страницами истории нашего великого государства. Думается, что состоявшееся знакомство с ними вызвало у тебя чувство великой гордости за наших достойных предков.

Кандидат историко-технических наук Т.П. Монахов.

Февраль 2000 года

ФЕНИКС

...правы пути Господни,
и праведники ходят по ним,
а беззаконные падут на них.

Осия, 14:10

Ради страдания нищих
и воздыхания бедных
ныне восстану...

Псалтирь, псалом 11:6

Централизованная ориентировка МВД РФ

2 июля 1998 года в поселке Аркадак близ Байконура в домовладении гражданина Казахстана Кильмангиреева Имангельды Ильсановича, 1948 года рождения, ранее неоднократно судимого, обнаружен труп хозяина Кильмангиреева, убитого выстрелом в голову из пистолета «Макаров». В подвале домовладения обнаружены трупы убитых из автоматического оружия, предположительно автомата АКМС-47, следующих граждан России:

1. Сафаров Саният Акбарович, 1972 года рождения, уроженец города Душанбе, паспорт XI-XC № 542711, выдан Ленинским РОВД г. Душанбе 21 октября 1991 года, прописан г. Киров, ул. Апухтина, 47а.

2. Балберов Иван Николаевич, 1968 года рождения, уроженец г. Ленинск Волгоградской области, ранее неоднократно судим, паспорт IX-РК № 576932, выдан Ленинским РОВД Волгоградской области 16 февраля 1989 года, прописан г. Киров, ул. Апухтина, 94.

3. Максимов Владимир Рудольфович, 1969 года рождения, уроженец г. Рубцовск Алтайского края, паспорт X-ДС № 792534, выдан

Рубцовским ГОВД Алтайского края 16 ноября 1992 года, прописан г. Воронеж, ул. Большая, 11.

С места происшествия изъяты: пистолет «Макаров», серийный номер ХС 4441 и 8 патронов к нему, 1 гильза калибра 9 мм, 10 гильз калибра 5,45 мм, 2 окурка сигарет «Донской табак», четкий отпечаток обуви, не принадлежащий ни одному из потерпевших. В ходе осмотра домовладения изъято большое количество культивированной индийской конопли и ее наркотических производных, крупная сумма денег в тенге, рублях и иностранной валюте. Указанное заставляет предполагать, что причиной убийства указанных выше лиц явился конфликт между наркодельцами при сбыте-приобретении наркотиков. В связи с изложенным прошу Вас ориентировать по данному преступлению личный состав и негласный аппарат и дать задание на установление лиц, выезжавших в республику Казахстан в период с 25 июня по 2 февраля 1999 года, а также составить список лиц, задерживавшихся в 1998-1999 году за сбыт и потребление марихуаны и ее производных и выезжавших в республику Казахстан или имеющих в ней родственников, и направить указанные списки в наш адрес.

Подписал Имангалиев.*

---

* Здесь и далее все документы даны в орфографии оригиналов.

Секретно.
Начальнику Волгоградского РОВД г. Саратова
майору милиции т. Салатанову В.Г.

На ваш запрос сообщаем, что гр-н Манешин Николай Михайлович, 1949 года рождения, уроженец г. Балаково Саратовской области, кличка «Граф», признанный ООР в 1988 году, ранее неоднократно судимый за различные преступления и отбывший наказание в ИТК-9 г. Ивдель по ст. 224-3 УК РФ, освобожден по сроку 9 апреля 1999 года и убыл в г. Саратов ул. Большая, 21. Подтверждения о прибытии до настоящего времени не поступило.

Начальник ИТК-9 Грибанов.

Глава первая

Лахудренок отдыхал.

Все было хорошо, товар благополучно доставлен, «бабки» получены.

Ну что еще делать вымотанному дорогой человеку? Как пел великий бард Владимир Семенович Высоцкий, «гуляй, рванина, от рубля и выше». Рубль, правда, сейчас особо не катил, но у Лахудренка были такие зеленые бумажечки, которые не хуже золотого ключика открывали двери в любое место, заставляли девочек торопливо скидывать свои лоскутки и даже границы между странами отпирали с легкостью универсальной отмычки.

Лахудренка в миру звали Валерием Николаевичем Сгибневым. Нелепая кличка, которая никак не могла принадлежать авторитетному блатному, дана была Валерию

по молодости, когда он еще носил патлы до плеч, подражая полузапрещенным ливерпульским «битлам». Вот и «битлы» уже стали классикой, и прически у молодых изменились, теперь кто лысее, тот и круче; самому Сгибневу через год полтинник исполнится, а вот как был он Лахудренком, так и остался. С годами, правда, кличка эта стала звучать уважительнее, что ли, или скорее почтительнее — она потеряла прошлый смысл, став вторым именем человека, который сейчас был одним из авторитетов Саратова и к которому безоговорочно прислушивались на любой зоне, да и на воле его голос сейчас был не последним.

Но, говоря по совести, Валерий Сгибнев оставался по своей натуре все тем же Лахудренком, веселым самойловским пацаном, обожающим веселые компании, хорошую выпивку, и по-прежнему был падок до баб, благо их сейчас, сучек, столько расплодилось, что только успевай «капусту» слюнявить да пальцем тыкать, которая нравится.

Получив деньги, Лахудренок решил оттянуться и заказать себе на дом блондиночку в «Улыбке Клеопатры». Конечно, мамка за счастье бы посчитала услужить такому авторитету, как Лахудренок, и денег бы не взяла. Но пользоваться мохнаткой на халяву Лахудренок считал ниже своего достоинства. Это для «быков» наглых и прижимистых. Достойный человек и вести себя должен достойно. Кроме того, Лахудренок считал, что оплаченная девочка и работать будет на совесть, а халявная — просто отрабатывать субботник.

Вкусы его в «Улыбке Клеопатры» уже знали, и двадцатилетняя блондинка Леночка была как раз свободной, так что все складывалось прекрасно и вечер обещал получиться очень неплохим. Лева Сиплый принес из киосков-магазинов сумку с выпивкой и продуктами, не хуже заправского официанта накрыл столик у широкой кровати, приготовил кассеты с соответствующей моменту музыкал-

кой, потоптался, вопросительно глядя на хозяина, и был отпущен до утра. Не хрена ему сопеть на кухне, кайф людям ломать. Леночка Лахудренку была хорошо знакома, и телохранитель в общении с ней Валерию не требовался.

В ожидании девушки Лахудренок выпил маленькую рюмку «Хенесси». Классная штучка, восемьсот с ликером бутылочка, душу, как крылья ангела, согревает. Такой коньячок сам Бог велел пить маленькими рюмками, это Лахудренок в одной книге Юлиана Семенова вычитал. Обязательно маленькими, малю-ю-сенькими, а не из пузатых и похожих на пивную кружку. В этом твоя интеллигентность проявляется. А Лахудренок считал себя умнее и покруче всяких там уголовных «быков», хотя по молодости лет ему и самому пару раз за всякие непонятки чалиться приходилось.

Нетерпение обуревало Лахудренка, и он совсем уж было собрался позвонить в эту самую «Клеопатру», чтобы устроить диспетчерше маленький такой, но внушительный нагоняй, когда в дверь постучали.

Лахудренок посмотрел в дверной глазок и посетовал на самого себя, что до сих пор не установил видеокамеру. Глазочек надежности не внушал — ширнут в стеклышко длинным шилом или вообще из «макара» шмальнут, и будут тебя попы отпевать на радость ментам и товарищам по криминальной работе. Но увиденное успокаивало. На лестничной площадке стоял невысокий лысоватый пшиздик в очках с толстой роговой оправой. На вид этому пшиздику было лет тридцать пять, и смотрелся он лоховато. На телохранителя проститутки он не тянул, скорее всего водила, которого Леночка послала провериться. Немного обиженный на девушку за глупую подозрительность, Лахудренок открыл замок и снял цепочку.

— Ты кто? — спросил он очкарика. — Где Леночка?

— В машине, — отозвался тот. — А я водитель. Она меня посмотреть послала, как и что.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Лахудренок.

— Откуда? — удивился водитель. — Я третий день работаю. А вашей, извиняюсь, фотки на Доске почета не видел.

— Козел, — беззлобно сказал Лахудренок, немного уязвленный тем, что его не узнают. — Иди выполняй долг!

Мужик робко, по-деревенски, вошел в квартиру, неловко заглянул в ванную комнату, на кухню и вопросительно посмотрел на Лахудренка.

— Можно, — разрешил тот, радуясь, что есть кому оценить обстановку квартиры и позавидовать его достатку. Этот хрен лысый сегодня весь вечер жене будет рассказывать, где и что он видел. Одна гидрокровать могла поразить воображение этого работяги до гроба. Им с женой и полежать на такой не придется!

Лысый мужичок шмыгнул по комнатам и вновь появился в коридоре, пришибленный и потрясенный увиденным богатством комнат. Лахудренок презрительно и удовлетворенно глянул на него.

— Тащи Ленку, — приказал он.

Но что-то произошло с захезанным пшиздиком. Словно ростом повыше стал и в плечах шире. Лицо вдруг сделалось жестким и внимательным, в серых, до того казавшихся бесцветными, глазах появился беспощадный стальной блеск, а в руке блеснул уродливо длинный из-за навинченного глушителя пистолет. Лахудренок попятился. Он был в спортивном трико, и ствола в карманах не было. «Дура», так нужная ему сейчас, лежала бесполезно в своем хитром тайнике.

— Э-э, мужик, — вытянул руку Лахудренок. — Не надо. Тебе бабки нужны? Ты только скажи, сколько?

Во рту пересохло, стало трудно дышать. Гулко и прерывисто застучало в груди сердце. Лахудренок вжался спиной в стену коридора, страстно мечтая наткнуться на дверь. Тогда бы еще оставались шансы спастись. Но сзади была глухая жесткая стена.

— Не надо, мужик! — слабо сказал Лахудренок и увидел, как судорожно дернулся кадык на шее очкарика.

— За Катеньку! — негромко сказал очкарик, и следом послышалось три негромких хлопка.

Боли Лахудренок не почувствовал. Только удивление. Потому что, уже падая на пол, вдруг узнал стрелявшего. Не так уж он и изменился за последние годы. Но этого просто не могло быть.

Не могло.

Не могло.

Не мог...

Из оперативной сводки по г. Саратову

16 июля 1999 года в 12.55 при проведении ОРМ на ул. Братиславская задержан гр. Кокшенов Иван Николаевич, 1983 года рождения, проживающий ул. Братиславская, 11 кв. 62, учащийся 9-го класса средней школы № 11, у которого при досмотре обнаружено два пакетика опия-сырца общим весом 0,02 грамма. Родители: отец Кокшенов Николай Александрович, водитель СТТУ, мать Кокшенова Анна Сергеевна, не работает. Возбуждено уголовное дело № 028344, проведены обыски. В отношении Кокшенова И.Н. избрана мера пресечения — подписка о невыезде.

Подписал Сидецкий.

16 июля 1999 года в 14.20 при проведении ОРМ на ул. Братиславская задержан гр. Симилин Сергей Николаевич, 1958 года рождения, проживающий ул. Братиславская, 16 кв.72, Учащийся 9-го класса, безработный, у которого при досмотре обнаружено одиннадцать

пакетиков опия-сырца общим весом 1,21 грамма. Симилиным продано 2 пакетика опия-сырца весом 0,02 грамма несовершеннолетнему Кокшенову Ивану Николаевичу, проживающему по ул. Братиславская, 11 — 62. Возбуждено уголовное дело № 028345, проведены обыски. Симилин задержан по ст. 122 УПК РФ.

Подписал Сидецкий.

16 июля 1999 года при проведении ОРМ в кв. 24 дома 7 по ул. М. Горького у гр. Садырина Павла Владимировича, 1971 года рождения, проживающего по данному адресу, изъяты — патроны калибра 9 мм к пистолету «Макаров» — 77 шт., — патроны калибра 7,62 к автомату АК — 128 шт., — две гранаты Ф-1 со взрывателями к ним, — пистолет «Макаров» серийный номер спилен.

Возбуждено уголовное дело № 028349, изъятое оружие и боеприпасы направлены в МЭКО ГУВД для проведения соответствующих экспертиз. Садырин задержан в порядке ст. 122 УПК РФ.

Подписал Сидецкий.

Глава вторая

— Сука! Сука! Сука! — С каждым ударом голова Левы Сиплого моталась все больше, из разбитого носа текла кровь, пачкая куртку, но Лева не смел прикрыться. Только смотрел на Захара преданно и виновато. Так смотрит собака, когда хозяин наказывает ее за плохое выполнение команды. Скулит и не смеет защититься. Потому что за-

щититься можно, только тяпнув хозяина. А его попробуй тяпни, без зубов в лучшем случае останешься, а то и живым закопают!

— Сука! — с бессильным гневом сказал Захар. — Кем я теперь Лахудренка заменю? Тобой, тварь?

Сиплый виновато молчал. А чего было говорить? За дело Захар спрашивает ведь. Мало ли, что отпустили. Надо было посидеть, подождать, когда к нему шалашовка приедет. Убедиться, что все нормально, а уж потом дергать свой футбол смотреть! Скажи сейчас Захару, что торопился по телику посмотреть, как спартачи с киевлянами рубятся, тут не только зубов не сбережешь, очко надвое порвут и разными поездами в Ереван отправят! Лучше было молчать, и Сиплый молчал, даже не отворачиваясь от сухих остреньких кулачков смотрящего по городу.

Захару было шестьдесят два, и всем своим возрастом он опровергал утверждение, что воры в законе долго на белом свете не живут.

Крепкий был Захар, почти как Вася Бриллиант, только тот из своих шестидесяти лет сорок в зоне оттрубил, а Захар всего раз по делу сидел, а еще два раза садился для того, чтобы людей посмотреть и себя утвердить. Один раз его загнали на красную зону в Волгоград, там все зоны порченые. Так Захар со штрафняка не вылезал, а добился, чтобы его в правильную зону направили.

Захар посмотрел в расквашенную виноватую морду Сиплого и плюнул.

— Иди, морда ишачья, — сказал он, — глаза бы на тебя не смотрели!

Сиплый долго себя ждать не заставил, но с битой харей на улицу не пошел, а независимо прошествовал в ванную и там долго смывал кровавые сопли, приводя себя в порядок. Захар хотел поправить его, но, рассудив по совести, оставил в покое. Не идти же Сиплому в самом деле с битой мордой по городу. Обязательно мусорки привяжут-

ся и загребут. И так уж достойному человеку по городу спокойно пройти нельзя, как замечают наколки, кидают-ся, коршунье, и тут можешь и под демократизатор по-пасть, и под липовый протокол, по которому ты только что в отношении Папы Римского ничего грубого не ска-зал, да и то лишь потому, что менты его имени не знают. М-да, беспредел творится полный. В блатном мире куча отморозков появилась, ни с чем не считающихся, а тут и менты себя ведут беспредельно. Скоро достойным лишь в зоне спокойно будет.

Он посидел, барабаня пальцами по обеденному столу. Некстати Лахудренка завалили, ох некстати! Кого теперь в Байконур посылать? Лахудренок там, как летчик-кос-монавт, все знал, как рыба в воде был. А вот на тебе — лоб зеленкой намазали безо всякого приговора.

Он нахмурился. Деньги были край как нужны. И даже не в том дело, что зоны греть надо, босота перебьется, а нужным что-то через контролеров подкинуть можно или вольняшек зоновских. В первую очередь деньги нужны были в Питер, где наклевывалась богатая партия хороше-го товара. Переговоры прошли удачно, но народ в Питере сидел серьезный, все шло через «тамбовских», а Кумарин ждать не любит и ошибок никому не прощает. У него правило — деньги против товара. И не дай Бог его подве-сти, у него же свои расчеты с бабаями. Откажет — гони тогда курьеров за чуйкой, а то и просто балду гоняй. Если с тебя откупного не потребуют.

В самый разгар пахановских раздумий в комнату опять сунулся Сиплый.

— Не хватило? — поднял голову авторитет.

— Я... это... Слышь, Захар, я там вчерась уходил уже когда, «жигуленок» прикатил. Белый такой. Задок мятый. Я водилу запомнил, он невысокий такой, лет тридцати пяти, может быть. Щуплый такой, лысый и очки на ём толстые такие... роговые. — Сиплый торопился реабилитироваться

и потому частил, проглатывая окончания слов. — Была бы у нас, как у ментов, машинка такая — рр-раз и патретик готов, я бы враз его срисовал. Он Лахудренка мочканул, гадом буду, некому больше, не успел бы другой, его бы лялька, которая к Лахудренку мочалиться приехала, застукала бы.

Захар задумчиво почесал висок. В словах Сиплого резон был, проверить этот след стоило. Не то чтобы за Лахудренка отомстить, это для пацанов все игры в гусаров. А вот посмотреть, кто за мокрухой стоит и нет ли за этим опасности всему обществу, было просто необходимо.

— Машинка, говоришь? — усмехнулся он. — Будет тебе машинка. И менты будут за технарей!

Через полчаса пацаны уже отвезли Сиплого в ментовку как возможного свидетеля, горящего помочь органам в раскрытии тяжкого преступления, а еще через пару часов Захар внимательно рассматривал портрет предполагаемого преступника. Если Сиплый не облажался, то портрет действительно мог привести к убийце. Не ментов, тем еще топтать и топтать, связи Лахудренка отрабатывая. А Захар точно знал, что саратовские связи Лахудренка здесь ни при чем, и потому время на их проверку не тратил, а просто сказал Кальмаю с «Комбайна», и тот поставил под ружье двести огольцов, которым раздали отксеренные фороботы и выставили на всех перекрестках пасти проходящие машины, особенно мятые «жигули» белого цвета. И приз им выставили такой, что можно не сомневаться — поссать лишний раз не побегут, на дорогу будут зырить.

И все правильно было сделано. Уже к вечеру «жигуленок» с лысым прояснили, и братва этого лысого водилу прихватила в проулочке без лишнего шума и понта. А обшмонав, обнаружила у него «макара» с двумя обоймами, заликовала и вышла на Захара. Тот даже прослезился: лучше ментов пацаны работали, куда там легавке, только зубами завистливо щелкать! «Порадовали, бля буду, стари-

ка, порадовали! А пацану тому, кто машину засек, без обману новенькую «Яву» — бери, пацан, помни, что такое воровское счастье да воровское крепкое слово!»

Сам Захар заботы отложил на потом, дождался, когда убийцу привезут в цыганский дом у церкви «Три Спасителя», что под Лысой горой, и сам туда отправился. Не любопытства для, дела воровского ради!

Автолюбителя этого гребаного посадили в подвал, а ромалэ Петрик сразу снял всю семью и поехал в гости к родственникам в Жирновск под Волгоградом. Если что, так хрен укусите, господа менты, не было его дома, откуда уважаемому ромалэ знать, кто в его отсутствие в доме хозяйничает!

Убийца Лахудренка был тусклым и захезанным, как рядовой инженер с резинотехнического завода, только глаза его волчье блестели и левая скула дергалась.

— За что? — взял быка за рога Захар, мельком просмотрев потрепанный паспорт, по которому убийца значился Михасенко Геннадием Петровичем, приехавшим в Саратов из города Бугульмы. Обращать внимание на паспорт не стоило, Захар сам мог нарисовать таких ксив не один десяток, благо что ширмачей под рукой хватало. — Ничего больше не надо. Ни кто ты. Ни где ты живешь. Ничего не надо. Без мучений, сука, скажи: за что и кто заказал?

Только этот самый Михасенко гордым, паскуда, оказался. Плюнул Захару в морду — к счастью, не попал. В другой раз Захар тут же приказал бы забить ему хавало с двух сторон гвоздями, а здесь лишь утереться пришлось и кивнуть пацанам:

— Работайте, хлопцы!

Боже ж ты мой, что этому самому Михасенко стерпеть пришлось!

Доктора нанятого два раза к нему приглашали, а убийца только от этого доктора отмахивался окровавленными

культями и мычал что-то ненавистное и злое. А потом и вовсе сознание потерял. Но крепок, сука, был — почти двое суток в сознании продержался! И ни слова!

Тут уж и Захар не один раз пожалел, что своим костоломам доверился. Надо было по-хитрому все, по-умному подработать. Сдать, допустим, этого Михасенко ментам, да потом узнать, что он там по камере им ворковать будет. Глядишь, менты его чайком и расслабили бы. А теперь что? Ничего не узнали, и уже не удастся узнать, мяса кусок, только шипящий еще от боли и безумия, — что от такого узнаешь?

Захар посидел в зале цыганского дома, допил водку, полюбовался немного коврами и принял решение:

— Кончайте! Время только зря переводить.

— Прикопать его? — спросил льстиво Сиплый.

— Не надо. Вы его где-нибудь ночью выбросьте. Так, чтоб сразу в глаза бросился. Пусть менты им позанимаются, глядишь, у нас не получилось, а у них выйдет чего.

Он посмотрел на окровавленную трепещущую груду, еще испускающую изредка стоны, и распорядился:

— И паспорт не забудьте рядом бросить. Чтобы он, не дай Бог, в неопознанных у ментов не завис!

Из суточной сводки по Саратовской области

18 июля 1999 года в 21.10 в кустарнике близ перекрестка близ автовокзала обнаружен труп мужчины, имеющий многочисленные прижизненные повреждения, отсутствуют кисти рук. Осмотром трупа установлено, что смерть наступила в результате огнестрельного ранения в голову. Приметы трупа: рост 170 см, среднего телосложения, волос русый, редкий, с большими залысинами, глаза серые, под левой лопаткой родинка величиной с двухкопеечную

монету. Возраст ориентировочно до 40 лет. В нижней челюсти два зуба из желтого металла. На груди давний шрам шириной 2 см, возможно от ножевого ранения. Одет в серые брюки, клетчатую рубаху, плавки синего цвета, носки серого цвета, туфли летние желтого цвета. Рядом с трупом обнаружен паспорт Y-ТЛ N 555172, выданный 14 апреля 1995 года Екатерининским РОВД Саратовской области, на имя Михасенко Геннадия Петровича, 1956, урож. г. Бугульма республики Татарстан, проживающего по месту рождения по ул. Партизанская, 18, ориентировочно принадлежащий убитому. На место происшествия выезжали оперативная группа РОВД, ГУВД, прокурор района Мугальбеков, следователь прокуратуры Сальченко, начальник межрайонного отдела по раскрытию умышленных убийств ГУВД Харламов.

Подписал Сидецкий.

Глава третья

Вечер был длинным и тягучим, как рекламируемая по телевизору жвачка «Орбит». Захар сидел в зале квартиры и смотрел телевизор.

По московским каналам шла какая-то политическая мутатень, глаза б ее не смотрели. Саратовское телевидение от столичного тоже не отставало, показывали заседание долбаной областной Думы. Именно поэтому Захар смотрел видик. На вечер он выбрал старую добрую комедию «Как украсть миллион», где играла обворожительная

Одри Хепберн. Где их только, таких цыпочек, находят в этом самом Голливуде!

Старому вору больше нравился ее жуликоватый папа, подделывавший мастерски картины известных художников. При деле был фраерок, классно умел барыг плешить. Да и девочка ничего. Грешно признаваться, но в молодости Захар в нее, пожалуй, даже немного влюблен был. Особенно часто она ему вспоминалась в зоне, где женщин не было, а мочалить гребней Захару всегда было западло.

Картина увлекла старого вора, и два часа пролетели без особых раздумий. Посмеявшись проделкам старого барыги, Захар попил чаю на кухне и немного посмотрел последние известия. В Москве снова взорвали какого-то банкира, в Ставрополье расстреляли в упор наряд милиции, но все это было Захару по барабану. Гораздо больше его волновало происходящее у них в городе. Выключив телевизор и смирно лежа в постели, Захар снова задумался о последних событиях.

Не нравились они ему. Сильно не нравились! Лахудренка заменить некем, а посылать кого-то за ацетонкой все равно придется. Но кого? Ни один из подручных по опыту и авторитетности Лахудренку в подметки не годится. Вот в том-то вся и беда. «Быков» много, а разумные люди всегда в недостатке. Пошли дурака, потом сам на хозяина зоны молиться будешь. Если время для молитв останется. Народ вокруг серьезный, палец им в рот не клади, всю руку отхватят по самое не хочу. Нет смены хорошей, вот места́ достойных кавказские мандаринщики и откупают! До чего уже дошло — воровское звание купить можно! А тут еще мочиловка непонятная пошла. Смерть Лахудренка выглядела очень подозрительно. Красиво его хлопнули, не иначе разговоры слушали. А этот ишак самовлюбленный наверняка телку по телефону рассказывал, вот и подставился.

Вроде при мозгах и в возрасте, полтинник почти разменял, а влетел, как влюбленный мальчишка. Но кому

его смерть нужна была, кто с ворами потягаться рискнул? Темно, темно... И просвета не видно. Графа бы дождаться, так нет его, застрял где-то, хотя по всем срокам уже откинуться должен был и на волю выйти.

И этот самый Михасенко. Мозгляк ведь с виду, на зоне с такого спроси — все отдаст и ноги целовать будет. А этот себя сильно вел, как идейный. Молчал до последнего, партизан хренов. Так не за деньги молчат, деньги — сор, да и покойнику они без нужды. Не мог Михасенко этот не понимать, что ему теперь все едино — молчи ли, говори, все одно хлопнут. Но мог ведь уйти без маеты, без мук ненужных. Достаточно было на вопросы ответить. Ответь и получи милосердную пульку в голову. Сам Захар так бы и поступил. Он же не товарищ Сухов из «Белого солнца пустыни». Это тот все мучения предпочитал. И этот вот наемник, Сухов долбаный, молчал.

Ладно, как говорится, сдох Серко, и хрен с ним. Плохо, что теперь и Петрик претензии выставлять начнет, ведь в доме ромалы этого самого Михасенко пришибли. Впрочем, с претензиями ромалэ разобраться несложно, куда сложнее понять, откуда ветер дует. Ох темно! Как в тундре полярной ночью. Ничего не понять!

За размышлениями Захар и не заметил, как сердце прихватило. У вора сердце болеть не должно: ты только слабость свою покажи, эти волки, что вокруг суетятся, враз тебя вместе с мослами схавают.

Поэтому недуги свои Захар от команды тщательно скрывал, ради того и водочки в компании не гнушался принять, но только он один знал, как тоскливо сжимает сердце жесткая рука костлявой.

Пришлось вставать, принимать кардофен и прочую пакость, выписанную знакомыми лепилами. Подумал немного, достал из холодильника коньяк, в сомнении посмотрел его на свет — но пить раздумал.

Вернувшись в комнату, Захар сразу почувствовал недоброе.

Сквознячком потянуло по полу, холодя босые ноги. А откуда ему, спрашивается, взяться, сквознячку, если форточки он всегда тщательно прикрывал, а балконная дверь и вовсе никогда не открывалась?

— Кто здесь? — хрипло спросил Захар, останавливаясь в дверях.

— Свои, — послышался странно знакомый голос.

— Свои ночью дома сидят, — проворчал Захар, осторожно шаря взглядом по комнате и одновременно нащупывая нож в кармане халата. По старой воровской привычке он с ножом никогда не расставался, даже на улицу брал с собой, хотя бы и перочинный; игрушка вроде, а в умелых руках — смертельное оружие. Если, конечно, владеть им умеешь. Нож был на месте, и Захар, сжав ручку, осторожно сунулся в комнату.

Шагнул — и замер в бессильном и злом изумлении. Да и любой бы над собой всякий контроль потерял — в кресле, по-хозяйски скрестив ноги, сидел, недобро щурясь и сутулясь, Геннадий Михасенко, которого еще позавчера вечером на стрелку с ангелами отправили.

Но не видно было, чтобы смерть ему особенно повредила. Михасенко лениво курил сигарету, поигрывал блестящим пистолетиком и ждал, когда Захар немного придет в себя и разродится необязательным и оттого глупым вопросом.

Но Захар до этого не унизился и оскорбленную добродетель лепить не стал. И здоровкаться с покойником не стал. Кто же с покойниками здоровкается? Покойники в могилках лежать должны, чего они по чужим квартирам, суки, шастают?

— Не добили тебя, выходит, мои пацаны? — спросил он, кончиками пальцев гладя в кармане халата нож и расчетливо прикидывая, как ему этого фраера отвлечь не-

много. Секунды, а может, и доли какой малой не хватало трезво оценивавшему свои шансы Захару. — Прямо не верится даже. Как это ты ускребся?

— Твои костоломы свое дело хорошо знают, — сказал Михасенко хрипловато. — Пристрелили, как ты и приказывал. Только промашка у тебя маленькая вышла. Ангелы на небе меня пожалели. Взяли и на разборку с тобой отпустили. Говорят, не по-божески ты со мной обошелся. Ну что, давай баланс подводить, Захар?

— Мучить будешь? — независимо поинтересовался Захар, хотя все существо его, все тело трусливо задрожало при мысли о боли. Кто-кто, а тело его, ломанное БУРами да штрафняками, знало, что это такое — боль.

— Зачем? — удивился гость. — Мучают, когда узнать что-то хотят. Как ты, например. А я про тебя все знаю: и с кем ты работаешь, и кто ваш общак держит, и куда наркоту привозят. Ты вот деньги для питерских жуликов искал, так? Не нужны они тебе, Захар. И тебе самому уже не нужны, и питерцам без дела. Не будет у них наркоты, бригада их, мною шлепнутая, перед Господом нашим за свою торговлю пакостную оправдывается, а наркотики милиция конфисковала и уничтожила. Вот и твоя торговля кончилась, Захар! Увольняю я тебя с твоей воровской должности. И Графа своего гребаного ты не дождешься. Лежит твой Граф на дне речки Белая, вода в ней сейчас темная, как его совесть. Так что если ты последнее слово сказать хочешь, то поторопись, времени у нас с тобой мало.

— Чего ты выеживаешься? — дрогнув голосом, спросил Захар. — Вон он, мой расчет, в твоем указательном пальчике дрожит. Мочи меня, как Лахудренка. Стреляй, фраер, я давно уже на этом свете зажился. Или прежде приговор зачитаешь?

Михасенко ткнул окурком в пепельницу на столике, неторопливо встал, и старое, но еще сильное тело Захара

напряглось в ожидании развязки. Четыре шага, не больше, отделяло вора от убийцы.

«Не успею, — с сожалением подумал Захар, волчьим взглядом меряя расстояние до врага. — Не достану гада!»

Михасенко поднял пистолет, напряженно глядя на вора. Словно ожидал, что его о чем-то попросят. Или спросят. Захар молчал. Капельки пота крупно выступили на его лбу, и поперек лба жила синюшно вздулась. Лицо было уже мертвым, только глаза еще жили, напряженно перебегая с лица Михасенко на его правую руку, сжимающую пистолет.

— За Катеньку! — сказал Михасенко. — За мальчиков моих!

Пистолет три раза глухо хлопнул. Негромко, словно по подушке палкой ударили или ковер во дворе выбивали. Захар качнулся к убийце, рванул руку из кармана и бессильно выронил нож.

Нож отлетел к ногам Михасенко, тот носком туфли брезгливо отбросил его в сторону, хладнокровно перешагнул через упавшего вора, словно это была куча навоза, но тут же присел, торопливо заглядывая в гаснущие глаза авторитета.

— Шакал, — негромко сказал он.

Пожалуй, это была единственно достойная эпитафия для надгробия убитого. Не волк, не собака, а именно шакал. Жаль, что мертвый вор этого уже не слышал.

Из суточной сводки по Саратовской области

22 июля 1999 года в 9.00 в своей квартире по улице Думенко, 6 кв. 9 с тремя пулевыми ранениями в области груди и головы обнаружен труп хозяина квартиры ранее неоднократно судимого, инвалида 2-й группы Кобылкина Андрея Григорьевича, 1938 года рождения. На

месте происшествия обнаружен пистолет «Макаров» со спиленным номером.

Оружие передано для производства экспертизы в МЭКО ГУВД. Возбуждено уголовное дело. На место происшествия выезжали следственно-оперативные группы РОВД, ГУВД, УВД области, зам. начальника УВД области Горенков, зам прокурора области Васильев, прокурор Волжского района Батюков.

Подписал Соколов.

Глава четвертая

Трасса Саратов — Волгоград похожа на стиральную доску. Каждые сто метров то спуск, то подъем. Поэтому «КамАЗ» никак не мог набрать свою крейсерскую скорость. Водитель «КамАЗа» Дима Замерников косо поглядывал на пассажира, который сидел, глядя прямо перед собой, и в дорожную беседу, к великому Димкиному сожалению, вступать не изъявлял желания.

Димке Замерникову было двадцать пять, он был высок, тощ и мосласт, маленькое круглое лицо его было полно детского изумления окружающему миру, а веснушки делали еще моложе. Сам он был из Волгограда и возвращался из Самары с грузом запчастей для владельца какой-то частной мастерской. Одному в дороге было скучно, даже радиоприемник не помогал, вот и прихватил в попутчики мужика, голосующего на выезде из Саратова. Мужик был лет тридцати пяти, невысок, лысоват и неплохо одет. На бомжа явно не похож.

Да и выглядел в своих очках с большой роговой оправой довольно интеллигентно. Такому, медом его не пои, а

дай поговорить за жизнь и политику. Но похоже, что в этот раз Дима ошибся, золотая рыбка в аквариуме была, пожалуй, более болтливой, чем его пассажир.

– Зовут-то тебя как? — спросил Замерников.

– Вячеславом, — сказал пассажир. — Можно просто Славой.

– Нормально, — согласился Димка. — А меня Дмитрием. Ты вообще далеко едешь?

– До Волгограда, — сказал пассажир.

– Слышь, Слав, — освоился водитель. — А ты чё все молчишь? Знаешь, чего пассажир в дороге делать должен?

– Водителя развлекать? — по-прежнему глядя на дорогу, спросил Вячеслав.

– Правильно. Когда я в армии служил и мы на учения выезжали, в каждую машину обязательно сажали такого, чтобы анекдоты травил, истории разные. Водила в дороге устает, уснуть может, вот подсадка его и развлекает. Не, брат, ты в подсадки не годишься, ты молчишь, как сломанное радио. Анекдоты знаешь?

– Знал когда-то, — сказал попутчик. — Дим, ты извини, мне сейчас просто разговаривать неохота. Устал я очень.

– В командировке был? — продолжал попытки втянуть попутчика в разговор Замерников.

– Можно и так сказать. — Попутчик снял очки и принялся тщательно протирать стекла.

– А ты чем занимаешься? — не унимался водитель. — По торговому делу или как служащий?

Никто не знает, что именно рождает откровенность между двумя незнакомыми людьми, что за кремешек высекает неожиданные искры доверия. Может быть, их сближает теснота кабины и общая дорога, может быть, откровенность рождается именно потому, что люди незнакомы и никогда больше не увидят друг друга, — въедет машина в город, и разойдутся их пути в разные стороны, чтобы

уже никогда не сойтись вновь. Пожалуй, на этот вопрос и Фрейду было бы сложно ответить, он же все подсознанием мерил, а не соприкосновением человеческих душ.

Попутчик ответил так неожиданно, что Замерников глянул на него озадаченно — не псих ли, не съехал ли ты, мужичок, с катушечек? А что еще можно подумать, услышав, что рядом с тобой едет Ангел?

— Ангел? — переспросил Дмитрий. — Это чего, сокращение какое-то?

Назвавшийся Вячеславом попутчик неожиданно развеселился. Так развеселился, что на деревянной бесстрастной морде его подобие улыбки пробежало.

— Точно, — сказал он. — В самую точку ты, Дима, попал. Ангел сокращения. Работа у меня такая — сокращать!

Странное дело, но Димка тут же успокоился. Все ему стало ясно, работает мужик в какой-то большой конторе, времена тугие настали, вот и мотается по филиалам, ищет, за что и кого уволить, чтобы экономии добиться. Вон, на заводе буровой техники уже больше двух тысяч эти самые ангелы под сокращение подвели! Он улыбнулся и снова спросил:

— И много ты ж под это сокращение подвел?

— Много, — без улыбки сказал пассажир. — Человек сто пятьдесят.

— Нормально, — снова согласился Замерников и, не удержавшись, спросил: — Выгодное, наверное, дело нынче в таких Ангелах быть?

— Тоскливое, — сказал пассажир. — Но нужное.

— Да я к тому, что народ сейчас за места свои держится, — сказал Замерников. — Бабок небось немерено предлагают!

— Бывает, что и предлагают, — согласился попутчик. — Но я не беру.

— Сейчас все берут, — возразил Димка. — Время такое, вон, пишут, даже дочка Ельцина не брезгует подарочки от Березовского принимать. А ты что, особенный?

— Да нет, — сказал Вячеслав. — Просто, дружище, я таких сокращаю, что с них деньги противно брать.

— Не, я, конечно, понимаю, люди всякие бывают, — согласился водитель. — Но ты не думал, что у них тоже семьи есть, дети там, жены. Все ведь жить хотят!

— Детей и родственников я не трогаю, — сказал попутчик. — Я только мразь под сокращение подвожу.

— А вот ты думал, куда им после сокращения? Сейчас работы нигде не найдешь. Эх, жизнь блядская! Развалили страну, куда теперь податься людям? Разве в жулики!

— Вот как раз жуликами я и занимаюсь, — зевнул попутчик. — Потому и денег не беру. Противно очень.

Дима Замерников засмеялся.

— Жуликов сокращает! — Он помотал головой. — Можно подумать, что у их отдел кадров есть... — Тут до него дошло, и Димка оборвал смех. — Постой, постой, — проговорил он с запинкой. — Ты что, хочешь сказать, что ты их в самом деле?.. — Он с надеждой посмотрел на пассажира, но Вячеслав сидел, глядя прямо перед собой, и до Замерникова стало доходить, что он не шутит. — Но это ж преступление! — ахнул водитель.

— Ты, когда таракана на стене видишь, что делаешь? — глянул на него пассажир.

— Как что? — удивился Замерников. — Известное дело, тапком его или газетой!

— Вот представь, что ты Бог, — терпеливо объяснил попутчик. — Ты Бог, а я та самая газета.

— Сравнил тоже, человека и таракана! — присвистнул Замерников.

— Тараканы хотя бы безвредные, — сказал попутчик. — Так ты их все равно тапком давишь. А вредней скотины, чем человек, и нет на свете. Возьми, к примеру, Чикатилу, сколько это животное людям горя принесло!

— Ну, такие, — неуверенно протянул Замерников. — Таких я бы и сам давил!

— А кто тебе мешает? — Пассажир посмотрел на Замерникова. — Кто?

Странное дело, но этот простой вопрос поставил Дмитрия в тупик.

— По закону все должно быть! — не сразу нашел он ответ.

— Много их по закону наказали? — Пассажир зло ухмыльнулся. — Каждое третье убийство нераскрытым остается, а тех, кого ловят, сейчас даже не расстреливают. Европа запрещает!

— А ты, значит, свое правосудие устроил? — Водитель снова внимательно глянул на пассажира, пытаясь понять, шутит он или говорит всерьез. Похоже было, что пассажир не шутил. Блин! Замерникова бросило в жар, хотя в кабине, несмотря на опущенные боковые стекла, было и без того жарко. Рядом с ним ехал убийца. И какой убийца! Сам признался, что сто пятьдесят человек замочил. Куда там Чикатило! Пусть в отличие от маньяка пассажир убивал и не очень хороших людей, все равно Замерников ощущал душный озноб. И чего он так вдруг разоткровенничался? Сейчас откровенничает, а через час пожалеет. Заставит завести машину в лесополосу и кончит там. Руки Замерникова вспотели, и ладони заскользили по рулю.

— Не бойся, — сказал пассажир. — Я тебя не трону. Зачем? Я безвинных не наказываю. Ну пойдешь ты в милицию, расскажешь о нашем разговоре, так ведь им меня еще найти надо! Ну найдут они меня, что я им, признаваться буду? Да и не поверят они тебе никогда, а если поверят, то связываться не станут. У них и без того забот хватает, думаешь, они станут неизвестного мстителя разыскивать? Да им, Дима, легче тебя за дурака выставить! И конкретно ты ничего не знаешь.

Машина подходила к посту «113 км», и Дмитрий сбросил скорость, напряженно ожидая окрика. Но окрика не последовало.

— Правильно, — добродушно сказал пассажир. — Тут у поста шашлычная хорошая, притормози, мы с тобой по шашлычку рубанем. Я угощаю!

Шашлыки действительно были сочными и вкусными. Кавказец, державший шашлычную, жмотом не был, жилистое мясо не мариновал.

Такой шашлык требовал обязательной стопочки, в другое время Дима Замерников по этому поводу непременно пошутил бы, но сейчас только смотрел, как спокойно движутся челюсти попутчика. Тот словно бы и не ел, а выполнял обязательную и нудную работу. Пост ГАИ был совсем рядом, и мент на дороге суетился, помахивая палочкой. То ли долг выполнял, то ли на жизнь зарабатывал. Обратись к такому — на смех поднимет. А что у него, Замерникова, кроме слов?

Нет ничего. Мужик, может, шутит, смотрит, как на его приколы реагируют. Господи! Вот уж с попутчиком повезло, слов нет как!

— Ну, — благодушно сказал пассажир, — не знаю, как ты, а я заправился до самого Волгограда.

И Замерников покорно доел шашлык, допил свой сок, сел за руль и вывернул машину на трассу.

Некоторое время они ехали молча. Замерников поглядывал в зеркальце на пассажира. Лицо у того было спокойным и усталым. Такое лицо Замерников видел в девяносто пятом в Чечне у прапорщика Щеголихина. Вот точно с таким выражением лица прапор разглядывал улицу, на которой пестрыми камуфляжами выделялись тела убитых солдат и чечен. Странное было у попутчика лицо.

— Послушайте, — неожиданно для себя на «вы» обратился Дмитрий к попутчику. — И что вы чувствуете, когда... с-сокращаете?

Пассажир снял очки и прикрыл глаза.

— Тоску, — сказал он. — Тоску и обреченность.

* * *

Начальнику Волжского РОВД г. Саратова
подполковнику милиции Сидецкому

На Ваш запрос сообщаю, что действительно гр. Михасенко Геннадию Петровичу, 1956 года 14 апреля 1995 года нами был выдан паспорт серии Y-ТЛ № 555172, 12 сентября 1996 года из Бугульминского РОВД республики Татарстан поступил запрос по ф.7 в связи с утратой данного паспорта, о чем в форме 1 сделана соответствующая отметка. Иных запросов по данному паспорту не поступало. В период получения паспорта Михасенко проживал в с. Малая Ивановка нашего района.

Приложение: фоторепродукция заявления ф.1 на паспорт и негативы.

Начальник Екатерининского РОВД
Саратовской области
майор милиции Мухин.

Начальнику Волжского РОВД г. Саратова
подполковнику милиции Сидецкому

На Ваш запрос сообщаю, что Михасенко Геннадий Петрович, 1956, урож. г. Бугульма республики Татарстан, действительно проживает в г. Бугульма по ул. Партизанская, 18. В сентябре 1996 года заявил утрату паспорта серии Y-ТЛ № 555172, выданный Екатерининским РОВД 14 апреля 1995 года. После проверки обстоятельств утраты паспорта Михасенко выдана временная справка ф. 9 из-за отсутствия бланков паспортов.

Приложение: фото гр. Михасенко и его объяснение, 2 справки.

Начальник Бугульминского РОВД
капитан милиции Ахметзянов.

Глава пятая

Хороший квартирант достался Аллочке Николаевне. Серьезный мужчина, не алкаш, месяц ни разу домой с запахом спиртного не пришел. И платил аккуратно — понедельно, день в день, как обговорили. Утром выйдет из своей комнаты, чаю попьет, положит деньги на стол — и считать не надо, все до копеечки уплатит. Где он работал, Аллочка не знала, да и не стремилась узнать. Не то чтоб женское любопытство ее абсолютно не мучило, мучило, да еще как!

Только спрашивать Аллочка стеснялась, уж больно хмур и озабочен был квартирант. Весь день в разъездах, уходит утром, приходит поздно вечером. В выходные и то зачастую дома не сидит. Телевизор вообще не смотрит. Однажды Аллочка позвала его посмотреть очередную серию нового мексиканского сериала, так Вячеслав сморщился, словно уксуса хлебнул:

— Извините, Аллочка, я этого не смотрю. У меня с этих сериалов изжога начинается.

Ну, не хочешь и не смотри. Мог бы просто посидеть, чайку попить. Аллочка понимала, что ей, конечно, не двадцать лет, так ведь и ему не шестнадцать! В свои тридцать четыре Аллочка еще неплохо смотрелась, и располнела не особо, и седины в волосах вообще не проглядывало, да и внешностью Бог не обидел. Не красавица, конечно, но и дурнушкой не назовешь.

В паспорт квартиранта она, разумеется, заглянула. И первым делом на ту страницу, где ЗАГС свою отметку шлепает. Листочек был чистым, и выходило, что Коробкова Вячеслава Николаевича жена дома не ждала и семеро по лавкам не сидели. Но вот демонстративного пренебрежения своей особой хозяйка ему простить не могла. Подумаешь, кремень какой нашелся. Не бывает в жизни таких. Импотент, наверное, облучился где-нибудь в Чернобыле, машинка и не работает. А может, он из этих... сексуальных меньшинств. «Ничего мне на свете не надо, кроме братского крепкого...» Вообще, хрен их, мужиков, поймешь. Бывший муж Аллы, например. Вроде ничего особо не запрещала, соточку в выходные дозволяла, сама, дура, в магазин бегала. И свободу его мужскую ничем не ограничивала. А ушел ведь к этой прошмандовке Чванниковой, у которой мужиков было, как микробов в слюне! Правильно говорят, сколько мужику ни давай, его всегда на свежатинку тянет!

А этот квартирант все же немного недоделанный. На улице благодать, люди на пляж едут, а он ляжет у себя и книжку читает.

Добро б стоящий детектив был, такой Аллочка и сама с удовольствием почитала бы — Бушкова про пираний или Абдуллу этого, который про «Дронго» пишет. Так нет, Шекспира читает! Однажды в его отсутствие Аллочка взяла книжку, чтобы полистать и понять, чего он там выискивает, какого лешего вычитывает. И что вы думаете? Книжка-то на английском была! Получалось, что он по-английски запросто шпарит, раз этого Шекспира без словаря читает. Без словаря, без словаря! Аллочка специально его комнату облазила, но даже тоненького словарика не обнаружила.

Алла Николаевна вздохнула, посмотрела на часы и пошла в зал.

Часы показывали половину восьмого, и вот-вот должен был начаться «Криминальный канал», если уже не

начался. Забравшись с ногами на диван, Алла взяла танционку и включила телевизор. Разумеется, передача уже шла. Вот так всегда, самое интересное и пропустишь.

Ну вот! Раззява заканальная!

— ...на улице Гоголя, прямо напротив почтамта. Неизвестный преступник расстрелял его в упор, совершенно не смущаясь тем, что всего в двух шагах располагается пульт вневедомственной охраны Центрального райотдела. Расстреляв машину, преступник воспользовался общим замешательством и скрылся. Задержать его органам милиции, несмотря на принятые меры, так и не удалось.

По некоторым сведениям, убитый входил в одну из преступных группировок города и был причастен к продаже наркотиков, этого страшного бича нашего времени.

А теперь мы хотим представить нашим телезрителям подполковника милиции Черепкова Михаила Васильевича, начальника подразделения по борьбе с наркоманией. Михаил Васильевич, расскажите, пожалуйста, нашим телезрителям, какие меры предпринимаются для того, чтобы не дать заразе наркомании распространиться по улицам нашего города?

На экране появился довольно симпатичный подполковник, который принялся докладывать телезрителям, как успешно милиция борется с распространением наркотиков, сколько наркоманов задержано и сколько осуждено, но Новикова его уже не слушала. Это кого же сегодня убили в центре? Вот всегда так, не включишь телевизор вовремя, так самое интересное и пропустишь!

Приглушив телевизор, она принялась названивать соседке.

— Эльвиру, пожалуйста! Элечка, ты «Криминальный канал» смотришь? Кого там сегодня застрелили у почтамта? Кого? Да ты что! Не может быть! Вот ужас-то! Он что, в маске был? Да ты что! Опоздали, говоришь? А когда они вовремя приезжали? Им только пьяных ловить, которые нажрутся так, что уйти никуда не могут!

Замок двери щелкнул, и Аллочка торопливо сказала в трубку:

— Ладно, Элечка, пока. А то тут мой квартирант пришел. Ага! Я тебе потом перезвоню! Целую, родненькая, целую!

Вячеслав Николаевич Коробков снимал в прихожей туфли.

— Слава, это вы? — Алла выплыла из комнаты. — Добрый вечер. Хорошо, что вы сегодня пораньше, а то тут по телевизору такие ужасы показывают, что к дверям подходить страшно! Представляете, сегодня в центре города Кувалдина убили. Авторитета нашего местного. Прямо у машины, представляете? Говорят, из автомата расстреляли. Но наша милиция, как обычно, приехала, когда преступник уже сбежал. Славочка, что же это такое делается? В центре города, днем, представляете? В центре города у всех на глазах человека из автомата! Теперь и в город страшно выходить, сами видите, что делается! Беспредел полный!

Коробков устало махнул рукой:

— Вам-то, Аллочка, чего бояться? А насчет Кувалдина... Разве это человек, Аллочка? Это видимость человека. Это таракан в образе человека. Нежить, одним словом. Таких, как Кувалдин, дустом морить надо!

Аллочка поджала губки.

— Может быть, вы и правы, Славочка, но, по-моему, это нецивилизованно. Если он наркотики продает, то ловите его, судите, стрелять-то зачем? И так уже скоро мужиков не останется. Одни импотенты да голубые! Вы чай пить будете?

— Буду, — как-то деревянно и безжизненно улыбнулся квартирант. — Вы, Аллочка, всегда знаете, что человеку нужно после трудного дня.

Новикова скользнула на кухню.

— Будет вам чай, — сказала она. — С лимоном. Я сегодня на базаре была, целых три штуки купила! А пахнут они как!

Но чаю Коробкову попить так и не довелось. В дверь позвонили, и Алла, мило улыбнувшись квартиранту, выплыла в коридор.

— Кто там? — пропела она.

— Милиция, — сказали за дверью. — Откройте, Алла Николаевна, мне с вами поговорить надо!

— С-сейчас, — с запинкой сказала Аллочка, глядя на взглядом на окно и, пробормотав: «Господи! Некстати-то как!» — извлек из-под куртки пистолет и, сунув ствол в рот, не задумываясь, выстрелил.

Коробков странно напрягся, посмотрел отсутствующим

Аллочка истошно закричала, непослушной рукой пытаясь открыть замок, и с трудом, но все-таки открыла его. В коридор шагнул хорошо знакомый Аллочке участковый Алексей Чупунов. Выстрел он слышал, поэтому, оттолкнув Аллочку в сторону, участковый смело ринулся на кухню и замер в дверях, испуганно глядя на растекающуюся по полу кровь.

— Я ж паспортный режим проверить, — сказал он. — Вот, блин, кино. А мне говорят, квартирант у тебя. Дай, думаю, зайду, документы твоего квартиранта посмотрю. А он... Вот, блин, дела... У тебя телефон работает? Надо же опергруппу вызвать...

Начальникам РУРОВД Волгоградской области, ЛУВДТ, ИТУ

Ориентировка

9 августа 1999 года в 13.40 на улице Гоголя около коммерческих палаток неизвестный двумя выстрелами в голову из пистолета «Макаров» совершил убийство ранее неоднократно судимого Кувалдина Алексея Степановича, 1959 года рождения, проживающего про-

спект Ленина, 2 кв. 34 при посадке его в личную автомашину BMW госномер С 777 ВД.

С места происшествия изъято две гильзы калибра 9 мм от пистолета «Макаров».

По оперативным данным ОПГ Кувалдина контролировала в городе Волгограде рынок наркотиков, имеет многочисленные связи с поставщиками наркотиков из Средней Азии и Казахстана.

Приметы преступника: рост 170-175 см, среднего телосложения, волос светлый, может носить усы или бороду. Предположительно был одет в форму капитана или старшего лейтенанта милиции.

Прошу ориентировать на раскрытие данного преступления личный состав, негласный аппарат и общественность.

Всю информацию относительно лиц, причастных к данному преступлению, прошу направлять в адрес ОУР Центрального РУВД г. Волгограда по ул. Скосырева, 13.

Начальник Центрального РУВД
г. Волгограда
подполковник милиции Троянов

Из суточной сводки по УВД г. Волгограда

9 августа 1999 года в 20.10 при проверке инспектором ОРУИМ Дзержинского РУВД старшим лейтенантом милиции Чупуновым Алексеем Ивановичем /в органах внутренних дел с 1989 года, в должности с ноября 1996 года/ паспортного режима в кв. 15 дома 4 по ул. Гне-

синых покончил жизнь самоубийством, застрелившись из пистолета «Макаров», гражданин Коробков Вячеслав Николаевич 1964 года рождения, постоянно прописанный г. Саратов ул. Кишиневская, 14. С места происшествия изъят пистолет «Макаров» со спиленными номерами, в обойме которого находилось 5 патронов, стреляная гильза.

Оружие направлено на экспертизу в МЭКО ГУВД. На место происшествия выезжали начальник Дзержинского РУВД Земченко, начальник ОУР РУВД Туряков. СОГ РУВД. Материал КУП № 4411.

Подписал Земченко.

Глава шестая

Первое, что он ощутил после пробуждения, был холод. Сознание медленно овладевало лежащим Молибиным, и с холодом, врывающимся в надорванный Кокон, в душу входила звонкая тоска, которая делала пробуждение невыносимо горьким. Молибин встал и обнаружил, что стоит посреди сырого темного подвала голым. На низком потолке темнели пятна плесени, от стен несло промозглой сыростью. Рядом с Молибиным топорщился разорванными острыми краями Кокон, и Молибин понял, что пришло время очередного рождения. Память сохранила все. Он помнил, что последний раз застрелился в Волгограде. Глупо застрелился, как институтка, прямо в квартире, которую он снимал. Он как раз возвратился домой, успешно расстреляв торговавшего наркотой волгоградского авторитета, а тут принесло участкового, и Мо-

либин запаниковал, ведь в тюрьму ему попадать никак нельзя было. Наше гуманное правосудие сейчас вышки не дает, а пожизненное заключение для Молибина было хуже смерти.

Боль и ужас перенесенной смерти все еще жили в нем, на эту боль слоями ложились прошлые боли и тоска от того, что еще только предстояло совершить.

Он наклонился, забираясь обеими руками в Кокон. Сумка была на месте. В сумке лежала одежда, все тот же «макаров» со спиленными номерами и пачки уже непригодных к этому времени денег. Остальное хранила память.

Он снова поразился своей прошлой предусмотрительности. Десять лет назад никто не мог знать, что произойдет с ним и где, но все-таки расчеты жившего тогда человека оказались верными.

Молибин принялся одеваться, чувствуя, как одежда постепенно согревает высыхающее от растилита тело. Во внутреннем кармане пиджака он обнаружил документы. Достав их, он принялся знакомиться с собой. Теперь он был Аксеновым Николаем Андреевичем. Что ж, это имя было ничем не хуже и не лучше предыдущих. Аксенов Николай Андреевич, одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года рождения. В паспорт была вложена фотография. Еще не видя изображения, Молибин почувствовал, как ноет сердце, ощутившее прошлую боль потери. На фотографии была его жена с детьми. Катенька, Славик и Саша... Боль стала невыносимой, к ней примешивалась дикая нечеловеческая ярость. Молибин бережно опустил паспорт в карман.

Аксенов Николай Андреевич... Аксенов... Николай Андреевич... житель города Перми. Все остальное — лирика. Главное, что у него опять была цель, и он хорошо знал, что делать дальше.

Порывшись по карманам, он обнаружил в нагрудном сложенную вчетверо промокашку. Вовремя... Оторвав кусочек промокашки, принялся его жевать. С минуты на

минуту мог начаться приступ сильнейшей депрессии, и антидепрессант, которым была пропитана промокашка, должен сохранить больную душу от возможного психического расстройства. На мгновение сознание затопила волна светлой эйфории, но волна эта тут же сменилась приступом тоски и внутренней боли, однако сейчас они не были так остры, как могли бы, не прими он антидепрессант. «Господи! Да за что мне все это? Господи!» Душу выворачивало наизнанку. Он на ощупь уселся на груду кирпичей. «Оставь меня, Господи! Оставь меня! Я очень устал, понимаешь?»

Боль и тоска уходили медленно. Сейчас он был беззащитен, как черепаха, опрокинутая панцирем вниз. «Аксенов... Николай Андреевич... житель города Перми... Сволочи! Сволочи! Левую щеку, говоришь? А око за око не хочешь? Именно так, око за око и кровь за кровь».

Стало немного легче. Молибин встал, выбросил деньги из сумки в сырой угол и, сгибаясь, выбрался из подвала, оказавшись на тесном дворе современной многоэтажки. Во дворе зеленели деревья и синело небо. Он был в Воронеже. Дом, в подвале которого он родился, Молибину был знаком — в нем жила его тетка. Возможно, она сейчас дома, но заходить к ней не стоило. Незачем тетушку до инфаркта доводить. От свежего воздуха у Молибина закружилась голова, и он ухватился за дверь, чтобы не упасть. Сидевшие в дворовой беседке старушки неодобрительно посмотрели на Молибина и шелестяще зашептались, время от времени бросая на него косые взгляды.

— Бродяга... — расслышал Молибин. — А одет прилично... А я говорю, в подвале ночевал. Надо бы в милицию позвонить, не дай Бог, квартиру какую обворует...

Он усмехнулся, подхватил сумку и пошел прочь со двора, провожаемый укоризненными и подозрительными взглядами бдительных дворовых стражниц.

С каждым шагом он обретал все большую уверенность в себе. Казалось, тело впитывает солнечный свет и соч-

ный свежий воздух, с каждым глотком обретая упругость и уверенную силу.

«Аксенов... Николай Андреевич... уроженец Перми... Аксенов... Николай...»

Спустя два часа он уже получил на главпочтамте деньги, отправленные кем-то на имя Аксенова. Денег было не особенно много, но на первый случай вполне достаточно. Система работала нормально и казалась вполне отлаженной. По крайней мере сбоев еще не было ни разу.

Он шел по Воронежу, небрежно перебросив спортивную сумку через плечо, с любопытством оглядываясь по сторонам, пока вдруг не осознал, что голоден. Молибин остановился и посмотрел на часы на уличной башенке. Торопиться было некуда, до поезда на Волгоград еще около трех часов, и Молибин заскользил глазами по вывескам, выискивая кафе, в котором можно прилично перекусить.

Из справки по оперативно-поисковому делу № 0349У545 по факту убийства Кувалдина Алексея Степановича

9 августа 1999 года в 13.40 на улице Гоголя около коммерческих палаток неизвестный двумя выстрелами из пистолета «Макаров» совершил убийство Кувалдина Алексея Степановича, 1959 года рождения, уроженца г. Волгограда, русского, ранее неоднократно судимого за тяжкие преступления, кличка «Кувалда», прож. г. Волгоград Проспект Ленина, 2, кв. 34, при его посадке в личную автомашину BMW гос. номер С 777 ВД. Предположительно в момент убийства Кувалдина преступник был одет в форму капитана или старшего лейтенанта милиции. Принятыми мерами розыска в ходе введения операции «Перехват» задержать преступника не удалось, примене-

ние розыскной собаки положительного результата не дало.

По имеющейся в УБОП и КМ УВД оперативной информации Кувалдин являлся одним из лидеров преступной группировки «Молочники», специализирующейся на перепродаже наркотиков, поставляемых из Казахстана и Средней Азии, имел широкие связи в преступных кругах этих регионов, неоднократно выезжал в республики Средней Азии и Казахстан для решения вопросов о приобретении наркотиков.

В этот же день в 0.0 при проверке участковым инспектором Чупуновым паспортного режима в кв. 15 дома 4 по ул. Гнесиных Дзержинского района, принадлежащей на праве личной собственности гр-ке Новиковой Алле Николаевне, покончил жизнь самоубийством выстрелом в голову из пистолета «Макаров» неизвестный, имевший при себе паспорт на имя Коробкова Вячеслава Николаевича, 1964 года рождения, прож. по ул. Кишиневская, 14 г. Саратов. На месте происшествия был обнаружен пистолет «Макарова» со спиленными номерами, в обойме которого находилось 5 патронов.

Экспертизой, проведенной МЭКО ГУВД установлено, что пистолет имел серию ТБ номер 7752 выпуска 1983 года, был похищен в 1987 году из войсковой части 13662 и находился в федеральном розыске.

Из указанного пистолета согласно федеральной картотеки на протяжении 1989-99 года в различных городах России и союзных республик совершено более 103 убийств лиц, имеющих прямое отношение к преступному миру, большей частью лиц, занимающихся крупными

поставками наркотиков или контролирующих эту деятельность. В ряде случаев после совершения убийства пистолет оставлялся на месте преступления и идентифицировался, как орудие убийства. В настоящее время в распоряжении ЭКУ МВД России имеется более 75 пистолетов Макарова абсолютно тождественных друг другу, что до последнего времени являлось абсолютно невозможным. (Заключения экспертных учреждений России и список жертв, с обстоятельствами совершения убийств, месте и времени их совершения прилагается.)

Проверкой по месту выдачи паспорта Коробкову установлено, что последний не покидал своего места жительства последние десять лет, а паспорт, обнаруженный при самоубийстве по ул. Гнесиных, был утерян им при неизвестных обстоятельствах еще в 1989 году. Лицо, изображенное на фотографии, Коробкову или его окружению неизвестно. Личность убитого до настоящего времени не установлена.

18 июля 1999 года в 21.10 на пустыре близ автовокзала города Саратов был обнаружен труп неизвестного мужчины без кистей рук и с многочисленными прижизненными повреждениями. Смерть неизвестного наступила от огнестрельного ранения в голову, причиненного из ПМ со спиленными номерами, который был обнаружен рядом. Экспертизой, проведенной ЭКО УВД Саратовской области восстановлены серия и номер указанного пистолета – ТБ № 7752.

Рядом с убитым был обнаружен паспорт на имя Михасенко Геннадия Петровича, 1956 года рождения с фотографией неизвестного.

Проверкой данного паспорта установлено, что он был утерян жителем города Бугульмы Михасенко Г.П. в сентябре 1996 года. По предъявленной фотографии из паспорта Михасенко и его окружение никого не опознали. Личность убитого до настоящего времени не установлена.

В июле 1999 года незадолго до обнаружения трупа неизвестного мужчины на пустыре близ автовокзала в Саратове были совершены следующие убийства членов ОПГ, причастной к распространению наркотиков:

16 июля 1999 года в своей квартире из ПМ серии ТБ № 7752 убит Сгибнев Валерий Николаевич, 1959 года рождения, ранее неоднократно судимый, кличка «Лахудренок», проживал ул. Братиславская, 14 кв. 6.

22 июля 1999 года в своей квартире из ПМ серии ТБ № 7752 убит вор в законе, Кобылкин Андрей Григорьевич, 1938, ранее неоднократно судимый, кличка «Захар», прож. ул. Думенко, 6 кв. 9.

Оба убитых входили в ОПГ «Пионеры», занимались распространением наркотиков в городе Саратове.

Указанные убийства до настоящего времени остаются нераскрытыми.

16 июля 1999 года УБОП УВД Саратовской области за незаконное хранение оружия и боеприпасов был задержан Садырин Павел Владимирович, 1971, прож. ул. М. Горького, 7 — 24. В числе изъятого оружия У Садырина обнаружен пистолет Макарова со спиленными номерами.

По заключению ЭКО УВД г. Саратова пистолет имеет серию ТБ № 7752 и идентичен ору-

жию, из которого были убиты Сгибнев и Кобылкин и пистолету обнаруженному рядом с трупом неизвестного мужчины, убитого на пустыре близ автовокзала города.

Садырин утверждает, что пистолет случайно найден им в районе Лысой горы. Внутрикамерной его разработкой причастность Садырина к упомянутым выше убийствам не установлена. В процессе его проверки установлено, что Садырин из города Саратов в места, где совершены преступления, не выезжал.

На основании изложенного полагал бы необходимым истребовать в УУР МВД РФ дубликаты всех оперативно-поисковых дел по указанным выше убийствам, обнаруженное и изъятое оружие направить в экспертные учреждения МВД РФ на предмет его одновременной комплексной экспертизы по необходимым вопросам, а также принять меры к установлению личности неизвестных, убитых в городе Саратове и Волгограде и имеющих определенное сходство друг с другом.

Старший опер-уполномоченный УУР
МВД Российской Федерации
полковник милиции К. Багдасарян
4 августа 1999 года

Глава седьмая

Он в тысячный раз медленно поднимался по ступенькам, и гулкий бесконечный подъезд был как скользкая узкая внутренность гигантской угловато изогнувшейся

змеи. Он знал, что ждет его за дверью, и сердце замирало от ужаса и тоскливой боли, но что-то неотвратимо гнало его вперед.

Обитая коричневым дерматином дверь была полуоткрыта, и в щель просачивался сладковатый и тошнотворный запах беды. Молибин вошел в дверь и сразу же наткнулся взглядом на разбитый телефонный аппарат с разбитой трубкой, лежащей чуть в стороне от аппарата.

— Катя! — позвал Молибин, но ответом ему была пугающая тишина.

Он заглянул в гостиную. Жена лежала на покосившемся диване и была как измятая изломанная кукла. Волосы свисали вниз, халат безобразно и стыдно задран, а на белой коже длинного бедра алела ссадина. Левая рука безвольно повисла, она была странно темной, и под ней медленно скапливалась темная лужица.

Горло перехватила удушливая петля, Молибин попятился, не в силах отвести взгляд от неподвижного, страшного своей кукольной безжизненностью тела.

— Катя, — свистящим шепотом сказал он. — Катенька!

Словно сомнамбула он прошел по коридору. Дверь в ванную комнату была распахнута, в ванне чуть зеленела вода, и на поверхности воды страшной резиновой игрушкой лицом вниз плавал младший сын Саша.

В детской люстра была сорвана с крюка, в импровизированной веревочной петле, покорно опустив руки, висел старший сын Славик, и лицо у него было такое, что лучше бы в него не вглядываться, но Молибин все смотрел и смотрел в потемневшее от прилившей крови лицо мальчика и все отмахивался от щекочущей кожу паутины, пока не понял, что это он просто плачет.

Он медленно попятился, ударился спиной о распахнутую дверь в ванную, но не почувствовал боли. Так он пятился, пока вновь не оказался в заплеванном, исчерканном хулиганскими надписями коридоре, что насквозь пропах кошками и табачным дымом. И только там мед-

ленно опустился на грязный пыльный пол и завыл — громко, в голос, не замечая, как медленно стекаются на лестничную площадку испуганные соседи.

Молибин проснулся. Жуткий этот сон всегда преследовал его в ночь нового рождения. Он открыл глаза и долго смотрел в потолок гостиничного номера, по которому плясали отблески фар проезжающих мимо автомашин. Теперь он не смог бы заснуть даже со снотворным.

Прошлое бесцеремонно и страшно вторгалось в его жизнь, и от этого прошлого некуда было деться, разве что в петлю. Но прежде надо заплатить долги до конца. Да и смерть ничего не решала, выбрав ее, Молибин был обречен на новое рождение. Возможно, что рождаться ему предстояло до Дня Страшного Суда.

Молибин с тоской подумал, что и здесь он прошлый перехитрил себя настоящего — он даже не представлял, сколько рождений ему еще предстояло.

Убийц задержали через два дня. Их не пришлось искать слишком долго — два шестнадцатилетних наркомана даже не запирались, напротив, подробно и даже несколько хвастливо рассказывали милиционерам об обстоятельствах своего преступления, словно гордились тем, что были такими безжалостными и жестокими.

Оба оказались малолетками, для которых закон не предусматривал смертной казни, и максимальное наказание, которое им грозило, обернулось десятью годами колонии общего режима. В сентябре этого года они должны были выйти на свободу, и это были те мгновения, ради которых Молибин прожил долгие и страшные десять лет. Но прежде чем встретиться с убийцами своей семьи, Молибину предстояло решить одну привычную уже задачу — убить человека.

Он мстил. Мстил тем, кто распространял страшную заразу на земле, калеча человеческие души и уродуя человеческую совесть.

Они были в стороне от убийств и краж, зачастую были довольно респектабельными членами больного общества, его гордостью, его денежными мешками, о которых уже слагались новые анекдоты и рассказывались забавные истории.

Он разгромил группировку Сулимина в Москве, страшную банду Тарасова во Владивостоке, не менее опасную группировку Рогуса, орудовавшую в Крыму. Он расстреливал наркодельцов в Питере и Казахстане, в Киргизии и Узбекистане. Эти страшные выродки не должны были жить, и Молибин стрелял не задумываясь. К сожалению, вначале он был не слишком умел, и вряд ли его можно было отнести к тем самым суперменам, которые в американских фильмах в одиночку расправлялись с самыми кровожадными бандами. Он этому просто не был обучен. В армии он и стрелял-то на троечку. А чего еще ждать от очкарика, положившего жизнь на изучение нудных наук и не особо разбиравшегося в устройстве пистолета и способах подрыва противника самодельными боеприпасами? На жуткий путь мести его натолкнули книги Головачева, уж больно там выглядело все красиво и супербойцы одерживали над злом победу за победой. В действительности оказалось, что никакой красоты нет, есть грубый натурализм смерти, и смерть эта, зачастую соседствовавшая с пытками и болью, не щадила обе стороны.

Первый раз он стрелял в человека в Москве.

И умер там же.

Это было у банка, и Молибин точно знал, что человек, в которого ему предстоит стрелять, финансирует наркодельцов. Поэтому банкир должен умереть. Неделями Молибин ходил за ним, пытаясь убедить себя, что ищет подходящий момент. Моментов выпадало достаточно, банкир был в связке с известной всем «солнцевской» бригадой и чувствовал себя неуязвимым, а потому вел себя

довольно беспечно. Молибин просто боялся и никак не мог признаться себе в этом страхе. Нет, уже тогда он точно знал, что не может умереть.

Страх другого порядка терзал его: страшно было выстрелить в человека и увидеть, как он рухнет под выстрелом, уже в падении превращаясь в не чувствующий ничего и не думающий ни о чем кусок безжизненного мяса. И Молибин разозлился на себя. А разозлившись, уже на следующий день расстрелял банкира на выходе из дома и сам попал под пули ошалевших от наглости киллера охранников. Убийца и жертва умирали одновременно. Умирая, они смотрели друг другу в глаза, и в глазах умирающего банкира светилось удовлетворение от того, что смерть его оплачена жизнью убийцы. Он не знал, что уходит из жизни навсегда, в то время как Молибина ожидал Кокон.

Второй раз он родился уже со вкусом крови во рту. И убивал гораздо свободнее, только значительно более тщательно искал подходы к объекту, руководствуясь лишь одним правилом: виновный должен умереть без отмщения. Он не должен чувствовать удовлетворение, видя смерть своего палача. Палач должен казаться жертве неуязвимым, иначе теряется смысл и сама сладость мщения.

Раз за разом удача была к нему все благосклоннее. Высшее удовольствие он получал, когда, избавившись от оружия и грима, возвращался к умирающей жертве и из толпы смотрел ей в глаза.

Жертва исходила кровью и не имела сил, чтобы указать на своего палача или что-то сказать окружающим. Наблюдая за бессильной, медленно гаснущей злобой умирающего, Молибин чувствовал, как торжествующая сила разливается в его жилах, заставляя сердце яростно и сладко биться.

— За Катеньку! — беззвучно шептал Молибин. — За Славочку и Сашу!

* * *

Ему казалось, что семье его будет не так одиноко и тоскливо на небесах, если кто-то заставит сволочей страдать так, как страдали они.

Второй раз он уже верил в удачу, и эта вера помогла ему продержаться долго — до рождения в третьем Коконе он убил пятьдесят шесть наркодельцов. Его вычислили и взорвали прямо в номере гостиницы «Свердловск» в уже переименованном в Екатеринбург городе.

И никто не знал, что он умер через несколько минут после взрыва и, умирая, смеялся над глупостью убийц — ведь к каждому из них неизбежно придет мститель. И он к ним пришел. Последним он настиг в Саратове Лахудренка. Именно Лахудренок организовал его убийство в гостинице «Свердловск» и потому был поражен, увидев вернувшегося из могилы человека. Молибин вспомнил выражение лица Лахудренка и засмеялся от радости осознания того, что перед смертью бандит узнал его и испытал страх.

После четвертого рождения он стал почти профессионалом. Теперь его тревожил пистолет, который, несомненно, милиции уже примелькался. И все-таки первое после очередного рождения убийство он совершал из *этого* пистолета, а потом уже оружие выбрасывал и добывал другое, благо что после Абхазии, Приднестровья и Чечни сделать это было нетрудно. Сразу не расставался он с пистолетом только в исключительных случаях, когда сама возможность благополучно уйти казалась сомнительной и пистолет требовался, чтобы застрелиться. Оружие проблемой не являлось. При желании в этой России можно купить даже тактическую ракету, была бы в ней нужда. Труднее было найти деньги. Те, что оказывались вместе с ним в Коконе, были советскими и хождения в новой России не имели.

Но деньги найти тоже оказалось не так уж и сложно. Достаточно от одной дряни принять заказ на то, чтобы убрать другую такую же дрянь, если не хуже. Обычно он получал деньги до исполнения заказа и больше с заказчиком никогда не встречался. Это гарантировало их общую безопасность. Полученные деньги Молибин тратил на жизнь и сбор информации. Деньги стали мерилом жизни нового общества, и любые сведения можно было получить, заплатив требуемую сумму. Молибину приходилось подкупать и уголовников, и работников прокуратуры, и высших милицейских чинов. С каждым подкупом он терял веру в нормальное развитие общества, порой ему казалось, что яблоко страны разъедает гигантский червяк, травя своими метастазами и выделениями все здоровое окружающее и порождая вокруг себя таких же бесхребетных червей, только поменьше размерами.

Гниль — вот что окружало его. Гниль.

Жажда наживы охватывала всех, она разъедала людей, нажива стала божеством, у ног которого лежали все — от министров до рядовых членов общества, включая и самых деклассированных. Многие с легкостью шли на любые преступления.

Человек, которого Молибину предстояло убить в Волгограде, занимался продажей наркотиков и одновременно отвечал за борьбу с их распространением. И то, и другое он делал вполне успешно; расплачивались за эту легкость своей жизнью и своей свободой сопляки, отдававшие дань моде. Именно они становились преступниками. По мнению Молибина, виновный в деградации общества человек обязан был умереть. Вурдалак заслужил свой кол.

Ночью, глядя в потолок одноместного номера гостиницы «Интурист», приезжий из города Перми Николай Андреевич Аксенов обдумывал план убийства начальника местного управления внутренних дел генерал-лейтенанта

Тикачева. Незадолго до убийства Кувалдина, еще будучи Вячеславом Коробковым, он засек контакт Кувалдина с милицейским генералом и прослушал их беседу, а потому точно знал, что поток наркотиков, идущих в Волгоград из Азии, контролирует именно Тикачев.

Из аналитической справки по контрольно-наблюдательному делу УУР МВД РФ № 011У021

...Принятыми мерами розыска установлено, что неизвестный, имевший паспорт на имя Коробкова Вячеслава Николаевича, 1954 года рождения, покончивший жизнь самоубийством в г. Волгограде 9 августа 1999 года, неизвестный, имевший паспорт на имя Михасенко Геннадия Петровича, 1956 года рождения, убитый 8 июля 1999 года в городе Саратов, неизвестный, имевший паспорт на имя Абрамова Валерия Александровича, 1956 года рождения, труп которого с признаками насильственной смерти обнаружен в г. Коканд республики Узбекистан 19 ноября 1996 года, неизвестный, имевший паспорт на имя Валикова Сергея Дмитриевича, 1955 года рождения, труп которого с огнестрельными ранениями обнаружен в пос. Зимовники Ростовской области 11 мая 1995 года, неизвестный, имевший паспорт на имя Гукова Андрея Станиславовича, 1954 года рождения, погибший 14 сентября 1993 года при взрыве в гостинице «Свердловск» г. Екатеринбург, имеют дактилоскопические отпечатки (за исключением Михасенко, труп которого обнаружен без кистей рук) и внешность идентичные Молибину Анатолию Николаевичу, 1954 года рождения, уроженцу с. Мачеха Еланского района Волгоградской области, прож. г. Саратов ул.

Привокзальная, 31 кв. 11, последнее место работы Саратовский НИИ Биотехнологии, руководитель группы. Молибин Анатолий Николаевич убит 8 июля 1991 года при покушении на управляющего «Агробанком России» Улимина Вадима Аркадьевича, место захоронения не установлено. Все указанные выше лица по имеющейся оперативной информации погибли в столкновениях с организованными преступными группами, представляющими российскую наркомафию.

Семья Молибина А.Н. в июле 1989 года стала жертвой группы наркоманов, совершивших вооруженное нападение на их квартиру. В результате вооруженного нападения погибла жена Молибина — Екатерина Васильевна, 1957 года рождения, сын Вячеслав, 1981 года рождения, сын Александр, 1987 года рождения.

Преступники, совершившие нападение на квартиру Молибиных:

— Гиятулин Минулла Азаматович, 1973 года рождения, уроженец г. Саратов, прож. Братиславская, 17 кв. 5, отбывает наказание в ЛИТУ г. Ивдель Екатеринбургской области, освобождается по сроку 28 сентября 1999 года.

— Шепель Георгий Александрович, 1973 года рождения, уроженец г. Саратов, прож. Братиславская, 17 кв. 12, отбывает наказание в ИТУ ЯР-154/13, освобождается по сроку 20 сентября 1999 года.

Старший оперуполномоченный УУР МВД РФ
полковник милиции К. Багдасарян
12 августа 1999 года.

Глава восьмая

Генерал-лейтенант милиции Тикачев любил прогулки по вечернему городу. Проживал он на улице Мира рядом с драмтеатром имени Горького, поэтому десятиминутный пеший променад после напряженного рабочего дня Тикачевым почитался за отдых. В этой прогулке его сопровождали два заместителя, каждый в звании полковника, один из них был в милицейской форме, другой — в общевойсковой. Обычно они шли мимо кинотеатра «Победа», доходили до кафе «Огонек», что располагалось в угловом здании, и далее прогуливались до драмтеатра по малолюдной и зеленой улице Ленина, наслаждаясь красотой растущих вдоль дороги березок и ведя неторопливые беседы на свои милицейские темы.

У драмтеатра они переходили улицу, рядом с магазином «Союзпечати» прощались, пожимая друг другу руки, и расходились. Тикачев сворачивал во двор дома, а полковники шли к ресторану «Волгоград», где их уже ожидали служебные машины.

Милиция места прогулок высшего начальства знала хорошо. Поэтому сотрудники старались обходить улицу стороной, чтобы не попасть на глаза начальству и не навлечь на себя высочайшего гнева поведением или непорядком в форменной одежде. А сохранить порядок становилось все труднее, формы на складах ХОЗО УВД не было, и своевременно она выдавалась лишь тем, кто отправлялся на Северный Кавказ сторожить чечен в их независимой республике.

У кинотеатра «Победа» и в сквере у кафе «Огонек» было слишком многолюдно, и, стало быть, уходить оттуда было трудновато.

Идеальным местом для засады Молибину представлялась малолюдная улица Ленина, тем более что на нее имел-

ся выход с Сурской, а с Сурской было легко выскочить на Краснознаменскую и затеряться в толпе на кольцевой остановке трамвая. Еще более удачным представлялся двор дома, где жил генерал, но там был выставлен милицейский постоянный пост, а вступать в ковбойские перестрелки с ментами Молибину казалось не слишком разумным.

В прошлый раз он стрелял в Кувалду на улице Гоголя, днем и при большом стечении народа. Отступив в сквер перед площадью Павших Борцов, он нырнул в заранее открытый люк тепловой сети, задвинув за собой тяжелый чугунный диск, а еще через десять минут выбрался на поверхность в административном дворе драмтеатра и спокойно ушел из довольно быстро оцепленного района. Здесь этот трюк провести было невозможно, да и рискованно уходить таким образом второй раз подряд.

Маршрут свой Молибин рассчитывал по времени, в глубине души радуясь постоянству генерала и неизменности его привычек. У бывшего ресторана «Острава» он дожидался, пока генерал со своими заместителями выйдет из подъезда здания УВД, и шел следом. Только у кинотеатра генерал с заместителями сворачивали налево, а Молибин продолжал идти прямо, миновав продовольственный магазин, сворачивал на Сурскую и мимо бани выходил на точку встречи с милицейской компанией. Вначале ничего не получалось, но он рассчитывал все по секундам и добился того, что в любое время мог оказаться прямо перед генералом Тикачевым и в последний раз неприятно удивить его.

Убедившись, что он готов, Молибин выписался из гостиницы. Он был словно заряжен на новое убийство. Одна мысль неприятно тревожила его: а если кто-нибудь проник в его тайну и теперь осторожно и хитро направляет его действия? Если информация не соответствует действительности и Тикачев — мент, мешающий жуликам, а он, Молибин, лишь сыграет им на руку. «Не дури! — возразил себе Молибин. — Ты же сам слышал его разговор с

Кувалдой. Там — сам слышал — неясностей не осталось, все прямым текстом рубили!» И все-таки мысль о чужом влиянии была Молибину неприятной. Он прошелся по городу, посидел среди цветущих роз в сквере на проспекте Ленина, прогулялся по набережной и посмотрел на часы. Пора было выполнять то, для чего он пришел в этот мир.

В городском саду из деревянной щели уже не действующего аттракциона он достал тяжелый промасленный сверток. Кусты надежно загораживали от любопытных глаз, и он быстро привел пистолет в порядок и привинтил глушитель. Некоторое время он сидел на полуразвалившейся от времени скамейке. День был прекрасен, и Молибин вдруг пожалел, что ему приходится убивать в такой вот чистый и светлый день. Но времени уже не оставалось, забот впереди было еще ой-ё-ёй сколько, само время подгоняло его, заставляя быть жестким и безжалостным.

Завернув пистолет в легкую летнюю курточку, Молибин вышел на свой наблюдательный пункт. Более всего он сейчас боялся, что не раз проверенный и досконально изученный график движения Тикачева вдруг нарушит какая-то нелепая случайность. С движением минутной стрелки он нервничал все больше и больше. Чтобы успокоиться, Молибин бросил в рот пластиночку жвачки. Где же эта скотина?

Где она? Как там в ковбойских фильмах герой кричит? «Эй, генерал, если ты не трус, иди и получи, что тебе причитается!»

Тикачева не было. Похоже, господин генерал имел на небесах своего ангела-хранителя. Или кто-то ему ворожил.

Стоп.

Никто этому козлу не ворожил. И ангела-хранителя у него никогда не было. Не могли небеса беречь такую мразь, как генеральствующий наркобарон!

Все!

Генерал Тикачев показался в высоких дубовых дверях своего управления и, улыбаясь, обернулся к следующим за ним спутникам. Полный полковник в милицейской форме что-то сказал, и все трое весело расхохотались, неторопливо и по-хозяйски вальяжно двигаясь вдоль каменного, выкрашенного в красный цвет забора. Случайные милиционеры, попадавшиеся навстречу, вытягивались перед генералом, отдавая ему еще оставшуюся у них честь. Неприязненное отношение к генералу Молибин переносил и на его подчиненных. В стаде козлищ бесполезно искать ангела!

Он поудобнее положил куртку на сгиб руки, дождался, когда чиновная троица дойдет до заранее выбранной отметки, и двинулся за нею, скорее по привычке, чем от необходимости, считая свои шаги.

Из оперативной сводки по Волгограду от 17 августа 1999 года.

17 августа 1999 года в 19.30 неизвестный из пистолета Макарова со спиленными номерами и с глушителем расстрелял в упор начальника управления внутренних дел Волгоградской области генерал-лейтенанта Тикачева Владимира Афанасьевича, 1949, его заместителя по кадрам полковника милиции Плахова Николая Антоновича, 1954, его заместителя по хозяйственной части полковника в/с Неусыпного Дмитрия Петровича, 1953. Преступником произведено 8 выстрелов, в результате которых Тикачев и Плахов, получив тяжелые ранения в область груди и головы, скончались на месте, а Неусыпный скончался от полученных ранений в ГКБ СМП в 23.15. На месте происшествия обнаружено и изъято: пистолет Макарова со спиленными номерами и навинчен-

ным на него глушителем, восемь гильз от ПМ, два окурка сигарет «Донской табак». По городу объявлены операции «Перехват» и «Сирена», сформирован штаб по раскрытию преступления во главе с заместителем главы администрации города Н.Ф. Лапшинским.

На место преступления выезжали: зам. главы областной администрации Кащенко, прокурор области Шерстобитов, начальник УФСБ по Волгоградской области Бегунов, начальник КМ УВД области Стариков, следственно-оперативные группы УВД, ГУВД, УФСБ, РУВД, судмедэксперт Чумаков, кинолог Артемкин, иные должностные лица прокуратуры и органов внутренних дел.

Подписал Стариков.

Секретно

Начальникам РУРОВД г. Волгограда и области

За совершение террористического акта на территории г. Волгограда 17 августа 1999 года, в результате которого погибли начальник управления внутренних дел Волгоградской области генерал-лейтенант Тикачев Владимир Афанасьевич, его заместитель по кадрам полковник милиции Плахов Николай Антонович и его заместитель по хозяйственной части полковник в/с Неусыпный Дмитрий Петрович, МВД РФ и ФСБ РФ разыскивается мужчина в возрасте 35-40 лет, среднего роста, среднего телосложения, при ходьбе чуть сутулится, волосы светлые редкие с большими выделяющимися залысинами, глаза серые или голубые, уши маленькие, прижатые к голове, губы тонкие.

Был одет: брюки летние светлые серого цвета, рубашка бежевого цвета с двумя карманами на груди, туфли светло-коричневого цвета летние, при себе имел куртку летнюю спортивную светло-серого цвета, возможно являющуюся частью общего с брюками костюма.

Может носить очки.

Всему личному составу РУРОВД города в течении суток осуществить следующие комплексные мероприятия:

1. Оперативному составу немедленно под роспись ориентировать на раскрытие данного преступления негласный аппарат и иные силы общественности. Об исполнении доложить рапортами не позднее утра 19 августа 1999 года.

2. Проверить расположенные на обслуживаемой территории гостиницы, общежития, квартиры граждан, сдающих жилые помещения внаем, притоны, жилища ранее судимых и состоящих на учете в органах внутренних дел граждан. Аналогичные мероприятия провести в отношении лиц, занимающихся проституцией и сутенерством.

3. Взять под контроль железнодорожные вокзалы, автовокзалы, речпорты и авиавокзалы. Осуществить там круглосуточное патрулирование силами нарядов ППС. Осуществить усиленное патрулирование на выездных дорогах из города силами ГАИ и общественности.

4. Предъявить фотороботы предполагаемого преступника работникам ЖКО, ЖКК, ЖЭУ, комендантам и паспортистам общежитий, председателям домовых и уличных комитетов, иным лицам, которые могут оказать помощь и содействие в раскрытии преступления.

5. Начальникам РОРУВД немедленно подготовить планы комплексных мероприятий, направленных на раскрытие данного террористического акта. Копии планов представить в штаб УВД области не позднее утра 19 августа 1999 года и обеспечить неукоснительное ежедневное выполнение запланированных мероприятий, докладывая о полученных результатах не позднее 19 часов каждого прошедшего дня.

И.о. начальника УВД Волгоградской области
полковник милиции Н.С. Стариков

Глава девятая

Гоша Шепель по кличке Пеногон прощался со своими кентами.

— Ты напиши, — взволнованно просил его Чалый. — Как приедешь, так сразу напиши. Понял?

Гоша похлопал его по плечу, ткнул в бок. Комок стоял у него в горле и першило в глазах, как это обычно бывает при расставании с близкими.

— Будь спокоен, Чалый, — заверил он. — И письмо напишу, и подогрев нормальный пришлю.

— Хрен с ним, с подогревом, — отмахнулся щуплый и низенький Чалый, глаза его тоже стали подозрительно влажными. — Главное, пиши, Гошка! Слышишь? Обязательно пиши!

Подошел высокий, плотный, похожий на шкаф Буркан, хмуро, но дружелюбно обнял Гошу, неловко сунул ему в руки сверточек.

— Держи, — с обычным угрюмством буркнул он. — Маклю тебе смастырил. В вагоне посмотришь. Давай, братила, ты там, на воле, не раскисай, понял?

— Спасибо, Буркан, — сказал Гоша и, устыдившись, что зовет кента лагерной кличкой, крепко стиснул ему руку выше локтя. — Спасибо, Женька.

— Давай, давай, — поторопил его усатый, широколицый и крепкий, как черный жук, прапорщик. — Автобус ждет. Мне еще вас усих на вокзал возиты!

Гоша обнял Леню Борща, дружелюбно и увесисто стукнул его по спине.

— Пока, Леха, — сказал он. — Освободишься — давай сразу ко мне в Саратов. Там все схвачено будет, братан. Все сделаем в лучшем виде!

— Давай-давай, швидче, хлопчику! — нетерпеливо сказал прапорщик. — Прощаешься, як на усю жизнь.

— Конечно, на всю, — сказал Гоша Шепель. — Я больше в зоне париться никогда не буду.

— Ага, — саркастически сказал прапор. — Слышали мы это, и не раз. А потом бачишь, через полгода снова предбанник топчет: бачь мэне, ридна и кращая администрация, вы мэни не помните, я у вас инше кроком на промзону ходил?

— Типун тебе на язык, — независимо, как и полагается свободному человеку, что только по случайности находится за колючей проволокой, сказал Шепель. — Это придурки пусть сидят, у нас и на воле делов хватает. Верно, Буркан?

— Пошли, — сказал прапор. — Деловой ты, я смотрю, да картавый. ПКТ по тебе плачет.

Они прошли на КПП, рядом с которым толпились вэвэшники, ДПНК долго и придирчиво изучал документы Шепеля, режимник шмонал нехитрый багаж освобождающегося зэка на предмет обнаружения запрещенных к выносу вещей и записок, но Шепелю это было все равно. В досмотровой он сбросил робу, впервые за последние десять лет облачаясь в цивильный костюм, приготовил носовой платок, но прапор был битым и, заметив платок, посоветовал его убрать. «Не ровен час с администрации

заметят. Обратно, конечно, не посадят, а пряников можешь отхватить в количестве, достаточном на всю дорогу до дому». Подумав немного, Гоша Пеногон и сам отказался от ухода из зоны на понтах. В конце концов от зоновской пыли коры свои и на вокзале в спокойной обстановке оттереть можно было.

В автобусе, кроме него, был еще какой-то чмырь из опущенных, кажется, из второго отряда. Конечно, обидно было немного, что освобождался Гоша с таким вот чмо, а не с кем-нибудь из достойных, но воле, блин, в рот не заглядывают, воля приходит как хочет. Главное, что с этого момента он на свободе.

Против ожидания на самый вокзал усатый прапорщик их не повез.

Высадил на остановке электрички «Заканальная», сказал пару дежурных слов о порядке и дисциплине, но Гоша сегодня таких слов наслушался и от козлов из СВП, и от режимников, и от воспитателей, поэтому слова прапорщика на него произвели обратное впечатление.

Опущенного прапор с ним не оставил. Наверное, на тот случай, чтобы Пеногон не отобрал у того гроши, выданные на дорогу. Куда прапорщик его повез, Гоша не особенно вдавался. Может быть, у этого прапорщика с чмошником любовь была, ему-то, Шепелю, какое до этого дело?

Он немного послонялся по остановке, чуточку приставал к продавщице из киоска, но та была слишком серьезной и на флирт Шепеля не ответила. Смотрела, как на прокаженного, словно у Шепеля на лбу написано, что он только сегодня из зоны вышел. Впрочем, это было не столь уж и важно, как раз подошла электричка, и Шепель поехал в центр города на железнодорожный вокзал. Вагон электрички был обшарпанным и убогим, но и это не портило настроения. Каждая шпала, громыхнувшая под ко-

лесом этого обшарпанного вагона, приближала Георгия Шепеля к дому.

Прошлое он вспоминать не хотел. Прошлое было как дурной сон и осталось где-то в темном жутком тупике, из которого он сейчас выбирался. Еще на малолетке он прошел курс лечения от наркотической зависимости и впоследствии к «ширеву» не тянулся, хотя, чего греха таить, при наличии денег в зоне можно было купить все. Но Шепеля к его жуткому прошлому не тянуло. Иногда ему снились сны, от которых тело покрывалось испариной и было страшно засыпать.

Тогда он позволял себе купить у медиков что-нибудь типа хорошего снотворного, позволяющего избавиться от страшных видений, протягивающих к нему свои цепкие лапы из ночной темноты. Шепель твердо решил, что эта отсидка станет для него первой и последней. В конце концов, жизнь слишком коротка, чтобы разменивать ее на нахождение за колючей проволокой!

Он сел у выбитого окна, подставляя лицо еще теплому встречному воздуху, и подумал, что жизнь не так уж и плоха, а ему всего лишь двадцать шесть лет, не то что Буркану, которому на зоне исполнилось сорок два и предстояло сидеть еще шесть долгих, томительных — и оттого кажущихся бесконечными лет.

В электричке почти никого не было. Впереди, почти у входа, сидел пожилой мужик в грязной майке и старых джинсах, зажав ободранными сандалиями черный портфель с обвисшими боками. Через две скамейки от него — какой-то очкарик лет тридцати пяти, одетый чуточку поприличней первого. В конце вагона сидела девица неопределенного возраста. Она была в грязных белых штанах и короткой кофточке, открывающей впалый живот. Девица была из тех, кто никуда не торопится, и сначала Шепель даже заинтересовался ею, тем более что и девица кидала на него томные косяки, но потом рассудил, что

после десятилетнего отсутствия возвращаться в родной город с триппером было бы просто глупо.

Рядом кто-то опустился, и Шепель, лениво приоткрыв глаза, увидел мужика в очках, что еще недавно сидел по соседству. У мужика были серые глаза и редкие волосы с большими залысинами на высоком лбу. В нижней челюсти желто блеснули зубы.

— Чего надо? — лениво поинтересовался Шепель, вытягивая ноги.

— Здравствуй, Георгий, — негромко сказал мужик, и Шепель снова открыл глаза. Мужик, сидящий напротив, был ему незнаком.

— Ты это мне? — спросил Шепель с недовольством. — Что-то я тебя не припомню. Ты меня откуда знаешь? Может, на зоне где чалились вместе?

— А ты меня, значит, и припомнить не можешь? — улыбчиво и спокойно спросил мужик. — А ты посмотри повнимательней.

Гоша вздохнул.

— Не знаю я тебя, — сказал он. — И детей твоих не крестил. Канай, братила, не мешай человеку волей дышать.

— А вот про детей ты зря, — сказал попутчик. — Про детей ты, Шепель, зря вспомнил. Это по твоей милости они некрещенными остались!

Что-то узкое и жесткое остро уперлось Шепелю в бок, порождая в душе неожиданный ужас. Он дернулся, но попутчик крепко держал за шиворот. Шепель с ужасом посмотрел на него.

Господи!

«Да как же я лопухнулся? Как же сразу не угадал!»

Пришедший страх заставлял тело нервно трястись. Шепель скосил глаза и увидел, что в бок ему упирается вороненый пистолетный ствол. И это окончательно подломило его волю и способность к сопротивлению.

— Молибин... — прошептал Шепель и заметил, как торжествующе блеснули глаза его неожиданного врага.

— Узнал, сука! — удовлетворенно сказал тот.

— Не убивай, — попросил Шепель. — Не надо...

— Да? — Молибин жестко усмехнулся. — А ты помнишь, как они просили тебя? Помнишь? Они же плакали!

— Не убивай! — снова попросил Шепель. — Я больной тогда был... Больной...

— А сейчас ты здоровый? — Молибин еще туже вдавил ему ствол меж ребер. — Десять лет отсидел и выздоровел, да? Они тебе больше не снятся?

Шепель судорожно вздохнул:

— Снятся.

— Вспомни про них, — сказал Молибин. — Вспомни, прежде чем я застрелю тебя! Ты вспомнил? Вспомнил?

Несомненно, Шепель был сильнее. Но ярость, исходящая от Молибина, лишала его способности к сопротивлению. Его ребра ощущали твердость пистолетного ствола, и это ощущение ослабляло волю, разжижало мозги, лишала способности соображать здраво.

Ему хотелось сказать Молибину, что он очень сожалеет о случившемся, что он никогда больше не сделает ничего подобного, что стал другим, совсем другим, но все это было не то, совсем не то. Этих слов было явно недостаточно, чтобы Молибин его пощадил. Шепель вспотел.

— За Катеньку! — тихо и торжественно сказал Молибин. — За детей!

Шепель дернулся.

— Не надо! — Он попытался вцепиться слабыми от страха руками в пистолет, но не успел.

Три выстрела слились для него в один, и, прежде чем все навсегда потемнело и исчезло, он увидел печальное и совсем нерадостное лицо своего палача и услышал звон гильз, разлетающихся по вагону. Ему показалось, будто кто-то в вагоне закричал, и это было последнее, что он ощутил, падая между деревянных скамеек вагона.

— Стоять! — закричал полный мужчина в грязной футболке, направляя на Молибина пистолет. — Милиция! Бросай оружие!

Молибин удивленно посмотрел на него, встал и неторопливо пошел на выход. Мужчина выстрелил. У выхода пронзительно завизжала испуганная девица. Мужчина выстрелил еще раз. На этот раз пуля обожгла Молибину плечо. Из соседнего вагона послышался шум, и Молибин понял, что его обложили. Как волка.

Он умело нажал на рычаг, заставляющий двери электрички распахнуться. Зашипел сжатый воздух, двери поползли в стороны, и в это время Молибина схватили сзади. Он рванулся, бросаясь вниз, словно нырял в воду, и увидел вырастающий зеленый округлый с блестящими стеклами нос встречной электрички.

«Глупо, — успел подумать он, летя на блестящие рельсы перед электричкой. — Глупо все как!»

— Черт! — огорченно сказал полный мужчина и торопливо рванул стоп-кран. — Как же он у тебя вырвался, Плещихин? Крепче надо было держать, крепче!

— Да я не успел, Карлен Оганезович, — виновато сказал оперативник из линейного управления. — Кто же думал? Он ведь, как в воду, нырнул...

Из суточной сводки по городу Волгограду

20 сентября 1999 года в 14.10 неизвестный в электропоезде № 323 следующем от станции Заканальная до станции Волгоград-1 из пистолета «Макаров» тремя выстрелами в грудь убил гр-на Шепеля Георгия Александровича, 1973, уроженца и жителя города Саратова, освободившегося 20 сентября 1999 года из учреждения ЯР – 154/13, расположенной в Красноармейском районе г. Волгограда. При по-

пытке его задержания старшим оперуполномоченным УУР МВД РФ Багдасаряном и группой захвата УВДТ неизвестный на ходу пытался покинуть электропоезд и угодил в районе станции СталГРЭС под электропоезд № 342, следующий во встречном направлении. При осмотре трупа у погибшего обнаружен паспорт на имя Аксенова Николая Андреевича, 1956 года рождения, урож. и постоянного жителя города Пермь. С места происшествия изъяты три гильзы от ПМ, пистолет Макарова серии ЛА № 2441 и обойма к нему с 6 патронами, паспорт на имя Аксенова. Труп дактилоскопирован и направлен в морг больницы «Каустик» Красноармейского района. На место преступления выезжали начальник УВДТ Лакунов, транспортный прокурор Дарецкий, следователь Шумской, СОГ УВДТ и судмедэксперт Лахумов. Материал КУП 2110 направлен в прокуратуру для возбуждения уголовного дела.

Подписал Лакунов.

Глава десятая

В купе было душно. Вагоны еще не начали топить, но, погода стояла жаркая, а окна, как это обычно бывает в российских пассажирских поездах, никогда не открывались. Из четырех светильников горело всего два, и следовало ожидать, что простыни, которые придется получать от проводницы, непременно окажутся влажными.

Купе уже обжил один пассажир. Излишне полный, в светлой рубашке и костюмных брюках, он обмахивался галстуком и вид оттого имел добродушный и беспомощ-

ный. Что-то неуловимо кавказское проглядывало в славянских чертах пассажира. Перед ним на столике лежали красочный журнал и несколько газет. Пиджак пассажира висел на крючке.

— Нашего полку прибыло, — добродушно сказал пассажир, наблюдая, как вошедший ставит в багажный отсек чемоданчик. — Далеко следуете?

— До Свердловска, — сказал вошедший.

— Э-э, батенька, — протянул полный пассажир. — Отстаете от жизни. Нет такого города больше. Екатеринбург есть, а Свердловска, — он широко развел руками, — Свердловска вот не стало.

— Никак не привыкну к новым названиям, — ответил второй пассажир и сел.

Был он худощав и невысок. Большой широкий лоб еще более увеличивали залысины. Сквозь очки в широкой роговой оправе на собеседника смотрели внимательные серые глаза. Новому пассажиру было лет тридцать пять, не больше. Одет он был в голубую безрукавку и легкие летние брюки из серой брезентовки. На ногах желтели легкие сандалии.

— В командировку? — спросил полный.

— Почти, — отозвался новый спутник. — Я туда всего на пару дней. По своим делам.

Вагон дрогнул, и перрон за окном поплыл. Вошла толстая неразговорчивая проводница, проверила и уложила в сумочку билеты и вышла, с треском задвинув за собой дверь.

— Поехали! — весело сказал полный. — Ну что ж, давайте знакомиться? Я ведь тоже в Свердловск направляюсь. — Он протянул спутнику руку: — Багдасарян Карлен Оганезович, журналист.

— Иван Алексеевич Карпов, — после секундного колебания кивнул худощавый. — Частный предприниматель.

— Среднее сословие, — понимающе улыбнулся Карлен Оганезович. — Будущее нашей России!

— Вот теперь похоже, что вы действительно журналист, — усмехнулся Карпов.

— Откуда такой вывод? — едва не обиделся Багдасарян.

— Газетные штампы выдают, — пояснил Карпов. — Сословие... Будущее России... Если нас так и дальше будут раскулачивать, никакого будущего не будет. Ни у нас, ни у России. Налогами уже так обложили, что дышать нечем.

— Надо же из чего-то бюджет формировать, — согласился Багдасарян. — Крупный капитал весь уже в доллары перевел да за пределы страны вывез, вот на вас и отыгрываются. Ну, может, по двадцать капелек на зубок?

— Это в смысле выпить? — уточнил Карпов. — Извините, но не употребляю. Придется вам, Карлен Оганезович, одному мучиться.

— Жаль, — сказал Багдасарян. — А вы меня узнали, верно? Я по вашему взгляду догадался. И насчет газетных штампов вы меня лихо поддели. Но в остальном все правильно, Анатолий Николаевич. Я действительно Карлен Оганезович Багдасарян, и я работаю старшим оперуполномоченным Управления уголовного розыска страны. Один раз я уж попробовал вас перехватить, но вы очень неудачно выпрыгнули из электрички. Ну, в нашей работе тоже бывают неудачи. От них никто не застрахован.

— Трудная служба, — не меняясь в лице, уточнил Карпов.

— Служат собачки, — с легким ироничным акцентом сказал Багдасарян. — А я, дорогой товарищ Молибин, работаю.

Молибин чуть напрягся. Багдасарян это заметил.

— Знаете, Анатолий Николаевич, — сказал он, — давайте договоримся, что хвататься за тяжелые предметы вы не будете. А оружия при вас нет. С оружием вы рисковать в поезде не стали бы. Зачем? Можно купить у братвы в Свердловске, тем более что там она отличается особой крутизной. Верно? — Он весело подмигнул собеседнику.

— Как вы догадались? — спросил Молибин.

– Э-э, – снова погрозил пальцем оперуполномоченный. – Догадываются люди, которые кроссворды разгадывают. А я не догадался, Анатолий Николаевич, я вычислил. Это ж надо, сколько вы своих и чужих трупов по стране оставили! Особенно своих. Паспорта разные, а отпечатки пальцев одни. Шесть раз вас уже убивали, да? В седьмой раз я, к сожалению, постарался сам. Но это очень много – семь раз. Это не для рядового человека, я правильно говорю?

– Девять, – уточнил Молибин.

– Да? – Багдасарян не удивился. – Но я нашел всего семь ваших трупов. Значит, еще два надежно спрятали от греха подальше. – Он помолчал немного, потом нерешительно предложил: – Может, пивка, Анатолий Николаевич? Очень уж трудно разговаривать с покойником насухую.

– Пожалуйста, – предложил Молибин. – Только без меня. Мне в Чистилище запретили.

Багдасарян подумал и махнул рукой.

– И как вы назвали свою машинку? – спросил он. – Оживитель? Или реаниматор?

– Репликатор, – сказал Молибин. – Он никого не способен оживить или реанимировать. Труп остается трупом. Восстанавливается только матрица. Разумеется, что в новом теле репликатор ее обогащает знаниями. В противном случае я всегда начинал бы с одного и того же места.

– Репликатор, – задумчиво повторил Багдасарян. – Растилит из института животноводства вы для этих целей заказывали?

– Разумеется. – Молибин снял очки и принялся их протирать. – А вы действительно узнали очень многое.

– И сколько своих копий вы заложили в репликатор? – спросил оперативник.

– Не знаю, – сказал Молибин и, видя, что брови собеседника недоверчиво шевельнулись, пояснил: – Честное слово, не знаю. Василию Степановичу я отдал ко-

робку с Коконами без пересчета. Чтобы самому потом не считать и не дорожить рождениями. Все-таки смерть должна быть неожиданной.

— Василий Степанович... — Багдасарян покачал головой. — Это ваш дядя, верно? Он был неизлечимо болен и умер вскоре после того, как его работа была завершена.

— Он был болен раком, — сказал Молибин. — И умер в дороге. Поэтому я даже не знаю, где Коконы им посеяны и все ли он их использовал.

— Похоже, что все, — задумчиво кивнул оперативник. — Я был в больнице, где умер ваш дядя. Там еще осталась в камере хранения его сумка. На случай, если родственники объявятся. Ничего похожего на Коконы в ней не нашлось. Только личные вещи. Не знаю, как ваши Коконы выглядят, но думаю, что от обычных бытовых вещей я бы их отличил... — Он тяжело посопел, подергал ручки окна. Окно не поддавалось. — Вы хорошо поработали, — сказал Багдасарян. — Такого кровавого следа не оставалось даже за серийными убийцами. Не считали, сколько наркодельцов вы отправили на тот свет, э?

— Зачем? — безразлично спросил Молибин. — Я вообще старался о них не вспоминать. Хотя это довольно трудно. Особенно ночами.

Поезд замедлил ход. Очевидно, они подъезжали к какой-то станции. За окном поплыли желтые пятна фонарей, освещая полутемное купе и спокойное бледное лицо Молибина.

— Вы были гением, — сказал Багдасарян. — Я даже представить не могу, как ваше открытие могло бы перевернуть мир.

— Его уже перевернули, — пожал плечами Молибин. — И это сделали те, кто вообще не имел мозгов. Ладно, к чему говорить о прошлом, его уже нет. Как и будущего. Вы меня арестуете?

Багдасарян некоторое время смотрел ему в глаза, потом шумно вздохнул и полез в сумку. На столе появилась

бутылка пива. За ней вторая. Багдасарян открыл бутылку, сделал длинный глоток и некоторое время разглядывал пенистые пузыри в бутылке.

— Зачем? — наконец сказал он. — Я думаю, что это бессмысленно. Вы ведь подстраховались, верно? Ну, допустим, мы вас арестуем, в камере вы вскроете себе вены, тюремная администрация вас захоронит, а через месяц вы опять окажетесь на свободе. Только в этот раз вас будет вычислить еще труднее. А скорее всего невозможно. Ведь так?

— Если это был не последний Кокон, — согласился Молибин.

— Ох, не думаю, что он был последним, — покачал головой Багдасарян. — Я не альтруист и, несомненно, арестовал бы вас, если бы знал, что все этим закончится. Но есть и другая сторона медали. Как вы думаете, что мне скажет начальство, если я начну доказывать им, что вы и есть неуловимый убийца, уже погибавший и захороненный девять раз, э? Если я предъявлю им семь ваших трупов и семьдесят пять идентичных друг другу пистолетов?

— Наверное, вас сочтут сумасшедшим, — согласился Молибин. — Правда, пистолеты — это уже неоспоримые факты. А против фактов...

— Да, — согласился Багдасарян. — Возможно, что все вместе взятое их и убедило бы. Но, с другой стороны, убивали те, кого уже больше нет. Лично вы еще никого не убили. Я имею в виду вас сегодняшнего. Вы ни в чем не виноваты, ну разве что в проживании по чужому документу. Доказать, что вы совсем не Иван Алексеевич Карпов, было бы несложно. Но признает ли суд вас виновным в прошлых убийствах? Куда сложнее доказать абсолютную идентичность вашей нынешней ипостаси прошлым. Это своего рода юридический казус. Сомневаюсь, что он может быть разрешен в соответствии с нашим сегодняшним законодательством. Так что же мне остается? Создавать известность какому-то адвокату я не хочу,

как не хочу и привлекать излишнего внимания к вашей персоне. Мне кажется, после этого вы проживете недолго. Слишком много у вас врагов. И это значит, что я опять вас потеряю. Возможно, навсегда.

— Мне вам посочувствовать? — с легкой усмешкой поинтересовался Молибин.

— Ни боже ты мой! — всплеснул руками Карлен Оганезович. — От такого сочувствия у меня только испортится настроение. Я лишь рассуждаю. Мне совсем не улыбается занять место в списке ваших врагов. Тоже перспектива не из приятных, верно? Так что живите. По сути, вы ведь делаете полезное дело, уничтожаете всякую дрянь. Вы своего рода ассенизатор. А золотарь золотаря всегда поймет. Живите, если это можно назвать жизнью. Мне одно ясно: вы ведь уже не человек.

— А кто же я? — Молибин, не мигая, смотрел на оперативника.

— Вы — робот. Робот, запрограммированный на уничтожение преступников.

— Я не робот, — проговорил Молибин. — Я — человек.

— Всмотритесь в себя, дорогой товарищ, и не занимайтесь самообманом. Чего вам еще хочется, кроме того, чтобы убивать, э? Вас тянет к женщинам? У вас есть семья? Вы любите вкусно поесть? Вы ищете на книжных лотках умную книгу? Или, может быть, вы регулярно посещаете театры, выставки? Вы робот, и вы возрождаетесь только для того, чтобы выполнять свою работу. А работа эта заключается в том, чтобы убивать. Вы сами так запрограммировали себя.

— Я не робот, — повторил Молибин. — Я ощущаю душевную боль. У роботов нет души.

— Значит, вы — робот с душой, — сказал оперативник. — В конце концов, мы слишком мало знаем о роботах, чтобы рассуждать о наличии или отсутствии у них

души. Не так ли, Анатолий Николаевич? Я, знаете ли, не Айзек Азимов. Сотня трупов — это все-таки слишком продуктивно для человека, нет?

— А чем вы отличаетесь от меня? — спросил Молибин. — Ищейка, возомнившая себя учителем. Вы-то чем лучше?

— Я не убийца. — Багдасарян прямо смотрел в глаза собеседнику. — Уже то, что я с вами беседую, о чем-то говорит. Мог бы стрелять, э?!

— В попы бы вам, — тоскливо сказал Молибин. — Там со своими нравоучениями вы были бы на месте. А мне и без вас тошно.

Он молчал, раздумывая. Багдасарян заставил его сомневаться. С этой стороны Молибин свой проект никогда не рассматривал. Но вообще-то... «Глупости! — одернул он себя. — А эти адские муки после рождения? Какой робот может переживать боль, сомневаться и мучиться от своей сверхзадачи?»

— Господи! — прошептал он. — Если бы вы знали, через что я прошел!

— Тогда для чего вы возвращаетесь снова и снова? — спросил Багдасарян. — Зачем? Чтобы вновь и вновь оказываться в аду? Ведь вы едете сейчас только для того, чтобы найти и физически стереть с лица земли Минуллу Гиятулина. Но прошло уже десять лет, и все эти десять лет Гиятулин носил в себе тот же ад, что носите вы. Неужели этого срока не достаточно для прощения? Ведь сейчас это не тот убийца, который сидел в зале суда. Он много испытал, много пережил, он стал другим человеком. Справедливо ли стоять над законом? Справедливо ли быть никем не уполномоченным судьей?

— Не знаю, — пожал плечами Молибин. — Разум мой давно все простил им, а вот сердце не хочет прощать. Но как вы догадались?

— После того, как я догадался о главном, — сказал Багдасарян. — Это было уже не самым сложным.

— Тогда что же мне делать? — Молибин посмотрел в глаза сыщику, но тот не отвел взгляда.

— У меня нет рецептов. Наверное, надо вспомнить, что ты человек. И вспомнить, что, кроме смерти, существует жизнь.

— Значит, понять и простить? — тяжело спросил Молибин.

— Можно не понимать. — Багдасарян развел руками. — И прощения у вас никто не вымогает. Просто жизнь продолжается, и в ней надо делать все чистыми руками. В противном случае стирается грань между добром и злом. Бог с ним, с генералом Тикачевым. Полковники-то были при чем? Между прочим, хорошие люди и совершенно не замараны в тикачевских делах. Их-то за что? При чем их семьи? Если бы вы больше доверяли инструменту, который именуется государством... Все могло быть иначе, Анатолий Николаевич. Совсем иначе.

Молибин улегся на своей полке и долго глядел в потолок, где синим огоньком помигивал никак не желающий разгореться плафон. Багдасарян молча пил пиво. В окно выжидающе смотрела черноликая ночь.

— Да, — наконец сказал Молибин. — Все могло быть иначе. Вы правы, Карлен Оганезович, все могло быть совсем по-другому. Если бы я был другим, если бы были другими они, если бы государство было честным и беспристрастным судьей. Но что говорить? Теперь уже ничего не исправить. Мы все такие, какие есть. И другими уже не будем. Впрочем, если вы пожелаете, редактор репликатора я всадил в компьютерную сеть Министерства обороны. Только она обеспечивала надежную связь с Коконами. При известном усердии специалисты обнаружат и нейтрализуют его. Общество избавится от угрозы, а я... — он помолчал

немного, словно сомневаясь в справедливости того, что сейчас скажет, — я обрету наконец покой. Думаю, что такой вариант всех устроит, Карлен Оганезович.

— Только не меня, — возразил Багдасарян. — Мне вы нужны живым. И не просто живым, а творчески дееспособным. Хватит вам прятаться за личиной кровожадного вурдалака, пора вспомнить о своем предназначении на белом свете. Пора жить и работать, Анатолий Николаевич. А то, что вы предложили... Будем считать это за крайний вариант.

— Да вы философ, — усмехнулся Молибин. — Я думал, в вашем ведомстве держат только охотников.

— Философия не профессия, а состояние души. — Багдасарян встал. — Давайте спать, Анатолий Николаевич? У нас обоих впереди трудные дни.

— Вы не беспокойтесь. — Молибин сел, стаскивая рубашку через голову. — Я никуда не побегу. Верите?

— Вот об этом-то я не беспокоюсь, — сказал Багдасарян. — Куда вам бежать? Бежать от жизни — дело безнадежное и нелепое. Вы переодевайтесь, Анатолий Николаевич, я пока схожу к проводнице за бельем.

Сводка наружного наблюдения за 26 сентября 1999 г.

В 18.35 объект, который в дальнейшем будет проходить по сводкам под именем «Серов», принят под наблюдение на платформе железнодорожного вокзала Екатеринбурга при высадке из вагона 8 поезда № 092 Адлер — Новокузнецк. Около вагона в 18.42 «Серов» попрощался с высоким полным мужчиной, которому дано имя «Гуров». В 18.54 «Серов» на такси проследовал в гостиницу «Большой Урал», расположенной по ул. Красноармейская, 1 а,

где поселился в номере 34. Поведение объекта спокойное. После заселения в 19.30 «Серов» поужинал в ресторане гостиницы и возвратился в номер. В ресторане и по пути в номер в контакты ни с кем не вступал. Связь «Гуров» при выходе с вокзала прошел к памятнику воинам Уральского добровольческого танкового корпуса, где в 18.47 сел в автомашину ГАЗ-3101 бежевого цвета, гос. номер В 222 ЕС и проследовал до здания Управления внутренних дел области, в 19.05 оставлен без дальнейшего наблюдения в кабинете 29, принадлежащем начальнику КМ УВД подполковнику милиции Сиротину А.Г. Установлено, что связью «Гуров» является старший оперуполномоченный УУР МВД РФ полковник милиции Багдасарян Карлен Оганезович. С 24.00 наружное наблюдение за объектом осуществлялось в дежурном режиме, перекрывались центральный и аварийный выходы, окно номера и пожарная лестница.

ОПУ УВД

Сводка наружного наблюдения за 27 сентября 1999 г.

07.22 — объект «Серов» принят под наружное наблюдение при выходе из гостиницы «Большой Урал».

ОПУ УВД

Глава одиннадцатая

Озеро Шарташ еще не замерзло. Да и как ему было замерзнуть, если дыхание бабьего лета явственно ощущалось в сентябрьском ветре, сосновый бор, в котором прятался бело-голубой с выцветшими рекламными надписями трамплин, зеленел как никогда, и гранитные глыбы Каменных Палаток напротив МЖК, омытые дождем, глянцево блестели, словно на фотографиях рекламных проспектов.

С высоты вытянутое блюдце озера казалось оловянной лужицей, серо застывшей под синими небесами. Стоял редкий в это время года для Екатеринбурга ясный и погожий день.

Молибин присел на гранитный валун, оглядывая окрестности. Чертов полковник! Этот Багдасарян своими разговорами перевернул всю его душу. До разговора с ним все было простым и ясным. Наркотики — зло, их распространяли нелюди, которым он, Молибин, в восемьдесят девятом году отказал в праве на жизнь. Тем самым он поставил себя вне закона, но ведь и эти сволочи, делающие деньги на людском горе, ставили себя вне закона. Да и закон, казалось, не испытывал большого желания бороться с ними. Десять лет за три погубленных человеческих души! Тогда Молибин счел это насмешкой над справедливостью. И тогда начал творить справедливость сам. В том виде, как ее понимал.

Он печально усмехнулся. Вот уж действительно, боролся с преступностью, не жалея своих жизней. Все казалось правильным и ясным. Он убивал, сокращая тем самым приток зелья, способного взорвать незрелые подростковые души. Но, как выяснилось, то был сизифов труд. Когда полковник в поезде показал ему данные, которые свидетельствовали о том, что наркотические пото-

ки не только не сократились, но с каждым годом начали наращивать свои объемы, Молибину стал очевиден его проигрыш. Он проиграл, и в этом надо было откровенно признаться себе. Полторы сотни чужих смертей и девять его собственных ничего не меняли в сложившемся раскладе. Он просто освобождал места для новых негодяев, которые занимались торговлей с еще большей энергией и бесцеремонностью, чем вычеркнутые им из жизни.

Получалось, что Молибин даром работал на тех, других. Вот такая у него получилась борьба... Чертов полковник!

Черт бы побрал его статистические данные! «А почему я ему должен верить? Только потому, что он представляет собой власть? Но и Тикачев был частицей этой власти. Грязной и опасной частицей».

«Мне наплевать на этого поганого генерала, — сказал в купе Багдасарян. — Рано или поздно, но он получил бы свое. Мне жаль, что это сделали вы. Тем самым вы испачкались в той же самой грязи. Знаете, последнее время я часто листаю Библию. Не оттого, что уверовал, скорее потому, что хочу понять. Вот там сказано, что плод правды в мире сеется у тех, которые хранят мир. А для этого совсем не надо палить из пистолетов в окружающих тебя людей, как бы они ни были тебе антипатичны. Кто-то однажды сказал, что мы должны сделать добро из зла, потому что его больше не из чего делать».

Нет, он умный, этот полковник. Вот почему Молибин ему верил.

Но что же тогда ему остается? Дать благословение на дальнейшую жизнь ублюдку, что лишил жизни его детей и его жену? При мысли об этом Молибина начинало трясти. Нет, полковник, может быть, ты и прав, но у него, Молибина, тоже своя правота. Эта тварь не должна жить на свете. Не должна!

Молибин поднялся с камня. Решительно сел в троллейбус, следующий на Эльмаш.

Последний раз он посмотрит смерти в глаза, последний раз принесет ей очередную жертву. А там будет видно. Будет видно...

С каждой остановкой решимость его таяла. Он вспомнил вдруг умоляющие глаза Шепеля и как тот в волгоградской электричке шептал срывающимся от ужаса голосом: «Не убивай! Не делай этого, не надо!» Но Молибин не мог прислушаться к этому голосу, он не хотел прислушиваться к просьбе убийцы! А если полковник был прав?

Надо что-то решать. Надо делать выбор. Внутренний голос все шептал, что он должен ехать, что все эти сентиментальные слюни не могут отнять у него право на месть, что он должен, обязан во имя невыросших своих детей ехать в Ивдель на встречу с еще ничего не подозревающим Гиятулиным.

Но если полковник был прав? Если его действительно гнало в дорогу не чувство праведной мести, если вела программа, выработавшаяся за десятилетие работы репликатора в чуждой информационной среде? И тогда выходило, что он действительно робот, повинующийся программе, и о свободе личности и выбора вообще не стоит говорить. Но и отказываться от мести, только для того чтобы доказать себе, что не лишен права выбора, глупо.

Чертов полковник! Скорее он походил на демона-искусителя.

Господи!

«Где же правильный ответ на мой вопрос? Что я должен сделать, чтобы почувствовать себя свободным?»

Он долго пересаживался с троллейбуса на троллейбус, не осознавая, что похож на загнанного зверя, что ищет спасения в бегстве.

Он не обращал внимания на людей, и люди не обращали внимания на него. И все-таки надо было что-то решать! Наконец он оказался в центре города. С про-

спекта Ленина спустился на улицу Малышева, добрался до Исторического сквера, расположенного на берегу Исети. Долго бродил среди старых, ставших бессмертными зданий, разглядывал остатки механической фабрики, ворота с фонарями, древние механизмы, плотину из вечных лиственниц. Сколько безвестных зодчих и механиков кануло в вечность, оставив после себя жалкие остатки своих трудов! На Аллее геологоразведчиков в узлах хитросплетений дорожек громоздились каменные глыбы. Они были похожи на надгробные памятники тем, кто когда-то их находил.

«Чертов полковник, — в который раз с отчаянием подумал Молибин и гневно стукнул по перилам ребром ладони. — Он все-таки был прав!»

Молибин встал на плотине, вглядываясь в холодные и прозрачные воды Исети. Надо что-то решать. На поставленный полковником вопрос мог быть лишь один ответ. Сердце его требовало мщения, боль никуда не ушла, даже стала острей. Сердце требовало мщения, но душа жила покоем, что несли вечно текущие воды реки.

Он вглядывался в серебряное движение струй, пытаясь найти ответы на мучающие его вопросы, и в правильном ответе крылся будущий выбор — между жизнью и смертью. Чаши весов, на которых они лежали, находились в равновесии, поэтому выбирать было мучительно тяжело.

Совсем неподалеку от него полковник Багдасарян поднял телефонную трубку.

— Ну, как объект? — спросил он.

— Полдня метался по городу, товарищ полковник, — доложил невидимый собеседник. — Думали, что потеряем его. А сейчас успокоился. Вот уже полтора часа на плотине в Историческом сквере стоит. На воду смотрит.

Багдасарян негромко рассмеялся.

— Это хорошо, — сказал он. — Пусть смотрит. Это вроде кесарева сечения. И тут уж ничего не поделаешь — иногда люди рождаются и так. Но эту истину он должен понять сам. Не снимайте наблюдения, в этих родах нельзя допустить ошибки.

Волгоград, апрель 1999 года

СКУЧНЫЙ ВЕЧЕР НА МАРСЕ

МАРСИАНСКИЙ ДЕКАМЕРОН

1. БУРЯ МГЛОЮ НЕБО КРОЕТ...

В иллюминаторы можно было не смотреть, погода за пластиковой броней жилого купола и так была слышна. Ветер то повизгивал, словно обиженная собака, то набирал басистую угрожающую силу, и легко было представить, как над ржавой поверхностью несется мутная бурая поземка, медленно воздвигая вокруг куполов Поселка мрачные песчаные холмы.

Хорошо, что мотонарты еще с вечера загнали в общий ангар. О надвигающемся буране никто не знал, но рачительный и хозяйственный Степаненко обошел машины, пнул лыжу одной из них и мрачно сказал:

— Це не діло, хлопці! Ховайте ціі хреновины, щоб зустрічь журиться не пришлось!

И вовремя он это сказал: не загнали бы машины в ангар, после бури пришлось бы откапывать из песка, да еще с двигателями и трансмиссией возиться до седьмого пота. И ведь не угадаешь, когда эта чертова буря начнется — атмосферное давление не падает, облачных признаков нет, а что касается семилапок, так им песчаная буря не хуже всего остального: они в любую погоду скачут, а в бурю, пожалуй, еще и резвее, чем обычно.

Международная станция «Альфа-REX» состояла из пяти куполов и основного блока научного центра, соединенных между собой герметичными коридорами с шарооб-

разными отростками кессонных камер, через которые можно было выбраться на поверхность. Ангар примыкал к русско-украинскому блоку, французы, китайцы, англичане и американцы предпочли своей жилой площадью ни с кем не делиться и жили раздельно. Впрочем, деление это через полгода пребывания на станции стало условным, астробиологи, например, объединились во французском куполе, аресологи, не обращая внимания на протесты остальных и грозные распоряжения начальника экспедиции Тима Данна, вообще оборудовали свой жилой закуток в блоке научного центра, только китайцы продолжали жить сплоченным коллективом. Но их можно было понять: у них руководитель был вроде из партработников и замполит у них такой дотошный и въедливый, что многие — и не без оснований — считали его за кадрового разведчика. Ничего необычного в этом не было, в каждой исследовательской группе, без сомнения, имелись свои разведчики. Как говорят французы, а-ля гер, ком а-ля гер! Се ля ви, хлопцы! Это в космосе национальные интересы особого значения не имеют, а на Земле они по-прежнему в приоритете.

На поверхность сейчас мог выбраться только распоследний идиот, поэтому кессонки заблокировали: на случай, если такой идиот все-таки найдется. От метеорологов можно всего ожидать, а уж от физиков — и подавно. Все были изолированы, потому каждый занимался своим делом: кто статистические данные анализировал, кто отчеты наблюдений готовил. А Астахову ничего делать не хотелось. Вот такой у него бзик был — поваляться на постели и почитать Льва Николаевича Толстого. Впрочем, почитать — слишком сильно сказано. За полгода Астахов Толстого в буквальном смысле измусолил бы, да вот только не книга это была, а дискета, и весь Толстой на этой дискете со всеми своими несообразностями умещался. Любимым занятием Астахова было просматривать текст и вылущивать из него перлы наподобие того, что «какие-то

два господина прошли по улице с огнем папиросы во рту». Впрочем, у Льва Николаевича, как и у всякого уважающего себя классика, и похлеще ляпы встречались.

Астахов завалился на койку, натянул на виски рожки дистанционки и совсем уже было предался любимому занятию, когда его бесцеремонно отвлек Саня Цымбаларь. Вообще-то Цымбаларя звали Олексой, но на станции украинизированные имена быстро вернулись к своим русифицированным вариантам. И наоборот, Николая Федорова никто иначе как Мыколой не называл. А Семена Лежнева вообще все и в глаза, и за глаза звали паном Петлюрой.

Саня Цымбаларь выключил астаховскую пэкашку и поинтересовался, куда лентяй и бездельник засунул дискету с отчетом по последней «линзе». Астахов, несколько обиженный подобной бесцеремонностью, со всей прямотой заявил, что никакой дискеты не брал, более того, в глаза не видел, но если уж с кого дискету спрашивать, так это с пана Цымбаларя, поскольку именно он с ней не расставался всю последнюю неделю. Цымбаларь почесал затылок и отправился искать отчет по каютам. Настроение уже было не то, и Астахов с сожалением бросил дистанционку на надувную подушку. Посидев немного на постели, он осознал, что желания работать не прибавилось. Но и валяться без дела было глупо.

Со скуки Астахов пошел по каютам. В каюте у Лежнева он обнаружил еще парочку тунеядцев — Семен Родионович играл в шахматы с Биллом Селлингсом. Судя по виду пана Петлюры, он находился в проигрышном положении, но все еще хорохорился и, как крейсер «Варяг», шел ко дну под гордо развевающимся флагом. Увидев Астахова, Семен Родионович нехорошо обрадовался и с радостным возгласом: «А вот наш Боренька пришел, сейчас он нам расскажет что-нибудь интересненькое!» — быстро смешал фигуры на доске.

— How are you? — вежливо поинтересовался Селлингс и покивал Лежневу. — You made the same boobo, Samuel! Но, — он поднял палец, — я есть сог-гласен!

Учитывая, что великодушный Селлингс благородно согласился на ничью, Лежнев добровольно отправился за соком. Астахов сел на его место и задумчиво посмотрел в иллюминатор. За прозрачной броней стояла бурая мгла, больше ни черта не было видно.

— Это будет долго, Борья, — сказал Селлингс. — Ж-жаль. Вся программа недельи к шорту!

— Моя тоже, — уныло кивнул Астахов, играя шахматной фигуркой.

В каюту заглянул Олекса Цымбаларь, поинтересовался, не видел ли кто из присутствующих дискету с отчетом по последней «линзе», заметил Астахова, не стал дожидаться ответа и прикрыл за собой дверь. И правильно сделал — Астахов уже готов был достойно ответить, где он дискету с этим отчетом видел и где пан Цымбаларь ее может найти.

— Людьи работ-тают, — печально сказал Селлингс.

— Люди придуряются, — возразил Борис. — Он уже полдня этот отчет ищет и найти не может.

— «Ль-инза» — это... как сказать будет... интерь-есно, — по-прежнему печально продолжил Селлингс. — Есть чем голову сломать, вы мьеня понимаете, Борь-ис?

Астахов Селлингса понимал. Проблемы, связанные с «линзами», действительно были интересными. Никто не мог понять, почему «линзы» залегают в почве планеты столь неравномерно. Как будто кто-то взял и собрал всю воду в эти компактные чечевицы, а затем разместил их по магнитным линиям. Но вот ведь какая ерунда получалась: там, где, по расчетам, «линза» должна была быть, ее не оказывалось, а там, где ее заведомо быть не могло, эта ледяная чечевица обнаруживалась самым наглым образом. И плевать ей было на все расчеты хохла Олексы

Цымбаларя и рафинированного француза Шарля де Лавальера!

Помяни черта...

В каюту вновь заглянул Цымбаларь, задумчиво оглядел присутствующих и, пробормотав: «Здесь я уже был», закрыл за собой дверь.

— Ищет, — подмигнул Селлингсу Астахов. — Вчерашний день он ищет, он эту дискету еще с вечера в пэкашке Федорова оставил.

— Это есть неправильно, Борь-ис, — мягко упрекнул Селлингс. — Вы нужны сказать ему... э-э-э... мьесто.

— А вот не будет пользоваться чужими компьютерами, — мстительно заявил Астахов, но, не выдержав укоризненного взгляда американца, пожаловался: — Скучно, Билл...

— Скучьно, — согласно покивал Селлингс. — Дьел столько, а погода... — И Селлингс тоскливо посмотрел в иллюминатор, прозрачную броню которого лизали бурые языки взвихренного песка.

Они помолчали. Молчание уже становилось тягостным, но тут дверь каюты распахнулась, и вошел Лежнев с пакетами консервированного сока.

— Скучаете? — поинтересовался он. — Боречка, ты бы рассказал что-нибудь веселенькое. Ты же можешь, я знаю!

Астахов подумал.

— Ладно, — согласился он. — Давайте я вам про вторую Лунную расскажу. Я еще не рассказывал эту историю?

— Которую? — переспросил Лежнев. — Ты про эту вторую Лунную столько рассказывал...

— Про вымпел, — уточнил Борис.

— Про вымпел я не слышал. — Пан Петлюра откупорил пакеты, сунул в отверстия соломинки и почти торжественно вручил собеседникам.

Астахов потянул из трубочки сок. Сок оказался ябложным и прохладным. Он немного щипал язык своей

кисловатостью, но это было все же лучше, чем приторная сладость.

— В сорок шестом это было, — начал Борис свое повествование. — Если помните, базу тогда смонтировали в кратере Арзахель. Мудрить особо не стали, лазерами проплавили туннели в базальте, облицевали их пластиком, кессон-камеры и люки понадежнее поставили, получилось, как говорится, дешево и сердито. А чтобы электроэнергии на все хватало, решили гелиостанцию смонтировать рядом с кратером. Ну и устроили субботник. Так сказать, День подсобного работника.

Выгнали всех, даже сам начальник экспедиции Клайв Расс решил людей личным примером вдохновить. Надо сказать, вкалывал он не хуже других, будь здоров, как вкалывал! А командовал еще хлеще!

И вот на южном склоне, где резервные батареи монтировали, натыкается он на непонятные металлические кружочки явно искусственного происхождения. Шум, конечно, на всю Луну, Расс никого к этим кружочкам не подпускает, требует, пусть сначала все на видеокамеру отснимут, кружочки эти блестящие лунной пылью припудрены, значит, без обману все, естественно, не подкинул никто ничего, и кружочки до появления работников на поверхности нашего спутника лежали.

Притащили видеокамеру, засняли. Расс как первооткрыватель торжественно наклоняется, поднимает один из кружочков и под объективом видеокамеры начинает его разглядывать. И тут мы даже сквозь светофильтры видим, как физиономия нашего начальника становится багровой. И есть отчего — почти столетие считалось, что на Луну первыми высадились американцы на «Аполлоне», а тут такой конфуз — на металлическом вымпеле выбит герб нацистской Германии, свастика, ихний вождь Гитлер в профиль, надпись «Deutschland — über alles!», а главное — дата: одна тысяча девятьсот тридцать четвертый год!

— Помню, — сказал Лежнев. — Большой скандал тогда вышел! Шума было много. Брауна вспомнили, его ракеты, даже байку раскопали, что в сорок втором на полигоне немецком запуск первой ракеты с космонавтом на борту состоялся. А раз так, то простой запуск мог еще раньше быть!

— Это есть пропаганда, — погрозил пальцем Селлингс. — Pablisiti!

— С чего бы мне, русскому, немцев рекламировать? — удивился Астахов. — Я бы тогда лучше хохлам все припи-сал. Мол, на вымпеле Степан Бандера, галушка и надпись «Хай живе рідна ненька Украйна!». А первый вымпел на Луну русские отправили, еще когда мы с хохлами одним Советским Союзом были!

— Ты лучше скажи, чем вся эта история закончилась, — попросил Лежнев. — Я же знаю, что это потом не подтвердилось!

— Подтвердилось, — заверил его Астахов. — Еще как подтвердилось. Только совсем не то, что вы думаете. Дотошные журналисты раскопали, что в две тысячи тридцать четвертом году одному из состоятельных неонацистов пришла в голову идея отметить столетие со дня основания Великого Рейха. Вбухал он в эту идею кучу денег, запустил в космос «лунник» под видом спутника связи, а все остальное решил оставить на откуп потомкам. Пусть, мол, они акценты над приоритетами проставят!

Селлингс захохотал и погрозил пальцем Астахову. Борис расплылся в простецкой улыбке и развел руками — мол, за что купил, за то и продаю!

— Я всегда говорил, — авторитетно заявил Лежнев, — для самых таинственных историй имеется простейшее объяснение. Но история хорошая.

— Best, — подтвердил Селлингс и показал большой палец.

Лежнев откинулся в кресле и некоторое время задумчиво сосал через трубочку сок.

— Я вот что думаю, мужики, — наконец сказал он. — Сколько эта погодка держаться будет, одному Марсу известно. А не устроить ли нам, господа-товарищи, конкурс на лучшую историю? С условием, чтобы она была из жизни рассказчика, чтобы в ней присутствовала тайна и у этой тайны было в конце реалистическое объяснение, а?

— Мысль неплохая, — кивнул Астахов. — Но невыполнимая. Тим не поддержит. Скажет, что нужно делом заниматься, а не языки чесать.

— Че-сать? — удивился Селлингс. — Зачь-ем?

— Ну вот видишь, — сказал Астахов. — Даже Билл нас не понимает, как это можно чесать языки, когда надо работать!

Селлингс наконец понял и радостно замахал руками.

— Ney, ney, — вскричал он. — I'll do my best to help you!

— Если идею одобряют трое, то она вполне выполнима, — упрямо сказал Лежнев. — Главное, подойти к ней с нужного конца...

В каюту вновь заглянул потерянный Цымбаларь.

— Олекса! — радостно вскричал Лежнев. — Иди сюда, Шурик! Дело есть!

— Материалы по последней «линзе» найти не могу, — озабоченно сказал Цымбаларь. — Ты не видел дискеты, Сема? Она еще с оранжевой такой наклеечкой...

— Не видел я твоей дискеты, — отмахнулся Лежнев. — Мы вот тут конкурс задумали на лучшего рассказчика. Как тебе наша идея?

Цымбаларь некоторое время смотрел на него.

— Понял, — наконец кивнул он. — Научную конференцию задумали провести? Давно пора. Я тоже с докладом по «линзам» выступлю.

Селлингс радостно захохотал.

— Брысь! — презрительно фыркнул Лежнев. — Сгинь с глаз моих, потомок Кия и Щека! Нет в тебе полета свободной мысли! Я ему про отдых души, а он... Иди, Шурик, иди!

Цымбаларь вышел, но через секунду снова заглянул в каюту.

— Так я не понял, — сказал он. — О чем вы на конференции говорить хотите?

Селлингс весело сполз с кресла. Астахов подавился соком. Лежнев швырнул в Цымбаларя шахматным конем. Голова Олексы исчезла.

— И чтоб я тебя больше никогда не видел! — запоздало вскричал Семен Лежнев. — Я-то думал, все психи на Земле остались!

К обеду идея выкристаллизовалась настолько, что обрела форму плаката, который Селлингс и Лежнев торжественно повесили в общей столовой. Текст был сделан на английском и русском языках.

КОНКУРС
на лучшую историю из жизни
Невероятные события с реалистическими объяснениями
ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ
ГЛАВНЫЙ ПРИЗ — БУТЫЛКА ОТЛИЧНОГО КОНЬЯКА

У плаката немедленно собрались любопытствующие.

— Это уже не смешно, — сказал Мыкола Свиристюк. На этот раз говорил он по-английски, чтобы было понятно всем. — Нет, я не спорю, идея неплохая, но зачем над людьми издеваться? Где жюри возьмет бутылку коньяка? Да еще отличного!

— Фирма гарантирует, — загадочно произнес Семен Лежнев. — Горилки з перцем не обещаю, а коньяк будет настоящий.

После этого заявления пана Петлюры, да еще сделанного при таком количестве свидетелей, идея обрела плоть. И правда, хорошо сидеть в теплой и уютной столовой,

слушать удивительные истории, когда за стенами свистит ветер, несется ржавая поземка, поднимающаяся почти до звезд, и температура на поверхности планеты падает до минус семидесяти градусов по Цельсию.

2. ЗЕРКАЛО НА МЕРКУРИИ

Видно было, что Кобуясима волнуется. А чему здесь удивляться?

Первому всегда труднее, чем тем, кто идет следом.

Японец то и дело приглаживал темные волосы и прикладывался к пакету с соком. В столовой собрались почти все, даже Тим Данн явился, хотя сразу же высказался в том плане, что идею он в принципе одобряет, но возражает против алкогольного приза. По его мнению, настоящий ученый не может туманить свою голову алкоголем, это всегда сказывается на умственных способностях. Гленн Патрик мечтательно потянулся на стуле и сказал, что добрый стаканчик еще никому не мешал, известно же, что даже Эйнштейн коньячком с удовольствием баловался, и первые космонавты на орбитальных околоземных станциях этим полезным напитком не пренебрегали, и даже президент Ричард Фостер о нем отзывается очень даже положительно.

В спор стали включаться и другие участники экспедиции, постепенно образовалось два лагеря, различно относившихся к коньячному призу Лежнева, но весьма скоро выяснилось, что в основном спор идет о том, есть ли у пана Петлюры коньяк или же он нагло блефует. Одни требовали, чтобы Лежнев подтвердил существование бутылки и доказательственно выставил приз на стол, другие возражали и настаивали, чтобы тайна оставалась тайной, иначе потеряется вся прелесть задуманного конкурса.

Японец с импровизированной сцены робко кашлял, стараясь привлечь к себе внимание. Наконец спорщики на него свое внимание обратили и принялись чинно рассаживаться вокруг.

— Давай, давай, — подбодрил японца Лежнев. — Не слушай ты этих болтунов. Тебе, Фудзи, что нужно, коньяк или все-таки историю рассказать хочется?

По внешнему виду и поведению видно было, что Фудзи Кобуясиме хочется и того, и другого.

— Было это на Меркурии, — начал японец. — В шестьдесят пятом году. Все вы, господа, помните эту экспедицию, организованную КОСМОНАСКА.

— А разве в ней японцы участвовали? — засомневался космобиолог Ким Сен Ир.

На китайца яростно зашикали: не мешай, коммуняка, японцу рассказывать, потом, если будут вопросы, задашь! Ким Сен Ир откинулся в кресле, саркастически улыбаясь: мол, давай, воздвигай из малых песчинок лжи гору обмана!

— Тогда я имел штатовское подданство, — осторожно пояснил Кобуясима и улыбнулся, отчего сразу стал похож на раскосого суслика. — На Родину я вернулся уже после этой экспедиции.

— Реэмигрант, — понимающе закивал Будрис Липенайтис. — Я всегда говорил, что рано или поздно, но зов Родины услышит каждый, кто живет на чужбине.

— Конечно, услышит! — поддакнул Моисей Симанович. — Зов Родины мои папа и мама услышали в двадцать втором, а теперь этот зов и меня в Иерусалиме достает уже второй год. Прямо не знаю — ехать или не ехать?

— Ты, Моисей, помалкивай, — повернулся к нему Лежнев. — Тебя не Россия, тебя Украина зовет. Я же знаю, что твои родители в Одессе жили.

— У каждого уважающего себя еврея, предки которого жили в Советском Союзе, одна Родина, — гордо возразил

Симанович. — И столица нашей Родины — Москва. В остальных городах нормальному еврею жить скучно.

В начавшийся спор азартно включился американский исследователь Тим Даруотер, который на поверку оказался чистокровным индейцем чероки, и высказал свое недоумение тем, что зова не слышат оккупировавшие его Родину англосаксы, иначе бы они давно уже реэмигрировали на свою историческую вотчину. И вообще what about?..

— Господа, господа, — вмешался в дискуссию де Лавальер. — Давайте все-таки дослушаем уважаемого обитателя Страны восходящего солнца.

Кобуясима с благодарностью покивал ему и с нескрываемым осуждением оглядел присутствующих.

— Так вот, — сказал он, — с вашего разрешения я продолжу, господа.

Как я говорил, дело было в шестьдесят пятом году. Экспедиция находилась на Меркурии уже четыре недели, когда уважаемый Михаил Оганесян открыл ртутное зеркало в ущелье уважаемого доктора Заммердинкера. Кто был на Меркурии, тот никогда не забудет Сумеречного Пояса и цепи пещер, что тянется вдоль хребта Черенкова. Это, господа, очень красивое зрелище и вместе с тем — жутковатое. Буквально рядом кипит почва, легкие металлы собираются на поверхности. Разноцветными, словно мыльная вода, озерами они частично испаряются, и над озерами даже образуется некоторое подобие атмосферы.

У меня это была первая экспедиция в космос. За год до нее я женился на прекрасной девушке по имени Оринари. Ей было двадцать лет, и мы познакомились в маленьком уютном кафе на вершине Фудзиямы. Было время цветения сакуры...

— Он нам всю свою жизнь хочет рассказать, — саркастически ухмыльнулся Ким Сен Ир. — Пусть лучше скажет, какое отношение его девушка имеет к рассказываемой истории!

— Самое непосредственное, — с достоинством сказал Кобуясима. — Можете поверить мне на слово, уважаемые господа. Я бы никогда не стал рассказывать о своей Оринари, если бы моя история не имела к ней отношения. Каждый мужчина в глубине своей души гордый самурай, он никогда не станет впутывать любимую женщину в историю, которая ее совершенно не касается. Он лучше сделает себе харакири.

— Дайте ему рассказать! — крикнули из задних рядов. — А Киму заткните рот, иначе он нам весь конкурс сорвет! Продолжай, Фудзи. Никто меркурианского зеркала в глаза не видел, только статьи да рефераты о нем в научных журналах читали!

Кобуясима благодарно приложил руки к груди.

— Так вот, уважаемые господа. На Меркурий я летел, будучи молодоженом, и очень скучал о своей Оринари, которая осталась на Земле одна и, как я думал и надеялся, в свою очередь, очень скучала обо мне.

Зеркало, которое обнаружил всеми уважаемый Михаил Оганесян, представляло собой мембрану, которая своей серебряной поверхностью разделяла освещенную светилом поверхность и Сумеречную зону. Трудно было сказать, за счет чего оно держалось в овальном проеме скал, это потом уже уважаемый доктор Заммердинкер подробно исследовал его природу и любезно поделился своими догадками в «Нью космик ревю», а тогда все мы были поражены открывшимся глазу фантастическим зрелищем. Представьте себе оплавленные, обуглившиеся под лучами палящего солнца скалы, словно служащие оправой для гигантского зеркала, а в зеркале гротескно отражаются камни, звездное небо и люди, которые к этому зеркалу подходят. Оно было около мили в высоту, футов четырехсот в ширину и издали напоминало фантастический лаз в пустоту, проход в темные миры. Лишь только приблизившись, вы обнаруживали гигантское зеркало, отражающее в увеличенном виде все находящееся перед ним.

И вот это Зеркало, господа, подарило мне однажды космический стыд. В тот день мы с доктором Заммердинкером проводили съемку близ Зеркала, и эта наша съемка немедленно транслировалась на Землю, мы очень желали, чтобы грандиозные открытия, сделанные нами, не пропали, если экспедиция погибнет по нелепой случайности на обратном пути. Все вы знаете, что и космические корабли, и люди, в них летящие, всего лишь песчинки. И, если говорить честно, нам хотелось утвердить свой приоритет и доказать, что Земля не зря вкладывает деньги в освоение космоса. Думаю, каждый из сидящих сейчас здесь понимает наши чувства.

И вот, когда прямая трансляция на Землю была в самом разгаре, Зеркало начало показывать. Да, господа, оно начало показывать картины, которые не имели никакого отношения к унылым пейзажам Меркурия!

— Помню, — мечтательно протянул Фокс Трентелл. — Такие картиночки оно тогда продемонстрировало!

Кобуясима залился краской.

— Да, уважаемые господа, — сказал он. — Вначале все окрасилось в красный цвет, и мы увидели бесконечную пустыню в лучах закатного солнца. Прямо в закат уезжали трое всадников на лошадях. Они были мужественными и выглядели очень усталыми, словно только что закончили тяжелую работу или героически схватились со своими врагами и едва не потерпели поражение. По их лицам было видно, что всадники еще молоды, но уже исполнены опыта.

— Так это ж из классики! — проснулся Николай Федоров. — Я в детстве по стерео раз пять смотрел! Точно, «Приключения неуловимых»!

— Уважаемый Мыкола-сан ошибается, — с горьким достоинством поправил Кобуясима. — Это были заключительные кадры из героического японского фильма «Красные самураи».

— Откуда в Японии красные самураи? — удивился Ким Сен Ир. — Белые они всегда были! Товарищ Мао верно заметил...

— Ах, отстаньте вы со своим товарищем Мао, — закричал кто-то звонко из последних рядов. — Дайте же наконец рассказать Фудзи свою историю!

Кобуясима поклонился:

— Благодарю. Так вот, мы все молча смотрели на красных от крови самураев, гордо уезжающих в закат. И в это время что-то в Зеркале изменилось, оно словно бы закипело, потом в этом странном кипении начала медленно проявляться какая-то картина, но когда она проявилась... — Кобуясима судорожно вздохнул. — Когда картина сделалась совсем четкой, господа, я увидел свою молодую супругу. Оринари, сидя, как того требовал древний обычай, занималась любовью с господином Ихонотаямой, нашим соседом, которого я хорошо знал. От стыда я едва не покончил с собой, но меня удержал уважаемый доктор Заммердинкер, который рассказал мне несколько историй из своей бурной юности.

Позднее психографисты, входившие в нашу экспедицию, объяснили мне, что ничего подобного в действительности не происходило. Все эти картины явились следствием отражения Зеркалом образов, возникавших в моем сознании. Моя несравненная Оринари была по-прежнему верна мне, а господин Ихонотаяма не входил в нашу гостиную и не снимал свои гэта перед семейной постелью дома Кобуясима. — Японец на мгновение прикрыл глаза рукой, но нашел в себе мужество и продолжил: — Тем не менее все, что демонстрировалось Зеркалом, видела вся Земля. Я не смог найти оправдания своей ревности, и мы с Оринари расстались. И вот что интересно, господа, — ни разу после того Зеркало не продемонстрировало ни одной картины, сколько бы наблюдений за ним ни велось. Возможно, что единственный раз молекуляр-

ные колебания Зеркала и микролептонное излучение человеческого мозга вошли в резонанс. Однако все закончилось полным конфузом и привело к разрушению моей семьи.

Сутулясь и шаркая, японец сошел с импровизированной сцены. Видимо, воспоминания расстроили Кобуясиму, потому что в зале столовой он не задержался.

Фокс Трентелл склонился к уху Астахова.

— Я тебе все расскажу до конца, Борис, — шепнул он. — Знал я эту самую Оринари, она сейчас поет в ресторане Маэды на склоне Фудзиямы. И знаешь, что она мне рассказала? Ах, Фокс, говорит она мне, ваш проклятый Космос лишил меня семьи. Мой Фудзи был на Меркурии, когда ко мне в гости зашел наш сосед, уважаемый всеми господин Ихонотаяма. Мы выпили сакэ, потом мартини, потом он научил меня делать двойной «дайкири» и так незаметно склонил меня заняться любовью. И в это время по стереовизору стали показывать Меркурий, это самое Зеркало, и я сказала господину Ихонотаяме: «Смотрите, Седзи, видите, где сейчас находится мой муж?» Сердце мое преисполнилось гордостью за моего Фудзи, и в это время Зеркало начало показывать то, как мы с господином Ихонотаямой занимаемся любовью! Господи, ну почему этот Меркурий так далеко? Я бы разбила это Зеркало! Оно сломало мою семейную жизнь!

— Так, выходит, это были не воображаемые картины, подсказанные Меркурианскому Зеркалу ревностью Фудзи Кобуясимы? — удивленно переспросил Борис Астахов. — Значит, Зеркало показывало то, что и в самом деле происходило на Земле?

Фокс Трентелл хитро и многозначительно усмехнулся:

— О, Борис! Ну что мы знаем о безграничных возможностях Вселенной?

3. АСТЕРОИД, РОБОТЫ И АЗАРТ

Некоторое время народ в столовой рассуждал и спорил о загадках Космоса и превратностях любви, поэтому никто не заметил, как на импровизированную трибуну вылез невысокий смуглый итальянец. Звали его Луиджи Пазолини, и был он кибернетистом-системщиком. На нем лежала ответственность за всю кибернетику базы, но Луиджи с хозяйством неплохо справлялся, не иначе святой Януарий помогал.

Пазолини оглядел присутствующих и сказал:

— Все вы, господа, знаете, какая это пагубная страсть — играть в карты.

Публика разразилась смешками и аплодисментами.

Пазолини вскинул руки над головой и подождал, пока шум в помещении стихнет.

— Однако и вы, господа, не подозреваете, каким страшным бедствием оказывается азарт в Глубоком Космосе. В шестьдесят втором я был высажен на астероид Гемоксен для проведения исследовательских работ. Правительство наше слишком бедно, чтобы позволить себе комплексную и оснащенную экспедицию. И, как следствие, на астероид я высадился в полном одиночестве, если, конечно, не считать робота Аристарха. Робот этот был из серии тех самых человекоподобных машин, от которых впоследствии КОСМОНАСА отказалась, но мне досталось испить горькую чашу общения с этой машиной до самого дна. Клянусь, если был бы жив великий Данте Алигьери, он, несомненно, посвятил бы нам с Аристархом душераздирающую поэму. Но, к сожалению или к счастью, великий Данте умер, и обо всем происшедшем на астероиде Гемоксен вы можете узнать лишь из моего рассказа. Поэтому призываю всех быть внимательнее. Некоторые полагают итальянцев несерьезными, возможно, так оно и есть, но то, что я вам сейчас расскажу, было на самом

деле и, клянусь тиарой Римского Папы, доставило мне много неприятных минут.

Нет, поначалу все шло хорошо. Я занимался своими делами, робот днями пропадал на поверхности астероида, брал пробы, бурил скважины, проводил химические и спектральные анализы, вел наблюдения за силовыми полями астероида — в общем, делал то, что и полагается делать не обремененному душой и не отягощенному верой в Бога роботу. Аристарху в отличие от меня не надо было в конце каждой недели сидеть перед автоматическим отпускателем грехов и думать, не согрешил ли ты в эту неделю хотя бы мысленно.

Вечерами мы с Аристархом сидели в жилом куполе на трех человек, я пил пиво, а робот занимался мелким саморемонтом и подзаряжался электричеством.

Скука на астероиде была неимоверная, компьютерные художественные программы мне быстро надоели, связь с Землей осуществлялась раз в три дня, поэтому вечерами я играл с компьютером в карты. В основном — в преферанс. Каждый, кто играл с компьютером, знает, какая это мука — играть в карты без заранее обусловленных ставок. Это все равно что ловить рыбу в аквариуме, где сидят несколько аквалангистов, готовых насаживать на твой крючок рыбок покрупнее.

Только из-за скуки, господа, я принялся обучать Аристарха игре в карты. Третьим партнером у нас был компьютер — благо что манипуляторы у этой модели имелись. Поначалу я у своих автоматических партнеров постоянно выигрывал. Роботы сильны логикой, а в картах важна не столько логика, сколько способность человека к блефу. Ну разве может робот объявить мизер при червовом валете, которого невозможно сбросить? Или сыграть бескозырку, рискуя не получить ни одной взятки? Неудивительно, что я постоянно выигрывал у Аристарха, заставляя робота исполнять мои нехитрые желания. Однако я был доволен. Теперь я видел некоторый смысл в томительных

вечерах на бешено несущемся в космическую бездну астероиде.

И вот в один из вечеров, когда я нагло объявил взятки на червях, большая часть из которых находилась на руках у Аристарха, робот замигал лампочками, уставился на меня линзами окуляров и принялся мудро покачивать своей круглой металлической башкой. Казалось, что до него стала доходить моя карточная стратегия, но я, к сожалению, был слишком самоуверен и не обратил на эти покачивания никакого внимания.

В следующей партии Аристарх у меня выиграл. И как! Я не поверил своим глазам. Дважды он оставил меня без трех, потом без двух взяток и закончил великолепным мизером, где умудрился всучить мне червовую десятку, на которую он просто обязан был взять свое.

Время от времени мы с ним продолжали обыгрывать бортовой компьютер, но удовольствия от этого я не испытывал, ведь компьютер не пошлешь в хранилище за жестянкой пива. Что испытывал при этом Аристарх, я сказать затрудняюсь, но лампочки на его панцире начинали бегать живее, а два раза я даже мог поклясться, что слышу, как довольно поют его трансформаторы.

И наконец стал проигрывать я! Святая дева Мария! Я проигрывал двум жестяным банкам, вы представляете это, господа?

Вы скажете, что две жестянки не могут договориться между собой играть против человека. Я тоже всегда так думал. Но они выигрывали у меня. Свои желания мы с Аристархом записывали на листок бумаги и запечатывали в конверт, что придавало игре дополнительный азарт. Чаще других конверты приходилось вскрывать Аристарху, но вот наконец выпал черный день и на мою долю. Вскрыв конверт, я обнаружил, что по желанию Аристарха обязан прошприцевать горячим маслом его шарообразные суставы. И не надо смеяться, господа! Вы просто не знаете, какая это муторная работа! Карточный долг — долг чести.

Остаток вечера я провел за техобслуживанием Аристарха, и, клянусь святым Айзеком, роботу это понравилось. Вы смеетесь, а мне тогда было не до шуток. Одержимый азартом, я всецело отдался игре. Работа была забыта. Теперь мы играли днем и даже пропустили из-за игры очередной сеанс связи с Землей. Это несколько отрезвило меня, и работы возобновились. Но вечера! Они всецело были отданы азартной игре. Я выигрывал все реже и реже.

Желания Аристарха постепенно менялись. Теперь я уже выходил на поверхность и бурил скважины, брал образцы, проводил необходимые анализы, в то время как Аристарх оставался под куполом. Одному Богу известно, чем он занимался там в мое отсутствие. Постепенно я проигрывал все больше и больше. Теперь у меня не оставалось времени ни на что, кроме обслуживания Аристарха, почесывания его темени и пяток переменным током или надраивания титанового корпуса до немыслимого блеска. Иногда он заставлял меня увеличить память бортовому компьютеру или пройтись над схемой теплым воздухом из пылесоса. Все рабочее время я проводил на поверхности астероида, выполняя работы за Аристарха. Что вы хотите, господа, карточный долг — долг чести! Я вкалывал, как святой Варфоломей! Хуже! Пожалуй, даже сам Господь так не напрягался в свои шесть дней сотворения мира!

Челнок прилетел за мной, когда я работал на поверхности. В купол они вошли без меня, я еще только пробирался к своей базе.

Командир челнока Николо Андреотти потом говорил мне, что он долго и с изумлением разглядывал Аристарха, который, лежа на моей постели, смотрел на экране компьютера художественный фильм «Роботы Белой Зари» и время от времени заливал в головной штуцер немножечко смазки, которая была налита в жестянку из-под пива.

— Ты хоть потом разобрался, за счет чего он у тебя выигрывал, Луиджи? — поинтересовался Лежнев.

Итальянец горестно засмеялся.

— Конечно, разобрался, — кивнул он. — Все было до идиотизма просто. Он поставил себе и компьютеру модемы, поэтому знал все карты, которые были у того на руках!

— Действительно просто! — кивнул Лежнев. — Я даже не удивлюсь, если он действительно смотрел фильм. Но вот масло в штуцер... Признайся, Луиджи, с маслом в пивной банке ты все же немножечко переборщил!

— Но это же не я! — экспансивно всплеснул руками итальянец. — Я сам это знаю со слов Андреотти! Желающие могут уточнить у него.

— Это мы можем узнать только на Земле, — задумчиво сказал Лежнев.

— Вести переговоры по радио... Нас на смех поднимут, если мы на всю Систему начнем интересоваться, действительно ли робот Аристарх на астероиде Гемоксен смаковал масло из пивной банки!

— Кстати, — вмешался Фокс Трентелл. — А где он сейчас, этот Аристарх, Луиджи?

Пазолини покраснел:

— Я слишком много проиграл ему. Пришлось мне выкупать робота. Сами знаете, карточный долг — долг чести! Теперь он живет у меня в Санта-Чинелли, присматривает за домом, гуляет с детьми и собакой, а в свободное время посещает карточный клуб «Семерка пик».

— Играет? — полюбопытствовал Лежнев.

— Вы не поверите. — Итальянец вздохнул. — Обычно они играют на пару с компьютером, который согласно желанию Аристарха мне тоже пришлось выкупить. Вместе они непобедимы. Они уже стали почетными членами клуба и теперь тренируются, чтобы успешно выступить на очередном чемпионате мира!

Лежнев покачал головой и оглядел окружающих.

— Желающие выйти на сцену есть? — спросил он.

Моисей Симанович решительно поднялся со своего места.

— Только без арабов! — решительно предупредил Астахов.

Борис наслаждался происходящим. С началом конкурса его безделье становилось как бы официальным, и можно было не опасаться укоризненных взглядов товарищей и начальства. Астахов даже ворот комбинезона распустил, чтобы дышалось легче.

Симанович фыркнул и встал на место, приготовленное для рассказчиков.

— Слава Иегове, поклонники Ясира Арафата пока еще в Космос не летают. Они ему на Земле поклоняются, — проворчал он. — Вот уж действительно, кого хочет покарать Господь, у того он отбирает разум! С вашего позволения, господа, я буду рассказывать не о себе. За всю мою не слишком долгую жизнь со мной, слава Иегове, ничего странного и нуждающегося в рациональных объяснениях не происходило. А вот с моим дядей...

Симанович задумался, и было видно, что думает он сейчас не о том, как бы покрасивше соврать, а о том, как начать свой рассказ о дяде.

4. ОБМАНУТЫЙ САТАНА

— Мой дядя, Меир Фенхель, был лихим космонавтом, — начал Симанович. — Родись он в суровые двадцатые годы прошлого столетия, дядя, несомненно, стал бы комиссаром в пыльном шлеме и кожаной куртке, но, увы, жизнь не дала дяде такого шанса, и он родился в благополучной семье еврея-ашкенази в кибуце имени Голды Меир на севере Израиля. С детства он привык бороться с трудностями, поэтому сразу после совершеннолетия дядя эмигрировал в Соединенные Штаты, где поступил, ко всеобщему удивлению родственников и материнскому горю, в

известную Школу астронавтики, которую создала во Флориде КОСМОНАСА.

Разумеется, что школу он окончил с отличием. Удивляться тут нечему: Ротшильду и Рокфеллеру Господь дал мозги, Моше Даяну — воинскую доблесть, а Меир Фенхель получил от него то, что евреям давалось редко и по субботним дням — отвагу. Причем отваги Господь отсыпал Меиру Фенхелю столько, что ее хватило бы на весь кибуц, но жители его в день рождения Фенхеля стояли в очереди за хитростью и коммерческой сметкой, поэтому вся благодать свалилась на голову маленького Меира.

Два учебных орбитальных полета с русскими, еще один — с американцами, и юного Меира заметили и даже стали приглашать в многонациональные экспедиции, благо к своему основному достоинству Фенхелю досталось от Бога умение ладить с людьми. А вы знаете, какое это трудное занятие. Кто не знает, может попробовать договориться с ливанским арабом по очереди стрелять из автомата и убедить его, что первым стрелять должны именно вы. Так вот, Меир Фенхель был способен даже на это.

Настал день, когда дядя отправился на Венеру. Делать там, конечно, было нечего и гешефт от Венеры был сомнительным, но Меира Фенхеля подогревало то, что он будет первым евреем, которому предстояло ступить на поверхность Богини Любви. Женщин он в своей жизни покорил достаточно, теперь захотелось покорить планету.

Вот это тщеславное желание едва не сгубило дядю. Было это в пятьдесят четвертом году, был год беспокойного Солнца, и протуберанцы едва не лизали Меркурий. Это и привело к тому, что импульсный планетолет дяди потерпел аварию и начал свое движение по роковой спирали, в центре которой находилось Солнце.

Любой русский и любой американец, несомненно, в этой ситуации опустили бы руки, но Меир Фенхель привык бороться до последнего.

Надо честно сказать, что шансы на спасение у него были мизерными.

Такие шансы на спасение могли быть у раввина, который тайно высадился на побережье Саудовской Аравии, но разве этот грустный факт мог заставить дядю опустить руки? Кто думает так, просто не знает Меира Фенхеля! Не буду вдаваться в технические подробности, ибо они отнимут у нас довольно много времени, скажу только одно: древние астрономы были правы и близ нашего светила вращается еще одна маленькая планетка, которая, подобно Меркурию, постоянно обращена к Солнцу одной своей стороной. Дядя назвал ее Вельзевулом и, к сожалению, не ошибся.

Думать о спасении планетолета не приходилось, и дядя покинул его на небольшом челноке. Некоторые из вас назовут Меира Фенхеля сумасшедшим — и будут правы, ибо отвага чаще всего предполагает полное отсутствие мозгов. Не скажу, что мой дядя был абсолютно лишен серого вещества, но его поступок в свое время произвел впечатление и на меня.

Итак, Меир Фенхель подал сигнал бедствия, указал будущим спасателям свои координаты и покинул обреченный планетолет на небольшом челноке. С огромными техническими трудностями, в которые сейчас тоже не стоит вникать, Меир приземлился на неосвещенной стороне планетки и в ожидании спасателей решил заняться некоторыми исследованиями. Мало ли чего можно найти на необитаемой планете! А хорошая пригоршня алмазов или других драгоценных камней Меиру Фенхелю помешать не могла, как не могла она помешать любому из нас. Если кто-нибудь думает иначе, может мне отдать все жалованье, которое ему причитается за пребывание на Марсе.

Гулять по планете, которая едва не купается в солнечной плазме, удовольствие маленькое. Пусть ты даже в скафандре, все равно чувствуешь себя так, словно бредешь голым по пустыне Негев в самый разгар лета.

Но Меир Фенхель не просто гулял, он гулял в дело, поэтому к жаре он относился, как относятся к совместно проживающей сварливой теще. И вот, когда он обнаружил маленькое ущелье, на дне которого наблюдался подозрительно заманчивый блеск, Меир увлекся так, что не заметил, как его схватили под руки, и обнаружил это, когда неизвестные, которых он не мог рассмотреть, уже увлекали его в темный зев ущелья, теперь казавшегося ему бездонным.

А теперь я попрошу представить себе — что должен чувствовать человек, которого на безжизненной планете вдруг хватают, как какого-нибудь террориста из «Гринписа», и волокут в неизвестность.

Тут уж никакой отваги не хватит. Нет, Меир Фенхель ничего предосудительного не совершил. Он просто потерял сознание.

А когда в себя пришел, то лучше бы ему было этого не делать. Потому что прямо над ним удивленно хлопала большими и красивыми козьими глазами большерогая особь со свиным рылом и, нервно покручивая кончиком хвоста, размышляла вслух: «А этого м...ка каким ветром к нам занесло?» Самое интересное, Меир Фенхель не мог сказать, думает ли это существо на идише, но понимал его, как родного отца.

Долго рассказывать, как он находил общий язык с обитателями Вельзевула. Всякий суп нужно варить строго определенное время, иначе у тебя получится каша. Главное заключалось в том, что на Вельзевуле располагался тот самый пресловутый ад, которым пугают нас священнослужители, когда мы перестаем носить им деньги.

Экскурсия по нему не доставила Меиру Фенхелю никакого удовольствия. Представьте, что вы однажды попали в компанию садистов и мазохистов, которые занимаются привычным им делом и при этом не испытывают никакого удовольствия. То же самое происходило и на Вельзевуле. Грешники не испытывали удовольствия по

тех, кто мучил, то покажите мне такого идиота, который получал бы удовольствие от бесконечного рабочего дня и вечного исполнения служебных обязанностей!

Когда Меира Фенхеля после экскурсии повторно привели к хозяину Вельзевула, он ощущал себя эмигрантом из России, которому неожиданно сообщали, что вместо интеллигентной Вены его самолет летит в холодную Воркуту.

Однако ему любезно сообщили, что судьбой Меиру отмерено гораздо больше жизни, чем он полагает, и он может спасти себя, если подпишет контракт, по которому после смерти его душа станет полной собственностью жителей Вельзевула. А за это его доставят в любую точку Системы, где находятся поселения землян. Властелин Вельзевула извинился, что не может подбросить Меира Фенхеля дальше Марса. По существующим законам путь за орбиту Марса для жителей Вельзевула закрыт. То ли холодно для них там слишком, то ли с Богом никак договориться не могли, но самое главное — дальше они дядю отправить не могли, не нарушив установленных в Системе законов.

Разумеется, Меир Фенхель немедленно подписал с ними контракт. И это доказывает, что, кроме отваги, он все-таки был в определенной степени наделен мозгами. Теперь он живет в Поясе астероидов и даже Марс остерегается посещать. В Поясе вельзевулянам его не достать, и Меир справедливо сомневается, что когда-нибудь они договорятся с Богом. Разумеется, он уверен, что никто не станет изменять законы ради одной хитроумной, хотя и заблудшей души.

Поэтому у него всего лишь два пути — либо Господь все-таки однажды приберет его душу, но она обязательно [illegible] он еще долго не расстанется с ней,

вполне понятным причинам, однако за долгие годы вечных мучений они несколько притерпелись к пыткам и относились к ним как к неизбежному злу. Что касается тех, кто мучил, то покажите мне такого идиота, который получал бы удовольствие от бесконечного рабочего дня и вечного исполнения служебных обязанностей!

Когда Меира Фенхеля после экскурсии повторно привели к хозяину Вельзевула, он ощущал себя эмигрантом из России, которому неожиданно сообщали, что вместо интеллигентной Вены его самолет летит в холодную Воркуту.

Однако ему любезно сообщили, что судьбой Меиру отмерено гораздо больше жизни, чем он полагает, и он может спасти себя, если подпишет контракт, по которому после смерти его душа станет полной собственностью жителей Вельзевула. А за это его доставят в любую точку Системы, где находятся поселения землян. Властелин Вельзевула извинился, что не может подбросить Меира Фенхеля дальше Марса. По существующим законам путь за орбиту Марса для жителей Вельзевула закрыт. То ли холодно для них там слишком, то ли с Богом никак договориться не могли, но самое главное — дальше они дядю отправить не могли, не нарушив установленных в Системе законов.

Разумеется, Меир Фенхель немедленно подписал с ними контракт. И это доказывает, что, кроме отваги, он все-таки был в определенной степени наделен мозгами. Теперь он живет в Поясе астероидов и даже Марс остерегается посещать. В Поясе вельзевулянам его не достать, и Меир справедливо сомневается, что когда-нибудь они договорятся с Богом. Разумеется, он уверен, что никто не станет изменять законы ради одной хитроумной, хотя и заблудшей души.

Поэтому у него всего лишь два пути — либо Господь все-таки однажды приберет его душу, но она обязательно попадет в Рай, либо он еще долго не расстанется с ней,

и это, господа, крепко попахивает элементарным бес-
смертием.

Некоторое время все молчали.

— М-да, — покачал головой де Лавальер и потрепал себя за щегольские усики. — Ну что тут сказать? То они с Богом единоборствами занимаются, то Сатану норовят обмануть. Добром все это не кончится.

— А что говорят астрономы насчет Вельзевула? — громко поинтересовался Тим Данн. — Я что-то не слышал, чтобы внутри орбиты Меркурия была обнаружена еще какая-то планета. Может быть, все рассказанное нам сейчас — обычный блеф?

— Хотелось бы верить, — осторожно сказал Фокс Трентелл. — Куда спокойнее жить, когда знаешь, что никакой дьявольской планетки близ Солнца нет и тебя там никто не ждет. Но в том-то вся и загвоздка, что некоторые астрономы, похоже, такую планетку изредка наблюдали.

— Вот, наверное, злились там, — хихикнул Астахов. — Они к этому Фенхелю со всей душой, а он такой фокус выкинул! Кстати, а в истории космонавтики этот случай отмечен? Ну, что некий астронавт вернулся на Землю без своего космического корабля?

— В том-то и дело, что такие случаи действительно имеются, — сообщил Данн. — Четыре случая зарегистрировано. И Меир Фенхель входит в это число, я хорошо помню.

— А другие чего рассказывают? — вклинился в разговор Лежнев.

— А ничего, — пожал плечами американец.

— Поня-ятно, — задумчиво протянул Лежнев. — Упал, значит, потерял сознание, очнулся — гипс!

— А может, они и в самом деле ничего не помнят, — примирительно сказал Трентелл. — Помню, мы однажды в Оттаве сели с приятелем в баре, а очнулся я уже в тамошнем полицейском участке. И ничего не помню, как отрезало!

Лежнев хмыкнул недоверчиво, потом негромко сказал Астахову:

— Давай, Боря! Народ уже скучать начал. Только я тебя прошу без мистики. Не дай Бог, о Рае рассказывать начнешь!

Астахов встал и направился к трибуне.

— Не буду я о сверхъестественном, — пообещал он. — Я лучше вам еще одну историю из жизни Второй Лунной расскажу.

5. ЛУННЫЙ МЕЧ

— Гартлинг в тот день потерял луноход. Кажется, у него забарахлил двигатель. Как бы то ни было, но до базы в кратере Арзахель он добирался пешком.

Уже в самом конце своего вынужденного путешествия он и заметил металлический красноватый отблеск на лунной поверхности. Для того чтобы выяснить, что там блестит, Гартлинг несколько отклонился от маршрута, и это его усердие было вознаграждено самым странным образом — рядом с язвочкой небольшого кратера он обнаружил короткий прямой меч. Специалистов по истории холодного оружия среди участников экспедиции не было, но на картинах и в скульптурах с такими мечами соплеменников изображали древние греки или не менее древние римляне. На Луне существенной разницы между ними не наблюдалось. Потому что на Луне римляне или греки, тем более древние, могли оказаться только в фантастическом романе, да и то лишь по воле его автора.

Тем не менее меч был самым настоящим, и эфес у него был в виде головы орла или ястреба. Меч оказался бронзовым, и анализы показали, что сделан он не ранее восьмидесятых годов нашей эры.

Неверующие могут увидеть этот меч в Калужском музее астронавтики. Каких-либо реальных гипотез, объясняющих, каким образом меч мог оказаться на Луне, до сих пор нет.

— А тут и гадать нечего, — усмехнулся Данн. — Кто-нибудь из участников экспедиции и прихватил его на Луну. Чтобы разыграть остальных. А вы, дураки, на этот глупый розыгрыш клюнули!

Астахов засмеялся.

— Это самое простое объяснение, но дело в том, что такой розыгрыш действительно намечался. Только Джанни Сферелли немножечко не успел. Он действительно провез на Луну меч, но тот меч так и остался у него. Я его меч видел. У него была рукоять в виде головы пса. Это первое. Допустить, что два участника экспедиции одновременно задумали один и тот же розыгрыш, просто невозможно. К тому же меч был обнаружен там, где мы еще не занимались исследовательскими работами.

— Скучный у тебя получился рассказ, — задумчиво сказал Лежнев. — Прямо-таки научный доклад, а не рассказ. Вот рассказ Симановича совсем другое дело. А у тебя шарада из журнала «Развлечения» получилась. Вот вам факт, граждане, и ломайте над ним свои умные головы.

Симанович почесал затылок.

— Ну, этот самый греко-римлянин мог оказаться на поверхности Луны в результате спонтанной телепортации. Открыл глаза, вдохнул лунную пустоту и... — Симанович сделал рукой очевидный жест. — Мементо мори! Костей там не нашли?

— Не было там тела, — покачал головой Астахов. — Там потом весь грунт чуть ли не через решето просеяли. Но так ничего и не нашли.

— Тело могли сожрать лунные шакалы, — под общий смех сказал Симанович. — Или оно испарилось в результате прямого попадания метеорита.

— Нет, в этом что-то есть, — покачал головой Селлингс. — Не было на Луне никакого римлянина, был только его меч. Представьте себе, римляне одержали очередную победу. Восторг был столь велик, что в небо полетели шлемы, щиты и мечи. Этот всеобщий восторг и вызвал спонтанную телепортацию, в результате чего меч перенесся в пространстве на сотни тысяч миль. А воин, к своему великому огорчению и стыду, остался без меча.

— А я точно знаю, — сказал Фокс Трентелл. — Это инопланетяне. Однозначно! Уперли с Земли древнего грека или римлянина прямо с поля битвы. Или с поста. Мужика в дело использовали, а меч им был просто ни к чему. Вот и бросили за ненадобностью.

— Да зачем им мужик на Луне понадобился? — удивился Луиджи Пазолини. — Они его и на Земле выпотрошить могли.

Ким Сен Ир сощурил и без того узкие глаза.

— Я думаю, это атланты, — сказал он. — Прилетели они на Луну на исследовательском корабле. А мечи у них всегда при себе были. Для самозащиты. Какой-нибудь атлантский забулдыга его по пьянке и потерял.

— На Луне? — с сомнением спросил Симанович. — По пьянке?

— А что мы об этих самых атлантах знаем? — философски возразил китаец. — Может, это у них было в порядке вещей!

— Я тебя, Ира, уважаю, — сказал Симанович, — но сейчас ты ерунду порешь. Какие атланты? Какие космические корабли?

— В восточных древних рукописях о них много говорится, — стоял на своем китаец. — Даже описывается, как люди в космосе воевали!

— На мечах, — с издевкой добавил Фокс Трентелл. — Однозначно, они на Луне на мечах дрались. В Море Ясности.

— А может, это всего лишь игра природы, — после некоторого молчания предположил Кобуясима. — Вот я читал, однажды нашли камень, распилили его, а внутри точная копия Леонардо да Винчи. Мадонна Литта. Один к одному, только маленькая очень. В природе, господа, все может случиться.

— Боже мой! — простонал Мыкола Свиристюк, поднялся и с отвращением оглядел собравшихся. — Какой хреновиной мы все занимаемся! Пойду лучше над статистикой поколдую. Все полезнее, чем гадать, как древний грек на Луне мог оказаться. Бред!

— Ну, во-первых, не древний грек, а только его меч, — вскрывая банку сока, возразил Астахов. — Во-вторых, строго говоря, мы не можем точно сказать, что это был именно грек. А в-третьих, ты, Мыкола, конечно, можешь уйти. Но тогда ты так и не узнаешь, был ли у пана Петлюры коньяк, а главное, никогда не узнаешь, кому он достался в качестве приза. И это самое прискорбное!

Широкоплечий Свиристюк немного потоптался, махнул рукой и сел на место.

— Он як ти міркуешь? Гаразд! — согласился он. — Почекаем!

6. ПРЯМАЯ ВЫГОДА

А чекать и в самом деле было чего.

Место рассказчика уже занял Фокс Трентелл и терпеливо ждал, когда украинец примет окончательное решение.

— Одно время, сразу после окончания Высшей школы астронавтики, я работал разгонщиком, — начал он. — Помните, когда комета Гишека нарушила равновесие в астероидном поясе, появилась нужда в нашей профессии. Как только астрономы определяли, что очередной асте-

роид начинает угрожать Земле, пятерка разгонщиков направлялась к нему, на астероиде монтировали ракетные двигатели, после этого разгоняли астероид по безопасной траектории и благополучно эвакуировались. Пятерки наши были хорошо обучены, тренированы и психологически сбалансированы. Поэтому потерь среди разгонщиков почти не было, а почет и уважение — сами знаете какие. Разгонщики и сейчас в обществе в большом авторитете. Сами понимаете — спасители человечества, бесстрашные парни, оседлавшие смерть... Техасские ковбои с нами рядом и не сидели.

И вот мы с Бобом Хоторном балдеем на пляжах Акапулько, с нами очень миленькие блондиночки из скучающих и жаждущих приключений немочек, карманы от баксов топорщатся, в барах Акапулько выпивки сколько хочешь, да и погода стоит великолепная. Ловим мы с Бобом кайф по полной программе, и вот в один из великолепных дней нашего с ним отдыха в самое неподходящее время пейджеры у нас одновременно пищат и нас вызывают прямо на норвежскую платформу.

Сами понимаете, мы с Бобом лейтенанты Космических Сил ООН, поэтому спорить с приказами не имеем права. Прощаемся мы с рыдающими блондинками, прыгаем на мексиканский рейсовик и уже утром следующего дня предстаем перед очами нашего начальника. А начальником у нас тогда был старик Гендерссон, я думаю, о нем особо распространяться не надо, его и так все помнят. Морда в шрамах, воля, как у вожака львиного прайда, а формулировки кратки и чеканны, как и подобает полковнику КОССА.

И выясняется, что астероид Харон движется в сторону Земли и вероятность столкновения составляет более девяноста восьми процентов. Диаметр астероида более шести километров, поэтому, как я думаю, о возможных последствиях рассказывать не стоит.

А нашу пятерку для полета к Харону выбрали только потому, что мы были единственными, кто успел пройти подготовку на корабле серии «Белый Дракон», а именно корабль этой серии был выбран для полета к Харону.

Зашли мы с Бобом в гостиницу, а там уже Миягава, Векторов и Ханцубоси нас встречают. В полном сборе наша пятерочка, и все, смею заметить, в отличной форме.

Два дня ушло на ознакомление с системой «разгонки», типом горючки, которую нам предстояло использовать, монтажно-крепежными схемами. Следом за нами предстояло лететь пятерке Кречмера, но у них было еще полмесяца в запасе. Сами знаете, система страховки у нас была отработана и до этого времени сбоев не давала.

Короче говоря, готовились мы к привычной работе, но то, что человек обычно предполагает, Бог планирует по-своему, а Сатана вносит во все свои коррективы.

Через месяц нашего полета с Базы пришла радиограмма, что вторая пятерка, Кречмера, значит, на старте приказала всем жить долго и счастливо. Что-то там у них с реактором случилось, кажется, до сих пор в причинах аварии не разобрались.

По времени получалось, что отныне к Харону успеваем только мы.

Ну, страшного тут ничего нет. Дело привычное, как-никак наша пятерка уже три рейса сделала — Икар уволили, Клеменс и Грушу Мичурина. Ребят, конечно, жалко, настроение у всех гнилое, откуда оптимизму прибавиться!

Быть может, это и повлияло. Короче, при приближении к Харону все и произошло. Очнулись мы с Бобом, огляделись немножечко, и стало нам ясно, что влипли мы, как никогда еще никто не влипал.

Реакторная часть нашего «дракона» канула в космической неизвестности, в живых остались только мы с Бобом, да и то, если говорить по совести, Боба назвать живым можно было только условно. И что интересно —

жилой и транспортный отсеки почти не пострадали. А потому встала перед нами задача — покончить со всем разом или все-таки попытаться увести астероид подальше от Земли, а там уж как Бог даст. И предстояло мне в одиночку «разгонку» монтировать. Боб мне к тому времени только советом помочь в состоянии был. Когда в сознание приходил.

«Что, — говорит однажды. — Влипли мы, Фокс?»

«Прорвемся!» — говорю я ему, а сам думаю: «Как же, прорвемся! Обязательно прорвемся. Только вот непонятно куда — в Рай или в Ад».

Если по совести, то на райские блаженства нам с Бобом рассчитывать не приходилось, разве что за героизм наш да Бобовы страдания.

В общем, Боб лежит и постанывает, я потихонечку «разгонку» монтирую, а в свободное время за ним ухаживаю. И становится ясным, что «разгонку» смонтировать я скорее всего не успею. Хорошего в этом, разумеется, мало. Встретят нас истребители из БКС и начнут из лазерных пушек расстреливать. Надежды на то, что они Харон уничтожат, мало, но, ясное ведь дело, на Земле никто не будет сидеть сложа руки и ждать, когда астероид обрушится на какие-нибудь густонаселенные районы.

Однако работу я свою не бросал. Наверное, потому, что всякая надежда умирает последней. Поставлю рядом с Бобом обед и тубы с водой, а сам на поверхность. Только и возвращался, чтобы кислородные баллоны да регенеративные патроны заменить. Но впятером монтаж осуществлять — это одно, а тут ведь, как назло, буровая с кораблем сгорела, а ручным турбобуром только колодец на ранчо копать, а не скважины в металлическом астероиде. Честно говоря, я больше для очистки совести копался.

Связи с Землей не было, поэтому о том, что с нами случилось, никто не знал. Но догадывались, наверное, — связи ведь нет!

И вот однажды сижу я в котловане, варю монтажные конструкции и вдруг чувствую — темнеет вокруг. Обычно от звезд на поверхности астероида полумрак некоторый наблюдается, а тут полное ощущение, что со спины тень какая-то наползает. Наползла и закрыла звезды. Поднимаю голову вверх — Матерь Божия! Прямо надо мной висит какая-то конструкция, и даже все заклепочки и непонятные устройства на днище видны. Трудно сказать, на что эта штука похожа, это все равно что гризли на ощупь пытаться определить. Главное, что все это металлическое безобразие голубоватым светом освещено.

Я поначалу обрадовался, слава Богу, думаю, помощь подоспела. Теперь-то мы точно и с монтажом управимся, и Боба обратно вытянем, а то он уже вечерами заговариваться стал.

Прыгаю на дне своего котлована, только что шлем вверх от избытка чувств не подбрасываю. И тут в днище корабля открывается даже не люк, а отверстие огромное, и из отверстия этого концентрическими кольцами все тот же голубоватый свет распространяться начинает. И тут я понимаю всю тяжесть нашего с Бобом положения: мало того что корабль наш вдребезги разбит, мало того что цивилизации нашей грозит скорая и неминуемая гибель, тут еще и инопланетяне нас с ним вот-вот в плен возьмут! А в том, что это инопланетяне, я уже не сомневался. Уж слишком диковинный вид у этого их аппарата был.

Пока я все это соображаю, из инопланетного корабля прямо ко мне начинает опускаться прозрачный шар, а в глубине его я замечаю странные фигурки. Нет, что-то человеческое в них, конечно, наблюдалось, но сходство было небольшим — и рук у них, судя по скафандрам, поболь-ше, и с нижними конечностями они особых затруднений не знали. Так могла бы выглядеть сколопендра, если бы на нее космические скафандры шили. Особого страха я не испытал — чего уж там, в детстве столько фантастики

прочитал, а в ней каких только разумных форм не встречалось!

Вылазят эти многорукие ребятишки из своего шара и ко мне.

И начинают квакать по-своему. Понимаю, что они меня о чем-то спрашивают, но только руками развожу, дескать, извиняйте, господа, по-инопланетному не говорю, так что давайте переходите на мой родной английский, если и в самом деле хотите что-то узнать.

Техника у них оказалась хорошая, через некоторое время мы уже друг друга понимать начали. Сколопендры эти довольно дружелюбными оказались, в первую очередь они Бобу здоровье поправили.

И так поправили, что хоть на пляжную дискотеку выпускать, кадр подходящий снимать.

А дальше начинается совсем уж невероятное. Встают эти сколопендры в позу просителей и начинают нас с Бобом уговаривать продать наш астероид. Там, видите ли, какие-то ценные для этих сколопендр минералы обнаружились, и они без этих минералов никуда. По всей галактике разыскивают месторождения. А потому не будут ли добрые благородные астероидяне любезны подобрать себе более подходящий объект для проживания. А искомый уступить им за определенное вознаграждение. Тут я смекнул, что они нас с Бобом за уроженцев и хозяев астероида считают. Я Бобу подмигиваю и говорю: чего же, говорю, хорошим людям не помочь. За определенное, разумеется, вознаграждение. Тем более что и нам с Бобом этот астероид надоел до такой степени, что мы его видеть больше не желаем. И чем быстрее этого астероида в системе не будет, тем мы, значит, счастливей будем. Сколопендры наши аж прослезились. Вот, квакают, вот оно, бескорыстное межгалактическое братство и взаимопомощь! И спрашивают нас, куда мы с Бобом переселиться хотим. Обвел я взглядом космос и небрежно этак показываю на Землю: да вот, говорю, хотя бы на эту планетку. Пусть она даже

побольше нашей будет и сила тяжести там другая, но это ничего, мы с Бобом крепкие — освоимся помаленьку. Тогда сколопендры нас и спрашивают, какую цену мы за эту кучу железа и камня хотим.

Тут уж мы с Бобом задумались. Потом высказали свои желания, и сколопендры нас перебросили на околоземную орбиту в нашем «скорпионе». Орбиты там исхоженные, поэтому нашли нас довольно быстро.

Правда, никто не верил, что в таком искалеченном планетолете можно задание выполнить и тем более назад вернуться.

А задание мы выполнили. Мы еще на орбите с Бобом кружились, смотрим, там, где, по всем расчетам, Харон должен был находиться, вдруг как полыхнет! Наверное, сколопендрочки наши удрать торопились. Все им казалось, что мы с Бобом прогадали, вот они и смылись вместе с астероидом, пока мы не передумали.

В общем, Землю мы от смертельной опасности спасли, с инопланетным разумом пообщались и даже сами внакладе не остались.

Фокс Трентелл развел руками и покинул трибуну.

— Ні, хлопчіку, годі, — сказал Мыкола Свиристюк. — Слухай, хлопче, а ти не брешешь?

— Та ні, дядьку. — Фокс Трентелл сказал это и расплылся от удовольствия — сразу было видно, что дед у него из канадских хохлов.

Свиристюк покачал головой:

— Справді, нібито не брешешь... Але, мушу сказати, виходить, зовсім незрозуміла історія... Дуже дивно!

— Постой, постой, — задумчиво проговорил пан Петлюра. — Ты ж нам так и не рассказал, какие вы с Бобом желания инопланетянам загадали. Что вы с них потребовали?

— Ну, Боб захотел классным хирургом стать, — пояснил Трентелл. — Теперь он из разгонщиков ушел, свою клинику в Дюссельдорфе имеет. Про него так и говорят:

золотые руки! Верите, одному шесть метров кишок вырезал — живет, другому — сердце удалил, и тоже живет...

— Да иди ты! — не выдержал Лежнев. — Я понимаю, что живет — не себе же вырезает! Лучше скажи, что ты у своих сколопендрочек выпросил?

Фокс Трентелл покраснел.

— Да уж попросил, — неопределенно сказал он. — Но это лишь в Акапулько можно увидеть, и не всем, а только моим подружкам.

— Довго ще чекати? — поинтересовался Мыкола Свиристюк. — Обіцаю мою подяку всім, хто негайно перейде на мій бік. Ще ж він такий упертий? Хде пріз?

Собравшиеся в столовой базы оживленно заговорили.

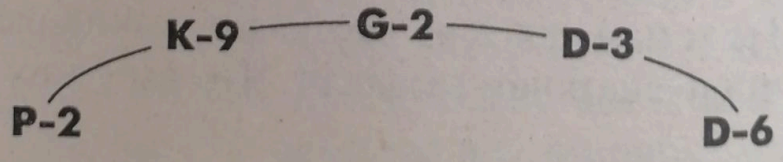
Некоторые поддерживали Свиристюка и требовали не только немедленно выставить приз на стол, но и голосованием определить победителя. Другие возражали: мол, не все рассказчики еще выступили. А если так, то и о победителе говорить преждевременно. А тем более выставлять приз, если победитель еще не определился.

Спор был в самом разгаре, когда в столовой появился Олекса Цымбаларь.

— Шарль, — позвал он. — Шарль, кажется, я догадался насчет этих самых «линз».

Де Лавальер, оставив спор с упрямым украинцем, повернулся к товарищу. Вид у него был недоверчивый. Не первый раз у них такой разговор происходил.

— Смотри, — сказал Цымбаларь. — Вот здесь у нас уже найденные «линзы», видишь? — Он показал французу лист бумаги.



— Ты хочешь сказать, что обнаруженные нами линзы расположены на полуокружности? — сообразил тот.

— Только некоторая часть, Шарль, — сказал Цымбаларь. — Остальные «линзы» скорее всего имеют отношение к другим объектам. А здесь мы имеем дело с правильной окружностью. Значит, должны быть симметричные обнаруженным точки, которые в совокупности образуют правильную окружность. Понимаешь, теперь мы можем абсолютно точно предсказать, где надо искать следующую «линзу». Конечно, я имею в виду только этот район, здесь у нас достаточно данных. Но и для других мы можем сделать более точные прогнозы. Теперь понимаешь?

Де Лавальер долго разглядывал рисунок.

— Я-то понимаю, — сказал он. — А вот подумал ли ты, что должно находиться в центре этой окружности?

— При чем здесь центр? — удивился Цымбаларь. — Я тебе о закономерностях залегания в почве «линз» толкую!

— А я тебе — о причинах этого залегания, — усмехнулся француз. — Понимаешь, это больше похоже на систему водоснабжения. Или на систему водоотстойников. Но если так, то в центре каждой окружности должен находиться искусственный объект. Город, например, или чья-то база.

Заинтересованные разговором ученые начали придвигаться к аресологам.

— Слушайте, — обрадовался Луиджи Пазолини, — а ведь это легко проверить.

— Точно, — согласился Цымбаларь. — Достаточно убедиться в том, что следующая «линза» находится именно там, где она должна быть по расчетам.

— Зачем? — искренне удивился Пазолини. — Достаточно исследовать сам центр окружности.

— Там располагается город марсиан, — мечтательно протянул Фокс Трентелл. — Как у Брэдбери. Город с каналами и хрустальными городами.

— Нет там никакого города, — трезво заметил Астахов. — Будь там города, мы бы их со спутников заметили.

Если Саня прав, то там находится заброшенная база инопланетян. Отработали планету и ушли, а база осталась. Дорогое это удовольствие — демонтировать базу после окончания работ. Если наша экспедиция на Марсе будет последней, вряд ли кто-нибудь станет демонтировать ее и вывозить на Землю.

— Борь-я, ты прагматик, — сказал Селлингс. — Нет в тебе... э-э-э... Ромь-мантьики.

— Проверить бы... проверить... — едва не застонал Цымбаларь. — Чертова буря, как она не вовремя!

— Я всегда говорил, что открытия делаются с безделья, — обрадовался Астахов. — Не будь этой бури, ты бы сейчас ковырялся у какой-нибудь очередной «линзы» с турбобуром и светлая догадка никогда бы не посетила твоей темной головы.

Тимоти Данн посидел немного, перебирая отчеты из папки Цымбаларя, потом поднял голову и задумчиво оглядел присутствующих:

— А вы знаете, может быть, эта идея недостаточно безумна, чтобы быть верной, но в ней что-то есть.

Все невольно прислушались к вою ветра за стенами. Ураган бушевал по-прежнему.

— Жаль, буря разыгралась, — сказал Тим Данн. — Придется ждать, когда в пустыне поспокойнее станет.

— А як же пріз? — опечалился Свиристюк.

— А вот после бури и решим, — успокоил его Лежнев. — Если Саня прав, то приз заслужил он. Да что там приз! Он гораздо большего заслуживает! Хотя, честно говоря, истории были неплохие.

Данн захлопнул папку.

— Ну что? — спросил он. — Будем дальше истории рассказывать или на сегодня хватит?

— Какие уж теперь истории... — вздохнул Лежнев. — Теперь только и ждешь, когда пурга утихнет.

7. И ТАЙНЫ ХРАМ СРЕДИ ПЕСКОВ...

Пустыня вздымалась в фиолетовые небеса многочисленными барханами, над которыми медленно плыл ущербный полумесяц Деймоса. Белых кристаллических солончаков сейчас не было видно, а по красному песку, лениво подгоняемые ветром, катились шарообразные свистуны, оторванные вчерашней бурей от корневищ. За свистунами по барханам гонялись семилапки, фиолетово-черные от возбуждения и охотничьего азарта.

Цымбаларь с Лавальером точно определили центр окружности, образованный «линзами» — благо это оказалось нетрудно, — но и без их расчетов все было очевидно — над ржавым песком пустыни возвышалось нечто вроде основания витой раковины или скорее даже рога, уходящего серым корпусом в почву. Похоже, что вчерашний ураган поработал на исследователей: он очистил нечто, напоминающее вход. Вход этот был закрыт гофрированной мембраной, выполненной из неизвестного металла или похожего на него пластика.

Тим Данн подошел и гулко ударил кулаком в мембрану:

— Черт побери! Черт побери, господа и товарищи! Мы наконец нашли. Мы их нашли, парни!

Он обернулся.

Господа и товарищи толпились у мотонарт. Поблескивали металлопластиковые шлемы, в эфире звучали неформальные восклицания.

Кто-то уже пытался неуклюже обнять Цымбаларя. На красноватом песке группа смотрелась весьма живописно. Впрочем, до этого никому дела не было. Все завороженно глядели на вход в строение, принадлежавшее Чужим. И совсем не важно было, что именно это строение представляет собой — первый вход в подземный город, ворота в ангар или на склад неведомых инопланетян. Главное,

что принадлежало оно именно инопланетянам. И значит, человечество не одиноко во Вселенной.

Пришло время закончить вековые споры, подвести черту под размышлениями философов.

Все смотрели на гофрированную мембрану из неизвестного материала, и каждый понимал: с проникновением за нее начинается иная эра и мир уже никогда не будет прежним.

— Интересно, — завороженно проговорил Астахов. — Какими они были? Похожи ли на нас?

— Теперь мы это узнаем, — бросил Фокс Трентелл, лихорадочно снимая все вокруг на видео. — Какие кадры, Боря! Какие кадры!

Кадры были уникальными, и в толпе царило почтительное молчание.

Тим Данн, позируя, встал рядом со входом. В скафандре он ничем не отличался от любого участника экспедиции, но эгоистическое чувство гордости за то, что принял участие в невероятном открытии, заставило солидного ученого размахивать руками перед еле слышно жужжащей видеокамерой.

Впрочем, каждый из них ощущал сопричастность к величайшему событию в истории человечества, и это чувство делало происходящее в пустыне значительным и торжественным. И все бы хорошо, но торжественность нарушил бас Мыколы Свиристюка:

— Так що, бісов сін? — сказал он, обращаясь к Лежневу. — Бачь, це твої пришлеци з інших планет! Хде ж пріз, Сема? Такий дарунок з Космосу! Треба гульбище на весь світ! Шоб аж у небі курява знялася!

Шлемы медленно повернулись к одному из астронавтов, на рукаве которого высвечивался шеврон с изображением российского флага.

— Гульбище так гульбище! — послышался голос Лежнева, и он неуклюже развел руками. — Я от своих слов

никогда не отказываюсь! Твой приз, Сашок, ты честно его заработал. У нас все без обмана, бутылка твоя!

Мыкола Свиристюк снова загудел:

— Олекса! Слухаешь? Оце фокус — з неба впало... Но не треба одриватися від народу! Чуешь?

— Чую, — сказал равнодушно Цымбаларь, и в эфире послышались веселые смешки.

— Ты не мылься, — сказал Лежнев. — Выпить тебе, Коленька, все равно не придется.

— Надул? — опечалился Свиристюк, отбросив украинскую мову и переходя на английский язык, которым пользовалось подавляющее число участников экспедиции, но тут же, покачав головой, упрямо добавил: — Шахрай ті, Сема!

— Ну ты даешь, Мыкола, — сказал Лежнев. — Стану я такими делами заниматься! Коньяк есть, причем самый настоящий, французский. Только вот бутылочка маленькая — сувенирная, всего пятьдесят миллилитров.

Маленькое красное солнце висело в темно-фиолетовых небесах, прорезанных яркой светящейся лентой пояса астероидов.

Ниже, уже почти у самого горизонта, там, где небо становилось почти угольно-черным, молочно бугрился серп Фобоса. Было все еще морозно и ветрено. И красные пески Марса с замершими на треугольных барханах семилапками, может быть, впервые в своей миллионнолетней истории слушали дружный смех сообщества разумных существ, смеющихся над не совсем разумными желаниями одного из своих индивидуумов.

А быть может, такой смех однажды уже звучал...

Волгоград, ноябрь 1999 г.

ВРЕМЯ АПОКАЛИПСИСА

И придет на тебя бедствие: ты не узнаешь, откуда оно поднимется; и нападет на тебя беда, которой ты не в силах будешь отвратить, и внезапно придет на тебя пагуба, о которой ты и не думаешь.

Исаия, 47:11

Глава первая

Могилы на немецком кладбище распахали еще в начале шестидесятых, когда райкому партии житья не стало от вышестоящих инстанций, справедливо возмущавшихся раскопками, что вели на этом кладбище азартные пацаны. А тут еще кто-то подорвался на мине, заботливо оставленной покойнику отступающими немцами. Немцы вообще были людьми обстоятельными, даже в суматохе отступления погибших офицеров старались хоронить в гробах, а солдат, за отсутствием времени и досок, просто заворачивали в вечные каучуковые плащ-палатки, которые и через полвека дурманили мальчишек резким резиновым запахом. Но надо отдать должное — каждому немцу могилка полагалась личная. На склоне холма немецкое кладбище выделялось геометрической правильностью рядов и почти абсолютной одинаковостью березовых крестов. В изголовье каждого могильного холмика немцы вбивали столбик с цифрами. Похоже, что списки своих погибших они вели с педантичной аккуратностью: то ли надеялись вернуться, то ли просто потому, что иначе жить не могли.

После взрыва, как это обычно бывает, приехала представительная комиссия — человек десять, все в габардиновых синих костюмах и при галстуках. Члены высокой комиссии походили между могильными холмиками с

постными и недовольными лицами, потом, посовещавшись, дали указание председателю колхоза перепахать все к чертовой матери, и, как водится, решения свои отметили в новенькой, только что отстроенной колхозной столовой. Председателем руководящие указания были выполнены с чисто крестьянской обстоятельностью. Два ДТ-75 с многолемехными плугами за пару часов так вздыбили землю, словно по склону холма лупили из знаменитых реактивных установок «Катюша». Года через два склон густо порос жесткой степной травой, которая следов не оставила от немецкой хваленой аккуратности да обстоятельности.

Прошло время, умерли старики, и вчерашние пацаны, копавшиеся в могилках, выросли, обзавелись семьями и потихоньку перебрались с окраины Россошек в центр, а некоторые вообще подались в город. Словом, через сорок лет лишь немногие могли показать место, где находилось немецкое кладбище, да и то тех немногих нужно было еще поискать.

Очередной председатель колхоза выписал из совхоза декоративных культур какие-то редкостные саженцы и засадил склон холма виноградом, отчего этот склон снова стал похож на большое прямоугольное кладбище из-за крестообразных подпорок для быстрорастущей лозы.

С потеплением международной обстановки приехали немцы и стали интересоваться, где же похоронены их отцы и деды. Те, кто это помнил, к немцам были настроены нехорошо и месторасположение кладбища показывать не стали. Кто их знает, что у этих немцев на уме, еще раскапывать могилы начнут и загубят, к чертовой матери, виноградник, который к тому времени худо-бедно, а кормил большую часть Россошек и окрестных сел.

Немцы повздыхали, поплакали, утираясь большими красивыми платками, и по договоренности с областным на-

чальством начали строить под Россошками мемориал в память о своих погибших. Нашим стало стыдно, и они по соседству взялись строить свой мемориал. Но у немцев денег было больше, поэтому их мемориал напоминал именно мемориал, а наш был чем-то средним между загоном для скота и противотанковым полем с надолбами и ежами.

А времена уже были смутные. По телевизору показывали демократов, которые спорили, кому положено больше захапать и продать. Спорили они с увлечением, порой даже соком друг друга обливали, а иногда и вообще сходились в центре экрана на кулачках. Говорят, что где-то еще были коммунисты, которые тоже хотели продавать и покупать, но демократы их к большому экрану не подпускали, самим мало было!

И фильмы по телевизору стали показывать такие, что просто ужас. Про живых мертвецов, про вампиров с вурдалаками, про Сатану, который старался завоевать наш мир. Если такие ужасы не показывали, то целыми днями на экране Чаки Норрисы, Шварценеггеры да разные там Сталлоне зубы дробили своим противникам. ОРТ включишь — Шварценеггер с врагами разбирается, только зубы в стороны летят. Переключишься на РТР — Сталлоне со спичкой в зубах всех, кто ему под руку попадется, мочит. На ТВ-6 переключишься — там Машка Распутина трусики демонстрирует или опять же Стивен Сигал через колено людей ломает. Переключишься снова на ОРТ — боже ж ты мой, Чубайс с Гайдаром, два, блин, вурдалака, один клыки показывает да рога прячет, другой причмокивает, а глазки такие кровожадные у обоих, хоть детей от телевизора уводи.

Старики, что еще до войны жили и прошлое помнили, говорили, что рыжий в правительстве — это обязательно к войне. Другие говорили, что войны, может, и не будет, какая, к черту, война, если конец света надвигает-

ся. Вон под Сальском в небе знаки таинственные появились, иеговисты везде шастают, сектам свободу дали, а летающие тарелочки, говорят, как Матиас Руст, прямо на Красной площади у Кремля приземляться стали. А мудрая бабка Ванга из Болгарии вообще заявила, что скоро среди нас мертвые ходить будут.

И накаркало старичье. А может, бабка Ванга эта самая действительно мудрая была и правильно прорицала. Только людям от этого легче не стало.

В разгар лета среди виноградных лоз начали объявляться скелеты, завернутые в лохмотья каучуковых черных плащ-палаток, а то и полусгнившие гробы с почерневшими, тронутыми временем костьми.

И хотя по причине активной перестройки на виноградниках к тому времени никто уже не работал, председатель приказал хромому Меликяну и неразговорчивому, но трудолюбивому Аверину ежедневно объезжать виноградник и собирать эти страшные останки и свозить их к старой силосной яме на окраине Россошек. Скотину к тому времени всю порезали, и силос никто не заготовлял — незачем было, да и кукурузу по причине отсутствия семян никто уже не сажал.

Аверин указаний председателя никогда не оспаривал, он с рождения немой был. Слышать, конечно, все слышал, а говорить не то не любил, не то не мог, разные про него ходили слухи. Хитроумный же вследствие своего армянского происхождения Меликян находил в мрачной работе свою выгоду. Среди костей немецко-фашистских захватчиков встречались порой золотые зубы, ценные перстни из серебра и мельхиора, а однажды в истлевшем кармане немецкого френча Меликян обнаружил совсем уж невероятное — дюралюминиевый портсигар с надписью «Смерть фашизму!», а на портсигаре том россыпь необработанных самоцветов. Разумеется, Меликян о находках своих не распространялся, справедливо считая их платой за свою грязную работу.

Силосная яма потихонечку заполнялась, и по Россошкам поползли о ней нехорошие слухи. Известное дело, слухи распространяются, как грибы, расползаясь тайными мицелиями страшных и оттого неправдоподобных историй.

Рассказывали, что по ночам в силосной яме кто-то жутко стонет. Находились любопытные, что по ночам ходили дежурить к силосной яме, и божились эти добровольные сторожа, что слышали в яме деревянный стук костей, словно кто-то перемешивал в ее глубине скелеты. Чтобы пресечь эти дурацкие слухи, председатель россошинский не пожалел колхозных денег и вывалил в яму полторы тонны негашеной извести, купленной у Царицынского кирпичного завода. Однако слухов от того меньше не стало. Сами понимаете, какой дурак станет засыпать кости негашеной известью, если все нормально. И в городе уже заговорили о живых россошинских мертвецах, расползающихся по ночам по глухим сельским дорогам в надежде обрести кровь и плоть.

Снова собрались административные шишки из области. Партии уже к тому времени у власти не было, но люди не изменились, только демократические убеждения приобрели да синие костюмы с галстуками в шкафы на будущее повесили. Походила комиссия у силосной ямы, заглядывала в нее и приказала засыпать землей, для чего взять «КамАЗы» в местной ПМК, ставшей к тому времени акционерным обществом. После этого комиссия решила отметить принятие решения, но колхозная столовая была к тому времени закрыта по причине нерентабельности, потому пришлось обойтись демократическими шашлыками на берегу Немецкого пруда.

Все успокоилось, но, как вскоре стало понятно, ненадолго.

Недели через две выяснилось, что силосная яма кем-то разрыта, а еще через неделю произошло то, во что никто

и поверить не мог, а редкие очевидцы вообще не вспоминали без ознобного содрогания.

Из ямы вылез живой мертвец.

То есть на живого он был мало похож — так, кости, обтянутые высохшей темной кожей, на которой светлыми пятнами выделялись ожоги от негашеной извести. Мертвец выполз из ямы, долго барахтался на земле, а потом все-таки встал, покачиваясь на тонких, лишенных мышц ногах. Может быть, и направился бы он куда-нибудь по своим мертвецким делам, если бы не перерубил его лопатой копавшийся в своем огороде Александр Овечкин. Овечкин мертвецов ни капельки не боялся по причине того, что вырыл им на россошинском кладбище не одну могилу. После его удара мертвец с легким шорохом сложился в безжизненную груду костей. Овечкин те кости на тележку лопатой загрузил и высыпал обратно в силосную яму, а нору, что покойник прорыл, вновь закидал землей.

Вроде бы все успокоилось. Только пересуды среди народа гуляли разные. Порой такое говорили, что уши скручивались в трубочку и вяли.

Наконец в субботний день, аккурат перед Пасхой, из силосной ямы выполз еще один мертвец. Этот казался поздоровее первого и был в генеральской прелой фуражке. Генерал, покачиваясь, прошел на площадь, посмотрел на плещущийся на ветру российский триколор и одобрительно покачал черепом.

— Gut! — явственно проскрипел он, мультипликационно дергая нижней челюстью. — Wo ist ihre Gebietskomissar?

Собравшаяся толпа потрясенно молчала. Даже если кто и понял мертвеца, отвечать ему, где находится гебитскомиссар, не торопился. Скелет обвел всех впадинами глазниц, щелкнул нижней челюстью и снова спросил:

– Wo ist der guten Heneral Wlasoff?

– Во, сволота! – с восхищенной злобой сказал Илья Константинович Апраксин, бывший фронтовик и брехун, каких свет не видел. – Власова ему теперь подавай!

– Сашу! Сашку Овечкина позовите! – заволновались в толпе.

Скелет переступил с одной кости на другую и снова скрипуче спросил:

– Wo ist der Weg nach Moskau?

– А вот и Сашка! – радостно заголосили в толпе. – Санька, покажи ему, суке, дорогу на Москву!

Овечкин с видимой гордостью специалиста шагнул к мертвецу с лопатой в руках.

– Я ему щас дорогу к фюреру покажу! – сказал он и поплевал на ладони. – Ну-ка, отзыньте, а то, не дай Бог, зацеплю!

– Смерть немецко-фашистским оккупантам! – торжественно, как диктор Левитан, вынес свой приговор бывший фронтовик Апраксин.

– Круши его, Сашка!

Овечкин с кряканьем обрушил заступ на генеральскую фуражку. Фуражка отлетела в сторону, а скелет обратился в груду костей.

– Russische Scweine! – пробормотал череп, щелкнул несколько раз нижней челюстью и замер.

– Вот так, – гордо выпрямился Апраксин и победно оглядел толпу. – Так мы их в войну били! Помню, комбат встает: «За Родину! За Сталина!» – и мы как кинемся на фрица! Ураааа! Ураааааа!

– Слышь, дед, – с ревностью героя, теснимого на второй план, сказал Овечкин, – хорош орать! Кати тележку, надо его в яму свезти.

Глава вторая

Через неделю, когда пересуды в Россошках достигли апогея и выплеснулись в окрестности, подобно перебродившей квашне, единственная войсковая часть, расположенная у Немецкого пруда, была неожиданно поднята по тревоге. Личный состав погрузили на «Уралы» с брезентовыми тентами и куда-то вывезли. Вернувшись, солдаты вели себя смирно и даже за самогонкой в Россошки не бегали, а вскоре часть в полном составе перевели куда-то на Дальний Восток и попрощаться солдатикам с подружками не дали. Да что там солдатики, офицеров из части не выпускали. Один только, который сам был местным, тайно выбрался из расположения части попрощаться с молодой женой. На вопросы родни и знакомых он не отвечал, все больше молчал. Только когда его по обычаю проводили застольем, офицерик, хлебнув крепчайшей местной самогонки из томатов, проговорился, что выезжали они под Воронеж, в самый Новохоперский заповедник, где уничтожили группу живых немецких скелетов, пробиравшихся ночами на запад. Днями покойники отлеживались в лесополосах или на подвернувшихся по пути кладбищах, а по ночам строем шагали в родной фатерлянд.

Потом офицер тот уехал вместе со своей частью, и даже письма от него поступать перестали.

Впрочем, и зловещая яма опустела, а страшные слухи постепенно стали забываться.

Но все-таки свое черное дело слухи эти сделали: в Россошки нагрянули уфологи.

Было их целых три. Один — пенсионного возраста отставник из армейских, что сразу же чувствовалось по выправке и суховатой вежливости. Отставника звали Никанором Гервасьевичем Ворожейкиным, служил он когда-то в той самой знаменитой ракетной части, которая во Вьетнаме пыталась обстрелять летающую тарелочку, но сама попала под огонь неизвестного оружия. Последствием вьетнамской схватки с космическим агрессором явился для Ворожейкина паралич левой руки, с которой тот после госпиталя не снимал тонкой черной перчатки. Был он в свои шестьдесят пять лет невысок, худ и смуглолиц. Лицо обрамляла небольшая испанская бородка, которая вместе с усиками придавала Ворожейкину нечто донжуанское. Так бы мог выглядеть дон Жуан на пенсии, если таковая ему в Испании причиталась. Глаза у Ворожейкина были серые и печальные, а стрижка — самая старомодная, канадка. Ходил он обычно в джинсах и свитере, а в жаркие дни в водолазке. Ворожейкин был искушен в тактике воздушных боев и досконально все знал о знаменитом американском ангаре № 51. Рассказывал о нем с такими мельчайшими подробностями, что любому было ясно: Ворожейкин этот ангар облазил до последнего закоулочка. О своих американских коллегах Ворожейкин отзывался в основном одобрительно, но корил за то, что они слабо воздействуют на свое демократическое правительство и никак не добьются, чтобы все секреты ангара и связанных с ним происшествий были преданы гласности. Летающие тарелочки Ворожейкин почитал космическими кораблями высших цивилизаций и верил в Великое Кольцо, которое когда-нибудь цивилизации Галактики свяжет в единый дружеский организм.

Голос у него был тихим и тонким.

Второй уфолог, Дима Кононыкин, был молод, тридцати не исполнилось. По совместительству он еще являлся нештатным корреспондентом «желтой» газеты «Московский пионер» и в этом качестве бывал и в знаменитой М-ской аномалии, и окрестностях Березовска Пермской области, где потерпел катастрофу НЛО, и летел в том самом самолете, о котором писала газета «Труд». Он участвовал в якутской экспедиции, где искал остатки то ли НЛО, то ли древней сибирской цивилизации. Вместе с уфологом Приймой расшифровывал он загадочные небесные Сальские письмена, был на месте Сасовского взрыва. На озере Байкал пытался поймать таинственных трехметровых пловцов, замеченных военными аквалангистами.

От частого пребывания в командировках Дима Кононыкин научился спать сидя и пить все, что горит. Даже знаменитая россошинская «томатовка» не оказывала на него особого воздействия — только уши бледнели, багровел кончик носа и начинал слегка заплетаться язык. В отличие от Ворожейкина этот уфолог больше разбирался в отечественных феноменах и любил показывать всем гвоздь, найденный в Аджимушкайских катакомбах, уверяя, что гвоздю этому не менее трехсот миллионов лет. Гвоздь более напоминал окаменевшую рыбью косточку и не внушал особого доверия. Да и сам уфолог выглядел не слишком убедительно — вечно всклокоченные волосы над удлиненным веснушчатым лицом, водянистые, ни во что не верящие глаза, тощая бройлерная шея и вечно немытые руки, на которых лишь чудом не появлялись цыпки. Ходил Кононыкин в одном и том же обвисшем джемпере и вечно неглаженых брюках. Разумеется, что его ботинки не видели сапожного крема со дня их изготовления на обувной фабрике, коия, судя по некоторым признакам, была детищем шкодливого российского ума.

Летающие тарелочки Кононыкин тоже считал космическими кораблями, но в отличие от Ворожейкина пола-

гал, что все они имеют земную базу, расположенную в таинственной тибетской Шамбале.

Говорил Кононыкин быстро и напористо, глотая окончания слов и помогая себе руками.

Третий уфолог, прибывший в Россошки, был человеком весьма необычным. И дело тут не в том, что носил он черную рясу и истово молился по каждому, казалось бы, самому незначительному поводу. В конце концов, у нас в стране свобода совести, и каждый волен веровать, во что пожелает. Но в том было дело, что проявления христианской набожности третьего уфолога, которого звали отцом Николаем, в миру Николаем Васильевичем Чумаковым-Мезазойченко, служили чисто внешней атрибутикой. Было священнику-уфологу лет около сорока, и верил он в Будду, в Магомета, в Зевса и Юпитера, в Иегову и Христа, почитая их всех, вкупе с большой группой языческих божеств, проявлением одного и того же единственного божества, имя которому Осмос, а местонахождение — бесконечность. В силу этих обстоятельств отец Николай верил в реинкарнацию, в возможность достижения нирваны, в подземное царство и в неизбежное пришествие Антихриста. Летающие тарелочки отец Николай полагал проявлением астрального мира. Голова отца Николая была так плотно забита подобной чешуей, что он всерьез верил в неизбежность Страшного Суда, а потому полагал события в Россошках преддверием оного, тем самым Апокалипсисом, что описывал апостол Иоанн на острове Патмос. Более того, расшифровывая записи Нострадамуса, отец Николай относил начало Апокалипсиса к концу XX века, а именно к 19 июля 1999 года, когда с небес «явится великий король устрашения». Помимо уже упоминавшейся черной рясы, отец Николай отличался статью фигуры, которой, впрочем, была присуща некоторая полнота, короткой «крутой» стрижкой и живыми черными глазами жулика и казнокрада.

Говорил отец Николай гулким, по-волжски окающим басом и все время сыпал цитатами из Библии и других религиозных источников, которые изучал в семинарии.

В россошинском Доме колхозника уфологов поселили вместе. Между ними разгорелись неизбежные споры, которые не могли не сопровождаться принятием «томатовки», способствовавшей живости воображения и плавности речи.

Ворожейкин некоторое время от принятия «томатовки» отказывался, ссылаясь на травму, полученную при отражении агрессии инопланетного НЛО во Вьетнаме, но Дима Кононыкин и отец Николай так сладко крякали после каждой очередной дозы и так были изобретательны в спорах, что в один из вечеров Ворожейкин не выдержал, махнул рукой в черной перчатке и спросил отца Николая, как Библия относится к выпивке.

— Одобряет, — сказал отец Николай. — В псалмах Псалтиря так и сказано: пью ендовой, пью полной мерой, пью во славу Божию!

— А в чем различие? — поинтересовался Ворожейкин, проглотив содержимое стаканчика и опасливо прислушиваясь к состоянию организма.

— Ну, ендова, — со знанием дела объяснил отец Николай, — это, само собой, сто граммов. Полная мера — это двухсотграммовый стакан. Соответственно, принять во славу Божию — значит набраться, так сказать, до положения риз. Так как пить будем, сын мой?

Отец Николай сам годился Ворожейкину в сыновья, однако сан обязывал к солидности. Ворожейкин еще раз прислушался к своему организму, но особых неполадок в его работе не обнаружил. Разве что кровь по жилам побежала шибче да жаром щеки обдало.

— Конечно, во славу Божию! — сказал он.

— Вот это по-нашему! — одобрил Дима Кононыкин. — Помню, в девяносто пятом... Сидим в аномалии. Ночь. Костер. Уха закипает. Приняли, значит, «Завтраком туриста»

загрызли, а тут выплывает из тумана... НЛО не НЛО, а ог-ромное что-то лезет, рогатое, как пришелец. Антенны, ви-димо. И звук издает, как уэллсовский марсианин! — Дима приподнялся и живо изобразил: — М-муу! Му-уу! М-мум-м!

— Так это ж корова, наверное, была, — с крестьян-ской смекалкой заметил отец Николай. — Точно так она, зараза, и орет! Сам слышал!

— Сам ты корова! — обиделся Кононыкин. — Что я, коров не видел? Инопланетянин это был, мы его даже сфотографировали, а на следующий день пленку прояви-ли — чистая, блин!

— Надо было колпачок с объектива снять, — снова не удержался отец Николай, полой черной рясы вытирая вспотевшее лицо.

— Ну, знаешь! — взвился Кононыкин.

— Всяко бывает, — примирительно сказал Ворожей-кин. — Вот мы во Вьетнаме. С командного пункта передают координаты низко летящей цели. Готовимся к стрельбе. Сами понимаете, «Кубов» тогда не было, но все равно поймали. Ведем... По отметке на «фантом» или Б-52 вообще не похо-же, что за черт? Дали залп, тут нас, значит, и накрыло ответ-ным огнем. Из батареи лишь я да прапорщик Петренко и уцелели. Смотрим мы с ним, а над нами не «фантом», диск парит. И огоньки у него по периметру помигивают. Тут уж ничего не скажешь, натуральнейший НЛО, как его Мен-зелл описывал... А ребят к жизни уже не вернешь. — Он погрустнел, налил себе из трехлитровой банки «томатовки», выпил залпом и торопливо закусил соленым помидорчи-ком. — Эти контакты нас до добра не доведут. Космос — среда агрессивная. Лучше бы человечеству с братьями по разуму вообще не сталкиваться.

— Вы что, в гуманистические идеи не верите? — вско-чил с места Кононыкин. — Не может высокоразвитая ци-вилизация быть агрессивной! Разум по своей природе добр и созидателен!

В ответ Ворожейкин многозначительно поднял на уровень груди искалеченную руку.

— Что вы мне в нос свои грабли суете? — возмутился Кононыкин, цыплячье вытягивая шею. — Вы еще хорошо отделались! Это ж додуматься надо было — ракеты по высшему разуму пускать! Они еще по совести поступили, другие бы вас вообще на молекулы расщепили!

— А где же был их гуманизм, Дима? — мягко спросил Ворожейкин. — Пожалели бы нас, глупых и отсталых. Что ж сразу расстреливать?

Отец Николай пошевелился, пригладил обеими руками короткие волосы.

— Я так понимаю, — внушительно пробасил он. — Положено тебе там, скажем, американцев сбивать? Сбивай за милую душу! А на высшее божество нечего руки свои поднимать. А если он тебя молнией за это карает, так ведь за дело же! Грешен, значит, помыслами и делами своими! А не греши! — И он пристукнул по столу, словно и был тем самым божеством, на которого по невежеству поднял руку Ворожейкин.

Все помолчали.

— И все-таки «россошинский феномен» мы до конца не понимаем, — сказал наконец Кононыкин. — Я уже скольких людей опросил, а ясности нет. Все как в тумане. Ясно одно, что-то здесь действительно происходило. И такое происходило, что переворачивает все наши представления о живых и мертвых. Вы как считаете, Никанор Гервасьевич?

Ворожейкин для солидности помолчал. Пауза она и есть пауза. Если выдержана в нужное время и в нужном объеме.

— Я бы полагал, что правильнее было назвать происшедшее не россошинским, а царицынским феноменом, — тонким своим голосом проговорил он. — По имени области, на которой феномен имел место. Ведь, в сущнос-

ти, что такое Россошки? Малый населенный пункт, о нем никто в мире не знает. Другое дело — Царицын! Этот город на Волге известен всему прогрессивному человечеству. Одна Царицынская битва прославила его на весь мир! Царицын теперь знаменит не менее, чем, скажем, Розуэлл или гора Арарат. Но в целом я с вами согласен: феномен требует комплексного изучения. Вчера я ходил к силосной яме со своим биолокатором. Так зашкаливает, что рамка едва не вырывается из рук. Чуть меньше фон на склоне Натальина холма. Я обнаружил целую кучу захоронений, причем относятся они к самым разным эпохам. Но самое интересное, бешеный фон наблюдается у здания поселковой администрации! Даже больше, чем у силосной ямы. Чем это вызвано, я пока не берусь объяснить!

— И не объяснишь никогда, — мрачно пообещал отец Николай. — Мыслимое ли дело, божественные помыслы объяснять? Ежели каждая тварь, на Земле живущая, возьмет на себя храбрость Бога разъяснять, что ж тогда содеется?

— При чем тут Бог? — возмутился Кононыкин. — Привыкли, чуть что случится, все божественными помыслами объяснять. Феномен есть, но он скорее природное явление, которое нужно правильно изучать и давать ему необходимые научные оценки. Чтобы наш православный Господь да за каких-то фашистов радел?

— Господь, он гадов не любит, — согласился отец Николай и замер с полуоткрытым от удивления ртом. — Но если это не он, то кто же?

Ответ сам проистекал из вопроса, но Кононыкин и Ворожейкин деликатно промолчали. Лишь переглянулись меж собой со странными улыбочками, словно вот сейчас прямо на их глазах отец Николай впал в белую горячку и принялся ловить на своей рясе зеленых и веселых чертиков.

— Ладно, — мрачно сказал отец Николай, перехватив их взгляды. — Замнем для ясности. Как говорится у Исайи, «ждал правды, и вот — вопль!».

— А почему твой биолокатор в администрации зашкаливает? — удивился вдруг Кононыкин. — Ну, я понимаю, некротическое излучение там, черная биолокация, администрация-то при чем?

— Не знаю, — с сомнением пожал плечами Ворожейкин. — Что-то там есть, конечно. Но что? После войны в том доме комендатура лагеря была. Потом поселковый Совет. Ну а когда Советскую власть разогнали, администрация поселилась. Тот же поселковый Совет, только вид сбоку.

— А я знаю, — сказал с легкой запинкой Кононыкин. Уши его побледнели, кончик носа был красным, и это значило, что Дима созрел для научных обобщений. — Там, наверное, пленных расстреливали. Я читал в газете, что где-то на Енисее райотдел милиции подмыло. А в подполе того райотдела второе кладбище обнаружилось. Тайное. И чуть ли не в два раза больше основного. Такие дела. В «Енисейском демократе» заметка была. Поэтому и фон такой мощный.

— Горе тем, которые с раннего утра ищут ликеры и до позднего вечера разгорячают себя вином, — вдруг рассудительно сказал отец Николай. — И цитра и гусли, тимпан и свирель, и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют.

— Кстати, о музыке, — оживился Кононыкин. — Я включу телевизор? Там сегодня концерт Аллы Пугачевой показывать должны. «Женщина, которая отпела».

Некоторое время все слушали певицу.

— Завтра опять замеры делать буду, — ни к кому не обращаясь, сказал Ворожейкин. — Может, центр аномалии найду.

— А я опрос населения продолжу, — выложил свои планы Кононыкин. — Мне вчера на двух классных свиде-

телей указали. И еще раз с Александром Овечкиным побеседовать. О деталях. Коль, а ты чего делать будешь?

Отец Николай поднял голову и солово посмотрел на Кононыкина.

— А я в Двуреченскую церковь поеду, — неожиданно ясным и трезвым басом изрек он. — Чую я, бесы здесь завелись. Изгонять будем. Совместными усилиями с отцом Серафимом возьмемся.

Глава третья

Пока в Доме колхозника уфологи мирно рождали в спорах истину, в Россошках происходили серьезные события, еще скрытые от глаз постороннего наблюдателя, но тем не менее, несомненно, имеющие значительное влияние на еще не наступившее будущее. Так, третий сон Кутузова в деревенской избе в Филях, о котором никто не знал, кроме великого полководца, обеспечивал полную и безоговорочную победу над зарвавшимся Наполеоном. Следуя своему сну, Кутузов убедил императора допустить врага в Москву, а после печально знаменитого пожара, который выгнал не привыкших к российским морозам французов во чисто поле, преследовал их там, беспощадно расчленяя многочисленную армию захватчиков на части и громя всеми средствами, вплоть до ухватов и иной домашней утвари, коей были вооружены крестьянские отряды, объявившие французским завоевателям самочинную Отечественную войну. Аналогичную попытку ложно сдать Москву предпринимал Г.К. Жуков в годы Второй мировой войны. Но бывший тогда у власти И.В. Джугашвили, посасывая знаменитую трубку, сказал прославленному полководцу: «Иди ты на... со своими вещими снами. Можешь видеть в них все что захочешь, но Москвы я не отдам. Я тоже, брат Жюков, сны вижу. Копайте себе могилы на подступах или побеждайте!» Георгий Жу-

ков был тогда еще молодой, и умирать ему, естественно, не хотелось, поэтому копать могилу себе не стал, а принялся побеждать фашистских фельдмаршалов и так этим увлекся, что опять-таки дошел до Берлина.

Но мы отвлеклись, ведь речь у нас с вами шла о Россошках. Так вот, в Россошках и в самом деле происходили странные события. Акушерка поселковой больницы Анна Облепихова рассказывала, что за последний месяц в Россошках родилось пятеро детей и все — девочки. Детишки рождались крупные, с рыжеватым пушком на голове, но главное — под левой ручкой у каждой выделялась большая темная родинка, словно всех малюток кто-то пометил для своих неизвестных целей. И на лик они были схожи, напоминали известного в Россошках Ивана Непомнящего. Он, сволота такая, и в самом деле был непомнящим; при виде очередной еще незнакомой ему красотки всегда забывал, с кем амуры накануне крутил. Волнений особых рождение девочек не вызвало бы, ну, может, мужики Непомнящему морду бы набили — так не в первый же раз! Но тут почтальон, как на грех, привез в Россошки выписанный учителем физкультуры Данилом Молчановым иллюстрированный журнал «НЛО». Журнал первой стала изучать жена почтальона — Аглая, которая и наткнулась на статью, где черным по белому сообщалось, что рыжие девочки с родинкой под мышкой уже стали рождаться и в городе Санктъ-Петербурге, бывшем, значит, Ленинграде, и по всему выходило, заключал журналист, что исполняется древнее пророчество. По этому пророчеству получалось, что перед концом света миром будут править рыжие дьяволицы с родинкой в соответствующих местах. Следовательно, подводил итог журнал, конец света уже близок. Аглая тут же побежала по селу, тыча журналом в нос всем своим знакомым. Сначала, конечно, шум поднялся изрядный. Некоторые требовали немедленного линчевания Ивана Непомнящего как личного представителя Антихриста в Россошках. Другие резонно

возражали, ссылаясь на то, что такие девочки уже вон и в Питере рождаются, а Иван сроду дальше двуреченской развилки не ездил. Третьи осторожно говорили, что, мол, верно, так оно и есть, Иван из Россошек никуда не выезжал, но вот в прошлом году, как раз девять месяцев назад, из Питера в поселок девицы приезжали, и вообще все лето у Немецкого пруда туристки в палатках жили. А кто их знает, откуда они — может, и из этого самого Санкть-Петербурга?

Осторожности ради Ивана Непомнящего все-таки побили, но не как Антихриста, а как разнузданного и порочного в помыслах жеребца. Стали думать, что делать с родившимися дьяволицами. Отец одной из них, Антон Голубков, высказался в том плане, что дьяволица его доченька или нет, но многим поселковым экзорсистам не поздоровится, если они не заткнутся и на его младшенькую напраслину лить не перестанут. Голубков мужиком был видным, кулаки — как дыньки спелые, и возражать особо Антону никто не стал. Себе дороже! Те же, кто в журнальную публикацию уверился, утешали себя тем, что пока девочки вырастут, жизнь уже и пройдет. А что старому человеку конец света? Нет у старика к нему особого страха, главное — погрешить пока, чтобы в нужный день было за что перед Богом оправдываться.

Естественно, пронюхали о рождении необыкновенных детей и уфологи. Да только кто ж их пустит в дом, новорожденных разглядывать? Самое опасное время для сглазу. А глаза у уфологов, как многие уже отмечали, были весьма и весьма. Поэтому Ворожейкина с Кононыкиным с ихними рамками и на порог не пускали, ходили они около хат, и биолокаторы у них вращались, как пропеллеры, их за то так и прозвали россошинскими Карлсонами, пусть не шибко похоже, да зато по существу.

А отец Николай затею похитрее обдумал. Он родителей детишек крестить уговорил. Отец Николай как рас-

суждал? Если это дочки Антихристовы, то при крещении бесовская сила себя обязательно покажет.

Не показала. Девочки с любопытством вслушивались в слова настоятеля Двуреченской церкви и с видимым удовольствием проглотили по ложке кагору с медом. Не возражали они и против купели, только голосили пронзительно, но детям малым оно так и положено. Отец Николай тайком замерил штангенциркулем ихние родинки. Величина получалась одинаковая. Он уж совсем исхитрился вырвать у деток для исследовательских целей по рыжему волоску, но тайные усилия заметили бдительные родительницы и отогнали исследователя от младенцев. Отцу Николаю показалось, что одна из будущих дьяволиц при этом ехидно ему подмигнула и скорчила рожицу. Ничего страшного в ее лице не было, однако отца Николая почему-то пробил потный озноб. В довершение ко всему он рассорился с попом из Двуреченской церкви отцом Серафимом, который из-за неясных ему исследований прихожан терять не хотел.

— Если каждый будет у детишек с головы волосенки рвать, — хмуро сказал в редкую бороду отец Серафим, — то кто ж в такую подлую церковь ходить станет? Я тебя, Коля, сильно уважаю, но ты в моем Божьем доме не пакости, и так верующих намного меньше стало. Все в бизнес подались, молиться людям некогда, вся паства «бабки» делает.

— Эх, Серафим, — в сердцах вздохнул Николай. — Как заутреню за тебя провести, значит, выручай Коля, а как научный факт достоянием общественности сделать, так я, получается, мелкий пакостник? Не ожидал от тебя таких слов, Серафим. Истинно сказано: «Вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония».

— Это ты мне? — не поверил отец Серафим. — Мне ты это говоришь? А ну, выметайся из моего прихода. Чтоб ноги твоей здесь больше не было. Заутреню он за меня

служил! Забыл, куда я тогда ездил? Я к отцу Герману ездил, гвозди для ремонта церкви вышибал. У всех храмы благолепные, а мы в Двуречье чем хуже? Иди, иди, Коля, от греха. Иди к своим дружкам, что небесную нечисть изучают. И помни, Коля: нечестивый берет взаймы и не отдает.

Ведь как в воду смотрел, так оно все и было. Кононыкин отцу Николаю должен был триста рублей, но отдавать, судя по всему, не собирался. Все обещаниями кормил, намекая на какие-то авансы из неведомых редакций.

Такой вот у них с отцом Серафимом разговор случился.

В Дом колхозника отец Николай явился в самом дурном расположении духа. «Праведник выискался, — шептал он про себя. — Поучать меня вздумал! А сам по ночам к Марусе Федоровой ныряешь, любовными утехами противозаконно занимаешься, прелюбодействуешь, Серафимушка! А того ты не знаешь, что та Федорова не одному тебе благосклонности дарит и достоинства твои с иными любовниками обсуждает да высмеивает! Грешен, батюшка, ой, грешен! А от прелюбодеяния всего шаг до богохульства».

Дима Кононыкин в мятой одежде лежал на постели и читал толстую книгу со зловещим названием «Оккультные силы СССР». Отец Николай глянул на название и на всякий случай перекрестился.

— Носишь в дом пакость мерзостную, — проворчал он. — А где наш недостреленный?

— Никанор Гервасьевич? — Дима заложил книгу, бросил ее на тумбочку и спустил ноги с кровати. — На пруд поехал. Там, говорят, пацаны говорящую рыбу поймали. За нижнюю губу. Мату да крику было — на весь пруд!

— Кто ж кричал-то? — поинтересовался отец Николай, доставая из тумбочки колбасу и кефир.

— Рыба, конечно! — удивился Кононыкин. — Пацаны небось и слов таких не знают.

— А ты чего ж не пошел? — спросил отец Николай, нарезая колбасу кружочками.

— А чего я, говорящих рыб не видел? — Дима подсел к тумбочке соседа, голодным взглядом пожирая колбасу. — Да и зажарили ее уже наверняка. Ее же, говорят, еще вчера поймали.

— Рыба в садке долго не живет, — согласился Николай и милостиво придвинул Кононыкину бутерброд. Хоть он, паразит, долгов и не отдает, а все же всякая Божия тварь себе пропитания алчет.

— Я тут с учителем познакомился, — радостно сообщил Кононыкин с набитым ртом. — Хороший парень. Юра Лукин. Он в школе биологию преподает.

— Свидетель? — поинтересовался отец Николай.

Кононыкин не понял.

— Не. Свидетели Иеговы сюда не добрались. Они больше по Царицыну души улавливают. А Юрок — никакой не свидетель, он баптист.

— Баптисты самый вредный народ, — внушительно сказал отец Николай. — Из-за них православная церковь едва не распалась.

— Лукин нормальный, — сказал Димка, протягивая немытую лапу за вторым бутербродом. — На гитаре отлично играет.

— Скажи еще, что он баб тискает, — хмуро сказал Николай.

— Не. — Довольный Кононыкин беспрепятственно завладел бутербродом. — Говорят же тебе, баптист. А они женам верность хранят. В отличие от вас, православных попов.

— Положь бутерброд, — строго велел отец Николай. — Ишь ты, ранний какой, нашим же салом да нас по сусалам. Вот уж воистину: мед и елей на устах их, а в сердцах — гной.

— Ладно, — покладисто сказал Кононыкин, но бутерброда не положил. — Так я про Лукина не докончил. Заговорили мы с ним о покойниках, он мне роман один

пана Станислава Лема напомнил. Там покойники, что раком болели, от разных неучтенных факторов оживали. Ужастик, одним словом, но мысль по сути верная. Сейчас, в эпоху НТР, столько неучтенных факторов появилось, что в совокупности своей они могли привести к такому вот результату — мертвых из могил поднять.

— А почему эти самые факторы только немцев оживляют? — спросил отец Николай. — Заметь, кладбище здесь большое, а все на нем спокойно лежат: и православные, и мусульмане, и иудеи, правда, этих, слава Богу, немного. Атеисты, и те людей не тревожат.

— Вот-вот, — торопливо прожевывая очередной бутерброд, согласился Кононыкин. — Я его тоже об этом спросил. Так ведь факторы действительно не изучены! Во-первых, вера чужая, во-вторых, земля тоже чужая, в-третьих, все они насильственной смертью погибли. Язык опять же чужой... Ментальность, наконец! А тут, смотри, из-за Капъяра радиоактивный фон вырос, раз, — Кононыкин положил недоеденный бутерброд и загнул палец, — ракетные испытания проводились? Проводились! Сколько ядов различных на землю было вылито! Это два! Озоновые дыры, к примеру... Да мало ли! Не, Коль, я тебе так скажу: здесь комплексные исследования проводить надо. На институтском оборудовании. Ученых серьезных пригласить.

— Журналистов тоже надо бы, — задумчиво сказал отец Николай, полоща стакан из-под кефира в мойке.

— Зачем? — Кононыкин присел на постель. — Журналистов не надо, Колек. У меня на все эти события полный, как говорится, эксклюзив.

За дверью загремели, в комнату вошел хмурый Ворожейкин. Коротко поздоровавшись, он снял ботинки и принялся отмывать их прямо в раковине от желтой глины.

— Видел я рабов на конях, — проворчал отец Николай. — Не в хлеву ведь, чтоб пакостить вероломно!

— Илу полно, — ни к кому не обращаясь, сказал Ворожейкин.

— А рыбу? Рыбу говорящую вы видели? — нетерпеливо поинтересовался со своей постели Кононыкин.

— Сазан, — кивнул Ворожейкин и насухо вытер ботинки казенным ножным полотенцем. — Килограммов на семь. Полудохлый уже. Все — бля... бля... бля... Не поймешь, то ли в воду требует отпустить, то ли хлебушка просит.

Кононыкин встал, в одних носках прошел к телевизору и включил его. Некоторое время всматривался в мельтешение черточек на экране, потом пощелкал переключателем и уныло сказал:

— Вот, блин. Телик навернулся.

Глава четвертая

Телевизор сломался не только в Доме колхозника. К вечеру, когда пришло время очередного мексиканского сериала, уже прочно вошедшего в быт россошчан, выяснилось, что телевизоры программ не принимают и только шипят вроде больных простуженных гадюк, демонстрируя на экранах полеты космических частиц.

Народ привычно взялся за радиоприемники в надежде получить информацию из эфира. В переворот, конечно, никто не верил — когда переворот, по телевизору «Лебединое озеро» показывают или кинофильм «Юность Максима». Но и радиоприемники сельчан разочаровали. В динамиках на всех каналах шуршала пустота, только на волне «Маяка» слышалось какое-то мычание — не то мулла молился Аллаху всемогущему, не то какая-то рок-группа исполняла свою бесконечную композицию.

Где-то через полчаса муллу наконец прервали и в эфир прорвался странный, лишенный интонаций и словно неживой голос. Такой голос мог принадлежать роботу из научно-фантастического кинофильма типа «Планета бурь».

— Братья и сестры! — совсем по-сталински обращался к радиослушателям неведомый диктор. — Пришло наконец время, когда каждый должен ответить перед Господом нашим за грехи свои и пороки свои. Пришло время Страшного Суда. Послезавтра в двенадцать часов дня по

Гринвичу всем жителям Земли надлежит предстать пред Господом нашим и покаяться в содеянном. Время это дается вам для того, чтобы припомнили вы все грехи свои и не пытались таить их от Отца Небесного, ибо они ему хорошо известны и записаны на скрижалях Небесной Канцелярии. Перечень грехов своих необходимо подавать в письменном виде на стандартных листах бумаги, желательно отпечатанными через два интервала. Соседи, сомневающиеся в искренности грешника, всегда могут дополнить его перечень своим, который можно подавать и в рукописном виде, но исполненным не иначе как печатными буквами. Однако необходимо помнить, что клевета будет рассматриваться как тяжкий грех, а в отдельных случаях и приравниваться к предательству Иуды. Не выключайте свои радиоприемники и слушайте дальнейшие сообщения. А сейчас хор грешников исполнит для вас симфонию Шостаковича «Вечные страдания».

Эфир снова объемисто заполнило угрюмое невнятное мычание, которое после объяснений диктора казалось невыносимым.

Странное это обращение услышали и в Доме колхозника.

В гости к уфологам как раз зашел Аким Поликратов, местный борец за правду и демократические свободы. Борец был невысок, юрок, остронос и быстроглаз. Одет он был в коричневый костюмчик и такую же рубашку. Галстучек у него был подобран в тон рубашке. Поликратов вообще-то пришел в гости к Кононыкину и все допытывался у него, нельзя ли поместить хоть маленькую заметочку об ущемлении его прав местным участковым, который за последние два месяца три раза изымал у Поликратова изготовленный для личного употребления самогон.

— Для себя же гоню! — горячился Аким, прижимая к груди маленькие остренькие ладошки. — Ну, продашь кому из сочувствия бутылочку-другую, не без этого. Но нельзя

ж так! Предупредить сначала надо, побеседовать... Как вы считаете, Димочка?

— Мелок ваш вопрос для газеты, — терпеливо объяснял Кононыкин. — Газета затрагивает серьезные вопросы, которые широкое общественное значение имеют.

— Так они ж сами мой самогон пьют, — кричал Поликратов. — Акты на уничтожение составляют, так ведь известное же дело, как эти уничтожения проходят!

Сообщение все слушали с недоумением. Поликратова пришлось несколько раз прерывать, потом отец Николай сунул ему под нос кулак и велел замолчать. Поликратов замолчал, но попытался завершить свою историю оживленными жестами.

— Бред собачий, — уверенно сказал Кононыкин, прослушав сообщение. — Хотел бы я знать, кто это так прикалывается!

Отец Николай промолчал: задумался, видимо, о происходящем. Он лежал на своей койке в трусах и майке, скрестив на груди руки, задрав окладистую черную бороду вверх, и напоминал космонавта, готовящегося к старту. Или штангиста, который после двух неудачных попыток в рывке настраивался все-таки взять вес.

— Не знаю, — с сомнением проговорил Ворожейкин. — Странно все это. Телевизоры опять же не работают. Не похоже это на чей-то розыгрыш, Дмитрий. Сами посудите: мертвые из могил стали вставать? Говорящую рыбу поймали? Рыжие новорожденные с родинками объявились? Странный какой-то ряд проявляется. Теперь только Всадников не хватает да железной саранчи.

— А звезда Полынь? — поинтересовался Кононыкин. — Где она?

— Так ведь не ночь еще, Дима. — Ворожейкин покачал головой. — Знаете, я сам материалист, но в этой ситуации...

— Вы думаете, что и в самом деле? — спросил Поликратов, недоверчиво глядя на уфологов. — Судить нас всех

будут? Так это... бумагами запасаться надо. Рекомендации должны быть... характеристики...

— Какие характеристики? — скривился брезгливо отец Николай. — Ты что, хочешь Богу под нос характеристики совать? С печатями? Ну, брат, ты даешь! Совсем ты, Аким, одурел. Да на хрен Богу твои бумажки нужны?

Кононыкин сорвался с постели и принялся одеваться.

— Куда вы, Дима? — удивился Ворожейкин. — Сейчас Николай чаек поставит, мы все и обсудим.

Кононыкин махнул рукой:

— Да ну вас! С вашими теориями с ума сойти можно. Пойду к Лукину. — Он вдруг вспомнил, что еще не рассказывал о своем новом знакомом Ворожейкину. — Сегодня познакомились. Он биологию в школе преподает.

— Конечно-конечно, — согласился Ворожейкин. — Идите, Дима. Что ж вам в такой день дома сидеть!

Между тем на улице у правления разгорался спор. Как обычно, вечером здесь собралась теплая компания, чтобы полузгать семечки, пошлепать о стол картами и поговорить о текущих поселковых делах. На сей раз карты были забыты, да и о семечках собравшиеся напрочь не помнили. Шел жаркий спор.

— Это чечены во всем виноваты, — сказал тенором рассудительный Владимир Николаевич Степанов, работавший экономистом в мехколонне. Было ему за пятьдесят, и выглядел он нестриженым перезревшим одуванчиком, волею случая одетым в полосатую пижаму. — Нельзя же людей, как скотину, воровать. Вот Господь и осерчал. Да и американцы хороши. Взяли и Югославию забомбили. А там, между прочим, священная гора была, только я забыл, как называется. А они ее забомбили! Грех, значит, на душу приняли!

— А что чечены? — крикнул заслуженный животновод и чабан Магометов. По случаю праздника был он одет в обычный для кавказца наряд — синий джинсовый кос-

тюм и джинсовую же рубашку. — Чуть что, сразу чечены! Я, что ли, этих заложников ворую? Я — честный! — При этих словах смуглые и небритые щеки заслуженного чабана заметно порозовели. — У меня на точке генерал Шпигун не батрачит, можете проверить! Идите, смотрите! Магомет ничего не боится! Сами-то каковы? Кто у меня два года назад трех баранов из отары украл? Не вайнахи украли, русские украли! Шкуры побросали, как последние негодяи! А из них, между прочим, тулуп хороший сшить можно было.

— Ты, Магомет, генералов с баранами не путай, — веско осадил пылкого сына гор пожилой агроном Конякхин. Был он высок, плотен и густыми бровями походил на Брежнева позднего периода. Только лицо у него было морщинистое, как земля по весне. — Из генералов тулупа не сошьешь, это верно. Но генерал — это, брат, личность. Одно слово — персона! А твои бараны — тьфу! В них и мяса-то толком нету, так, на один зубок. Да и не мы их у тебя воровали! Ты что, хочешь сказать, что Степанов в твою кошару лазил ночью?

— А ты их растил, баранов моих? — загорячился Магомет. — Я про Степанова ничего не говорю, я Степанова как брата люблю, но ты пойми, баран — это тебе не генерал, баран ласку любит!

— Ну, положим, наши генералы ее любят не меньше, — рассудительно сказал Степанов, польщенный верой Магометова в его честность. — И ты, Магомет, не ори на весь баз, мы все тебя знаем как честного труженика и умелого скотовода. Но Бог на людей осерчал не из-за того, что ты свою скотину режешь да на базаре продаешь. Это вроде как по природе человеческой делается. А почему тогда все происходит? Я лично считаю, что помыслов черных много стало.

— Опять обижаешь? — вскинулся Магомет. — Почему говоришь — черный? Что я тебе, чурка азиатская?

— Вот, — сказал агроном Коняхин и челюстью клацнул, становясь тем совсем на помершего партийного лидера похожим. — Отсюда все наши беды — каждый хочет казаться светлее, чем есть на самом деле.

— А я так скажу, — достал из кармана портсигар бывший фронтовик Илья Константинович Апраксин. — Жиды, жиды, братцы, во всем виноваты! И Христа они распяли, и революций разных наворотили, опять же масонов напридумывали. А атом кто придумал? Жид придумал, Эйзенштейн ему фамилия была. И Березовский — жид, всю Россию обворовал, нищим народ сделал. Врачи, опять же, вредители, космополиты проклятые...

— Ой, да не надо, не надо лить на евреев! — жарко воскликнул бухгалтер районо Моисей Абрамович Коган и задиристым верблюдиком посмотрел на окружающих. — Чуть что, у вас одна песня — жиды виноваты! Вредители! Всех бы выслали, дай вам волю. Между прочим, мне и в Израиле жилось бы не хуже! Много вам жиды навредили! По телевизору для вас поют, музыку сочиняют, смехопанорамы показывают. Это Жванецкий с Хазановым хохлы или Ильченко с Карцевым русские? Куда ни плюнь, и науку мы двигаем, и искусство из-за нас на месте не стоит, слава Богу, и в политике мы не последние. Да вот хоть про меня, кто скажет, много вам Моисей Абрамович навредил?

— Ты, Минька, помолчи, — посоветовал Апраксин. — Не про тебя речь. Таких, как ты, я на фронте от проклятых фашистов защищал. Ты наш, так сказать, местный еврей, мы тебя все знаем, и польза от тебя народу громаднейшая, и семена ты по весне людям почти бесплатно раздаешь, но жиды ведь они и вредные бывают! Вон генерал Макашов как на них настропалился! Знать, они ему дорогу не единожды перешли. А на телевизор глянь! Сплошная «Голубая луна», как говорится, если педик, так еврей. Сам же давал мне книгу Климова читать. «Князь мира сего», не помнишь?

Коган засмущался.

— Телевидение, это да! — сказал он. — Тут я согласен. Бардак, а не телевидение.

— Вот из-за этой «Голубой луны» нас Господь и карает, — убежденно произнес экономист Степанов. — Сначала Содом и Гоморру, потом коммуняк на православную Русь натравил, теперь вот и наша очередь подошла.

— Да при чем тут Господь и коммуняки? — возмутился тихий и спокойный учитель физики Жасминов, который весь вечер просидел в уголке, умно поблескивая своей большой бритой головой. Нет, не зря утверждают, что молчание — золото: Жасминов говорил редко, но в Россошках почитался за большую умницу. «Его бы с Явлинским схлестнуть, — поговаривали жители Россошек. — Ох и далеко они оба пошли бы! Ох и далеко!»

Но сейчас Жасминов ничего к своим словам добавить не успел. Со своего места встал белый и кипящий гневом Апраксин и долбанул кулаком по столу так, что карты в стороны полетели.

— Коммуняки тебе не нравятся? — наливаясь кровью так, что усы стали невидимы на его побагровевшем лице, спросил Апраксин. — Ах ты, контра недобитая! Ты что ж думаешь, коли партбилет в девяносто втором сжег, так и чист теперь перед Богом? Да мы таких, как ты, в сорок втором на переправе под Калачем!.. — Он задохнулся от гнева, закашлялся, и кашель этот, как ни странно, разрядил напряжение, воцарившееся за столом.

— Не, мужики, — сказал Магомет. — Вы как хотите, а я пойду. Послезавтра встреча с Аллахом, постричься надо, побриться, барашка зарезать.

— Барашка-то зачем резать? — не поняли сидящие за столом.

— Махан кушать будем, — объяснил Магомет. — Сытый мужчина — смелый мужчина, смелый мужчина — гордый мужчина. Аллах смелых любит.

Некоторое время все молча смотрели вайнаху вслед.

— Интересно, — задумчиво сказал Жасминов, — нас там по секторам принимать будут или в порядке живой очереди?

— Тебе-то какая разница? — удивился успокоившийся Апраксин.

— Есть варианты, — продолжая о чем-то размышлять, странно отозвался учитель физики.

Поднялся и Степанов.

— Пойду я, мужики, — тонким голосом сказал он, обеими руками приглаживая светлые кудри, окружающие нимбом лысину. Смотрел он так, как могло бы смотреть постное масло, дай ему Господь глазки.

— Ты-то куда? — встопорщил усы Апраксин. — Обидел ся, что ли? Так я не тебя, я Жасминова имел в виду. Я-то знаю, что ты свой партбилет за иконой в горнице хранишь. Посиди еще. Рано. Я сейчас «томатовки» принесу, вздрогнем малость.

Степанов вздохнул.

— Другим разом, — горестно сказал он. — Мы вчера с Клавдией поругались. Мириться пойду. А то ведь и помириться не успеем.

Поднялся и Жасминов.

— И я пойду, — хмуро и недовольно проговорил он, тщетно стараясь не смотреть на Апраксина. — Вечер уже, а у меня кабанчик некормленый.

Апраксин с Коняхиным остались вдвоем. Апраксин наклонился, собирая рассыпавшиеся по земле карты, бросил их на стол и задумчиво оглядел пустые скамейки.

— Ну что, Петрович, по соточке? — предложил. — Я сбегаю.

— Не хочется, — отказался Коняхин. — Что-то сердце давит. Мои-то все в Сочи уехали. Как они там без меня? Назад вряд ли успеют.

— Ну пошли, коли так, — согласился Апраксин. — Не одному ж мне здесь сидеть!

Они неторопливо прошлись по Рабочей улице, Партизанским тупиком вышли на Лазоревую, где жили. Уже темнело, во многих хатах горел свет. В доме, где жил Жасминов, по стенам комнаты метались тени. Сам Жасминов сидел за столом и что-то писал, время от времени задумчиво покусывая кончик ручки.

— Пишет, — со смешком толкнул Коняхина в бок Апраксин. — Гляди, Петрович, никак наш учитель грехи считать взялся?

— Хорошо бы свои, — сказал Коняхин.

Глава пятая

Дома Юры Лукина не было.

Дома была его жена Катя.

– А Юра в город поехал, к отцу, — сказала она. — Что-то непонятное творится. Он и поехал узнать, что да к чему.

– А когда будет? — спросил Кононыкин.

– Или сегодня приедет, или завтра с утра. У него третий урок, значит, до одиннадцати будет точно.

– У вас телевизор работает? — спросил Кононыкин.

– Что вы, — мягко сказала Катя, — телевизоры в поселке ни у кого не работают. И по радио музыка странная.

– А передачу вы слышали? — нетерпеливо продолжал расспросы Дмитрий.

– Соседи рассказали, — кивнула Катя. — Потому и радио не выключаю, говорят, повторение обещали.

Хорошая жена была у Юры Лукина. Спокойная, светлая. На нее и смотреть приятно, не шалашовка какая-нибудь вроде постоянных знакомых Кононыкина. С женщинами ему вечно не везло. То фанатка подвернется, которая со спартаковскими болельщиками пол-Европы проехала, то панкушка с гребнем поперек головы из перехода на Старом Арбате, а в последний раз вообще попалась наркоманка со стажем, сначала все Димкины сбережения на ацетонку пустила, потом книги продавать стала,

а через некоторое время выяснилось, что она еще и у гостиницы «Москва» постоянно подрабатывает. Из-за этого у Кононыкина вышел нехороший скандал с ее сутенером, благо без поножовщины обошлось. А могли бы запросто пырнуть!

На Катю хотелось просто смотреть. Тихая и спокойная она была, как лесная речка.

— Можно я у вас посижу? — попросил Кононыкин.

— Чай пить будете? — спросила Катя.

По радио раздавались заунывные вздохи и плач. Неожиданно наступила пауза.

— Вы слушали музыкальную поэму Альфреда Шнитке «В геенне огненной», — объявил диктор. — Слушайте музыкальную пьесу Вивальди «Плач по христианским мученикам».

На взгляд Кононыкина, различия между только что звучавшими вздохами и теми, что начали звучать после объявления диктора, не было. Не плач слышался по радио, а стон. Причем стонали эти самые мученики.

В распахнутое окно слышались голоса. В одном из говоривших Кононыкин без труда узнал Акима Поликратова. Неутомимый сплетник уже был по соседству.

— Ну уволили меня за прогулы, — горячился Аким. — Так ведь сам знаешь, мне все равно больше там ходу не было. Я ж за критику пострадал, Степаныч, ты что, не помнишь?

— За сплетни тебя уволили, — сипло сказал собеседник Поликратова. — Помню, какие ты сплетни про начальника и секретаршу распускал! Его даже жена тогда бросила, насилу помирили!

— Так ведь правду говорил, — ахнул Поликратов. — Правду же, Степаныч! Я ж такой, я всегда за правду стоял! Ты и напиши коротенькую такую характеристику, правдолюб, мол, за то и страдал от начальства.

Катя подошла к окну и захлопнула его.

— Бывают же такие... — неприязненно сказала она.

На клеенке стола стояла сахарница, блюдце с куском масла и еще одно — с домашним сдобным печеньем.

Чай был горячим и вкусным. Чувствовалось, что к нему примешаны какие-то травы. Да и печенью не знавший сладости домашнего уюта Димка Кононыкин уделял должное внимание.

— Вы есть хотите? — спросила Катя. — А то я сегодня пиццу делала, а тут такое...

— Спасибо, — гордо отказался Кононыкин. — Я сыт.

«И разговаривает по-человечески, — подумал он. — Анджелка сроду не могла двух нормальных слов сплести. Все у нее было жаргонным: ширево, капуста, малешница, целяк, косяк, крутизна. Не женщина, а Эллочка-людоедка. И ведь я с ней жил!» — внезапно ужаснулся Кононыкин. На душе у него от этой мысли стало пусто, одиноко и светло, как бывает в коридоре студенческого общежития в период летних каникул.

— Катя, — спросил он. — А что вы думаете о происходящем?

— Ничего, — ответила та. — А что об этом можно думать? Жалко только, что все так быстро заканчивается. Правда?

Кононыкин пробормотал что-то невнятное.

— Еще чаю? — вежливо спросила Катя.

— Нет, спасибо. — Кононыкин торопливо поднялся. — Поздно уже. Я пойду. Вы Юрику скажите, что я заходил, ладно? Мне его обязательно увидеть надо... до послезавтра.

— Обязательно, — грустно сказала жена Лукина. — Потом увидеться будет куда труднее.

— До свидания, — сказал Дмитрий. — До завтра.

Он вышел во двор. Над головой уже раскинулось звездное небо, и почти в зените, в районе Большой Медведицы, словно зловещий немигающий глаз высветилась оранжево-голубая огромная звезда. Величиной она была с

изюмину. Ну вот, вздохнул Кононыкин, вот и последние сомнения отпали.

Звезда горела, заливая мир своим мертвящим светом, и свет набирающей полноту луны рядом с этим мощным и ровным свечением казался жалким. На горизонте слабо мерцало зарево. Воздух был чист и свеж, небеса безоблачны, и Дмитрий наконец ощутил сожаление о том, что́ подходит к концу. Но сожаление это было каким-то эфемерным, скорее всего потому, что крушение мира не сопровождалось разрушениями и пожарами, смертями и пеплом. Отсутствие нагромождения человеческих несчастий не давало вере в предстоящий конец всей человеческой эпохи разрастись и тем превратиться в горькую неизбежность, ощущаемую разумом и сердцем. Был обычный вечер, за которым обязательность утра казалась незыблемо неизбежной. Все воспринималось страшным, но увлекательным приключением. Попытка заглянуть за таинственную черту давалась сразу всем, и оттого предстоящее не вызывало в Кононыкине животного страха. Страшно уходить одному, каждый из живущих верит в бессмертие остального человечества, поэтому обещанное светопреставление скорее воспринималось началом чего-то странного, и было немного обидно, что там, впереди, существует такая же канцелярская скука рассмотрения письменных свидетельств о человеческой порочности.

В бархатной тьме небес что-то незримо зашуршало. Шорохи появились с востока, пронеслись над головой Кононыкина и стихли на западе. Потом накатила еще одна волна, за ней еще и еще...

«Вот и саранча, — отрешенно подумал Кононыкин. — Самое время для Всадников и Ангелов».

В номере Дома колхозника горел ночник.

На своей постели негромко похрапывал священник-уфолог Николай, но храп его медленно и неотвратимо

усиливался. Ворожейкин сидел на стуле и смотрел в окно. Лицо у него было печальным.

— Не спите? — Кононыкин принялся раздеваться.

— А как можно спать, Дмитрий? — спросил Ворожейкин. — Как можно спать, если осталось всего два дня?

— Можно подумать, ваша бессонница что-то изменит. — Кононыкин сел на постель, взбил подушку.

— Как вы можете? — укоризненно сказал Ворожейкин. — Как вы можете, Дима? Все человечество должно стоять сейчас на коленях и просить у Него прощения! Может быть, еще не поздно, может, он еще простит нас! А мы так глупо тратим оставшееся время!

Кононыкин встал, подошел к столу, взял графин и долгими гулкими глотками принялся пить воду. Поставил графин, подошел к окну.

— Успокойтесь, Никанор Гервасьевич, — сказал он. — Бесполезно суетиться. Мы сейчас вроде жука, которого энтомолог уже наколол на свою булавку. Просто представьте себе, что вы в камере смертников. И вот приходят для того, чтобы привести приговор в исполнение. Думаете, если вы станете биться в истерике, молить о пощаде, хватать своих будущих палачей за сапоги, это поможет?

Ворожейкин вздохнул.

— Вы считаете, что уже ничего не поможет?

— Не знаю, — ответил Дмитрий. — Просто мне кажется, что люди должны сохранять свое достоинство. Только сохранением человеческих качеств мы можем Его убедить, что достойны жить на Земле.

Они посидели у окна.

Вместо тьмы за окном царил странный полумрак. Над Россошками катились шуршащие волны.

— Саранча, — сказал Ворожейкин. — Значит, завтра придет время Зверя.

Где-то на окраине Россошек взвизгивающе ожила и смолкла гармонь, потом кто-то растянул мехи и пьяным, но сильным голосом затянул:

За лесом солнце воссияло,
Там черный ворон прокричал,
Прошли часы мои, минуты,
Когда с девчонкой я гулял.
Прошли часы мои, минуты,
Когда с девчонкой я гулял.
Когда с девчонкой я гулял.

— Странное дело, — горько сказал Ворожейкин. — Людей через два дня ждет что-то страшное, а они поют. Вы знаете, Дима, я это наблюдал еще во Вьетнаме. Когда людей много, они почти не боятся. Откуда это?

Кононыкин прошел к своей постели.

— Знаете что, — негромко проговорил он, — ложитесь спать, Никанор Гервасьевич.

— Не могу, — сказал тот. — Не могу. Я завидую Николаю, у него прекрасная нервная система. И у вас отличная нервная система, Дима. А я вот не могу. Казалось бы, шестьдесят пять, жизнь прожита. Ну чего мне еще? А вот жалко.

— Спокойной ночи, — сказал Дмитрий. — Отнеситесь к этому как к очередной боевой операции. И все будет нормально.

— Я ведь и не жил еще, — сказал Ворожейкин. — Суворовское училище окончил, потом — армия, Вьетнам, после демобилизации военпредом работал в Нижнем Новгороде. Думал, на пенсии поживу. Нет, не получилось. В пятьдесят лет подвел баланс. К сожалению, он оказался отрицательным. В пятьдесят лет я ничего не имею. Родственники умерли, жена ушла, детей у нас не было, интересной работой я так и не обзавелся. В общем, оказался банкротом по всем статьям. Грустно, верно? Вот и увлекся уфологией, думал, единомышленники мне заменят все, чего я никогда не имел. Вы спите, Дима?

— Сплю, — сердито сказал Кононыкин. — И вам советую. С такими мыслями... — Он не договорил и нарочито громко зевнул.

— Спите, спите, — сказал Ворожейкин. — Вы уж меня извините, это я так, стариковская блажь.

«Спите...» Кононыкин заснуть не мог. После стариковских размышлений его тоже потянуло на философию. Ну что он видел в этой жизни? Нет, помотался по стране он в свои тридцать два года достаточно. Считай, половину страны исколесил. Да что половину, скромно это было, пожалуй. Но ведь не в путешествиях дело. Человека определяет устроенность в жизни, а этой вот устроенности у Димы Кононыкина не было. Была комната с подселением и минимумом мебели, но с прекрасной библиотекой — пока Анджела книги на наркоту менять не стала. Была куча знакомых, которых нельзя назвать друзьями. С Димкой Холодовым сошлись близко, да убили Димку. А семьи не было. Были девицы, попытки создать нечто похожее на семью, но, надо честно признать, не шибко удачные. И детей не было. А может, это и к лучшему, волноваться не о ком. Мать Кононыкина умерла, отца он с рождения не знал. Правда, где-то жила тетка, но в жизни ее Кононыкин видел всего два раза, и, надо сказать, впечатления она на него не произвела.

Он перевернулся с боку на бок, кровать под ним заскрипела.

Ворожейкин по-прежнему сидел у окна и курил. Красный огонек медленно плясал на фоне мутного серого окна.

— Как земля производит растения свои и как сад произращает посеянное в нем, — вдруг звучно произнес отец Николай, — так Господь проявит правду и славу перед всеми народами...

Затаив дыхание, Дмитрий ждал, что святой уфолог, как он про себя называл Николая, скажет еще что-то, но тот всхрапнул яростно и громко, после чего тихо засопел.

«К черту! — решил про себя Кононыкин. — Надо спать. Завтра все прояснится. А то, может, мучаемся, переживаем, а кто-то вроде Орсона Уэллса пьесочку ставит».

Глава шестая

Единственный писатель Россошек Николай Пучеглазов прославился в начале девяностых годов, когда в районной газете «Заветы Ильича» в течение месяца опубликовал две большие статьи. Первая была посвящена тяжелому сталинскому наследию и рассказывала о судьбах россошчан в застенках НКВД. Жертв сталинизма было две — бухгалтер колхоза «Надежда» Иван Иванович Бурлаченко, арестованный за крупную для того сурового времени растрату, и колхозный пастух Федор Жмаченко, осужденный за антисоветскую агитацию. Среди кого он вел эту агитацию, установлено не было даже умелым следствием тех лет, но в приговоре отмечалось резкое снижение удоев в стаде, выпас которого осуществлял Жмаченко. Статья Пучеглазова изобиловала ссылками на А.Н. Яковлева, историка Роя Медведева, Авторханова и других светочей демократического движения. Но надо сказать, что время было беспокойное, шестая статья Конституции еще действовала, да и статья семидесятая Уголовного кодекса Федерации представляла определенную опасность, поэтому Пучеглазов решил подстраховаться и через неделю опубликовал в той же газете статью «Выше знамя ленинизма», в которой призвал россошчан сплотиться в борьбе за построение светлого коммунистического будущего и социализма с человеческим лицом. Районная газета к област-

ному руководству попадала лишь в виде отдельных вырезок. Поэтому демократическая заметка попала к демократически настроенным лидерам, а прокоммунистическая — к их идейным противникам. И у тех, и у других творчество Пучеглазова заслужило положительную оценку, поэтому, когда Николай решил выпустить свою первую книгу стихов под названием «Сыромять», ему не препятствовали и даже оказали благосклонную помощь как демократы, так и коммунистические ретрограды. Псевдоним Пучеглазов избрал себе красивый и звучный — Никола Воскресенский.

В дальнейшем Пучеглазов-Воскресенский искусно лавировал в политическом лабиринте, в зависимости от обстоятельств и того, кто в тот или иной период находился у власти, выпускал то сугубо демократический сборник «Приватизируя околицу», то выдержанную в стиле тридцатых годов коммунистическую поэму «Плач по советским колхозам». Довольно быстро он стал областным лауреатом, примкнул к деревенщикам, но там ряды были довольно тесными, и Пучеглазов, помыкавшись среди урбанистов, начал писать так называемую строевую прозу. После того как он дважды ошибся в уставных положениях, из строевой секции его вежливо попросили, и Пучеглазов снова вернулся на вскормившую его стезю поэзии. Одна за другой вышли его книги стихов «Посконь», «Лютава» и «Зари божественный закат», Николая избрали ответственным секретарем царицынского отделения Союза писателей, но тут наступило время рыночных отношений, и оказалось, что стихи можно печатать только в многотиражках или за собственный счет.

После долгих и голодных раздумий Николай Пучеглазов вернулся к документалистике.

Причиной тому стал вышедший на экраны фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Озарение пришло внезапно. Так бывает, когда на голову тебе сваливается кусок ши-

фера с недостроенного коровника. Да, это была вечная тема!

Вначале он призывал к покаянию нерадивых строителей из лиц кавказской национальности. Николай призывал их честно рассказать народу, сколько денег они передали взятками председателю и куда продавали материалы, похищенные при строительстве. Кавказцы фильм своего земляка Абуладзе не смотрели и на призывы правдолюба отреагировали крайне агрессивно. Выписавшись из больницы, Пучеглазов решил не искушать судьбу и ударился в политику.

На страницах районной многотиражки он призвал к покаянию местных коммунистов, особенно за ихние репрессии и зверства. Местным коммунистам в годы репрессий было по пять-шесть лет, и каяться за чужие грехи они не хотели. Но демократически настроенным кругам идея Пучеглазова понравилась, и он снова замелькал на страницах центральной прессы, а один раз сидел даже рядом с известным писателем Тучкиным на телевизионной конференции, демонстрировавшейся по ОРТ.

Но тут Пучеглазов допустил роковую ошибку. Уверовав в свою значимость, он призвал к покаянию приватизаторов, которых в то время возглавлял известный всей России человек, чье имя старались лишний раз не называть, чтобы не вызывать никому не нужного народного раздражения. Главный приватизатор поморщился. Этого легкого раздражения было достаточно, чтобы Пучеглазова схватили за шиворот и бросили в Россошки, словно слепого котенка в помойное ведро.

В Россошках Николай прозябал. Нет, он регулярно печатал в местной газете свои стихи и заметки, причем делал это настолько часто, что газету в народе прозвали «Пучеглазовкой», хотя официальное название, которое дали газете районные власти, было «Воскресение».

И тут наконец произошло событие, заставившее Пучеглазова встрепенуться, словно коня при звуке боевой

трубы. В сообщении по радио он услышал клик времени и понял, что именно ради этого он появился на свет.

Страх, который в первые мгновения вскипел в нем пенной волной, уступил место холодному и расчетливому азарту.

Утром следующего за Небесным сообщением дня газета «Воскресение» вышла с развернутой статьей Николая Пучеглазова. Статья называлась «Прости нас, Господи!» и была переполнена патетикой и выпадами писателя Пучеглазова против его личных врагов. По сути, статья была не чем иным, как доносом, посредством которого Николай рассчитывал все-таки достать своих противников, начиная с московских политических деятелей и кончая конюхом Вишняковым, который в пьяном виде разбил Пучеглазову стекло на веранде.

«В то время, — писал в заключение Пучеглазов, — когда Держащий семь звезд в деснице своей, ходящий посреди семи золотых светильников, узнал дела мои, и труд мой, и терпение мое, и то, что я не могу сносить развратное, и испытал тех, которые называют себя демократами и коммунистами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы, в трудный для нашей Родины час, в час суровых и бескомпромиссных испытаний, находятся все-таки люди, которые радеют за собственное благополучие более, нежели за общественное.

Бог видит дела их и воздаст им по грехам их, и все гонители и хулители доброго гореть будут в геенне огненной, а все поддерживающие доброе пребудут в райских блаженствах.

Покайтесь! Покайтесь, люди, и просите прощения у обиженных вами. Кому прощено будет, тому Небесами прощено будет дважды, а кто прощения не найдет, тому занять страшное место рядом с Иудою, быть ему во дни Суда оплеванным и оскорбленным. Придите и прощенными будете!

Обнимемся, братья и сестры! Обнимемся и расплачемся радостно, и вознесем молитвы во славу Отца Нашего, воздадим должное Ему и пророкам Его!»

— Во брехун! — восхитился Кононыкин, прочитав статью. — Однозначно Азеф! Во провокатор! Азеф — хренотень, поп Гапон — вот кто ваш Никола. Это ж додуматься надо, всех своих врагов в газетке обгадил. Как полагается, печатно, через интервалы и с абзацами. Молодец! Как его? — Он развернул газетку. — Воскресенский! Ну, блин! Это настоящая фамилия или псевдоним?

— Пучеглазов ему фамилия будет, — удрученно сказал Степанов.

А с чего ему радоваться было, если в статье Пучеглазов его фамилию использовал трижды в прямом смысле, дважды в нарицательном и однажды в собирательном.

Отец Николай ободряюще потрепал его по плечу и прогудел:

— Ты не расстраивайся, брат. Сказано у Аввакума: «Горе тому, кто жаждет неправедных приобретений для дома своего, чтоб устроить гнездо свое на высоте и тем обезопасить себя от руки несчастия!»

Ворожейкин мягко улыбнулся.

— Вот такие, с позволения сказать, интеллигенты и закладывали своих собратьев по ремеслу в приснопамятном тридцать седьмом. Но вы, Степанов, не волнуйтесь. Бог — не трибунал, он разберется в хитросплетении любых сплетен. Сказано же, все записано на Небесных скрижалях!

— Вашими устами да мед бы пить, — сказал Степанов. — Хорошо, если они там свои документы искать будут, скрижали эти самые. А если слова Пучеглазова на веру возьмут?

— Не должны, — после недолгого размышления, но без особой уверенности сказал Ворожейкин. — Сказано же, что воздастся каждому по делам его.

— Не знаю, не знаю, — продолжал сомневаться Степанов. — Любое дело можно по-разному расценить. Вон,

в тридцать седьмом у меня двое дядек на царицынской фабрике фуфаек работали. Один директором, а другой главным инженером. И что же? Одному за перевыполнение плана орден Трудового Красного Знамени дали, а второго обвинили в умышленном затоваривании складов фуфайками и осудили на десять лет.

— Диалектика, брат, — усмехнулся отец Николай. — Закон, понимаешь, единства и борьбы противоположностей. Тут уж ничего не попишешь.

Они сидели и беседовали на «пятачке», где обычно россошчане играли по вечерам в карты и домино. Торопиться было некуда, уфологией в последний день заниматься тоже не тянуло, а по домам никто из уфологов не торопился. Кто их там ждал, дома-то?

— А ведь живут же такие червяки, — с досадой сказал Степанов. — Вот посмотрите, завтра он подле Господа ошиваться будет, запишется в какие-нибудь небесные средства массовой информации и будет Страшный Суд освещать. Или спичрайтером к какому-нибудь Архангелу устроится.

— Это вряд ли, — покачал головой отец Николай и кашлянул. — Воздадут ему должное. Не зря же говорится, по мощам и елей! Гореть ему, суке, в геенне огненной!

Степанов покачал головой.

— Вы Пучеглазова не знаете. Этот и в геенне пристроится. У него это запросто. «С большим подъемом труженики Ада восприняли последнюю речь Вельзевула, — похоже передразнил он. — Работают они с огоньком, постоянно повышают и без того высокие показатели по кипячению грешников. «Молодцы, черти! — усмехается Сатанаил. — С такими мастерами нам и техники не надо, на голом энтузиазме райских высот достигнем!»

— Фуфло, — сказал со знанием дела Кононыкин. — До подлинных акул пера ему еще расти и расти. В завтрашней очереди ваш Пучеглазов будет в самом конце. Уж я-то знаю, не один год по редакциям хожу.

За домами послышался дробный топот, и на «пятачок» выскочил взмыленный Пучеглазов. Сейчас он свою фамилию оправдывал.

— Вы сегодняшнее «Воскресение» брали? — не здороваясь, спросил он собравшихся. Тут он узнал Степанова и кинулся к нему с извинениями: — Шура, прости! Честное благородное, редактор подлец, он исказил мою гражданскую позицию, веришь? Я же всегда тебя уважал как человека, ценил как специалиста, любил как односельчанина! Ты ж мне в детстве заместо брата был! — Видно было, что, позволь ему Степанов, Пучеглазов не раздумывая и к ручке приложился бы, и в щеки троекратно облобызал. Но Степанов только отчужденно сторонился и смущенно молчал.

Схватив со стола газету, Пучеглазов принялся с остервенением рвать ее. Бросив обрывки в урну, Николай повернулся к собравшимся с просветленной улыбкой.

— Еще шесть штук осталось, — сообщил он. — Почти весь тираж собрал, всего шесть штук еще найти надо.

По-спринтерски взмахивая руками, он устремился вдоль улицы дробным галопом. Сидящие за столом проводили его неодобрительными взглядами.

— Совесть проснулась, — удивленно покачал головой Степанов. — Гляньте, мужики, даже на человека стал похож!

Отец Николай гулко кашлянул. Похоже было, что где-то его накануне сквозняком протянуло.

— Что говорить, — бухнул он. — Истинно сказал Иов: «Блажен человек, которого вразумляет Бог».

— Осознал, значит, — закивал Ворожейкин. — Я так скажу: в любом человеке живет и светлое, и темненькое. А совесть — она как регулятор. Вот проснулась она у Пучеглазова и в светлую сторону обратила!

Кононыкин фыркнул:

— Размечтались! Совесть, светлая сторона... Вы из этого Пучеглазова джеддая не делайте. Все гораздо проще, он

вчера обращение не дослушал, а сегодня узнал, что за брехню больше дадут.

Они посидели, помолчали. День был обычным — сонечным и без ветра. В синеве небес наблюдалось слабое серебристое шевеление — словно паутину трепало.

— Пойду, — сказал Степанов. — Вам хорошо, вы приезжие, забот у вас никаких.

— Какие теперь заботы, — сказал Кононыкин. — Подумаешь, куры недоены останутся, свиньи нестрижены. Потерпят до завтра. А там всех досыта накормят!

Степанов рассудительно покачал головой:

— Чудак ты. Я курей да поросят еще вчера распустил на все четыре стороны. Нас карать будут, с людей спросится! Что ж им-то мучиться, когда нас заберут?

— А куда ж ты тогда торопишься? — удивился Кононыкин. — Какие у тебя заботы? Посуда не мыта? Белье не стирано?

Степанов встал.

— Окно докрасить хочу, — просто объяснил он. — Половину выкрасил, а другую не успел. Может, оно теперь и ни к чему, но все-таки душа красоты хочет. Домишко кукленочком смотрится, а окно вот не крашено. Прям как бельмо.

Кононыкин поднялся.

— Тогда и я почапаю, — громко объявил он. — Юрок, наверное, из города уже приехал. Узнаю, как там и что!

— У Исаи было сказано, — вдруг вроде совсем не к месту ожил отец Николай, — «Многочисленные домы эти будут пусты, большие и красивые — без жителей...».

И заплакал.

Но утешать его было уже некому, Ворожейкин подумал и с шустростью, совсем не подходящей для пожилого человека, побежал за Степановым.

— Саша, подождите, — сказал он. — Можно мне с вами? А то от этого безделья мысли такие — хоть в петлю...

Глава седьмая

Завскладом Ухватченко словно обезумел. Пришел к участковому, сопя, выставил несколько четвертей с закатанными в них купюрами да золотыми изделиями, сел и, заискивающе глядя участковому в глаза, сказал:

— Сажай меня, Иван Николаевич. Изнемогся я уже.

— А у меня на тебя заявлениев нету, — ответил участковый Храбрых.

Был он из сибиряков, отец его защищал Царицын да после ранения осел в Россошках, женился, детей настрогал. Ванька Храбрых в семье девятым был и самым хулиганистым. Потому и в милицию пошел. Три года в городе проработал, а там домой потянуло. Тут как раз старый участковый Дуличенко Владимир на пенсию вышел, и Храбрых его место занял. Царских указов Храбрых никогда не читал, но сметливым умом своим сам дошел, что народ напрасно обижать не надо, лишнего брать нельзя, без указаний не действовать и поперек батьки в пекло не лезть. Потому и прослужил тридцать лет, хоть и в малом капитанском чине.

— Каких еще заявлениев? — возмутился Ухватченко. — Я сам себе заявление. А вот это все, — он обвел рукой банки, — вещественные доказательства. Давай доставай свои наручники, мне в камеру уже пора!

— А не буду я на тебя наручники надевать, — уперся участковый. — Нет у меня, понимаешь, данных, чего ты и где украл.

— А я тебе расскажу! — уверил милиционера Ухватченко. — Садись, Ваня, записывай.

— И доказательств нету! — отбивался по инерции участковый, но в глазах его уже стал виден беспощадный охотничий блеск.

— Будут, будут тебе доказательства, — горячо зашептал Ухватченко и ловко пододвинул Храбрых одну из банок, — и свидетели будут, и накладные... А это тебе, Ваня, за труды. В протокол ее можешь и не вписывать.

— Сам чистым хочешь быть, — раздул ноздри Храбрых, — а мне, значит, взятку предлагаешь?

Ухватченко смутился. Глазки на сытом выбритом лице забегали растерянно. Губы в смущенной улыбке скривились.

— Да какая это взятка! — замахал он обеими руками. — Так, детишкам на молочишко!

— Забери, — хмуро посоветовал участковый. — Там откупаться будешь.

— Злой ты, Ваня, — горько сказал Ухватченко. — Я ведь от чистого сердца. Сказано ж в Писании: не согрешишь, не покаешься.

— Иди, иди! — Участковый уже принял решение, это было видно по его медальному лицу. — Не нужно нам... этого...

— Эх, Ваня! — укоризненно простонал завскладом, укладывая свои сокровища в широкий и объемистый картофельный мешок. — Раньше ты другой был. И маслицем с медком не брезговал, и семя подсолнечное мешками брал. Брал ведь, Ваня?

— За то и отвечу, — играя желваками, сказал участковый. — Иди, Аркадий Андреич, Господь с тобой!

Ухватченко собрал банки в мешок, аккуратно его завязал и, сгорбившись, вышел на крыльцо дома поселковой администрации.

Из окна кабинета главы администрации слышался спор.

— Ты ж, паразит, весь поселок замутил! — кричал глава. — Всех перебаламутил, всех перессорил! Все у тебя

непорядочные, один ты чистый. А вот тебе! Не будет тебе, Аким, положительной характеристики! На чужом горбу захотел в Рай въехать? Иди отсюда, иди! Я лучше Ваньке Непомнящему положительную характеристику напишу, чем тебе!

— Не губи, — ныл Поликратов. — Христом Богом прошу, не губи! Не бери грех на душу, Степаныч!

— Иди, иди, — напутствовал Поликратова глава Россошек. — Господь подаст!

Ухватченко злобно плюнул, подхватил мешок и двинулся к дому.

Из колонки рядом с домом набирали воду в ведра две его соседки. Оторвавшись от своего занятия, они молча смотрели на заведующего складом.

— Чего уставились, мокрощелки? — не выдержал Ухватченко. — Вылупили зенки! Думаете, вам там сладко будет? Все, все вам там припомнят! Всех мужиков посчитают!

Бойкая и разбитная лахудра Оксана Махоткина весело засмеялась, подбоченилась гордо:

— Нашел чем пугать. Я так думаю, что и среди Ангелов мужики попадаются. Отмолимся совместно. Это ты, Аркадий, все добро наживал. А наши грехи небольшие да сладкие, вон они около дома бегают.

— Ишь, невинные, — криво усмехнулся Аркадий Ухватченко и плюнул.

Войдя во двор, Ухватченко увидел жену. Алевтина Николаевна, расставив полные, но не потерявшие стройности ноги, стояла рядом с костром и швыряла в него пуховые да шерстяные платки, что вязала всю зиму для продажи в Царицыне.

— Ты что ж это, мать? — спросил Ухватченко. — Совсем обезумела?

— Молчи! — Алевтина Николаевна подбросила в огонь еще сверточек. — Не хочу, чтобы после меня кто-то всего этого касался! Сам-то куда ходил?

— К Храбрых я ходил, — нехотя признался Ухватченко. — Сдаваться ходил. Только он мне отказал.

— И-ии, — сказала жена. — Дурак ты старый. Нашел время! Кому она сейчас, твоя вина, нужна?

— Я ж ему все отнес, — не слушая жены, продолжал Аркадий. — Все банки повыкопал. А он мне сказал, там, мол, откупаться будешь! Ну, не подлый народ, Аля? Ну взял бы да и оформил. Ему все равно, а мне, глядишь, завтра заступничеством обернулось бы!

Он прошел к летней кухне, поставил звякнувший мешок на стол.

— Ты не очень рассиживайся-то! — прикрикнула Алевтина. — Огурцы не политы, из погреба кадушку вынесть надо!

— Кто их есть будет, огурцы твои! — буркнул Ухватченко. — Ты еще яблоки незрелые меня собирать заставь! Самое время!

Он скрылся в кухне и появился вновь, держа в руке зеленую тяжелую бутылку из-под шампанского. Судя по цвету, в бутылку было налито нечто покрепче. Наполнив стакан всклянь, Ухватченко медленно выцедил его и некоторое время стоял с зажмуренными крепко глазами, нюхая согнутый в суставе указательный палец.

Алевтина легкими шагами подбежала к столу, схватила бутылку.

— Огурцы полить ему некогда! — гневно раздувая ноздри, закричала она. Глаза у нее стали темными от злости, на полных щеках загулял румянец. — А водку жрать без закуси — самое время!

— Замолчи! — сдавленно сказал Ухватченко. — Замолчи, дура! Через тебя все!

Он открыл глаза и зашарил взглядом по столу, но ничего подходящего, кроме вялого кривого огурца, не обнаружил. Надкусив его, Аркадий сморщился от горечи.

— Давай! — сказала жена. — Всегда я в твоих неприятностях виноватая. У-у, храпоидол, залил с утра зенки!

Ухватченко злобно швырнул в нее огурцом и — попал.

Алевтина взвизгнула, блеснула злым глазом, но побоялась мужа.

Поставив бутылку на стол, она упала на скамейку у стола, спрятала лицо в ладони и горько, навзрыд заплакала, голося и подвывая. Ухватченко знал жену хорошо, не один год ведь жили и не один пуд соли съели. Знал он, когда Алевтина притворяется, разжалобить хочет, но сейчас она рыдала горько и искренне. «Да что это я? — с тоской подумал Аркадий. — Зачем зверя в себе бужу? Сколько нам еще той жизни осталось?»

Он шагнул к Алевтине, обнимая ладонями ее вздрагивающие плечи, вдохнул запах ее волос и неожиданно для себя тоже заплакал, неслышно и горько, как плачут обычно мужики, когда устают от напастей да неприятностей. Жена не отстранилась, не отодвинулась, только всхлипывать тише стала и уткнулась мокрым носом в его ладони.

— Ничего, Аля, ничего, — вздохнул Аркадий, вздрагивающе втягивая саднящим горлом воздух. — Не плачь. Может, оно все еще и обойдется...

А в небесах над Россошками плыло темное марево, напоминающее дым из паровозной трубы. Чуть ниже сновали, словно играя в салки, разноцветные шары, сталкивались, рассыпая при столкновении многочисленные искры, и тогда раскатывался дребезжащий трепетный грохот, как после удара молнии в грозовой туче. Грохот этот потревожил ворон, что селились в лесополосе вдоль дороги на Вертячий, вороны поднялись в небо, хриплым многоголосым карканьем своим пугая собак и кошек в близлежащих дворах.

На работу никто не пошел, поэтому люди по-соседски собирались на скамеечках у дворов, живо обсуждали происходящее, делились сомнениями и тревогами. Занятий в школе не было, и детвора, которая оказалась предоставленной сама себе, проводила занятия в соответствии со

своими представлениями об отдыхе. В детстве не верится в смерть, поэтому детвора воспринимала завтрашний конец света как обязательное и скучное мероприятие. Многие купались в пруду, некоторые ловили рыбу, а над поселком, заглушая карканье ворон и лай собак, раскатывались звуки маршей, которые крутили в администрации.

Апраксин и еще несколько стариков из ветеранов последней войны, надев пиджаки со звенящими на груди медалями да орденами, торжественной и надменной стайкой ходили по дворам, где их охотно угощали. И неудивительно — самому-то пить было совестно, да и жены не приветствовали дневную пьянку, а тут вроде и повод каждому был соответствующий, позволяющий для бодрости и присутствия духа пропустить стопку-другую, да и разговор под угощение более откровенный и искренний.

Степанов с Ворожейкиным шли по поселковой улице, чуть отстав от них, шагал Кононыкин, задумчиво загребая кроссовками дорожную пыль. Степанов с Ворожейкиным приостановились и подождали отставшего.

— Дима, — сказал Ворожейкин, — может, и вы с нами? Саша предлагает пойти к нему.

— А чего мы у него делать будем? — буркнул Кононыкин.

— Н-ну, — с легким сомнением протянул Ворожейкин. — Посидим, поговорим. Вы нам о журналистах расскажете, о путешествиях ваших...

— Знаю я эти посиделки, — солидно возразил Дмитрий. — Дядя Саша за «томатовкой» полезет, к вечеру наберемся по самые ноздри, потом к Магометову пойдем, махан кушать будем. А утром, естественно, встать не сможем. Будем ждать, когда нас ангелы на руках понесут. Нет, мужики, не хочется!

— Молодой еще, — вздохнул Ворожейкин. — Вот кровь в вас, Дима, и играет.

— А вот интересно, — сказал Степанов, пристраиваясь к семенящему шагу Ворожейкина. — Что сейчас американцы делают? Тоже небось ведь знают про завтра.

— Чего они могут делать, — хмуро сказал Кононыкин. — Тоже, наверное, пьют. Или молятся.

— Нет, Дима, не скажите, — возразил Ворожейкин. — Все-таки развитая страна. Я бы сказал даже — высокоразвитая.

— Ага, — сказал Кононыкин. — Саранчу дефолиантами потравить, живых мертвецов в крематориях пожечь, чтобы костями по ночам не гремели, а ангелов из зенитного комплекса «Пэтриот» ракетами посшибать.

— Это в вас неверие в человеческое могущество говорит, — сказал Ворожейкин. — И вообще, вся беда России заключается в том, что мы в душе своей атеисты. Нету в нас искренней веры.

— Поэтому я и сказал, что они там скорее всего молятся, — хмыкнул Кононыкин. — Не думаете же вы, Никанор Гервасьевич, что они попытаются сопротивляться неизбежному? Это больше нашим подходит, американцы народ богобоязненный, они каяться станут.

— Нет, все-таки это несправедливо, — вздохнул Ворожейкин. — Если Он наделил нас свободой воли, то по какому праву судит теперь?

— Вот, — подхватил Дмитрий. — Это в вас российский демократ проснулся. По какому праву? Кто виноват? Давайте по совести разберемся! Не пылите, Николай Гервасьевич. Он будет судить нас по праву сильного. По какому праву русские в Афган лезли? По какому праву американцы да НАТО разборки с Ираком и Сербией устраивали? Да ни по какому. Просто сильнее были. И нам на возражения пуштун да афганцев большой прибор положить было. Не так? А НАТО вообще прямо заявило: кого хотим, того и будем бомбить. А теперь, когда за нас самих взялись, взвыли — по какому праву, за что? Да за грехи наши! По праву создателя!

— Да какие у нас грехи, — вздохнул мрачный Степанов. С опущенной вниз головой своей он сейчас напоминал начавший подсыхать подсолнух. — Ну, я понимаю, Березовский там, Клинтон, наш Боря, они, может, и облажались. Убийцы там, наркоманы... Не нравятся они тебе, кто ж против — возьми и почисть человечество. Люди тебе еще и благодарны будут, если общество от убийц да гомосеков почистят, ворье и наркоманов поизведут. Человечество-то при чем? Не мы же их выращивали! У нас в Россошках сроду своих воров, окромя Ухватченко да прорабов с милицией, не было, да и те людям в тягость никогда не были, наркотиками никто не баловался, изнасилование последний раз тридцать лет назад заявляли, да и то еще надо посмотреть, кто там да кого снасиловал! У нас дома́ сроду на замки не запирались, не от кого было! За что ж нас-то? Мы ведь ни в чем не виноваты!

— Так в чем вопрос? — удивился Кононыкин. — Сидите да ждите, пустят вас всем скопом в Царствие Небесное, будете, блин, на жемчугах есть на берегу чистой реки. Жить будете в стенах из ясписа, ходить будете, как Ленин предсказывал, в сортиры из чистого золота. Вам-то тогда чего суетиться?

— Просто у вас, Дмитрий, получается, — вздохнул Ворожейкин. — Вас послушать, в Россошках сейчас праздник сплошной должен быть.

— Да чему ж тут радоваться, когда из привычной жизни вырывают? — удивился Кононыкин. — Еще у китайцев проклятие такое было: чтоб ты жил в эпоху перемен!

— Нет, вы, ребята, все-таки чокнутые, — покачал головой Степанов. — Какие перемены? Вы о чем? Нас всех судить завтра будут! Причем неизвестно еще, по каким законам!

Кононыкин невесело хихикнул:

— Как это неизвестно по каким? Открывайте Библию да читайте. Там все сказано. По делам, Александр Петрович, по делам нашим нас судить будут! По делам и помыслам!

Глава восьмая

Рядом с Лукиными жила осевшая на земле цыганская семья.

Сейчас в цыганском доме царила суматоха и двери были распахнуты настежь. Около двора стояло несколько разноцветных «жигулей», вокруг которых галдяще суетились женщины и детвора. Сам хозяин Челеб Николаевич Оглы стоял у ворот в синем жарком костюме, брюки заправлены в хромовые сапоги. Оглы был невысок, коренаст, смугл и носил окладистую бороду, в смоляную густоту которой уже вплелись серебряные пряди седины.

— Здорово, Челеб, — сказал Степанов. — Далеко ли собрался?

Оглы крепко пожал руку Степанову, бережно — Ворожейкину, кивком поздоровался с Кононыкиным.

— Кочевать будем, — просто объяснил он.

— Поздно собрался, — заметил Степанов. — Далеко ли за сутки укочуешь?

Цыган махнул рукой:

— Какая разница? Положено так. Деды кочевали, отцы кочевали, мы тоже поедем. Цыган смерть в дороге встречать должен. — Он неожиданно подмигнул Степанову. — Или в драке. Выедем, найдем место у речки, поставим табор. Я шатер не выбрасывал, так и лежит он на чердаке. Вот, понадобился...

Маленький черноглазый цыганенок нес вслед за матерью пуховую подушку. Подушка была большая, она мешала мальчишке поспешать за женщиной, но цыганенок старался не отставать и для того водрузил подушку себе на голову, семеня за матерью мелкими путающимися шажками. Мальчуган смотрелся уморительно, и от этого горький комок вставал в горле и щемило в груди.

— Ладно, — отворачиваясь, сказал Дима Кононыкин. Сейчас он выглядел совсем по-мальчишески — взъерошенный, лопоухий и в мелких веснушках, он смотрел на происходящее вокруг растерянно и обиженно. — Пойду я...

— Детей жалко, — сказал цыган Челеб у него за спиной. — Ну, нас бы судил. Мы-то вроде привыкли! Их-то зачем?

Дверь в дом, где жили Лукины, была открыта, и из коридора слышался спокойный баритон Юрия:

— ...Съехали с моста, тут видим — вторая волна идет. Такая туча! На полнеба. Водитель по газам, а около моста через канал она нас догнала. Мы и опомниться не успели, а все вокруг саранча усеяла. Как снег с неба посыпалась. Лесополоса стеной стала, только зеленая и шевелится, словно живая. Бетонку забило так, что как по воде едешь. И хруст стоит. Представляешь, Котенок? Почти до поселка по саранче ехали. Думали, что и в Россошках такое. Доезжаем до пруда, а там чисто. Ни одного насекомого нет. И деревья в зелени стоят. Представляешь?

— Можно? — спросил Кононыкин и постучался в притолоку.

— Входите, — сказала из комнаты Катя.

Дмитрий вошел. Катя сидела на тахте, а ее муж присел на краешек стола и смотрел на Кононыкина тревожными серыми глазами.

— Привет, Юра. Ты когда приехал? — спросил Дмитрий.

— Утром сегодня, — сказал Лукин. — С первым автобусом.

— А они еще ходят? — удивился Кононыкин. — Я думал, что в городе вообще никто на работу не вышел!

— Да нет, — сказал Юра. — С утра-то все пошли. Хотя бы для того, чтобы новости узнать.

— Кстати, — оживился Кононыкин, — а какие новости?

— Плохие. — Юра Лукин слез со стола и прошелся по комнате, держа руки в карманах брюк. — Никто ничего не знает, во всех церквах столпотворение настоящее. Бизнесмены по попам с портфелями денег бегают, а кому они сейчас, эти деньги, нужны? — Он помолчал. — Говорят, вода в Волге черная и густая, как деготь. Сам я не видел, но сосед отца рассказывал... Всю минералку в киосках скупили. Давка страшная, кое-где даже драки случались. В магазинах и библиотеках всю религиозную литературу разобрали, только поздновато, наверное, ее изучать. Раньше надо было!

— А отец обо всем этом что думает?

— У него своя теория, — усмехнулся Лукин. — Он в конец света не верит. Он мне говорит: «Юркин! Не верь, это нас накалывают, заразы, готовность нашу проверяют. Вот и устроили учебную тревогу!»

— Кто устроил-то? — недоуменно спросил Кононыкин. — Наши, что ли?

— Скажешь тоже, — фыркнул Лукин. — Куда им! Там, — он ткнул пальцем вверх, — там кому-то такая идея в голову пришла!

— Выходит, и там специалисты по гражданской обороне имеются? — усмехнулся Кононыкин.

— Нет, здравое зерно в словах отца есть, — задумчиво сказал Лукин. — Перед концом света Христос должен был явиться. Но ведь не было пришествия!

— Это ты так думаешь, — сказал Кононыкин. — А многие считали, что уже было. Когда отец Виссарион явился и поселок счастливых стал в Сибири строить. Читал в газетах?

— Читать-то я читал, — сказал Лукин. — Только не верю я в его святость. Он же бывший милиционер, а от-

куда у них святость? Даже у лучших ничего, кроме неверия, нет. Они же с грязью дело имеют, а когда с грязью возишься, обязательно испачкаешься или чистое вокруг видеть перестанешь.

— Что же, выходит, нас просто на вшивость проверяют? — спросил Дмитрий. — Смотрят, будем ли мы друг на друга стучать? Если станем, то, значит, хана нам всем, испортились мы окончательно и исправлению не подлежим. А если не станем друг друга закладывать, то на небесах нам еще один шанс дадут. Так, да?

— Да нет, — сказал Юрий и сел на тахту рядом с женой, обнимая ее за плечи. — Есть одно объяснение, но ты, Дима, его не поймешь, наверное. Ты же неверующий, а им объяснения нужны такие, которые в научной плоскости лежат.

— Да уж какая тут наука, — проворчал Кононыкин. — Не войну ведь, Страшный Суд объявили!

— Бог установил закон нравственности, — сказал Лукин. — Ну, там, не возгордись, не сотвори себе кумира, не убий... Одним словом, нормы поведения, ведущие к совершенствованию добрых начал. И дал людям развиваться. Но для того чтобы идти к добру, надо было уверовать в его обязательность и необходимость. А мы не уверовали. Это не суд, Дима. Это проверка людей на зрелость. Сказано же, что по делам и плодам его человека узнать можно. Это своего рода экзамен, Дима.

— Точно, — сказал Кононыкин, садясь на стол верхом. — А нам, как студентам, времени на подготовку не хватило. Надо было за Библией сидеть, а мы, дураки, пивком пробавлялись да девочек по кафе водили.

— Видишь, — мягко сказал Лукин. — Я же говорил, что ты не поймешь.

— А ты объясни тупому, — рассердился Кононыкин. — Ну, не уверовали, ну, дураки, что ж нас за это — с лица Земли стирать?

— Я, наверное, неправильно выразился, — сказал Лукин. — Экзаменом это не назовешь, ты прав. Бог не профессор, у которого можно получить проходной балл. Мы все просто яйца, но нельзя быть яйцом вечно. Мы должны вылупиться, превратившись в невероятную птицу, либо протухнуть. Пришло время, и дурное будет отброшено им, а истинное приближено.

— Как у Стругацких, — усмехнулся Кононыкин. — Есть у тебя нужный зубец — пойдешь в людены, нет — прозябай на Земле в простых и бескрылых людишках.

— Нет, ты никак не поймешь. — Лукин подошел к окну. — А скорее всего это я не могу объяснить так, как нужно.

Форточка была открыта, и слышно было, как отъезжают от цыганского дома машины. Что-то кричал Челеб, но понять из-за шума машин его было трудно.

— Впрочем, все это не важно, — сказал хозяин дома. — Давайте чай пить. Все наши рассуждения уже ни к чему, мы не в силах чего-то исправить.

— Юра, а тебе не страшно? — спросил Кононыкин.

— Нет, — спокойно сказал Лукин.

В спокойствии его отсутствовал наигрыш, и Кононыкин поверил. А как ему было не поверить, если он и сам не испытывал страха. Волнение — да, тревога не отпускала его, словно завтра предстоял прыжок с парашютом. Пусть ты даже вызубрил теорию, все равно душа живет беспокойно — где набраться решимости, чтобы броситься в бездну, еще не зная совершенно, каким будет приземление и состоится ли оно вообще?

В молчании они пили горячий и ароматный чай, когда под окном послышались торопливые шаги, и в дом без стука влетел Степанов. Рубашка на нем была расстегнута до пупа, открывая голубую майку. Лицо у Степанова было растерянным.

— Чай пьете? — с порога обрушился он. — Иди, учитель, посмотри, что творится. — Он заметил Кононыки-

на. — Ты еще здесь, уфолог? Иди тоже глянь, то тебе похлеще всяких тарелочек будет! Пошли выйдем, может, кто из вас объяснит, что там такое!

Они вышли из дома. Жители домов уже высыпали на улицу, и лица их были обращены в сторону невидимого из-за расстояния Царицына. Небо было чистым, если не считать нескольких туманных тучек куда-то стремящейся саранчи. Сначала Кононыкину показалось, что над невидимым городом вращается огромный, лишенный формы смерч, но уже через несколько секунд стала видна огромная темная фигура в балахоне. Казалось, что фигура касается острым капюшоном тонких серебристых облачных нитей в небе. В руках у этого странного и жуткого существа была исполинская коса, которой оно взмахивало с упрямой размеренностью автомата. Из-за расстояния шума разрушений не было слышно. Вокруг существа клубилась, свиваясь в черные смерчики, пыль, которая и придавала его фигуре аморфность. Кононыкин представил, как под ударами косы пожухлой прошлогодней травой рушатся многоэтажные здания, дыбится и гранатно разрывается на смоляные осколки асфальт, крошатся в пыль железобетонные плиты, выпадает из разрушенных домов мебель и тряпье, еще недавно бывшее модными вещами, и зажмурился. «Вот так, — билась в виски одна и та же мысль. — Вот так, Димка! Вот так!»

Кононыкин обернулся. Лица у Лукина и его жены были спокойными и печальными, как вода в донских омутах. Губы одинаково шевелились, словно они молились про себя одной и той же молитвой.

— Ну? — нетерпеливо спрашивал рядом Степанов. — Кто мне скажет, что это? Или кто?

Дмитрий посмотрел ему в глаза, полные страха и любопытства.

— А ты не понял? — спросил он. — Это Косарь.

Он снова повернулся к Лукину, который, казалось, сейчас не замечал ничего вокруг, а только не моргая смотрел на клубящийся над городом Ад. По лицу жены Лукина текли слезы.

— Что-то не похоже на учебную тревогу, — сказал Кононыкин и, только сказав, сообразил, какую непроходимую и непрощаемую глупость сморозил. «Как же я не сообразил, дурак? У них же родители в городе, — подумал он. — Как же я не сообразил?!»

Глава девятая

Все-таки верно говорят, что Земля круглая. И на всей этой Земле имеется лишь один-разъединственный поселок — Россошки. Иначе чем объяснить, что все трое уфологов разошлись с утра в разные стороны, а встретились после обеда у сильного и смелого человека Магомета Магометова? Джигиты уже сделали свое дело, освежевали барашков, аккуратно развесили сушиться шкурки и ждали, когда женщины сварят махан.

— Садись, — сказал Кононыкину великодушный Магомет и рукой показал на одеяла у разостланного прямо на полу стола.

На импровизированном дастархане в круглых железных чашках краснели соленые помидоры, зеленели соленые огурцы, извивались длинные стручки горького перца, дымилась только что сваренная картошка и белел горский сыр, при одном взгляде на который уже становилось солоно во рту. На отдельной тарелке стопкой громоздились тонкие лаваши, рядом дымились румяные своей спелой желтизной чебуреки.

— Садись, дорогой! Гостем будешь!

Рядом с Магометом сидели по старшинству его сыновья, тут же, неуклюже скрестив под собой ноги, покачивался уже изрядно хлебнувший с утра Апраксин. Дружков его не было видно, похоже, что стойкостью и закалкой

они намного уступали именитому фронтовику. Апраксин сидел молча и только время от времени трогал то усы, то ордена на груди — все ли на месте, не потерял ли какую награду по дороге к Магомету?

С левой стороны за столом заправским мусульманином восседал отец Николай. Видно было, что ему не привыкать сидеть со скрещенными ногами. Ряса нелепо смотрелась за праздничным столом мусульманского дома, но сам отец Николай с его черной окладистой бородой был вполне на месте. Рядом, привалившись к товарищу, лежал Ворожейкин, деликатно поджав под себя ноги в серых носках. С другой стороны сидели Степанов с Коняхиным, а между ними Моисей Абрамович Коган, с обвязанной полотенцем головой, отчего он, если бы не ярко выраженные семитские черты, мог бы сойти за муллу или индийского раджу.

Кононыкин подумал и опустился рядом с Ворожейкиным.

Магомет Магометов осторожно наполнил стопки «томатовкой», подождал, пока все разберут их, и поднял свою.

— Друзья! — звучно произнес он. — За столом людей собирают несчастья и радости. Нас с вами, к сожалению, собрало несчастье. Завтра род людской сгинет с лица земли и не будет нас. Не будет ни вайнахов, ни русских, ни украинцев, ни евреев. Ни немцев, ни американцев... ни евреев. Вообще никого не будет! Тридцать лет я прожил здесь, и если бы Аллах дал мне того, прожил бы еще триста тридцать! Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Наш срок настал и Он видит рабов своих! Завтра выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния; и кто сделал на вес пылинки добра, увидит его, и кто сделал на вес пылинки зла, увидит его. Пусть увидит Аллах, что живущее в вас и в детях ваших добро безмерно велико и что живущее в вас зло крохотно и безопасно.

Все выпили. Сыновья повторяли каждый жест Магомета, даже зажмуривались и выдыхали воздух так, как это делал он. Хлеб ломали по-отцовски уверенно.

Серые незаметные женщины, пряча лица в платки, внесли большие тарелки с крупными розовато-серыми дымящимися кусками мяса. Густой мясной дух разошелся по комнате, и Кононыкин почувствовал, что он весь день ничего не ел. Чай, пусть даже со сдобным печеньем, был не в счет.

— Ты где был? — спросил отец Николай.

— У Лукиных сидел. — Кононыкин закружил рукой над блюдом, выбирая кусок попостнее.

— А мы думали, ты в Царицын подался. — Отец Николай щепотью взял горький перец, откусил, принялся жевать. — Что, браток, окончен акт пиесы? Знаешь, что уже и летающие тарелочки объявились? В одиннадцать часов их над Двуречьем целая армада кружилась. И цилиндры, и конуса, и тарелочки... Прямо как у Сола Шульмана в книге.

— Ты знаешь, Коля, — сказал Кононыкин. — Мне сегодня в голову одна жуткая мысль пришла. Никакой это не Страшный Суд. Это вообще к Богу отношения не имеет.

— Да? — Отец Николай внимательно поднял бровь, одновременно выбирая кусок соленого сыра. — Что ж тогда это, по-твоему?

— Вторжение инопланетное, — сказал Кононыкин. — Помните, Никанор Гервасьевич, мы накануне об американцах говорили? Ну, что они Ангелов из своих «Пэтриотов» сбивать попробуют? Так вот, все, что происходит, — это простая маскировка. Зря они, что ли, несколько десятилетий над планетой летали? Они нас изучали, очень внимательно изучали и нашли уязвимое место. День Страшного Суда. Не будут же верующие своего Бога ракетными и лазерными залпами встречать? Тем более что идет он судить по справедливости. Вот и использовали для вторжения религиозный антураж. Ну, ты сам посуди, не может же Бог нас всех призывать стучать друг на друга. Зачем Ему это? Он же и без того все знает. Зачем Ему

Косаря на Царицын насылать? Зачем вообще город разрушать? Это не для Бога, это может сделать лишь обычное разумное существо с комплексами.

— Много ты знаешь о делах и помыслах Господних, — проворчал отец Николай. — Сказано у Иоанна: «...и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град».

— Погодите, Николай, — вдруг сказал Ворожейкин. На бледном лице его читался живой интерес. — А ведь в его словах есть определенный резон.

— Какая разница? — отозвался священник. — Даже если наш молодой друг прав, для нас это сейчас не имеет никакого значения. Умирать придется в любом случае. Что мы можем противопоставить тому, кто способен обрушить саранчу на землю, призвать Косаря для разрушения миллионного города, оживить мертвых и лишить все человечество средств коммуникации? Для нас они тот же Господь, только, как вы говорите, вид сбоку. Я предпочитаю оставаться в вере, Никанор Гервасьевич. Так спокойнее. И душа меньше болит.

— Завидую я тебе, Магомет, — вдруг ожил сидящий рядом с ними Апраксин. — Ежели бы многоженство нашим кодексом разрешалось, я бы сам мусульманином стал. Наши-то бабы вредные — скажешь ей: «сготовь закусочки, с друзьями посидеть хочу», она тебе такого наговорит, «томатовка» в горло не полезет.

— Постой, постой, — сказал Ворожейкин, стараясь не обращать внимание на пьяного старика. — Выходит, все это сделано с одной целью: лишить человечество способности к сопротивлению?

— Точно, — кивнул Кононыкин. — Вот говорят тебе: Я твой Бог и пришел судить тебя по делам твоим. А ты знаешь, что такая возможность однажды уже была предсказана. Что ж ты, на своего создателя с топором кидаться станешь?

Он потянулся за сыром и вдруг увидел блестящие и внимательные глаза Когана.

— Что, Моисей Абрамович, — спросил Кононыкин, — страшно? Раньше бояться надо было. В тридцать третьем году от Рождества Христова.

Коган покачал обвязанной полотенцем головой:

— Ох, Дмитрий, вам все высмеять хочется, над всем поиздеваться. А мне сон вчера снился, Дима. Жуткий сон. Снилась мне дорога, по ней толпы людей идут, усталые все, измученные, а среди них и наша семья. Эсфирь ноет, Лизонька плачет. Жара стоит неимоверная, впереди поднимается алое зарево, словно там гигантскую печь растопили, а вдоль дороги Ангелы с херувимами на поводках стоят. Плач стоит на дороге, крики жуткие. А Ангелы смеются. И херувимы тоже смеются... Только их смех на лай больше похож...

— Эй, казак иерусалимский, — с веселостью человека, слегка перебравшего, окликнул Когана Магометов. — Чего грустный такой? Джигит веселым должен быть, радостным. Не каждый ведь день с Аллахом встречается!

Он снова высоко поднял стопку.

— Уныние правоверного — радость для лукавого. Ликуйте правоверные, чтобы впал в уныние лукавый. «Терпи же и прославляй хвалой твоего Господа до восхода солнца и до захода, и во времена ночи прославляй Его и среди дня — может быть, ты будешь доволен».

Выпили за сказанное.

— Да, — снова ожил Апраксин. — Знаменитое, так сказать, восточное гостеприимство. Помню, перед Тегеранской конференцией нас в Иран отправили. Ну, туда-сюда, пообжились немного, по-персицки малость нахватались, пошли в самоволку. Ну и, значит, прямиком в публичный дом. А там англичане уже в очереди стоят. Мы, ясно дело, поддамши, но — в меру. По бутылочке приняли, а больше ни-ни. А хмель все одно в голову лупит. Ясное дело, что́ нам очередь, особенно англичан-

ская. Они, желторотики, еще войны не нюхали, а уже на баб лезть собрались. Вот. Понятное дело, англичане сплошь молоденькие, заедать стало, что оттесняем их. Ну, они, конешно, в драку. Да-аа! — Апраксин задумчиво тронул зазвеневшие медали и ордена, заулыбался давним, но приятным воспоминаниям. — Тут нам не до баб стало, кровь-то играет, душа выхода требует. Верите, тремя патрулями забирали! Заарестовали, конешно. Утром проснулись, вспоминать боязно. Союзникам морды понабили. Да за это нам точно порт Ванино светил всем разом. А обошлось. Сталину доложили, тот улыбку в усы спрятал и спрашивает: «Кому больше досталось?» Генерал английский ему под козырек: дескать, на наших вояк глядеть без плача нельзя. Тогда Сталин и говорит: нет, говорит, таких солдат, что в рукопашной схватке русских одолели бы. И Берии командует: наградить и на германский фронт отправить, определить всех в разведку... Так нас перед отъездом в том публичном доме два дня на халяву кормили-поили, а уж как бабы к нам относились! — Апраксин хлопнул стопку, торопливо закусил и, выдохнув воздух, загадочно заключил: — Так вот оно бывает, целишь в задницу, а попадаешь в лоб!

— Бывает, — неопределенно сказал Ворожейкин, сооружая себе огромный бутерброд. — Мы во Вьетнаме однажды...

Что у Ворожейкина было во Вьетнаме, осталось неизвестным, потому что где-то вдали вдруг послышался гул, казалось, будто дрожь настигла небеса и заколебалась земля под ногами, зазвенели стекла в окнах, затрепетали мелкой дрожью стены дома. Медленно волнения воздуха и земли успокаивались, а когда все уже стихло, примчался с востока дышащий жаром поток воздуха и ворвался в комнату, потно облизывая лица сидящих за столом.

— Что это? — испуганно спросил Степанов, обводя взглядом сидящих за столом.

— Кажется, что кто-то усомнился в происходящем, — сказал Кононыкин. — Или силы вторжения показали свое могущество. Больше всего это похоже на далекий ядерный взрыв.

— Кто может бросить вызов могуществу самого Аллаха? — спросил Магометов и сам себе ответил: — Никто. Ведь воинства небес и земли принадлежат Ему и никому более.

— Но Ему ли принадлежат воинства подземелий? — шепотом сказал Кононыкин и толкнул в бок Ворожейкина. — Ему ли принадлежат воинства чужих звезд?

— Воевать — дело неблагодарное, — возразил Магомет. — Одни мучения для людей. Я недавно в Грозный ездил, до сих пор развалины стоят. Разве так можно? Разрушить разрушили, а построить опять забыли.

— Ты, Магометка, не дело говоришь, — покачиваясь, сказал Апраксин. — Чечены в горах шашлыки жарить будут, а мы им город восстанавливать?

— Э-э, — замахал короткими ручками Коган. — Вы так до драки дойдете. Ну, побомбили немного, поспорили. У меня претензии к обеим сторонам, я вайнахов, как русских, люблю! Мириться надо. Нельзя же действительно самостоятельными стать, если твои горы со всех сторон русские равнины окружают!

— Я сам русский вайнах, — мрачно сказал Магомет. — В войну приезжали, говорят: «Ты вайнах? Отдавай сыновей Родину защищать!» А какую родину? Я в Чечне ни одного дня не жил, я в Семипалатинске родился, а всю сознательную жизнь в Царицынской области прожил. Что ж им, за басаевские деньги умирать? Пусть лучше россошских девок тискают. Здесь у них Родина!

— Родина у человека одна, — нравоучительно проговорил Коган. — Вся беда в том, что русские себя тоже богоизбранным народом считают, а наши тесниться не хотят, рядом с Богом и так места мало!

— Вы такие, — сказал густо отец Николай. — Во всем выгоду ищете. Даже в советские времена, когда у нас с Библиями плохо было, вы и на Боге норовили заработать, по таким ценам епархии литературу предлагали, в Аду не увидишь. — Он махнул рукой. — Что с торгашей возьмешь?

— Ишь, раздухарились, — подал голос Коняхин. — Ничего, завтра вас помирят!

— Ссоритесь, — укоризненно сказал Магомет Магометов. — Все ссоритесь. Где трое русских сидят — там ссора, где пятеро пьют — обязательно драка начнется. Зачем ссориться? Стол накрыт, шашлык скоро будет. Надо песни петь, ссориться не надо. Уверовавшие в достатке будут, а кто не уверует — будет в недостаче.

— Уверуешь тут, — саркастически заметил Апраксин. — У тебя — Аллах, у жидов тоже свой жидовской Бог, даже у них, — он махнул рукой в сторону уфологов, — Бог вроде один, да на три лика.

— Если каждый вайнах — бандит, то каждый русский — философ, — засмеялся Магометов. — Всё в страданиях истину ищет. Завтра нам смысл жизни откроется. А что до Бога, то все мы, по сути, одному Богу поклоны бьем, только зовем по-разному.

Выпили еще. Потом принесли румяно-коричневые шашлыки и под них тоже выпили по паре стопок. Попробовали спеть, но песня не пошла. Настроение не соответствовало, хотя и выпито было уже немало.

Первым засобирался Коняхин.

— Спасибо, Магомет, — поднялся он. — Но мне пора. Тепло у тебя за столом, но идти надо.

— Зачем обижаешь? — поднялся и Магомет. — Куда торопишься? Время, проведенное с друзьями за столом, Аллах не засчитывает в срок жизни.

— Пора мне, Магомет, — повторил Коняхин. — Да и Апраксина до дому доведу. Глянь на него, совсем уже никакой. Раскис мужик, голова подушки просит.

— В войну хуже было, — ожил Апраксин. — Сколько оно выпито? Мне такая доза, мужики, как слону дробина. Помню, в сорок четвертом в Польше были мы в местечке... под Белостоком... только от немцев из танковой гренадерской дивизии СС «Фельдхернхалле» отбились...

— Пойдем... мамонт, — сказал Коняхин, и подобие улыбки появилось на его темном морщинистом лице, а брежневские брови диковинно изогнулись, словно буденновские усы. — Там небось твоя старуха уже все бивни в крошку стерла, придешь домой, она тебя маленько за хобот-то потаскает!

Как-то получилось, что все вышли во двор проводить Коняхина с Апраксиным. Солнце стояло еще высоко, но рядом с ним горели миражи, повторяющие облик светила. Три солнца горело в выцветшей синеве небес, и каждое горело не хуже основного. На востоке, там, где находились полигоны Капустина Яра, чуть выше деревьев стояла багрово-черная полоса. Косаря над Царицыном уже не было видно, теперь над городом кружилась стая летающих тарелочек, маленькими металлическими звездочками поблескивая в солнечных лучах. На назойливых мух были похожи тарелочки. Или на пчел, собирающих нектар со степных цветов.

— Ворота жемчужные, — хмыкнул Ворожейкин, не отводя глаз от кружащихся в небе тарелочек. — Стены из ясписа...

Кононыкин смотрел в небо, но сейчас летающие тарелочки абсолютно не занимали его. «А ведь никто не поверит, — обожгла душу внезапная мысль. — Никто. Кара небесная — да, гнев Господень — может быть. Но никто никогда не поверит, что это не кара небесная и не гнев Божий, а просто хорошо продуманное и прекрасно организованное вторжение. Никто ведь не поверит! Легче поверить в то, что сбылись пророчества, нежели в то, что эти пророчества кто-то использует в своих целях».

Коняхин и Апраксин, нетвердо ступая, двинулись по улице. Коняхин пытался придерживать воинственного ветерана, но тот вырывался, доказывая, что чувствует себя великолепно. Они уже скрылись за поворотом, когда Апраксин грянул любимую свою песню о погибших танкистах.

— И дорогая-а-я не узна-ет, каков танкиста был конец! — донеслось до стоящих во дворе.

Магомет Магометов вздохнул, покачал головой и сказал:

— За стол пошли! Махан стынет! Махан горячим хорошо есть, пока вкус мяса не пропал.

«Никто не поверит, — снова подумал Кононыкин. — Никто». — «А сам-то ты в это веришь?» — насмешливо спросил внутренний голос.

Глава десятая

Вечерние сумерки немногим уступали ушедшему дню. Солнце и его миражи скрылись за горизонтом, но набирающая желтую полноту Луна и Полынь-звезда, пылающая на небосводе, заливали мир своим светом, и остальные звезды в серых, кажущихся пыльными небесах почти не были видны. В высоте двигались стремительные разноцветные шары. Они сталкивались друг с другом, разбрасывая снопы искр, сливались, образовывая диковинные дрожащие пузыри, напоминающие мыльные, а на севере уже раскатилась на половину горизонта переливчатая аврора.

Время от времени в поднебесье проплывали помигивающие красно-зеленые звезды идущих в стратосфере самолетов, за которыми стелился характерный раскатывающийся звук, напоминающий далекий гром.

— Вторжение... инопланетяне... — Отец Николай, неожиданно сменивший рясу на легкий кремовый летний костюм и оттого ставший похожим на бородача из кубинского партизанского отряда, недоверчиво хмыкнул. — Все НЛО — суть порождение астрала. Все идет по Божьему замыслу, понимаете? Фантазия у тебя, Дмитрий, разыгралась. Таким, с позволения сказать, фантазерам волю дай, так они все ангельские проявления к инопланетным звездолетам сведут. Нет никакого вторжения, вполне нормальное воцарение Божие происходит.

Они лежали на траве среди ивовых зарослей, окружающих пруд. После гулянки у Магометова Кононыкину и отцу Николаю пришла в голову мысль освежиться, а Ворожейкин отказался, сославшись на головную боль и давление. Вода была просто отличная, потому после купания Кононыкин и отец Николай не торопились в душный номер Дома колхозника.

— Нет, ты посмотри на все непредвзято, — горячился Кононыкин. — Земные передачи они заглушили? Факт, заглушили. Сообщение ихнее — как робот передает. Даже интонации безжизненные. Потом, музыка эта. Композиторы все сплошь знакомые: Гайдн, Бах, Шнитке, Шостакович, а музыка однообразная. Даже если бы они покойниками были и в Аду парились, все равно никто из них до такой нудятины не дошел бы! Призывы подстрекательские доносы друг на друга писать. Даже звезда эта, которая Полынь, и она больше похожа на нарисованную! А ядерные взрывы? Четыре за вторую половину дня. Это как? А истребители зачем в воздух подняли? С ангелами воевать? Или саранчу с небес ракетами сшибать? Завтра с нами и разговаривать никто не станет. Суди-ить будут! Как же! Выбросят на Луну: «Дышите, граждане, как знаете. Ваша планета нужна высокоразвитой цивилизации».

Словно в подтверждение его слов невидимый в высоте истребитель выпустил ракету, и она помчалась к какой-то цели, оставляя за собой инверсионный след, похожий на пластиковую «молнию» белой застежки. Ракета настигла цель, и в небесах вспух огненный клубок, который медленно покатился к черной ждущей земле.

— Видал? — торжествующе сказал Кононыкин.

— А чего там смотреть? — пожал литыми плечами священник. — У нас, Дмитрий, дураков всегда хватало. Да ты сам представь: генерал, власти выше головы, пока к должности шел, все заповеди нарушил... Тут на любые крайности пойдешь, Кремль бомбить станешь, ведь вечные муки впереди. Вон Борис Николаевич, когда понял,

что им с Гайдаркой кранты подходят, родной парламент из танковых пушек расстрелял.

— Блин! — Кононыкин отвалился на спину, глядя в слепое серое небо, по которому перемещались огоньки. — Хотел бы я сейчас космонавтом на станции «Мир» быть. Представляешь, Николай, вся Земля видна, все, что на ней происходит!

— Кстати, о космонавтах. — Отец Николай задумчиво покусывал травину. — Я в свое время с Джанибековым разговаривал. Так вот, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, когда мы еще были на подъеме и запустили станцию «Салют-7», на сто пятьдесят пятый день полета на станции было шесть человек: Джанибеков, Кизим, Соловьев, Атьков, Волк и баба... Светлана Савицкая. Ну, работают, все приборы в норме, вдруг на пути станции облако оранжевого газа неизвестного происхождения показывается. Такое, что людей своим свечением ослепило. А когда зрение вернулось, они, конечно, к иллюминаторам кинулись. А там в облаке семь гигантских фигур виднеются! Натуральные ангелы, понял? И улыбаются радостно. На Земле отчет, конечно, на полку, космонавтам посоветовали язык за зубами держать. Разумеется, никто из них в психушку не захотел. Вот так. А ты говоришь, инопланетяне!

И это еще не конец. У американцев тогда телескоп «Хаббл» за одной галактикой наблюдал. Так вот, именно в то время астрономы засекли на орбите Земли появление семи ярких объектов. А когда снимки расшифровали, то увидели двадцатиметровых ангелов, летящих в открытом космосе. Я с одним американским священником переписывался, он мне про это и написал. Еще в восемьдесят восьмом году. Оказывается, они тех ангелов часто наблюдали. А меня после получения того письма в КГБ вызвали. Полковник Авруцкий со мной беседовал. Я тогда в Питере жил. С американцами, спрашивает, переписываешься? В Бога веруешь? Ну, я, конечно, говорю: «Верую.

Вам-то что? У нас, слава Богу, Церковь от государства отделена, у нас еще Владимир Ильич свободу совести провозгласил». А Авруцкий мне и говорит: «Мне на вас с Владимиром Ильичем насрать, вы с ним в кого хотите веруйте, только если ты бредни эти, что в письме изложены, распространять станешь, то я вас, Чумаков-Мезозойченко, не только от государства, я вас от жизни отделю». Я, говорит, устал уже от вас. Одни о Земле плоской рассказывают, про китов, на которых Земля держится, ахинею несут, другие ангелов зрят, третьи договоры с Сатаной заключают. Вас бы, говорит, собрать всех да на Новую Землю отправить и в скважину для испытательного заряда опустить! Короче, плюнул он мне в душу, взял с меня подписку о неразглашении и посоветовал священнику тому американскому написать, что настоящие советские служители культа хотя и верят в ангелов, но на провокации буржуазной желтой прессы реагируют соответственно и Бога на дешевые сенсации разменивать не станут. Писать я в Штаты, естественно, не стал, но ведь было что-то! С чего бы тому же Авруцкому меня вызывать?

— Может, все оно так и было, — лениво согласился Кононыкин. — Только с чего ты взял, что это были ангелы, а не замаскировавшиеся под них инопланетяне? Ты сам...

Он не договорил. Рядом с ними через заросли ивняка ломилось какое-то живое существо. Оно шумно с присвистом сопело, с треском раскачивая и ломая ветви деревьев. В сумерках был виден силуэт — длинный и громоздкий.

— Что это? — вскочил Кононыкин.

— Тихо! — Отец Николай прижал палец к губам. — Тебе оно нужно? Ползет себе, ну и пусть ползет!

— Посмотреть бы надо, — шепотом сказал Кононыкин.

Отец Николай отрицательно помотал головой, приблизил губы к оттопыренному веснушчатому уху Дмитрия и свистяще прошептал:

— Сожрет!

Кононыкин посидел смирно, однако любопытство пересилило. Осторожно, не вставая с четверенек, он подобрался ближе, раздвинул ветви, но опоздал. Неизвестное животное с шумом ушло в воду, только длинный шипастый, состоящий из костяных сочленений хвост тянулся по траве. Кононыкин завороженно разглядывал его. Хвост казался бесконечным, но это было не так. Неожиданно он кончился большим желтым светящимся глазом с голубым зрачком. Глаз встретился взглядом с Кононыкиным, недоуменно моргнул, потом хвост дернулся, задрался, и глаз оказался на уровне уфологова лица. Некоторое время Кононыкин и животное внимательно разглядывали друг друга. Дмитрий боялся пошевелиться. Глаз приблизился к его лицу почти вплотную, задумчиво поморгал, покачался на кончике хвоста и замер выжидательно. Кононыкин вздохнул и закрыл глаза. Хвост существа опустился, глаз прикрылся темной пленкой века, и существо целиком ушло в воду. Два или три раза хвост плеснул по воде, оставляя на поверхности пруда круги, — и все стихло.

— Блин! — Потрясенный, Кононыкин вернулся к священнику. — Что это было?

— Искушение бухого Дмитрия, — с сухой насмешкой сказал отец Николай. — Ты успокойся, нам с тобой бояться нечего. Ну, сожрет. Все равно ведь на Страшный Суд вызовут.

После появления чудовища очарование и уют полянки померкли.

— Пошли? — стараясь не смотреть в сторону воды, предложил Кононыкин. — Никанор Гервасьевич уже, наверное, заждался. Чаю попьем, все равно спать ложиться уже нет смысла.

— Пожалуй. — Отец Николай встал и принялся деловито отряхивать с костюма сухую траву.

Они пошли вдоль пруда. По проселочной дороге навстречу им, сгорбившись, шагал человек. Человек был в черной матерчатой куртке, в трико и резиновых сапогах. За спиной — рюкзак, на голове — соломенная шляпа. В одной руке человек нес полиэтиленовый кулек, в другой держал чехол с удочками.

Поравнявшись, уфологи узнали Степанова.

— Александр Петрович? — удивился отец Николай. — Куда это вы настропалились?

Степанов по-женски ойкнул, близоруко вгляделся в уфологов, угадал их и облегченно заулыбался.

— Да вот, — почти виновато проговорил он, — рыбки решил половить. Самое время, сазан брать начал.

— Так ведь завтра... — растерянно пробормотал Кононыкин.

— Так то завтра, — перебил Степанов. — Сколько еще времени впереди! С пяток сазанов все равно выхвачу. Чтобы я да последнюю рыбалку пропустил? Ведь такой клев должен быть!

Они поговорили еще немного о житейских малозначащих пустяках, Степанов покурил и, бросив окурок на дорогу, раздавил его резиновым сапогом.

— Ну, пока, — сказал он, поднимая с земли полиэтиленовый кулек и подхватывая удочки.

— Ты смотри, — предупредил Кононыкин, — мы там такую тварь сейчас видели, сожрет и сапог не останется.

Степанов беспечно махнул рукой:

— Хвостоглаз, что ли? Я его вчера видел, длинный, зараза. Метров пятнадцать будет. Глаз из воды выставит и смотрит. С час за мной вчера наблюдал, потом стал рыбу носить. Больше почему-то линьков.

Некоторое время Кононыкин с отцом Николаем смотрели вслед удаляющемуся рыбаку.

— Рыбу она ему носила, — сказал отец Николай.

И засмеялся.

А над неспокойной землей бушевали невидимые вихри. Опять прошел в высоте истребитель в стремительной погоне за невидимой целью. Потом пронеслась по направлению к полной Луне суетливая компания белых пятен. Аврора меж тем захватила уже почти половину небосклона и переливалась нежно всеми цветами радуги, выстраивая никому не понятный узор. На юге, прямо над горизонтом, алела полоска, напоминающая зарю. Время от времени почву сотрясала мелкая продолжительная дрожь, словно Земля просыпалась и сладко потягивалась в истоме.

— Вот будет потеха, — неожиданно сказал молчаливо шагавший по дороге отец Николай. — Поймает Петрович поутру говорящую рыбу, она ему все выскажет про рыбалки его да грехи. Отматит не хуже Апраксина!

С плотины открывался вид на Россошки. Свет горел в окнах почти всех домов, хотя время уже приближалось к полуночи. У дворов темными тенями ходили коровы и козы, у заборов похрюкивали свиньи, а куры кудахтали во сне и шумно возились, стараясь устроиться на неудобных заборах. Вся живность, привыкшая к человеческому уходу и заботе, не торопилась покинуть своих хозяев и родные дворы. Странное дело, но собаки никого не тревожили, молча они бегали друг за другом и лишь изредка какая-нибудь из них садилась на задние лапы и задирала острую морду к Луне, чтобы излить свою тоску и непонимание мира в тревожном долгом вое.

Около колонки слышались голоса, хотя видно никого не было.

— Нажрался гад, — рублено и хрипло говорил кто-то. — Гоняет по двору. Ревет сиреной: «Порублю!» Грызанул его за ногу. Кровь красная, горькая. Губу поранил. Голова теперь разламывается. Где жить?

— М-мои пла-ачут, — отвечал странный шипящий и растянутый голосок. — Ж-жалко, м-молока не да-али. М-мне кушать хочется. Корову прогна-али.

Отец Николай с Кононыкиным подошли ближе и увидели, как от колонки в разные стороны порскнули большой рыжий кот и лохматая дворняга.

— Дожили, — с горечью сказал отец Николай. — Животные и те заговорили. Какие уж тут инопланетяне!

Глава одиннадцатая

Быть или не быть — вот, оказывается, в чем скрывалась вопрос.

И такая от раздумий тоска накатывала, что с каждым часом, приближающим печальную развязку, бравада с Кононыкина спадала, как шелуха, оставляя место хмурой сосредоточенности. Инопланетяне это или все-таки сам Бог решил разобраться со своими непослушными созданиями, по сути дела, разницы не было. Размышлять об этом было все равно что прикидывать, от чего легче помереть: быть повешенным или попасть под электропоезд?

Ворожейкин сидел у окна, делая вид, что наблюдает за таинственными звездочками, суетливо мерцающими в высоте. Но было видно, что мысли Никанора Гервасьевича неопознанные летающие объекты сейчас ни в коей мере не занимают. Вспоминал Николай Гервасьевич прожитую им жизнь, вспоминал и хмурился. И пил крепкий чай, заваренный по старинному зэковскому рецепту до вязкой черной густоты.

Отец Николай лежал на кровати и читал Библию. Кононыкин не видел, на какой странице она открыта, но тут и гадать не приходилось — что еще священник мог читать, кроме Апокалипсиса? Николай что-то недовольно ворчал себе под нос, возвращался по тексту назад, словно хотел найти уязвимое место и с облегчением убедить-

ся, что все написанное — просто не заслуживающая внимания фантазия человека, отчаявшегося от бесполезной борьбы за человеческие души. Изредка он что-то бормотал, то ли соглашаясь с мыслями Иоанна, то ли протестуя против них.

Кононыкин лег, глядя в потолок, и попытался представить, как будет происходить всеобщее восхождение к престолу Бога, но так и не смог, потому что внезапно вспомнился Коган с его рассказом, и Дмитрий зримо представил себе пыльную дорогу, устремляющуюся в бесконечность, миллионы усталых людей различного возраста, движущихся по ней, и улыбающихся ангелов в белых одеяниях вдоль дороги с херувимами на поводках. Морды у херувимов были львиными, и они загребали всеми шестью когтистыми лапами, нецензурно рыча на людей.

Дмитрий помотал головой, отгоняя видение, и сел. Кровать под ним жалобно вскрикнула.

Закончен бал. Погашенных свечей
ряды белы, как чьи-то злые кости,
хранящие изгиб былых плечей,
и блеск очей еще дрожит на воске, —

продекламировал он и почувствовал, как фальшиво прозвучал его голос в ночной тишине, заполненной их бессонницей.

Ворожейкин повернулся от окна, зло хлопнул себя ладонью по колену.

— Обидно, — сказал он. — Я вот все думаю: неужели через три-четыре часа все кончится? Встанет солнце над пустой землей, будут по-прежнему течь реки, стоять дома, в которых уже некому будет жить... Тогда ради чего существовало человечество? Зачем мы пришли в мир? Чтобы в один день взять и исчезнуть? Но это несправедливо! Должен ведь быть какой-то смысл в нашем существовании!

— А нас предупреждали, — пробасил отец Николай, облегченно захлопывая книгу. — Предупреждали, Никанор Гервасьевич! Нам объясняли, что от нас хотят. Вдалбливали тысячу лет — возлюбите, дети, возлюбите, твари! Не возлюбили. Что ж теперь дергаться? Кого винить?

Кононыкин подошел к столу, налил себе в стакан воды.

— С нами по крайней мере, — сказал он, — честнее поступили, чем мы с тараканами, скажем. Ползет таракан по своим делам, а мы его — р-раз тапком! Нет чтобы объяснить ему, дураку усатому, — не ползай по кухне, запрещено тебе это. Нет, мы его без уговоров, сразу к высшей мере приговариваем. А Бог действительно милосерднее, сам на землю спустился, за грехи пострадал человеческие, объяснил, как нам надо жить. А только потом, когда мы не поняли, он нас, значит, тапком по земле и размажет. Все по справедливости!

— Не кощунствуй, — сухо сказал отец Николай.

— Господи! — Димка принялся натягивать кроссовки. — Как мне все это надоело! Чуть что — не юродствуй, не кощунствуй, пристойно себя веди! Не прикалывайся, чти старших, они, блин, умнее! Вот с этого фарисейства и начинается падение, мужики. Думаешь одно, а говоришь совсем другое. Ненавидишь в душе подлеца, а в глаза ему — здравствуйте, Акакий, как себя чувствуете, Акакий Акакиевич? Коля, если бы тебя пьяная шпана из хулиганских побуждений сейчас бы живьем в могилу закапывала, ты все равно бы их уговаривал вести себя пристойно? Ни слова бы резкого им не сказал? — Он махнул рукой. — Тут не то что кощунствовать, тут волком выть впору!

Злоба жила в Кононыкине, ярость жила в нем. Ярость и злость от осознания собственного бессилия.

— Ты, Коля, мхом зарос. На хрен тебе Библия? Что ты там хочешь вычитать? Ну спасешься ты, спасешься! Ты же у нас верующий, ты в Царствие Небесное точно попадешь, будешь там, бляха-муха, на арфе тренькать и псалмы распевать! Ты-то чего волнуешься?

— Ты куда? — спросил отец Николай, пропустив яростные выпады мимо ушей.

— Да куда угодно! — Кононыкин торопливо зашнуровывал кроссовки. — Сидим здесь, блин, как в склепе! В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов! — Он выпрямился. — Тошно мне, понял? Не могу я здесь сидеть! Чего, спрашивается, сидим, чего ждем? — Он подошел к двери. — Да плевать мне на эти справедливые судилища! Праведник, блин, выискался. Ему бы свою морду в зеркале увидеть, тупой небось, как Клинтон!

Он вышел, захлопывая за собой дверь.

— Молодой еще, — сказал Ворожейкин. — Кому в таком возрасте умирать хочется? Вот и бесится!

— Умирать в любом возрасте не хочется, — вздохнул отец Николай. — И все равно он не прав...

— Не прав в чем? — поинтересовался Ворожейкин. — В том, что ведет себя подобным образом? А если он прав в том, что это действительно не Божий суд приближается, а всечеловеческое истребление?

— Да вам-то какая разница! — разозлился священник. — Одержание, как у Стругацких, наступает. И никто не знает, как с этим можно бороться и можно ли вообще бороться! Что мы в наших Россошках сделать сможем? Саранчу тракторами передавить? На ангелов с серпами и косами броситься? Нам и не остается больше ничего — только ждать. Ждать и надеяться. Или у вас, Никанор Гервасьевич, другие предложения есть?

— Есть, — сказал Ворожейкин. — Пойдемте, Николай, погуляем? Дмитрий был прав: у нас тут не то келья, не то казарма солдатская. Портяночный дух стоит. Пойдем, дружище, на воздух. Всего два часа осталось!

Они вышли. В небе широкими разноцветными лентами раскатывалось северное сияние и кружились в фантастическом хороводе разнокалиберные шары невероятных расцветок. Как газовые пузырьки в гигантском стакане.

Кононыкин шел по улице. Улица была довольно многолюдной, но тихой. Во многих домах горел свет. Во дворе Поликратова слышался пьяный голос хозяина:

— Вот козел! Ну, написал бы обтекаемо, так нет, к работе относился халатно, с товарищами по работе вступал в конфликты, пьянствовал на рабочем месте... Даже написал, что ворую! Это он за мешок комбикорма меня перед Господом и его ангелами опустил! Ничего, ничего, мы еще встретимся! Он думал, что в рай попадет. А хо-хо по ху-ху не хочешь? В одном котле париться будем! Я тебя, козла, еще в кипяток кунать буду! Я еще костер под твоим котлом разведу!

— Аким, Аким, — укоризненно и быстро говорила жена. — Ты бы поостерегся, Бог ведь он все слышит! Да и люди вокруг...

«Неймется ему, — подумал Кононыкин со злой веселостью. — А ведь такие, как Поликратов, и Богу, пожалуй, мозги закомпостировать могут. Вывалит в Небесной Канцелярии ворох справок, еще и звание ветерана Армагеддона получит. Бывают же вот такие неукротимые!»

— Гуляешь, Дима? — окликнул его кто-то.

Кононыкин обернулся. Тонкие, стройные, в спортивных костюмах, к нему подходили Юра и Катя Лукины, по-детски держась за руки.

— Привет, — сказал он. — Куда это вы собрались?

Лукин пожал плечами:

— Никуда. Просто дома слишком грустно. Пойдем по степи и будем идти, пока все не кончится. Бог за нас, Дима.

— Конечно, — с легкой завистью вздохнул Кононыкин. В конце концов, и в несчастье можно оставаться счастливыми. Вот эта парочка будет думать друг о друге в свой последний миг. А о нем, Кононыкине, думать никто не будет. Некому о нем думать. Анджелка небось уже вкололась, кайф щемит, и все ей по фигу, и Страшный Суд,

и кара небесная, а уж сожителя своего она и не вспомнит, не до того ей будет! За них Бог, и сами они друг за друга, а вот он, Кононыкин, один, и некому быть за него. Жизнь так сложилась.

— Мы пошли? — сказал Юра.

— До свидания, — вежливо сказала Катя.

Кононыкин долго смотрел им вслед, чувствуя легкое сожаление и тоску. Легкие фигуры Лукиных скрылись в сером сумраке улицы. «Вот и все, — неизвестно почему подумал Дмитрий. — Вот и все...»

Он вернулся к Дому колхозника.

На скамеечке около забора, трещащего от разросшейся сирени, сидели двое.

— Одно мне жалко, — послышался бас отца Николая. — Плохо верил. Надо было верить истово, а я сомневался, колебания допускал. Суда я не боюсь, что мне с него? А вот сижу и думаю: правильно ли жил раб Божий Николай? Это ж тоска, а не жизнь была. Серость, Никанор Гервасьевич, такая серость, что грусть одолевает. Екклезиаст сказал: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его. Суета сует, все — суета».

— Да подождите, Николай, — мягко и утешающе отвечал Ворожейкин. — Я все думаю: а вдруг Дмитрий прав? Вдруг это вторжение?

— Тогда еще более обидно, — вздохнул священник. — Обуздать вожделения и помыслы, уверовать и не дождаться. Что может быть горше?

Они замолчали, и Кононыкин не стал подходить к ним. Медленно он прошел по улице и вышел на дамбу, стелющуюся вдоль пруда. Углубившись в размышления, он шел по дамбе в серую пустоту. На востоке вставали исполинские тени, но Дмитрий боялся вглядываться в них. Каждый мог представить себе в этих тенях нечто знакомое по откровениям Иоанна Богослова.

В ивовых кустах по-над плотиной послышался негромкий говор, и это привело Дмитрия в чувство. На берегу,

расставив ноги в резиновых сапогах, сидел Александр Петрович Степанов. Рядом с ним, вытянув хвост и немного похожую на лошадиную голову, плескался в воде хвостоглаз, заглядывающий в лицо Степанова всеми тремя глазами.

— Эх ты, дурашка, — говорил Степанов. — Мелочь это все, мелочь. Здесь такие сазаны водятся, что и не вытащишь порой, но их только на закидные взять можно. На вареную картофелину.

Хвостоглаз тихо урчал. Видимо, соглашался.

Кононыкин улыбнулся и продолжил путь. Он не знал, куда идет и зачем, только осознавал, что должен идти, должен двигаться, потому что движение рождало ощущение продолжающейся вечной жизни. Надо было идти, пока не кончился завод у космической игрушки, именуемой Землей.

В небе над его головой полыхали зарницы, раскатывались огненные шары, сверкали молнии — зыбко и призрачно в залитых утренним туманом сумерках, все вокруг дрожало от падающего с небес гула. Восток уже алел, высвещая четыре грозные исполинские фигуры, но точно так же горели и все остальные стороны света, словно солнце вставало сразу со всех четырех сторон. Срывались с небес, космато сгорая в атмосфере, звезды. Завывая, неслись к земле горящие обломки самолетов. И не понять было, то ли над просыпающейся Землей действительно шел бой с инопланетными силами вторжения, то ли грешники, убоявшиеся Страшного Суда, вступили в последний и страшный своей безнадежностью бой с воинством непостижимого неведомого Создателя, когда-то вдохнувшего в них столь яростный и непокорный Дух.

Волгоград,
апрель 1999 года

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

МЕНТ ПИШУЩИЙ

Вообще-то я ментов не люблю. Однако есть среди них драгоценное исключение, редчайший подвид: мент пишущий. Ареал его обитания обширен, но чаще всего эти кандидаты в Красную книгу встречаются в детективных джунглях и дремучих зарослях фантастики. И, странное совпадение, все они (во всяком случае, те, кого я знаю) — прекрасные авторы и душевные люди. Впрочем, живая природа щедра на подобные чудеса. Разве не дивно, скажем, что из уродливой куколки появляется на свет прекрасная бабочка!

Волгоград — город не слишком большой. Тем не менее с творчеством Сергея Синякина я познакомился раньше, чем с ним самим. Случилось это в начале перестройки. Запорхала в разговорах некая фразочка, изрекаемая с издевательской торжественностью: «И наступила Эра Свободного Кваканья». В конце концов я не выдержал и спросил: «Кого цитируете?» Оказалось, Синякина. «А кто такой Синякин?» «Да майор милиции. Сказку написал. Из болотной жизни». Фразочка мне понравилась. Звучала она хлестко и по тем временам чертовски смело. У автора, говорят, были неприятности.

Впрочем, они у него всегда были. Один раз Синякина даже выгоняли из партии. Но не выгнали, потому что не смогли отыскать личное дело. Да и как бы они его, спрашивается, отыскали, если Синякин никогда в партии не состоял?

Своообразная, своеобразная личность... Меня всегда поражало: когда ж он пишет-то? Ну ладно, допустим, сидел бы Сергей в экспертизе, кропал бы на досуге что-

нибудь псевдоуголовное, как это принято у экспертов... А то ведь опер! «Убойный» отдел! Что ни день — выезд «на труп»! Ловит за маньяком маньяка, чуть ли не на дом работу берет! Во где фантастика-то...

Хотя другого за подобные сказочки из болотной жизни давно бы уже со службы поперли.

Кстати, о фантастике. Кроме фантастики, Сергей Синякин вообще ничего не пишет. Разве что протоколы...

Году этак в девяностом (или около того) у Сергея выходят в Волгограде две книжки, после чего Синякин на десять лет исчезает с издательских горизонтов. И вот год двухтысячный. «На втором Московском форуме фантастики Синякину вручают приз читательских симпатий «Сигма-Ф» за опубликованную в журнале «Если» повесть «Монах на краю Земли». Спустя неделю-другую в Зеленогорске (под Питером) за ту же повесть он получает «Бронзовую улитку» и «Интерпресскон». Дубль! Сенсация! И тут же все зашумели, заговорили о триумфальном возвращении Сергея Синякина в литературу...

Да не было никакого возвращения! Он никуда оттуда и не уходил! Просто человеку все эти десять лет дьявольски не везло с публикациями. А он не отчаивался. Пахал как черт. Работал в стол, даже не задумываясь над тем, будут ли его повести и рассказы когда-либо напечатаны.

Пересказывать их я не собираюсь. Сами прочтете. Сами оцените этого удивительного и, что самое редкое, не сгубленного рынком автора, для которого главное — не в том, чтобы пощекотать публике нервы, а в том, чтобы понять, как же все-таки, черт возьми, наша с вами жизнь устроена.

Да! Чуть не забыл! Недавно подполковник Синякин вышел в отставку, и свободного времени у него теперь — навалом. Так что читать нам не перечитать...

Содержание

Владычица морей 5

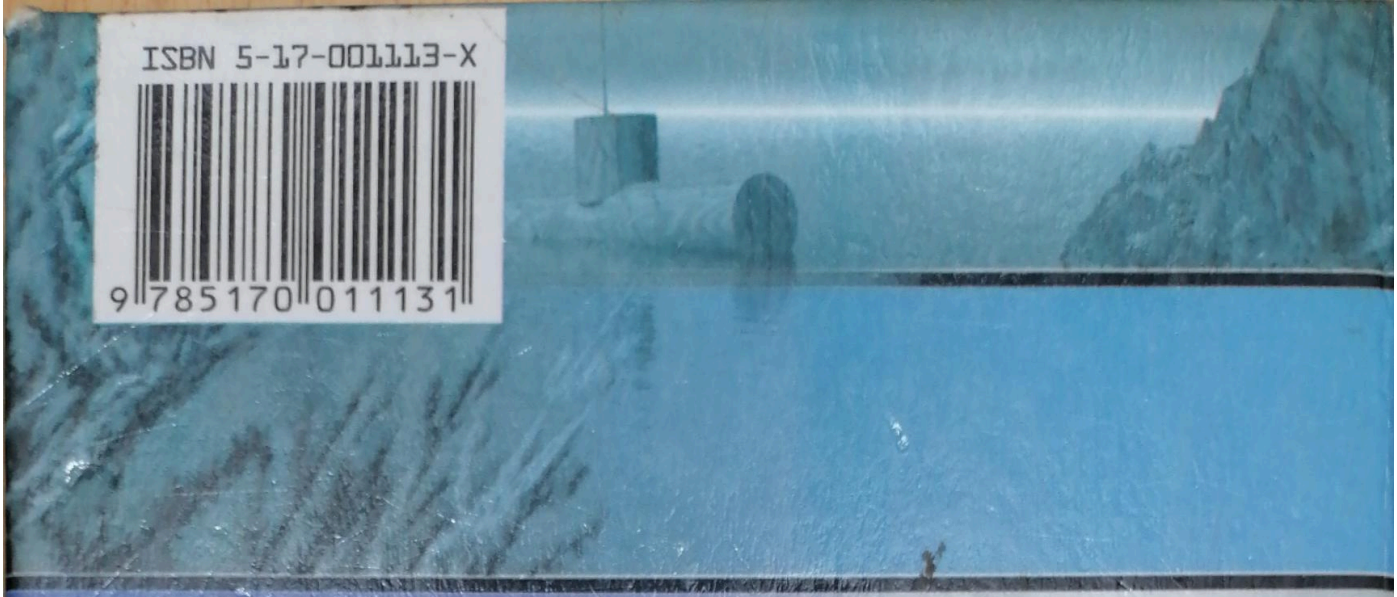
Феникс 193

Скучный вечер на Марсе 273

Время Апокалипсиса 319

Евгений Лукин. Мент пишущий 411

ISBN 5-17-001113-X
9 785170 011131



Новая работа автора «Монаха на краю земли»!

Это — история невероятная, и что еще невероятней — правда в ней, как говорится, все — от первого слова до последнего... или почти.

Это — «Владычица морей». Это — немыслимые приключения в глубинах морских и озорной юмор, это — одновременно «Двадцать тысяч лье под водой» и «Петр Первый» от фантастики.

ТАКОЙ научной фантастики вы еще не читали!

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ